

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**Nº 1–2 2017
January–February**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2017**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 1–2 2017 (January–February)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Busch Petra, Austria, Doctor of Economics

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolub Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Aygul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnychuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shhahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria

E-mail:

info@ew-a.org

Homepage

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

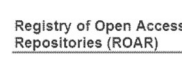
Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the "East West" Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

History and archaeology

История и археология

UDC 9.94(575)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-3-7>O.V. Makhmudov¹¹ Fergana State University, Fergana, Uzbekistan

SOME REASONS ABOUT EMPLOYEES OF THE TRANSLATOR DOMINGO GUNDISALVO IN TOLEDO SCHOOL

Abstract

Objective: To make essential amendments on the identity of employees of Domingo Gundisalvo.

Methods: comparison, generalization, analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: based on careful analysis of the scientific literature devoted to history of the translations in Spain in XII–XIII centuries, essential amendments purpose of which is elimination of some mistakes and absurdities about the identity of employees of Domingo Gundisalvo in Toledo school of translators.

Scientific novelty: in article on the basis of the presented methods, is established the identity of employees of Domingo Gundisalvo as Ibn Daud and Juan Hispano, and also their activity is characterized.

Practical significance: the main results and conclusions of article can be used in scientific and teaching activities when studying history of the Toledo school, and history of the Medieval Ages.

Keywords: The Toledo School, translator, employer, Domingo Gundisalvo, Ibn Daud, Juan Hispano, mistakes, absurdities.

INTRODUCTION

When talking about the Medieval Age, one of the most unknown details of the period is its importance to the development of knowledge and science in Europe. The continent experienced a cultural impulse due to the labor of the School of Translators of Toledo. This historical period is characterized by a strong intellectual obscurantism, which supposed a huge restriction on the diffusion of knowledge and information. Due to this obscurantism, most of the Greek and Oriental texts about Philosophy, Medicine, Mathematics and Astronomy were unknown in Europe and its universities, which mainly based their doctrines on Latin texts.

The appearance of the School of Translators between the 12th and 13th centuries meant a complete revolution for European knowledge. Several universities from Eu-

rope experienced an unprecedented impulse in literary, astronomic, medical and mathematical scopes due to the institution. Even so, although the labor of European universities has been strongly recognized, some people are not aware of the role that the School has had in this development [10, P. 13].

It was precisely this lack of awareness that led us to write this paper as well as the contradiction around a specific figure related to the School of Translators: the main contributor of Domingo Gundisalvo (who was another of the main translators of the period). It was brought to our attention that, although there were several theories around his identity, there was not an agreement on the issue, and the topic still remained unclear. Due to this lack of agreement, we will analyze the most important theories and, after comparing them, we will reach a conclusion.

RESULTS OF A RESEARCH

Although the historical periods of the School of Translators of Toledo have been clearly identified through history, the identity of some of the most important translators who composed it, such as Gundisalvo's contributor, still remains unclear. This fact makes really complicated to give to these translators the deserved recognition of their works, and their labor within the institution and Europe too.

Domingo Gundisalvo, who was one of the most important figures during the Periodo Raimundiano and has been clearly and irrefutably identified, however, there are a lot of theories around the real identity of his contributor, but none of these theories are truly reliable [9, P. 110]. Considering this, all the information obtained on the topic was separated into two parts: the first part was composed of the information that was, for sure, real and reliable. The second part consisted of theories or articles whose details did not coincide between them or others that did not gather evidence, which could support them. All these theories were compared in order to get the most possible and accurate conclusions.

What was considered as reliable information was the fact that there was an important contributor of Gundisalvo and that this tandem of translators worked under the patronage of Don Raimundo. Another reliable fact was that this character has been considered throughout history as one of the promoters of translation activity in Toledo, due to his aim of transmitting Avicenna's doctrine. Finally, the most relevant information about this figure was that his knowledge of Arabic was really high and he could speak Romance but not Latin (the main reason for which he worked with Gundisalvo).

Another aspect that has been highly taken into account during this investigation is the multilingual condition of Toledo of those times. This multilingual atmosphere could lead to phonetic and graphic corruption of words and names. A word pronounced by a Christian and an Arab would sound different depending on who was pronouncing it. A variation in the pronunciation could lead to a different way of writing that specific word. The result was that there could be a lot of different versions of the same word or, in this case, of a name.

Finally, the last point that must be considered was the possibility of confusion due to homonymy. The most common theory around the identity of this character is that his name was Juan Hispano. The name of Juan was, if any, one of the most common names during those times

because its relation with the Bible, and this fact made the project even more difficult, giving the fact that the School of Translators was mainly composed and supported by clergy men and many of them were called Juan.

The name of Ibn Dawud

Ibn Dawud is another character that has always been associated to Juan Hispano and he must be analyzed because, apparently, both characters were the same person.

At the same time, the name of Ibn Dawud has always been linked to another similar name: Avendahuth. It is necessary to clarify this question before going deeper into the investigation of this figure. Some theories state that these two characters, Ibn Dawud and Avendahuth, were different people. Others suggest that Avendahuth was, indeed, a derivation of the name of Ibn Dawud. In "Sobre la Escuela de Traductores", by Ma-Teresa Garulo, she supported the same theory too: "Juan Hispano converted Jew named Avendahut, corruption for Ibn Dawud" [7, P. 9].

Moreover, there is another similar theory, given by Alexander Fidora: he suggests that Avendahuth is, indeed, the Latin version of Ibn Dawud [5, P. 481].

Nevertheless, what is irrefutable is that Ibn Dawud and Avendahuht were the same character. However, this figure is so important because it has been related to Juan Hispano throughout history, and some theories support that they were the same person. Other theories suggest that Ibn Dawud was a different translator who also collaborated with Gundisalvo [12; 14; 17; 20].

This research project will try to clarify the issue, examining the former theories around it, firstly considering John Hispano as Gundisalvo's contributor.

Ibn Dawud was Juan Hispano but not Juan Hispalensis

According to Alonso, these two names referred to the same person: Ibn Dawud was Juan Hispano. He claims that there was an Israeli philosopher known as Ibn Dawud that changed his name after his baptism into Juan Ibn Dawud. This figure used the name of Hispanus instead of the name of Israeli [1, P. 162]. Other authors, such as Gil [8, P. 31], Lomba [15, P. 46] or Ma-Teresa Garulo [7, P. 9], also support this theory.

In the investigation about Juan Hispano, Alonso stands out another important detail that has caused a lot of difficulties when trying to identify the contributor of Gundisalvo. The figure of Juan Hispalensis was another translator who was commonly mistaken with Hispano. Alonso states that Hispano and Hispalensis were two

different people with a homonymic name and a similar surname. People tend to identify Hispalensis with Hispano and, according to what Alonso says, this identification is wrong: Johannes Hispalensis was an astrologist and astronomer, who lived in Andalucía (that is why he was known as Hispalensis, Juan de Sevilla or Juan de Luna). Moreover, Hispalensis had a high knowledge of Latin language and he could translate on his own. In contrast, Juan Hispano (apparent contributor) needed Gundisalvo for translating into Latin because, as Alonso assures, Hispano did not have enough knowledge to translate into Latin without help. This theory is also supported by Brasa [4, P 582] or Hayyek: “he did not know the educated Latin, but he knew the vulgar one, as well as he knew the technical philosophical Arabic with more perfection than any other of the translators” [11, P. 220].

Alonso continues his investigation, finding out that the works of the translator from Andalucía, dealt more with Astronomy and Astrology, and they were translated before 1136; on the other hand, the translations made by the tandem Gundisalvo-Hispano, were about Philosophy and were published later than 1138. In addition, Don Raimundo, patron of Gundisalvo and Hispano, is mentioned in the works of the tandem, but not in Hispalensis.

In his works, Alonso provides information about the ecclesiastic career of Juan Hispano too. According to him, he was named the substitute for Don Raimundo when this died. After that, he became the Archbishop of Segovia and, later on, Archbishop of Toledo. We did not realize of the importance of these facts until later, because this information was the key for determining important points of the investigation.

Considering these facts and the whole agreement on this topic amongst Alonso's theories and many authors, it seems that Hispano and Hispalensis were different characters who have been confused throughout history by their homonymic names [19, P. 42]. However, the rest of the data given by Alonso has turned out to be inaccurate.

After reading Alonso's work, we went to the Cathedral Archive in order to look for evidences. First of all, we tried to look for a document that proved the conversion of Ibn Dawud to Christianity: a baptism record or a document that mentioned this conversion. However, anything was found. Given the fact that this translator lived in a period where faith determined even the area of the city someone was living in, we may venture to say that, given the fact that any official document, which supported this conversion, was found it is very difficult to consider this theory as real.

In respect of the translator's ecclesiastical career mentioned by Alonso, during my visit to the Archive we found several inaccuracies, which will be exposed below, that do not coincide with the theory exposed by Alonso. This fact made us to continue with the research, which led us to analyze another theory related to this figure.

Ibn Dawud was not Juan Hispano

Despite the fact that most of the sources support that Ibn Dawud was Hispano, others distinguish them as two different men, supporting that Gundisalvo could have worked with two contributors. We focused on these other articles too, because of some evidences that were found in the Cathedral Archive. These new evidences supported the new theory in a more reliable way than the previous theories given by Alonso.

The first time that we found the name of Avendahuth as contributor of Gundisalvo (instead of Juan Hispano) was in Gil's book, when he mentioned a team formed by Gundisalvo — Avendahuth, who worked together from 1130 to 1150 [8, P. 31], under the patronage of Don Raimundo. According to Gil, the whole name of Avendahuth was Iohannes Avendahuth Hispanus. If we consider that Avendahuth is a derivation of Ibn Dawud and that, according to Alonso, Ibn Dawud adopted the name of Juan when he became a Christian, we could say that Iohannes Avendahuht Hispanus was, indeed, Ibn Dawud.

However, Gil also quotes M. T. Alverny's suggestion: Avendahuht was a Jewish-Hispano (because he lived in Hispanic lands), whose real name was Abraham Ibn Dawud. He came from a really relevant Jewish family of Toledo. When he moved to Cordoba in order to go to University, he focused his studies, mainly, on the Neoplatonism of Avicena. In 1148 he came back to Toledo, and he started translating the Arabic works that he had studied in the University into Latin with the collaboration of Gundisalvo [8, P. 33].

Alexander Fidora, another author who worked on the issue, describes Avendahuth as the Jew philosopher of M. T. Alverny. He states that history has had the tendency to identify Ibn Dawud (Avendahuth) as a Jew converted, who adopted the name of Juan (this is the theory supported by Alonso). However, the archivist affirms that there is not an evidence of this conversion and this association was made due to an incorrect reading of the dedicatory in the translation of “De Anima” by Avicenna. This dedicatory was made for John, archbishop of Toledo [5, P. 481].

At the same time, this very translation has always been attributed to Juan Hispano (considering Hispano as Ibn Dawud/Avendahuth) and Gundisalvo. Thinking over what Fidora says, the name of Juan was a leak which was wrongly associated to the name of Abraham Ibn Dawud. We may then say that the translation of *De Anima* was carried out by Gundisalvo and Ibn Dawud (Avendehuth), but not by any Juan Hispano.

In addition, if we gather all the information, what we know is that Ibn Dawud was a philosopher expert on Avicenna, just as the Abraham Ibn Dawud mentioned by M. T. Alverny [3, P. 19]. We assume that Ibn Dawud and Abraham Ibn Dawud were the same person, not only because of the similarities between their names, but because of their personal similarities (both were philosophers, experts on Avicenna and Arabic language) are so high that it is really difficult to believe that two different people can share have so much in common.

Putting all these details together, the conclusion is that Ibn Dawud (Avendahuth) and Abraham Ibn Dawud was the same person: a philosopher, expert on Avicenna, who translated *De Anima* together with Gundisalvo. He was the most qualified person to carry out this translation, because he went to the University in order to study the philosophy of Avicenna.

Another theory that will be analyzed at this point of the paper is Juan Francisco Riviera Recio's in his article *Nuevas Notas sobre Gundisalvo y Juan Hispano*. He supports the theory that Abraham Ibn Dawud "belonged to the previous generation to Hispano" [18, P. 279] and he was the professor of Gundisalvo. Ma-Teresa Garulo speaks about an Ibrim b. Dawud as the teacher of Gundisalvo too [7, 110]. We considered this theory as true and that Garulo was referring, indeed, to Abraham Ibn Dawud. These testimonies can confirm, in a certain way, the origins of the link between Ibn Dawud and Gundisalvo. Finally, we have to consider the fact that Riviera was a canonical man that worked in the Cathedral Archive of Toledo so, nobody but him could do a better investigation within the Archive. That is why this testimony has been considered the most reliable on this paper.

Considering all the data about Ibn Dawud and Abraham Ibn Dawud, we would affirm, that Abraham Ibn Dawud (also known as Ibn Dawud and Avendahuth) was the main contributor of Gundisalvo. However, he has always been mistaken with a character called Juan, because of a misunderstanding. However, there was person called

Juan who was contributor of Gundisalvo too. This Juan turned to be the same Juan mentioned by Alonso, but with a slightly different ecclesiastical career.

CONCLUSIONS

Considering the results of the analysis of the previous theories, we support the theory given by Fidora, Alverny and Riviera Recio: the most important contributor of Gundisalvo was Abraham Ibn Dawud (Avendahuth) and not Juan Hispano, as it has always been believed. The evidence that Abraham Ibn Dawud and Juan Hispano were different characters, as well as the coincidences between the main contributor of Gundisalvo and the Jew Abraham Ibn Dawud described by the authors previously mentioned, are so apparent that it is almost impossible to believe in the other theory about a Jew person who was converted, adopting the name of Juan, becoming archbishop of Segovia and Toledo (data which has turned to be a wrong information, because there were not such archbishops) in few years.

In addition, the lack of a baptism record or other documents related to the conversion, made partially impossible to consider the theory of Alonso as real. Abraham Ibn Dawud, however, joined the qualities that are described when talking about Gundisalvo's main contributor. The Juan Hispano proposed by Alonso has been based on generalized mistakes and presumptions, in addition to some wrong information, while the theory proposed by M. T. Alverny, Fidora and Riviera Recio has been supported by real documents which are recorded in the Cathedral Archive.

To summarize, throughout this investigation, we have tried to clarify the question concerning the main contributor of Gundisalvo: this contributor (who seemed to be John Hispano at the beginning) was, indeed, the Jew Abraham Ibn Dawud, a recognized expert on Avicenna's theories, which made the tandem Gundisalvo — Avendahuth famous (remember that Avendahuth is Ibn Dawud too). However, because of a possible wrong interpretation of a dedication, his identity was mistaken and mixed with a figure that also had some relation with Gundisalvo. This new figure was a canonical man, called Juan, known as Maestro Iohanness or Juan Hispano, who was Dean of the Cathedral, Archdeacon of Cuellar and, lately, Archbishop of Segorbe (city near to Segovia, which could help to confuse the investigation of Alonso). This Maestro Iohannes was a translator too and he worked with Gundisalvo, but not on as many occasions as Ibn Dawud did.

References:

1. Alonso M. Notas sobre los traductores toledanos Domingo Gundisalvo y Juan Hispano//Al-Andalus. Revista de las Escuelas de Estudios árabes de Madrid y Granada. – Vol. 7. – 1943. – P. 155–188.
2. Alonso M. Traducciones del arabe al latin por Juan Hispano//Al-Andalus. Revista de las Escuelas de Estudios árabes de Madrid y Granada. – Vol. 17. – 1952. – P. 129–151.
3. Alverny M-T d'. Avendauth?//Homenaje a Millás-Vallicrosa. – Vol. 1. – 1964. – P. 19–43.
4. Brasa D. Las traducciones toledanas como encuentro de culturas//Estudios filosóficos. – Vol. 23 (67). – 1947. – P. 129–589.
5. Fidora A. La Escuela de Traductores//La Catedral Primada de Toledo, dieciocho siglos de Historia. – 2010. – P. 480–483.
6. Foz C. Bibliografía sobre la escuela de traductores de Toledo//Quaderns: revista de traducció. – Vol. 4. – 1999. – P. 85–91.
7. Garulo Ma-T. Sobre la Escuela de Traductores de Toledo//Islam español. – Vol. 18. – 1973. – P. 5–18.
8. Gil J. La Escuela de Traductores de Toledo y sus colaboradores judíos. Toledo: Salamanca, – 1985. – P. 189.
9. Gil J. S. The translators of the period of Don Raymundo: Their Personalities and Translations (1125–1187)//Rencontres de cultures dans la philosophie médiévale. Traductions et traducteurs de l'Antiquité tardive au XIVe siècle. – 1990. – P. 109–119.
10. Haik S. Escuela de Traductores: Toledo despensa cultural de occidente. Madrid, – 1990. – P. 105.
11. Hayyek S. Escuela de Traductores. Toledo despensa cultural de Occidente//Islam español. – 1990. – P. 219–220.
12. Henelde Abecasis R. Escuela de Traductores de Toledo. Pasado y presente//Raíces, Revista judía de cultura. – Vol. 35. – 1998. – P. 28–41.
13. Hourani G. F. The Medieval Translations from Arabic to Latin Made in Spain//The Muslim World. – Vol. 62. – 1972. – P. 97–114.
14. Lemay R. Dans l'Espagne du XIIe siècle. Les traductions de l'arabe au latin//Annales Economies, Sociétés, Civilisations. – Vol. 18 (4). – 1963. – P. 639–665.
15. Lomba J. La llamada Escuela de Traductores de Toledo. Madrid: Los Berrocales del Jarama, – 1997. – P. 152.
16. Millás Villacrosa J. M. Las traducciones orientales//Manuscritos Biblioteca Catedral de Toledo. Madrid, – 1942. – P. 85–99.
17. Piazza B. A. La Escuela de Traductores de Toledo: presente, pasado y futuro//Nuestra realidad Educativa. – 2003. – P. 123–129.
18. Rivera Recio J. F. Nuevos datos sobre los traductores Gundisalvo y Juan Hispano//Al-Ándalus: Revista de las Escuelas de Estudios árabes de Madrid y Granada. – 1966. – Vol. 31. – P. 267–280.
19. Robinson M. The Heritage of Medieval errors in the Latin Manuscripts of Johannes Hispalensis (John of Seville)//al-Qantara. – Vol. 28. (1) – 2007.
20. Torre E. La Escuela de Traductores de Toledo, Teoría de la traducción literaria. Madrid, – 1994. – P. 138.

Information about the author

Otabek Valijonovich Makhmudov, the senior scientist-researcher of the Chair of History, Fergana State University.
 Address: 19 Murabbiylar Str., 150100, Fergana, Uzbekistan. tel.: + 998 (91) 1070880
 E-mail: bekmakhmudov@mail.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9897-2796>

Linguistics

ЛИНГВИСТИКА

UDC 81-22

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-8-13>M. Janku¹¹ *University of Tirana, Faculty of Foreign Languages, Tirana, Albania.*

THE TEACHER, AS A CULTURAL MEDIATOR BETWEEN TWO LANGUAGES

Abstract

Objective: presenting an overview of the importance and role of teachers in intercultural learning of foreign languages

Methods: generalization, observation, theoretical cognition.

Results: The article shows that, the teacher of a foreign language should be a cultural mediator between language A (native language) and language B (foreign language), and not just a transmitter of knowledge. The teacher achieves this through vocational qualifications and experience acquired in a foreign culture.

Scientific novelty: The article presents the impact of intercultural elements and their importance in the embezzlement of a foreign language by students. Through intercultural learning, it is aimed to achieve a multidimensional personality development of the student, by placing it in actual intercultural situations.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and teaching activities in addressing issues of foreign language didactics.

Keywords: cultural, mediator, intercultural learning, foreign language.

INTRODUCTION

The teacher should be seen not only as the head of the class, but also as a cultural mediator between the two languages. The role of cultural mediators enables pupils and students to be more active in their attitudes and to be socially skilled. From the other part, it enables lifelong learning for them. This is achieved with a very good pedagogical education of the teachers. Intercultural profile, that a foreign language teacher must have, should be exactly that of a teacher who owns professionally intercultural competence. Using the arguments and opinions of several researches, the article will show that the foreign language¹ teacher is a pupil itself. So, the intercultural teacher is seen as an «experience provider» in the process of learning a language, in order to generate more and more intercultural space in class.

¹ In this article we mean the German language as a foreign language.

RESEARCH FINDINGS

“The mediator is a courier, is the one that maintains contact with both languages and cultures. He is the one who approaches the student with a language and culture that is different from his one. The mediator is the bridge between the two nations, two languages and two cultures [1, P. 33].

Today's worldwide developments have had their impact to Albanians also, who intend to join the European Union, as well as to ranked alongside many countries with a common cultural history. Albania is experiencing numerous developments, undergoing a series of reforms in all fields, including education also. In this context, teachers today are not seen simply as managers of the class but, much more than that. Here it is a multidimensional process and their role should be the primary, because they are those who prepare and form students as future citizens of this European country.

The question to be raised in this case is: Are foreign language teachers able to fulfill this mission? Do they have the proper education or training to overcome the challenges they face? During this paper we have put forward and noted the importance of foreign languages and communication between different worlds. Professor Dhurata Hoxha from the Department of Romanic Language in Faculty of Foreign Languages, “Luigj Gurakuqi” University in Shkondra city, have quoted in one of her papers, regarding the teachers of foreign language as follow:

“[...] Motivation should be much more than that and go up there that, what can they do to society, for this society that faces every day with problems of intolerance and misunderstanding between different individuals or social groups. For a teacher, learning a language today, it means not only to transmit the cultural and language knowledge, but also to educate the new generations to be open to others, to accept and respect them, preserve and appreciate their cultural identity, helping them to become ambassadors of their culture” [2, P. 23]. From this statement, it is clear that the role of the teacher is seen as a cultural mediator between two languages. At this stage, it is seen a multicultural Europe, which gives importance to cultural diversity and dialogue between cultures [2, P. 24].

The terms «mediation» and «mediator» in this paper, refer to language users, that are described as «simple intermediaries between two or more interlocutors, speaking different languages, which for one reason or another can not be directly understood. This mediation is done through activities such as oral interpretation, translation, compilation or reformulation of texts in the same language, when the original text is incomprehensible to the receiver, and strategies reflect the ways of coping with limited resources to handle information and to find equivalent meaning.” [3, P.67]

Thus, it should be implemented numerous innovative practices through various projects in the field of teaching foreign languages, which improve mutual understanding, mobility and exchange of information. What does it mean concretely? The didactics of foreign languages should be treated as a field which is administered daily by people with personal and professional experience. It is also seen as a multilingual space where values are transmitted arising from different linguistic systems. “The meeting point between mediation and didactics of languages is the interaction between social connectivity and education” [4, P. 25].

Going back to specifically on the role of teachers of foreign languages, it must be said that today's teaching

does not mean that teachers impart information only, but much more than that. Today, every teacher should advise their students, as well as any lecturer to guide his students, to strengthen the confidence on their own. Only in this way, they will feel more independent, more responsible and motivated. But how can this be achieved? Exactly, through the relationship they develop with the pupil and the students. Recently, according to new pedagogies, it is paid more and more importance to this relationship. Being a «mediator» in the teaching of foreign languages helps pupils/students to be active in their attitudes or even to socially skilled, that enables the lifelong learning to them [1, P. 33]. To achieve this, teachers should have a very good didactical and pedagogical background, as far as in this way they can provide the components of the mediation process, specifically the material side (book), immaterial side (social form, work in groups, debate), oral and written expression also. The teachers and professors can definitely play the role of cultural mediators, but when it comes to foreign languages, they serve as a bridge of cultural transmission [1, P. 33]. Therefore, intercultural meetings should be encouraged by them, so that pupils or students become part of intercultural learning. The teacher cannot have only the leadership and/or evaluator role in the class but, also must create and enable an environment for the acceptance of the “foreign”. In other words, it should be prevailed a friendly atmosphere in the class, away from prejudices about certain actions and attitudes.

We share the opinion that, teachers should have undergone and experienced cultural experiences, because it affects a more favorable process of intercultural dialogue. Knowledge gained during the different experiences can become part of didactic teaching practice. In the case of foreign language teachers, Brojgnot says: [...] as it might be thought that in his case, it's a special interest for at least a foreign culture and that he, more often than in many other areas is a foreigner himself, and thus cannot see himself as a subject of study for his students” [5, P. 289].

In the role of cultural mediator between the two languages, the teacher must not only make the elements of culture and civilization, part of the lesson, but also need to adapt them according to age, demand, needs and interests of his students. Additionally, materials and information to be used in class, should be modern, authentic and arouse students' interest. Above all, foreign language teachers should use new technologies in teaching, to be able to create situations and daily real-life scenarios, and

communication patterns related to the foreign language that the students are learning. In intercultural education process, teachers should be able to recognize intercultural innovations, to understand and to put them into use [6, P. 9]. This cannot be achieved only through teaching method (the book), that obviously has some civilization and intercultural elements. A series of interactive activities can be performed by the teacher through additional materials and the creation of different simulation scenarios. In this regard, Prodani and Gjinali [1, P. 35] propose in their article some activities such as:

- Create situations with different topics, which are directly related to everyday life. Creating the simulations in the «role-play» form, should be focused on difference between foreign cultural forms from personal ones, but also on the similarities between these forms.
- Bring extra materials (various journals, that contain papers and information for students, for which the students can have their own approach). Such items enable a process of discussion, during which arise the differences and commonalities.
- Use video, which can show moments from everyday life of a nation. In function of the goals that the teacher has decided at the beginning of the lesson, he/she can use such sources of information.

Also, pupils and students can be given tasks outside the classroom environment, such as viewing TV and radio shows, conducting interviews, participation in cultural activities etc. Obviously there is a great variety of such methods and techniques, but every teacher is free to choose among them, depending on cultural topics and the learning objectives. What should be noted is that, the teacher cannot be an authentic connoisseur of foreign culture, therefore cannot be pretended that he/she understand it fundamentally. In this case, it is important that the general knowledge must be constantly updated. This can be achieved through continuous training of teachers, within the country and abroad. However, other researchers have their opinion that, the teacher cannot be a cultural “mediator” in the full sense of the this word. The teachers cannot be in any way cultural experts, who need to know everything. Their important role, is to mitigate the cultural differences between the two languages, but the teacher may not necessarily be the person who solves the intercultural problems. We share the

opinion that, for the implementation of intercultural learning of foreign languages, continuous contact with the cultural phenomenons and the personal attitude of teachers in the country of foreign culture, is an essential condition. In this way, teachers can transmit above all, a positive attitude towards other cultures [7, P. 1–19]. Numerous experiences of teachers during their meetings and their contacts with foreign culture, provide them facilities to place themselves in different cultural situations or to give examples from their own experiences. These experiences are a great help for the creation and use of teaching materials, for a more qualitative learning in didactic and methodical aspect. The teacher is a person who plans, advises, organizes and translates. The role that, teacher takes in intercultural learning, is seen as «the complex task of coordination» [8, P. 169]. Today’s modern teaching is not focused on the teachers, but on the pupils, who is seen as an important factor in the center of the learning. Viewing the image and positioning of the teacher from this point of view, he performs the task of an observer, mediator, consultant, etc. In this view, the teacher himself is a student who can benefit from the cultural diversity that exists in the classroom, learning himself and expanding intercultural competences also [8, P. 169]. Thus, the teacher becomes part of the learning group, and leave his role as the most important person. On the other hand, the teacher is seen as an “important factor in foreign language learning», playing the role of cultural mediators in the class. The students base their information and knowledge only to the teacher, who is the representative of the culture of the language learned from them. This is an important task of foreign language teachers, but, we cannot say for sure, how aware are they for this role. However, regarding Holthaus, [9, P. 115] a precondition for teachers is their professionalism in terms of intercultural competence. But if we want to know whether they really have acquired intercultural competence, it cannot be verified, since the views cannot be tested empirically with teachers or with students. In addition, the acquisition of intercultural competence is a process that lasts throughout life, so it doesn’t end. This means that, the teacher must possess a competence that does not necessarily have to be «professional» as the teacher is a student itself. “It is an “unfamiliar ground for many language teachers”. For they are, indeed, language teachers, most of them with an education in the literature of the language (s) they teach, and a training in the discipline of literary criticism and the theory and practice of teaching

linguistic knowledge and skills" [10, P. 1]. It is an unknown situation to many teachers of foreign languages, as they actually are teachers of foreign languages, but often are educated and qualified to teach the subject of literature (in the relevant foreign language), to be literary critics, as well as being skilled to linguistic theory and practice. There are two controversial views. From one side, the teacher is seen as someone who can help and not control the learning. But on the other hand, it is necessary to ask for the teacher to represent the main point for students. Moreover, König says that «intercultural learning occurs not because the representatives of different «cultures» are in the same class. Intercultural learning does not exist "in itself" but, it must be in purpose of the topic of learning» [11, P. 103]. Therefore, both views mentioned can be found in the teaching of foreign languages. Intercultural competence can be gained only through personal experience. So, the culture must be experienced to better know it. Teachers have a major impact on the learning behavior of their students. The attitudes of teachers and the teacher competence in contact with various forms of the diversity play a central role in reducing differences between student results [12, P. 206]. Obviously, it's a psychological aspect, that every teacher must be aware of, because in most cases it is up to teachers to see what skills have the students and what tasks they can perform and achieve. Add to this, the attitude of teachers towards the concept of culture and intercultural aspects in the classroom. His/her personality also plays an important role. If the teacher allows uncertainties and misunderstandings and treat them to promote intercultural learning, he/she can affect the behavior of students [10, P. 5]. The teacher's professionalism is distinguished even if he/she sees all cultures equally and conveys them in the same way. Equivalence of cultures is an important precondition to develop intercultural competence. None of the two cultures, whether native or foreign should prevail in the classroom. How difficult can it be to simulate situations of intercultural learning in the classroom? For the transmission of intercultural competence it is necessary that the teacher possesses such competence. This competence includes certain duties that, a teacher must accomplish. First of all, it is important that the teacher has the role of a guide or leader in all areas of social life, not only in terms of intercultural competence in foreign language teaching. Teachers have many duties. He/she conveys not only the foreign language, but also the social competence, which will enable students to find them-

selves in other cultures, to act properly, respecting «the other» and to present their views. Such tasks pose a new challenge for both students and teachers, who themselves must first obtain social competence. Teachers should take seriously their duties about intercultural learning. This is a condition for the transmission of intercultural competence among students. How should be the teacher of German language, but also the teacher of any other foreign language at intercultural learning hour? An intercultural profile of German language teacher should have a lot of knowledge and be very established. In the best case, he/she should be educated and trained in this field, professionally capable, because the ability to intercultural dialogue exceeds language skills. Simple teaching concepts are not enough, because as we have already seen, the intercultural personality of the students should be formed. Foreign language teacher, concretely the German language teacher should be a cultural mediator. In the ideal case, nowadays, the teacher must be someone who is more «a provider of experience» in the process of language learning than just a mediator of grammatical progression. Furthermore, he/she should be someone who prescribes not only the contents and teaching methods, but supervises and promotes the process of formation of the student's personality. It will be also important that, students bring their experience, knowledge, skills, behavior, attitudes, and their sensibilities. If we see the didactical and methodical aspect, the learning of a foreign language is an important and necessary condition to expand the boundaries of cultural individuality toward an intercultural personality. Therefore, the language teacher should coordinate interactions in class, focuses mainly in the field of semantics and pragmatics. These processes serve to fully understand the knowledge and specific cultural behavior. Thus, the profile of a German language teacher or any other foreign language, as a «mediator» between two cultures includes the following features:

- Being aware of the prejudices, values and stereotypes
- A broad cultural and intercultural qualification.
- He/she must be part of two cultures, which will be equally transmitted without favoring one of them [13, P. 91].

These are very big challenges for an intercultural profile of a foreign language teacher. These challenges become even bigger when we talk about the working conditions of German and other foreign language teachers in our coun-

try. In this context, what we need is a qualification and training for teachers of the German language, in order to generate much more intercultural opportunities in class.

The inclusion of intercultural experience in the teaching of foreign languages requires:

- Training and qualification of foreign language teachers,
- Elaboration of teaching curriculums, particularly in relation to their content, so the inclusion of a content suitable for students, as well as the selection of topics in learning methods (books).
- Closer cooperation between social stakeholders, the media and universities. A linguistic and cultural background cannot be solely the responsibility of language centers, but it is the main task that requires the involvement of many stakeholders,
- A clear definition of cultural content, so that students cannot only cope with the situation within the country, but to know how to cope with members of other cultures worldwide [13, P. 93–94].

Regarding the inclusion of intercultural dialogue in teaching foreign languages, specifically the German language, Pflieger [13, P. 93–94] proposes some practical ideas for the lesson hour:

1. The involvement of the «third culture» in teaching, not prevailed in this way, none of the cultures A and B (A = native culture and B = foreign culture). In this case the similarities should be emphasized, such as universal cultural models (love, death, family relationships), basic values and norms of everyday coexistence (justice, equality, etc.), instead of continuing cultural differences.

2. Teachers should participate in different intercultural projects together with students. For this, it is important that both parties seek to current existing projects¹.

3. To get in touch with local cultural institutions belonging to the foreign language taught. If we take as an example the German language, such institutions are: Goethe-Institut, DAAD². They provide different materials and offer an active support.

¹ Such projects can be found at: <http://www.lehrer-online.de/links-interkulturelles-lernen.php>

² Ibid.

4. Students should learn together and from each other.

5. Every experience in foreign language learning provides an opportunity to reflect on «the other» and on «the foreign». Therefore, the respect toward «the foreign» should be in the focus.

6. Different working groups should be set up during the lesson, who do research and work on certain intercultural topics.

7. Teachers should collect their teaching experiences and, with the help of their materials and documentation, should enable the implementation of an intercultural curricula within their institution.

In summary, we emphasize that, it must be clear that the inclusion of the «intercultural» topic is more an enrichment and expansion of duties within foreign language learning. Foreign language teacher as a cultural mediator can encourage and put the students to think about the concept of culture, and above all, help them to focus on the hidden cultural elements.

CONCLUSIONS

Today's didactic of foreign languages points out that teachers of a foreign language cannot simply be the transmitter of knowledge, but more than that. Ever more, is emphasized the role of teachers as a cultural mediator that, enables pupils and students to be more active in their attitudes and be socially skilled. In order for students to join the «intercultural learning», they should be part of intercultural meetings. In the center of intercultural learning process, the teacher must distinguish cultural innovations, understand and put them into use. The use of new technologies in teaching and creating situations of everyday life, are very important elements regarding the intercultural learning. The teachers of foreign languages cannot be genuine connoisseur of foreign culture, but their knowledge should be constantly updated. The continuous contact with cultural phenomenons and the personal attitude of teachers constitute a fundamental condition for the realization of intercultural learning.

References:

1. Gjinali A., Prodani, A. Foreign language teacher, a bridge between two cultures, Pedagogical Magazine, Institute of Education Development, Tirana. – 2012. – P. 29–40 (in Albanian).

2. Hoxha Dh. The mission of foreign language teachers as cultural mediators, Proceedings from the National Conference “Challenges and perspectives of foreign language teaching”, University of Shkodra “Luigj Gurakuqi”, – 2008. – P. 23.
3. European Council, Common European Framework of Reference for Languages (Albania version), – 2006. – P. 67. – Filara.
4. Lévy D., Zarate G. Cultural mediation in foreign language didactics, Project realized in the framework of medium-term programs and activities, (in German), Graz, – 2003. – P. 189.
5. Reich H., Bilingual acquisition at children and adolescents. An overview of the situation of national and international research, Hamburg, – 2000. – P. 289.
6. Reiberg L. Intercultural learning. Didactic instruments for intercultural education, German Federal Agency for Political Education, Bonn, – 1998. – P. 9.
7. Paige R. M. On the nature of intercultural experiences and intercultural education. In R. M. Paige (Ed.) Education for the intercultural experience, Maine: Intercultural Press. Yarmouth, Yarmouth, – 1993. – P. 1–19.
8. Grau M. Intercultural meeting and teacher’s perspectives. In: Bredella, L., Christ, H. (ed.), The meaning of „foreign“ in theory and practice. Didactics of foreign language, – Tübingen, – 2000. – P. 169.
9. Holthaus M. (ed.) Intercultural learning, education and training: Theoretical and practical teaching suggestions for dealing with differences in the class. Document of primary school in Paterborn, Münster, – 2004. – P. 115.
10. Byram M., Morgan C. *Teaching-and-learning language-and culture*. Clevedon: Multilingual Matters. (Multilingual matters, 100), – 1994. – P. 1.
11. Königs F. G. About concept of intercultural education. In: Bausch K. R., Christ H., & Krumm H-J (ed.): Intercultural learning in foreign language teaching: Proceedings of the 14th Conference for research on teaching foreign languages, Tübingen, – 1994. – P. 103.
12. Auernheimer G. Intercultural competence and pedagogical professionalism. – Vol. 13, Opladen, – 2002. – P. 206.
13. Pfleger S. The role of the teacher in intercultural teaching. The case of German language in Mexico. In: Katharina H., Pfleger S., Karin P-S and Sabina S. (ed.) Transformation. Didactics of German language in Latin America. Impuls and research in classes. – Vol. 4, Tübingen. – 2014.

Information about the authors

Marisa Janku, PhD student, MA, Lecturer at Department of German Language, Faculty of Foreign Languages at University of Tirana, Albania, Chairmen of “German Language Teacher Association” in Albania.

Address: Faculty of Foreign Languages, Rruga e Elbasanit, Tiranë, tel: 003555/42452610

E-mail: jankumarisa@outlook.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1385-7110>

A. B. Yunatska¹¹Zaporizhzhya National University, in Foreign Philology Department, Zaporizhzhya, Ukraine

LATINA INTERCULTURAL IDENTITY TRANSITION: SOCIOLINGUISTIC AND GENDER PERSPECTIVES

Abstract

Objective: to identify the specificity of the Latina cultural and gender identity transition through research of the *language* and *discursive* indicators of the identity evolution.

Methods: sociolinguistic and intercultural analysis, discourse analysis, language contact and stylistic exploration, contextual analysis, selection and sampling, comparison, and generalization.

Results: based on the sociolinguistic analysis and the outlined research methods, the mechanisms, key steps and results of Latina identity evolution are revealed; the article brings a linguistic and gender-sensitive insight into the identity studies; it is identified that assimilation is invariably accompanied by clash of cultures; acquiring a status of a dual culture citizen is a typical result of the Latina identity evolution process; it is brought out that Spanish *sprinkles* in English Hispanic writing can be used for the purpose of emotional coloring, to stress cultural differences, the newly attained feministic aesthetics and to imply the indivisibility of the American multicultural nation pointing at Hispanics as its part.

Scientific novelty: for the first time based on the presented methods the innovative complex research is undertaken to the study of the national gender-sensitive character and identity through the prism of the *language* and *discursive* indicators of Latina identity evolution.

Practical significance: the main results and conclusions of the paper can be used in research and teaching activities, specifically in theoretical and practical courses addressing identity studies, multicultural issues, and bilingualism.

Keywords: Identity evolution; Gender roles; Latina; Puerto Rican; Spanish; Feminism; Clash of cultures; Ethnic prejudice.

INTRODUCTION

The purpose of the present paper is to study the Latina phenomenon through linguistic and gender prism and identify the specificity of the Latina cultural and gender identity transition by researching the *language* and *discursive* indicators of these transitions. The proposed research particularly addresses the problem of Latina intercultural identity evolution in the course of integration into the American society which is studied through the prism of reconsideration of gender roles by first generation female immigrants and specific linguistic patterns in written and oral discourse. As the research negotiates the Hispanic or Latina gender identity, the article provides an insight into the deconstruction of the female gender national character through assimilation in the U. S. culture.

Though the problem of cultural diversity and bilingualism has been studied by many scholars [1; 2; 3; 4; 5] it is still a topical issue. The gender aspect of the Hispanic

national character has certainly been researched from the perspective of gender inequality as well as from the point of view of the influence of gender and generally cultural values on success in schooling [6]. There has been research on correlation of success in acculturation in the receiving culture and inclination to violence and criminality [7; 8; 9]. The notions of *marianismo* (Latina female character) and *machismo* (Latino male character) have been studied in terms of family values, sharing household chores, problems connected with home violence [10; 11; 12; 13] and ethnic prejudice [3; 14; 15; 16; 17; 18].

This paper studies the evolution of the Hispanic gender national character through the prism of biculturalism and bilingualism, using the data from Latina immigrant fiction and non-fiction. At the core of the research is an exploration of transition of authentic Latina identity into a dual or the mainstream American identity with regard to different gender roles in patriarchal societies and the American pro-feminist values. The paper particularly ad-

dresses first-generation immigration from Latin America, immigrants' biculturalism and bilingualism, and how these factors shape their cultural identity.

The relationship between language and culture is explored aiming to contribute to conversations about immigration, cultural identity, and assimilation. It is argued that self-identification of an immigrant may be different from that of the *mainstream society* even upon successful assimilation. It is stated that women's empowerment and identity deconstruction of the *dual culture* citizens in majority of cases are accompanied by successful *public individuality*, while *private individuality* may be restrained and infringed.

The link between gender and intercultural problems as well as systems of cultural values is indissoluble and continuous. Hence the topicality of *gender-sensitive research* in intercultural studies is evident and has been reflected in many fundamental and substantial research papers. The United States of America is a country bound by immigration and built due to immigration, so it is expedient to conduct research based on immigrant experience in this culturally diverse community. In this respect the gender aspect is of special interest as understanding of gender roles is part of culture and identity, however, the minority vision of these roles are different from the one of the mainstream. Apart from that, linguistic and discourse indicators of the newly attained identity facilitate identification of the identity deconstruction and make the study of authenticity transition more efficient.

Terms *Hispanic* and *Latina (o)* are official ethnonyms and are used in this research interchangeably. However the term *Hispanic* was officially adopted by the U. S. government in 1970 and is less preferable than *Latina/o*, because it was imposed by the Census Bureau and is too generalized. *Hispanic* denotes a relationship to the Spanish language and/or a Spanish speaking country, but does not focus on ethnicity or immigrant's home country. On the other hand it can be quite suitable in situations where specifics and specificity regarding ethnicity is redundant.

Latina/o originates from American Spanish and officially was adopted by the U. S. government in the 1990s. The term describes a person (Latino — male, Latina — female) with a Spanish-speaking, particularly Latin American background). As there is no practical difference between the two terms in most sources they are qualified as synonyms [see for example, 19, P. 133]. Although in this research the preference is given to the term *Latina* (the presented empirical data addresses women of Latin American descent), sometimes the term *His-*

panics is used, for instance, in cases of meaningful generalization, where specifics is redundant (for example, when dealing with stereotypes or attitudes to all Spanish-speakers irrelevant of ethnicity). To name immigrants from concrete Latin American countries we use specified official ethnic terms (here only *Mexican* or *Puerto Rican*).

In this paper *cultural identity* is understood as self-identification of *belonging* to a particular cultural group, country or community. The main focus is on nationality, ethnicity, gender, and religion [20, P. 19].

LATINA CULTURAL IDENTITY: TRANSITION AND VERBALIZED OPPOSITION TO THE RULES

Although the idea of the *melting pot* (incorporated into English in 1908 by Israel Zangwill [21, P. 11]) has been perceived as an assimilationist and anti-democratic as it forces people give up their differences, integration and success in the U. S. also implies adjustment. Mexican is the largest group of Spanish-speaking origin in America; the Puerto Rican group is the oldest of all Hispanic groups (Puerto Ricans were granted U. S. citizenship in 1917 and now have the commonwealth status) [22, P. 35].

Resisting the *assimilationist model* of the U. S. society, bilingual educators state that children lose a degree of individuality by blending into the Anglo mainstream. Contrary to this statement, an educational consultant and a free-lance writer R. Rodriguez, a Mexican American who grew up in California, stresses that a student should *not* be reminded of his difference from others and his heritage in mass society. Rodriguez's American identity was only achieved after a painful separation from his past, his family, and his culture [23; 24].

Assimilation is an especially urgent issue in terms of the Hispanic question. To the utmost the empirical data for this paper was collected from the fictional and non-fictional works of the first-generation Latina, J. O. Cofer. Hence in this part we would like to take a look at demonstrative mechanisms, steps, indicators, and results of identity transition in her immigrant experience. Judith Ortiz Cofer was a professor of English and Creative Writing at the University of Georgia, poet and writer of Puerto Rican origin, who came to the United States at the age of three. In her book *Silent Dancing* the author negotiates her life between two cultures and recollects how unhappy she was by everything that she encountered upon immigration; the American atmosphere was totally alien to her. Everything seemed to be in gray color [25, P. 185].

She remembers the scornful attitude of Euro-Americans to her family. However, in some years everything became different; speaking about American and Puerto Rican cultural values Cofer actually reconsiders her cultural identity. Having assimilated in the United States she started embracing American values and abandoned her attachment to the culture of her descent. The speaker's identity developed into obviously Anglo-American. Adjustment to the mainstream also caused rejection of everything reminding of Puerto Rico.

Cofer calls Puerto Rican women *humildes* (shy girls) and distinctly underlines that her *new identity* makes her *free*; she rejects nearly everything that is supposed to remind of conservative Puerto Rican values (*primitive island, black mantilla, humilde*). She is even ashamed to speak her native language at a certain stage of her identity transition. Spanish is used with pejorative connotation, to emphasize her choice (not in favor of Puerto Rican values). The immigrant does not accept Puerto Rican cuisine anymore and stresses the negative consequences women may experience because of it (*I hate rice and beans, that's what makes these women fat*). She criticizes Puerto Rico openly and demonstrates a certain "alienation" and «estrangement» from the Puerto Rican traditions. The gender perspective is already outlined in this case, however, yet indirectly [25, P. 185].

An important role is given to religion, which can be traced in the story "My Rosetta". It is a story of a nun-rebel, who is against adherence to tradition just for the sake of tradition. Unexpectedly democratic beliefs and ideas of nun Rosetta turn out to be a breakthrough for Ortiz Cofer. This concerns her identity shaping and life in the U. S. Consequently, her own unwillingness to follow Catholic Puerto Rican traditions is verbalized through word combinations, like *predictable life* and *predictable future* and characteristics like *good Catholic barrio woman*. She would like to «*fly away from ... predictable life and (what I feared most) a predictable future as a good Catholic barrio woman*» [26, P. 71].

The next stage is rejection of the patriarchal concept of a *weak woman*, which is not close to Ortiz Cofer at all. She cannot accept this approach to gender roles:

«... *Rodriguez's deep-throated laments about lost loves and weak women in tears did not appeal much to me*» [26, P. 71].

It is noteworthy that the mechanisms of assimilation can also act as correspondent steps to identity evolution. In another Cofer's creative non-fiction story she describes

an important step toward identity reconsideration. Once before Christmas parents informed their children that they would celebrate Christmas and «... *get presents on December 25 instead of Los Reyes*» since they were «*in Los Estados while in Puerto Rico gifts are exchanged on Three Kings Day*» (Cofer J. O. The Story of My Body/<http://jackiewhiting.net/AmStudies/FinalExam/MyBody.pdf>). That is the way the kids experienced first *clash of cultures* (one significant holiday was substituted by the other (*alien*) one. The switch works as a reference point for the sufficient reason to question one's identity.

Particularly at the point of *clash of cultures* the mechanism of reconsideration makes immigrants compare different cultural values and choose those they like. This happens through rejection of the earlier, home *values*:

But there were too many illogical rules, especially for girls and women:... do not interrupt or join men's conversations; serve men first at meals; and, more infuriating to me than anything else, I was told that all boys... needed to be outside more and more as they got older to "experience" the world. Girls, however, needed to stay home more each year because the world became more dangerous for a female as she matured... [26, P. 75].

Ortiz is indignant about the set of rules existing in Puerto Rican culture. They are simply «illogical» regulations, which are unfair in the girl's opinion, but they are followed, because, as a rule, traditions are cherished in Latin American countries and patriarchy is one of the integral and distinguishing features of these communities. A distinctive characteristic of the young immigrant girl is curiosity and ability to *analyze*. Accordingly, for her these rules make a «*suffocating cycle of acceptance and adherence to tradition*» she would like to break free from [26, P. 75].

Nun Rosetta helps Ortiz to understand the pros and cons of adherence to tradition by asking a simple question: «What is tradition?» The little girl readily responds: «Tradition is something that has always been done» [26, P. 76].

Consequently, this analysis leads to «*a normal stage of rebellion in the special setting of the barrio*», «*fantasy of flight from everything <her> Puerto Rican family and neighbors stood for*» [My Rosetta, P. 75]. The breakthrough and conclusion of the conversation is that it is not «*always good to do something just because it has always been done that way*». Rosetta mentions horrors that «had been defended as tradition» throughout American history [26, P. 76–77]. When the girl receives an answer it

becomes «the beginning of hope for an argument against her parents' ways»; she believes that finally it will be possible to break free from a *cycle*» [26, P. 77]. Judith Ortiz demonstrates maturity by making a serious decision and an important choice not to follow *the essential* Puerto Rican traditions.

It is common knowledge that derogatory and pejorative ethnic stereotypes about Hispanic people remain one of the most urgent problems for the U. S. society. In high school Judith Ortiz falls in love with a white young man and her feelings seem to be mutual. They are planning to go out together and the girl is enthusiastically preparing for the date. Suddenly Ted (the guy) telephones her in order to let her know that the date will not take place.

The fact is that Ted's father asked him who his son was going to take out. Having realized that the girl-friend was a Puerto Rican he forbade Ted to take her out: «**Ortiz?** That's **Spanish**, isn't it?» *the father asked... No. Ted would not be taking me out*». As a matter of fact, «*Ted's father had known Puerto Ricans in the army. He had lived in New York City while studying architecture and had seen how the spics lived. Like rats...*» (Cofer J. O. *The Story of My Body*/http://jackiewhiting.net/AmStudies/Final-Exam/MyBody.pdf). The Anglo American (Ted's father) openly uses slur, pejorative and offensive vocabulary to refer to Puerto Ricans (*spics, rats*) and shows explicit disrespect to minorities. His son does the same when explaining to his Latina girl-friend the reasons of the date cancellation. However, they both do not base their judgments on facts and reality, but are guided by the «crucial strategy» used in «*model building* for ethnic situations» which is qualified by Teun van Dijk as *negative extension*. Van Dijk calls *negative extension* «a very flexible strategy» which is «often part of the attribution process» [16, P. 31]. The negative extension in the utterance quoted above lies in unjustified criticism and attribution of generalized exaggerated insulting characteristics without any reason in a groundless way.

INCORPORATION OF SPANISH

It is believed that no minority language has faced a better fate in the U. S. than Spanish. Despite suffering continuous attacks, it is the most wide-spread and best maintained minority language in North America [4, P. 35]. The use of Spanish in the U. S. is sometimes characterized as 'a patriotic duty' [27, P. 90–91, 102–103].

The role of Spanish in English writing of Hispanic writers is particularly interesting for this research. The

analysis of Cofer's discourse shows that she is against her home culture and against the heritage values. Rejection of Puerto Rican traditional values can be traced via "positive" (to Puerto Rican culture) descriptions which though turn out to be inadmissible and unacceptable for the female rebel representing dual culture. *Barrio* is a word of high frequency in the written English discourse of Latina writers. This lexeme better conveys the local coloring and shut-in nature of latina (o) ghetto. It is sometimes negative, sad or bitter and even ironic (*good Catholic barrio woman*) [26, P. 71].

The results of the research show that *Spanish words* incorporated in Hispanic writing in English serve as certain code-switching to emphasize alienation (*la gringa, Los Estados*); describe the specificity of Hispanic life in ghettos (*barrio, El Building*); reflect the Latina humility, submissiveness and subservience to men (*Así es la vida, Niña*); show rebellion against patriarchal values (*Why did I have to advertise my sexual status by the color of the mantilla I was told to wear: white for señoritas and black for married women?* [26, P. 74–75]; serve as indicators of patriotism and loyalty to one's own Latina (o) community, and affectionate love for certain aspects of home culture (*mi casa es su casa, Compadre/Comadre patria, compañeros*); hostility of the adopted culture (*la lucha*), create playful linguistic hybrids (*barrio-as-island fantasy*) [26, P. 75].

CONCLUSIONS

Assimilation is invariably accompanied by clash of cultures. First generation immigrants' authenticity has to pass through adjustment to the mainstream. The study of Latina English written discourse shows the following mechanisms and steps of identity transition: 1) clash of cultures and the analysis of cultural values; 2) rebellion against Latina cultural values, which are mainly focused on gender inequality and religious issues; 3) turbulent transition from home culture to the adopted one; 4) acquiring the status of a dual culture person; 5) fight with the adopted society, which is full of hurting stereotypes and prejudice.

First-generation Latina immigrants in the U. S. while adjusting to the mainstream culture are unlikely to retain their heritage gender ethic, but rather act as rebels demonstrating a newly generated outlook, feminist views, and reflect the concept of women's empowerment. The indicator and result of the reconsidered and deconstructed authenticity is the newly generated *dual culture discourse*. The *negative extension* strategy is used

by Euro-Americans with reference to Hispanics as part of the attribution process.

The observed sprinkles from Spanish are increasingly incorporated into Hispanic authors' English writing.

Spanish words and phrases are mainly used as foreign sprinkles in English; in addition, Spanish vocabulary is used in combination with English words in order to create playful linguistic hybrids of Spanish and English.

References:

1. Wierzbicka A. *Emotions across languages and cultures: Diversity and Universals*. – Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme Paris, – 1999, – 349 p.
2. Alba R., Lee V. *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration*. – Harvard University Press, – 2003, – 359 p.
3. Anzaldúa G. E. *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*. San Francisco: Aunt Lute Books, – 1987, – 260 p.
4. Balestra A., Martínez G. and Moyna M. I. (eds.) in *Recovering the U. S. Hispanic Heritage: Sociohistorical Approaches to Spanish in the United States*. Houston: Arte Público Press, – 2008, – P. 2–72.
5. Wroge D. *Bilingual Education in Papua New Guinea's indigenous languages: Policy and practice*//Proceedings of the Conference, 'Bilingualism at the Ends of the Earth'. University of Waikato, November –2000, Hamilton, New Zealand. – 2001, – P. 167–181.
6. Englander K., Yanez C., Barney X. *Doing Science within a Culture of Machismo and Marianismo*//Karen Englander, Carmen Yanez, Xochitl Barney//*Journal of International Woman's Studies*, – Vol 13. No. 3, – 2012, – P. 65–85.
7. Stevens E. P. *Mexican Machismo: Politics and value orientations*. *Political Research Quarterly*, 18, – 1965, – P. 848–857.
8. Guilbault R. *Americanization is Tough on "Macho"*. In R. Holeton (ed.) *Encountering Cultures. Reading and Writing in a Changing World*. NJ: A Blair Press Book. – 1992, – P. 34–36.
9. Brooks A. *Post-feminisms: Feminism, Cultural Theory and Cultural Form*. London: Routledge, – 1997, – 234 p.
10. Alvarez L. *Derecho u obligacion?: Parents' and youths' understanding of parental legitimacy in a Mexican origin familial context*. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, – 29 (2), – 2007, – P. 192–208.
11. Kulis S., Marsiglia F. F., Hurdle D. *Gender Identity, Ethnicity, Acculturation, and Drug Use Exploring Differences Among Adolescents in the Southwest*//*Journal of Community Psychology*, Arizona State University: Wiley Periodicals, Inc., – Vol. 31, No. 2, 1–22, – 2003, – 22 p.
12. Mayo Y. Q., & Resnick R. P. *The impact of Machismo on Hispanic women*. *Affilia* 11 (3), – 1996, – P. 257–277.
13. Galanti G. *The Hispanic Family and Male-Female Relationships: An overview*. *Journal of Transcultural Nursing*, – 14 (3), – 2003, – P. 180–185.
14. Dijk T. A. *van Prejudice in discourse: An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation*. – Amsterdam: Benjamins, – 1984, – 294 p.
15. Dijk T. A. van, Kintch W. *Strategies of discourse comprehension*. – New York: Academic Press, – 1983, – 362 p.
16. Dijk T. A. van *Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice*//*Text*. Amsterdam: Mouton Publishers. – 1983. – Vol. 3–4, P. 375–404.
17. Huber C. *Compound Ethnicity, Compound Identity*//*Nahe Fremde – fremde/Nähe. Frauen forschen zu Ethnos, Kultur, Geschlecht*/Ed. By C. Höllhumer et al. Wein, – 1993, – P. 103–121.
18. Yunatska A. *Euro-American and Hispanic Cultures in Dialogue*. In M. Ferencik, J. Horwath (eds.) *Language, Literature and Culture in a Changing Transatlantic World*. Filozoficka fakulta Prešovska univerzita v Prešove, – 2009, – P. 133–142.
19. Voronchenko Tatyana *Contemporary Chicana/o Literature and Creativity of Other Hispanic Groups: – 1980s-1990s: In Search of New Definitions and Designs: American Literature in the 1980–90's*/ed. by Yu. V. Stulov. – Mn.: European Humanities University, – 2001, – P. 133–149.
20. Moha Ennaji, *Multilingualism, Cultural Identity, and Education in Morocco*, Springer Science & Business Media, – 2005, – P. 19–23.
21. Feeley Francis McCollum (2001). *Made in the U.S.A.: American Multiculturalism as a legacy of Racism and imperialistic Wars: In Search of New Definitions and Designs: American Literature in the 1980–90's*/ed. by Yu. V. Stulov. – Mn.: European Humanities University, – 2001, – P. 8–20.

22. Solé, Y. Bilingualism: stable or transitional? The case of Spanish in the United States. In *International Journal of the Sociology of Languages*, – 1990, – P. 35–80.
23. Rodriguez R. *Aria: A Memoir of a Bilingual Childhood*. In *Multitude Cross–Cultural Readings for Writers*/ed. by Chitra B. Divakaruni. – New York: McGraw–Hill, Inc., – 1993, – P. 307–322.
24. Rodriguez R. (b) *Hunger of Memory in Visions of America*. New York: Persea Books. – 1993, – P. 229–235.
25. Cofer J. O. *Silent Dancing in Visions of America*. – New York: Persea Books, – 1993, – P. 179–186.
26. Cofer J. O. *My Rosetta, Prairie Schooner*, Lincoln: University of Nebraska Press, – Vol. 74, No. 2, – 2000, – P. 70–78.
27. Cran W. and MacNeil R. *Hispanic Immigration: Reconquest or assimilation?* In *Do you Speak American?* New York: A Harvest Book Harcourt, Inc., – 2005, – P. 89–114.

Information about the author

Anna Yunatska, Doctor of Philology, Associate Professor in Foreign Philology Department, Zaporizhzhya National University, Ukraine.

Address: 66a Zhukovskogo Str., 69600, Zaporizhzhya, Ukraine, tel.: +38 (050)61–372–61

E-mail: yunatskaya-a@ukr.net

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4576-5368>

Pedagogy

Педагогика

UDC 37.035 i 796 (492)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-20-27>V. A. Babalich¹

¹ *Theory and Methodology Department the Kirovograd Volodymyr Vynnychenko State Pedagogical University, Kropivnitskiy, Ukraine*

EXPERIENCE OF THE NETHERLANDS TOWARDS THE INFLUENCE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS ON THE SOCIAL COMPETENCE OF YOUNG PEOPLE

Abstract

Objective: study the experience of the Netherlands towards the influence of physical culture and sports on the social competence of young people, analyze scientific researches and state social programmes on this issue.

Materials and methods: methods of theoretical boundary (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, comparison, systematic approach) and concrete — scientific (analyses of literature, state nomenclature documentation, the method of defining concepts).

Results: views of the scientists on the problem of social competence formation by means of physical culture and sports have been analyzed, experience of formation of the social competence by means of physical culture and sports in the Netherlands has been introduced, state role of this country in the creation of corresponding social programmes has been lined, the general directions of its realization has been defined, social effectiveness has been defined.

Scientific novelty: is in the theoretical analyses of the physical culture and sports influence on the formation of social competence among young people in the Netherlands, experience of joint work of statesmen, scientists and specialists in physical culture and sport of this country in the creation of the social programmes, argumentation of the perspectives of physical culture and sports as the means of social development of personality in Ukraine.

Practical importance: has been defined by received in the process of investigation data about formation of social competence among young people by means of physical culture and sports in the process of introduction of state programmes in the Netherlands can be used in the sphere of physical culture and sports in Ukraine while solving issues which are connected with preparing of physical culture teachers and coaches to the professional activity in the context of individual self — development and professional self — determination.

Keywords: Physical Education; sport; social competency; world experience; students; Netherlands.

INTRODUCTION

Physical culture and sports (PCS) should provide physical and spiritual development of personality, construct live important habits and skills, and promote physical development and high ability to work. At the same time physical culture and sports are the form of rest and entertainment during which social interaction takes place and social relations are formed.

However, nowadays the role of PCS takes different forms. They are the means of ethic, esthetic and moral upbringing of personality, they promote physical culture movement as the social phenomenon.

Scientific researches prove that today it is a strong socializing power which solves important issues of formation of knowledge about keeping rules of personal hygiene and norms of healthy style of life, social mobil-

ity, readiness to take part in different social projects using means of PCS, perceive oneself and others, socialize effectively in social situations and, correspondently, creates a background for personal self — determination [24; 28].

PCS unite people, help their cultural, social and professional growth, form the experience of social relations, promote working out of positive attitude to life.

A modern specialist of PCS is a socially active personality who possesses fundamental knowledge, skills of using modern technologies; ready to social interaction, fulfillment of different social parts, making non-standard non-ordinary creative decisions, fulfillment of professional duties, taking care about his pupils, competition of the labour market. In other words, it is a socially competent personality.

We support the idea that social competence is a personal, integral, complex, systematic, many-sided phenomenon (O. Vapetska, S. Goncharova, M. Doctorovych, B. Zhyganova, I. Zarubynska, I. Zymnya, N. Kalinina, N. Lyachova, V. Maslennikova) and his formation is a result of professional training which contains the system of evaluating, social, psychological and pedagogical knowledge, skills, practice of pedagogical activity, valuables, motivation of life activity, personal qualities which give the opportunity fulfill effectively the social functions in the frames of teacher's competence, formation him as an active citizen of his state, preparation to activity in the society) [24, P. 123].

We remark that in our society research of social competence has been examined as an important component of the professional competence of students, which characterizes abilities to team work, adopt to new demands, readiness to make non-standard decisions, abilities to prevent and solve conflicts, show empathy and social perception, communicative skills, initiativeness, flexibility, responsibility, making active interaction, use knowledge, skills and abilities in present and future professional activity.

Thus, there is need in training highly qualified, competitive of the labour market specialists in the sphere of PCS, whose social and professional qualities correspond to modern challenges. More over, attention to the role of PCS in the sphere of education has recently grown, in the connection with this there is a discussible issue about the quality of education and getting general and professional competence of a future specialist of PCS, the important place in which belong to social knowledge, skills and abilities.

Higher education needs to react to vital issues of the society. It gives the opportunities to create conditions to train social competence of future specialists of PCS during the process of education at the higher educational establishment. From this point of view, the importance of above mentioned issue has not been studied enough, the importance of researches of the foreign scientists is important, among them the Netherlands.

RESULTS

PCS is a part of general human culture, natural sphere of general humanitarian education in the process of which the experience of indication, communicative, practical — transformational, orientation — evaluation activity has been gained [25].

The results of the analyses of scientific methodic literature of the Netherlands prove that education and PCS exist in the positive, social interaction which is directed to the upbringing of harmonious personality, promotes improvement of education, guarantees the broadening intellectual and functional opportunities, forms the character of a personality (D. Collard, N. Hermens, N. Reijgersberg, A. Singh, H. Stegeman та ін.). Так, низка науковців (M. Baart de la Faille-Deutekom, M. Bottenburg, D. Collard, P. Verweel and others) evaluate the influence of PCS on the formation of a personality and stress that their opportunities are boundless and social importance of PCS is essential and varied.

However, some researchers don't express optimistic views on this issue and agree with the social advantages of PCS only partly. So, G. Holland та K. Schuyt in the article «Sport bidet meer dan orwinding» (Sport offers more than orwinding) note that it is hard to find a balance between social importance and social problems in PCS, because manifestation of PCS have been sharp, traumatic and dangerous. But, at the same time it is the means to people's unity, social interaction and formation of habits of the healthy style of life. There is only, stress the researchers, to look for a decision and find a compromise, the instrument of influence, and, at the same time, it is necessary to remember that people go in for sports not only for social influence but for pleasure [8].

Their point of view has been supported by F. Coalter who created the conception of positive health. Its essence is in that «health is the ability to adapt and independently act in the conditions of physical and emotional problems» (including health as the quality of life) [12]. This conception has been built on the common experience of specialists of different branches who partici-

pated in the establishment of social programmes to involve young people from the risk groups to going in for PCS. Structural elements of this programme are directed on creation of behaviour and social relations which provide their public importance.

The same point of view has been expressed by R. Kholt who thinks that PCS are associated with positive and negative consequences of their influence. He considers that creation of positive social environment during trainings and competitions depends on teachers of physical culture, coaches, parents and sportsmen.

Only in this case PCS will be perceived by the society as the ideal social environment in which care and skillfulness through positive inter — personal communication will promote social and emotional development of young people and teach them life skills. R. Kholts points out that to create such conditions in PCS is possible thanks to common efforts of school and the state (lessons of physical education at school [4; 19; 21; 22], working out of corresponding programmes [10], political support [9]).

Quite important point of view has been expressed by other scientists (*E. Duive* [6], *P. Hover* [7], *A. Knoppers* [14], *D. Romijn* [11] and other), who affirm that some kinds of sport and life moments which stay «behind the frame» bear more negative ness. It's a pity but it's true.

Such situation is caused by many factors. Among outer we define aggressive and sometimes unjustified violent behaviour during competitions from the fans as well as sportsmen, coaches and referees. Inner factors are caused by the specific of the kind of sports, rules of competitions, performing and organization of the training process.

We point out that manifestation of aggressive behaviour during competitions in public is the result of authoritative relations between a coach-teacher and sportsmen, show of insufficient level of the development of spiritual, social and moral maturity, social culture and the culture of behaviour of every personality, which are the important causes which promote successful social adaptation in the society.

During the training a coach can violate ethic and moral-legal rules, behave roughly, use word and physical violence towards his pupils which doesn't correspond to personal — professional and moral qualities of a professional.

A professional, as *A. Markova* points out, is a person who successfully solves the tasks of education and upbringing; prepares a necessary social product for the society; uses innovation technologies, studies norms of professional ethic, standards of the profession; aims

to individualize and self-realization; achieves workmanship in his profession, desired personal and professional results (socially active, creative, personally disposed, motivated, self — critical, satisfied with his profession, open to the professional growth) [16].

We are sure that the majority of teachers of physical culture and coaches follow ethic and moral norms, purposefully realize the process of upbringing which positively influences consciousness, feelings and will of his pupils, helps to maintain favourable relations in the association. Though, to avoid above mentioned incidents *M. Kolos* and *V. Yaremenko* think that specialists need to follow the rules of general professional ethic, teach their pupils discipline during the lessons; immediately stop trainings if forbidden or violent actions are used; up bring in their pupils correct relations and moral — ethic norms of behaviour, mutual respect; systematically perform work on prophylaxis of trauma during trainings and competitions; constantly inform spectators about the course of teams meetings, find opportunities to inform about changes of rules (if it is necessary) and the development of kinds of sports to avoid misunderstanding from fans during competitions, increase quality of referees, use disciplinary actions towards sportsmen who provoke rough behaviour, non-sport performance, simulation of trauma and other actions which cause negative reaction of spectators; explain to the pupils the rules of behaviour in public places while visiting sport and other spectacular actions [15]. Such point of view is quite proper.

Unfortunately, there are some cases of non-sports behaviour in different countries of the world which were recorded on the stadiums and sports grounds of in the past, are taking place now and for their prevention not only the system of referee, disciplinary punishment is used but all measures of the police equipment. In this contest there is interesting and useful experience of cooperation of the government, scientists and specialists of PCS of the Netherlands.

At the time, at the beginning of the 2000s the community of the Netherlands supported the idea of creation of the complex of programmes to solve a chain of social problems in the country, assist in the creation of the system of positive social relations through PCS, embracement of maximum number of participants in spite of their age, social status etc., attract qualified specialists in the sphere of PCS.

Taking care of health, wealth, social and physical development of the Netherlanders, the Ministry of health

care, social secure and sports with the support of the government initiated the performance of scientific researches: «Maatschappelijke betekenis van Ten Cate Sportboulevard Enschede» (“Social significance of Ten Cate Sportboulevard Enschede”) (2011); «De sportvereniging als springplank, van jeugdzorg naar oplossingen» (2015). It was supposed that they would help point out the main aspects of influence of PCS on the formation of social competence of the young people and substantially increase their effectiveness.

Besides, among obligations of the government are — introduction of social programmes directed to social growth of the young people through PCS: «Naar een veiliger sportklimaat» (VSK) (2011–2016); «Sport» (2013–2017); «Sport en Bewegen Van traplopen tot podium» (2016).

Their fulfillment will be done with the help of forms and means of PCS and gained experience will be passed to other elaborators of the programme which will create positive scientific — experimental base which will help fulfill social programmes productively. We will discuss in details.

Thus, understanding the importance of the influence of PCS and the necessity to secure the quality of the programmes, N. Boonstra and N. Hermens studied and formulated the most important aspects of influence of PCS on the social life of the society, described the social value and advantages of sports [7]. Performed research «Maatschappelijke betekenis van Ten Cate Sportboulevard Enschede» became the conclusion of the mutual work on the project «Sport is alongside» which was introduced in 2010.

The important step in the creation of the positive climate during sports actions in the Netherlands became a scale programme «Naar een veiliger sportklimaat» (VSK), planned for five years (2011–2016) [20]. Its aim is to promote creations of conditions of the safe climate, stop negative behaviour during sports competitions.

Among the main tasks are — maintenance relationship between all parts — sportsmen, coaches, referees and fans. All planned actions are directed to teach youth positive social habits and means of their passing.

To introduction of the programme majority of sport federations of the country on different sports were involved, such as football, basketball, volleyball, swimming, skiing, billiard, golf, table tennis, thek-van-do, bowling, skate ball etc. Fulfillment of the programme was done according to the directions:

- acquaintance of fans with the rules, conditions, regulation of holding competitions in order to avoid some misunderstanding from their side;
- maintenance of the system of disciplinary punishment (working out by the Olympic Committee of the Netherlands the normative acts about creation of transparent single disciplinary system for performance of the activity of the disciplinary committee);
- improvement of behaviour of all participants of the process, so called a wide format of behaviour of sportsmen and fans;
- avoiding of excesses (organization and holding of conferences between federations with the aim of information and experience exchange about different kinds of abuse and violation committed by the police and referees as well as other interested sides, creation of the system of punishment for verbal and physical violation and a «black list» which allows to disqualify people with problematic behaviour for a long time);
- support of sports directors (administrators) who play an important role in the creation of the favorable sports environment who are in the direct contact with other participants, organizers and referees of the competitions;
- creation of social interaction between coaches by means of holding trainings on upbringing social behaviour, prevention of undesirable behaviour among sportsmen and coaches, stimulation of personal development of sportsmen;
- support of referees with the aim of working out the skills of decision making and stopping any undesirable behaviour and escalation of conflicts during the competitions.

Effectiveness of these measures has been increased due to the use of the Internet — platforms and popularization of information among great scales of population in the social nets, creation of electronic magazine «On the way of safer sports environment» [26].

We will note that civilized countries of the world have admitted that PCS is a base of relaxation in which has the place to physical activity, psychological relaxation and a fast taking down of emotional tension. Nowadays PCS should solve more global problems, their functions become wider, they are used to prevent and solve social problems in the society, more often as the means of socialization and social integration in different spheres,

for example, health care (V. Bottenburg, F. Coalter, K. Schuyt), growth of belief in «the power of sports» in treatment and prophylaxis of diseases (N. Boonstra, F. Coalter, N. Hermens, A. Knoppers).

More over, people's desire to improve their health and physical shape to promote their self development, maintaining contacts, communication improvement, interaction between people, correspondently, the development of sports. So, PCS by themselves the powerful means of influence, important social practice because they involve and unite people of different nationalities and social age groups.

Scientific programme «Sport» (2015–2017), aiming on the increase of the role of PCS in the society has been introduced due to the cooperation with partner organizations «Flexus Youth Square», «Assistance to sport in Rotterdam», the Netherlands institute of physical education and sport (NISE), municipal council of Rotterdam, which supports scientific researches and promotes their spreading among population.

In such way the proper conditions have been created and PCS have become the instrument of the social development, social integration and adaptation of socially unprotected youth of the Netherlands.

Among the tasks of the programme «Sport» is the research how PCS, teachers of physical culture and coaches promote social — personal development of youth, defining of the level of influence of sports environment and sports activity on the social — personal development of youth, tracing proper conditions which are necessary to create for successful cooperation between youth organizations and sports clubs.

Thus, for solving the tasks of the programme, increasing its effectiveness, examination of real opportunities of specialists of PCS towards overcoming the problems interviewing of physical culture teachers and coaches was performed. The researchers N. Hermens, S. Super, W. Westerhof prove that the results of interviewing of physical culture teachers and coaches have revealed that majority of them think that creation of positive social environment during training lessons will help effective mastering of social knowledge and skills.

Some of the respondents proposed their own strategies to help social — personal growth of youth through PCS, pointing out possible ways of passing them experience of life skills, their realization in other spheres, emphasized on the union of school, family and PCS efforts.

The researchers made a conclusion about certain specific, certain gaps and one-side position. That is why with the aim of seeking effective ways of realization of the defined problem, creation of conditions for experience exchange among specialists in the sphere of PCS the on-line platform «Network in motion» [18]. Hermens, S. Super, W. Westerhof with the theme file «Allesoversport.nl: all knowledge about sport and exercise in one place» [1] was worked out.

On this platform every specialist in the sphere of PCS can find answers to his questions, learn the documents, socialize with upholders in blogs [23].

Another research «De sportvereniging als springplank, van jeugdzorg naar oplossingen» proves that community of the Netherlands throughout the last decade made a very important contribution into the social development of PCS in the country, introducing its platform for unity, cooperation between state and non-state organizations with involving sponsors etc.

That is why the government directed its policy to improvement of life of the society and social defense of the most sensitive parts of the population by means of PCS. Such position is based on the conception thought that «sport — is not only joyful but productive and that is why it is supported by the government».

Appealing to the educational and health care establishments to unite and cooperate with PCS in the process of which every specialist in the sphere will perform his functions, so great differences in view, skills, knowledge and capabilities can exist, the government hopes to create conditions to gain sin energetic effect when a certain interaction takes place with taking into account the interests of everyone [13].

Another higher level of partnership of the community and the government is creation of the map «Social influence of physical culture and sports» [5]. In the introduced map the creators demonstrated the opportunity of different ministries of the country to use enjoy influence of PCS on the state level. While proving the social importance of PCS, the authors described the main aspects of their influence which can be done aiming to gain healthy style of life, enlightenment, productive social environment, economy, use of innovative approaches (international cooperation, economic diplomacy etc).

For its part, the national Olympic Committee of the Netherlands supporting the desire of the government in the creation of social programmes important for the society thinking about long lasting perspective of populariza-

tion of mass sports and healthy style of life, physical and spiritual wealth of people conducted the research «Social essence of sport» [3] in which revealed the importance of PCS, defined their social use. On the results of the research four directions of social influence of sports have been defined:

- individual development (sense of dignity, success, competitiveness, cognitive development — decrease of education productiveness);
- social relations (individuality, emancipation, socialization);
- health care (prophylaxis of diseases, decrease of spending on medical — sanitary help, high work productivity);
- economy (increase of the level of the population employment (volunteer activity), sport as the universal means for business).

The document points out that it is possible with the help of PCS directly or indirectly prevent or assist to decrease the threat of appearance of great social problems. From these points of view the activity of sports organizations has undergone great changes.

From now on by their own example they have been proving to the society the importance of PCS, to the politicians — the existence of many means to get social benefits from PCS on the terms of a certain state support and investments.

Understanding of social importance of PCS on the state level pushed the government to a number of initiatives to use PCS as an instrument to achieve social aims. The result of these initiatives was the creation at first small and then great projects.

The national programme in the sphere of PCS «Sport en Beweging Van traplopen tot podium» (created in 2016) became the response to the government initiative which aims to promote increase of physical and social activity of people despite of their age, social status or physical opportunities (special needs).

A number of specialists in the sphere of PCS, teachers of the universities, colleges, specialists of the self government bodies and businessmen have been involved into its introduction.

The organizers are sure that the participation in the programme will help people solve problems connected with health, social adaptation better which, in its turn, will stimulate personal and economic growth. Opportunely they affirm that success in it depends on effective cooperation of all participants of the process, recognition

of the social importance of PCS by the society which plays the key role.

We will remark that the programme «Sport en Beweging Van traplopen tot podium» aims to solve social problems of the society, create conditions for development social competence in youth, formation of character, tolerance, partner activity and interaction, inoculation life skills and habits of management in «sports context», physical, and social emotional education. The role models of PCS are among the means to encourage youth pass from risk groups to loyal behavior [17].

The programme also has international ambitions. So, during five years the Netherlands plan to create a certain infrastructure for the international researches which will not forego the leading countries of the world (the USA and England). To achieve this aim, the creation of HBO (Home Box Office) — platform of lecturers has taken place. It will help cooperate with the scientists and practical workers from the whole world. In such way the government of the Netherlands plans to raise sports science to a higher level with the aim of studying and introduction of innovative approaches in PCS.

The seriousness of the desire of the Netherlands to gain the leading positions in the world in the research of the social importance of PCS proves the fact that in spring 2017 the Ministry of health care, social guarantee and sports plans to introduce a new research programme in the sphere of PCS [27] which concerns scientific theoretical and practical issues solving the following tasks:

1. Unite researches in the sphere of PCS with ecosystems of sports innovations.
2. Study the level of income from the researches in the sphere of PCS during 2013–2017.
3. Improve cooperation among the government, research institutes, enterprises, specialists with the aim of increasing social — economic benefits.
4. Assist further development of scientific researches in the sphere of PCS taking into account earlier gained results.
5. Work out the ways for cooperation between the branches of education and PCS.

Finally, nowadays the process of actualization of the influence of PCS on the formation of social competence of youth has been taking place in the Netherlands. Taking into account different views of the scientists on the social importance of PCS, their social influence on the personality and innovation approaches to solving the issues of formation of social competence of the

personality, the role of PCS becomes evident. Besides the fulfillment this work will promote cooperation between branches, creation of infrastructure for international researches, increasing of effectiveness of social programmes through PCS in future.

CONCLUSION

From above discussed it is possible to make the following conclusions:

1. In the Netherlands there are wide opportunities of solving social issues through PCS.

2. The experience of the country proves that effectiveness of maintaining of the positive social environment among youth depends on partner relations of the government, community and sports organizations which are of vital importance for Ukraine in the conditions of power decentralization.

3. The positive experience for our country is confession of the social importance of sports in the creation of state programmes, use of which contributes much to the development of fundamental and applying researches in the sphere of PCS, encourages to seek new knowledge, new directions of development, satisfies ambitions not only specialists in the sphere of sports, scientists, sport politicians but also increases the status of the state.

Acknowledgments: for scientific consultation on the problem of the development of social competence of personality Olena Volodymyrivna Varetska — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Chair of Primary Education, Public Educational Institution «Zaporizhzhia Regional Institute of Post Graduate Pedagogical Education» Zaporizhzhia Regional Council, Zaporizhzhya.

References:

1. All about sports and exercise in one place. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.allesoversport.nl/> (in Nld).
2. Boichuk P. M., Borbich N. V. The model of formation of social competence of the students of pedagogical colleges. *Sotsialna pedahohika: teoriia ta praktyka*, – 2013, – No. 1, – P. 35–44 (in Ukr.).
3. Breedveld K., Elling A., Hoekman R., Schaars D. Social values of sport: scientific basis and reflected in local policy. *Mulier Instituut Kenniscentrum, Sport Utrecht*, – 2016, – P. 34. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kennisbanksportenbewegen.nl/?file=7415&m=1479988574&action=file.download> (in Nld).
4. Collard D., Boutkan S., Grimberg L., Lucassen J., Breedveld K. Effects of sports and exercise in primary. Preliminary study on the relationship between sport and physical activity at school and school performance. *Utrecht: Mulier Instituut*, – 2014, – P. 70 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.nro.nl/wp-content/uploads/2015/04/Rapport-Mulier-Instituut.pdf> (in Nld).
5. Deployment of sport and exercise for social impact, – 2016, [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/brieven/2016/11/16/inzet-van-sport-en-bewegen-voor-maatschappelijke-impact> (in Nld).
6. Duiven E., Hon O. The Netherlands regulation of anti – doping – 2014–2015. *Capelle aan den IJssel: Dopingautoriteit*, – 2015, – P. 173 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.dopingautoriteit.nl/media/files/2015/Topsportonderzoek_doping_2015-07-21_DEF.pdf (in Nld).
7. Hermens N., Boonstra N. Social significance of Ten Cate Sportboulevard Enschede. *De opbrengst van vier jaar vernieuwend sportaanbod*. Utrecht: Verwey-Jonker Instituut, – 2011, – P. 54. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.verwey-jonker.nl/doc/vitaliteit/Maatschappelijke-betekenis-van-Ten-Cate-Sportboulevard-Enschede_7204_web.pdf (in Nld).
8. Holland G van. Sport offers more than orwinding, 1996. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.nrc.nl/nieuws/1996/10/26/sport-biedt-eer-dan-opwinding-7329438-a940299> (in Nld).
9. Holt L. H., Kacey C. N. Positive youth development through sport a review. *Revista de Iberoamericana Psicología del Ejercicio y el Deporte*, – Vol. 6, – No. 2, – 2011, – P. 299–316.
10. Holt N. L., Sehn Z. L., Spence J. C. Possibilities for positive youth development through physical education and sports programmes at an inner city school. *Physical Education and Sport Pedagogy*, – No. 17, – 2012, – P. 97–113 (in Nld).
11. Hover P., Dijk B., Breedveld K., Eekeren F. van. Integrity of sport events. Position paper. Utrecht: Mulier Instituut/Utrecht University, – 2016, – P. 104 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kennisbanksportenbewegen.nl/?file=6382&m=1459949012&action=file.download> (in Nld).

12. Huber M., Vliet M. van, Boers I. Rethink your understanding of the concept of «health». *Nederlands Tijdschrift voor Geneeskunde*, – 2016, – 160: A7720. (in Nld).
13. Kempen Paul W.A. van. *The sports club as a springboard, youth care solutions*. Tilburg: Fontys Hogescho-
len, – 2015, – P. 39 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://hbo-kennisbank.nl/record/oai:repository.samenmaken.nl:smpid:52030> (in Nld).
14. Knoppers A. Where does sport lead? Inaugurele rede. Zeist: Jan Luiting Fonds, – 2006, – P. 32 [Elektronnyy
resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.academia.edu/18010654/Wat_brengt_sport_tewegg (in Nld).
15. Kolos M., Yaremenko V. Eytic and moral – law norms of upbringing students at the lessons of multi – dis-
cipline competition. *Fizychne vykhovannia, sport i kultura zdorovia u suchasnomu suspilstvi: zb. nauk. pr.,
Skhidnoievrop. nats. un-t im. Lesi Ukrainky, Lutsk*, – 2012, – No. 3 (19), – P. 22–25 (in Ukr.).
16. Markova A. K. *Psychology of professionalism*, – Moscow: Znanie, – 1996, – 308 p. (in Russ.).
17. *National Knowledge Agenda Sport and Exercise of stairs to stage*, Arnhem: NOC*NSF, – 2016, – P. 18. [Elektron-
nyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sportknowhow.nl/files/2016/NationaleKennisagendaSportenBewegen.pdf> (in Nld).
18. Network Motion. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.netwerkinbeweging.nl/> (in Nld).
19. Reijgersberg N., Lucassen J., Beth J., Werf H. van. *Baseline physical education in secondary schools*. Utrecht: Mu-
lier Instituut, – 2014, – P. 62 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kennisbanksportenbewegen.nl/?file=3592&m=1422883352&action=file.download> (in Nld).
20. Romijn D. Kalmthout J. van, Breedveld K. *VSK monitor 2015. Progress Action Plan for a safer sport environment*.
Utrecht: Mulier Instituut, – 2015, – P. 126 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: [www.kennisbanksportenbe-
wegen.nl/?file=5436&m=1447763206&action=file.download](http://www.kennisbanksportenbewegen.nl/?file=5436&m=1447763206&action=file.download) (in Nld).
21. Singh A. Uijtdewilligen L., Twisk J., Mechelen W. van, Chinapaw M. *Physical activity and performance at school:
a systematic review of the literature including a methodological quality assessment*. *Archive Pediatric, Adolescent
Medicine*, – 166 (1), – 2012, – P. 49–55 (in Nld).
22. Stegeman H. *Effects of sports and exercise in schools: a literature study of the relationship of physical activity
with cognitive, affective and social development*. 's-Hertogenbosch: W.J.H. Mulier Insituut, – 2007, – P. – 30
[Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: [https://www.kennisbanksportenbewegen.nl/?file=156&m=142288
2742&action=file.download](https://www.kennisbanksportenbewegen.nl/?file=156&m=1422882742&action=file.download) (in Nld).
23. Super S., Hermens N., Westerhof W. *Sport for vulnerable young people Mid-term research Youth Care and Sports*, –
2015. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.sportknowhow.nl/nieuws-en-achtergronden/colum-
nl/item/98831/sport-voor-kwetsbare-jongeren--tussenbalans-onderzoeksproject-jeugd-zorg-en-sport](http://www.sportknowhow.nl/nieuws-en-achtergronden/column-
xl/item/98831/sport-voor-kwetsbare-jongeren--tussenbalans-onderzoeksproject-jeugd-zorg-en-sport) (in Nld).
24. Varetska O. V. *Development of social competence of teacher of the primary school in the system of post diploma
pedagogical education*. Monograph. Zaporizhzhia: Kruhozir, – 2015, – P. 532 (in Ukr.).
25. Vilenskiy M. Ya. *Physical education in the complete professional readiness of the graduates from universities.
Zdoroviy obraz zhizni i fizicheskaya kultura studentov: sotsiologicheskie aspekty*, – Moskva – Harkov, – 1990, –
No. 1, – P. 65–70 (in Russ.).
26. VSK. *Towards a safer sport environment*. – 2016, [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.veilig-
sportklimaat.nl/home](http://www.veilig-
sportklimaat.nl/home) (in Nld).
27. *Voorjaar – 2017 Sport and Exercise of stairs to stage, First call new research sport and exercise*, – 2017. [Elek-
tronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sportsubsidie.nl/nieuws/onderzoeksprogramma-s-b/> (in Nld).
28. Zimnyaya I. A. *Key concepts – a new paradigm of the result of modern education*, Eydos: internet-zhurnal: –
2004, – P. 42 (in Russ.).

Information about the author

Babalich Victoria Anatoliivna, Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor of the Olympic and Professional Sport Theory and Methodology Department the Kirovograd Volodymyr Vynnychenko State Pedagogical University
Address: 56, Egorov Street, app. 81, Kropyvnytskiy, Ukraine, 25015, tel.: (066)-32-19-301
E-mail: vikababalich@meta.ua
ORCID: orcid.org/0000-0001-5698-836X

UDC 373.3.011.3–051:005.336.2–027:165.43–043.86:378.046–021.68(045)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-28-35>O. V. Varetska¹

¹ *Public Educational Institution “Zaporizhzhia Regional Institute of Post Graduate Pedagogical Education”
Zaporizhzhia Regional Council, Zaporizhzhya, Ukraine*

THE OPERATIONAL COMPONENT OF PRIMARY SCHOOL TEACHER'S SOCIAL COMPETENCE: CRITERIA, INDICATORS AND DEVELOPMENT LEVELS IN THE SYSTEM OF POSTGRADUATE PEDAGOGICAL EDUCATION

Abstract

Objective: to substantiate and to develop the content, criteria, indicators and development levels of the operational component of primary school teacher's social competence, to choose research methods, to identify and describe the changes that occurred in the process of postgraduate pedagogical education.

Methods: diagnostic methods — theoretical (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization, abstraction, classification, systematic approach); sociological (questionnaires, expert polls); socio-pedagogical methods (teaching observation and experiment); mathematical, statistical (method of averaging, paired comparisons, correlation analysis) and general research methods (analysis of literature, state nomenclature documents; modeling, method of terminological analysis, method of definitions).

Results: the paper substantiates the content of operational component of primary school teacher's social competence, gives broad and generalized description of its criteria (facility and success in solution of social problems and tasks for children and teaching staff), indicators (describe the ability to solve social problems of children and teaching staff), and development levels (high, sufficient, medium, and low). The selected diagnostic methods helped to identify the development level of the component under study, describe the changes that occurred in its development in postgraduate pedagogical education, contributed to the effective reliability of our characteristics of the development process in the system of postgraduate pedagogical education (SPPE), facilitated achieving the goal of our research.

Scientific novelty: the article deals with the content of operational component in the improved structure of primary school teacher's social competence; it specifies the criteria, indicators and development levels of primary school teacher's social competence in SPPE, taking into account the peculiarities of socio-professional activities; questionnaires have been worked out and the validity of the scientific and technological system of complex sustained development of the operating component in the above mentioned competence in postgraduate pedagogical education has been experimentally tested.

Practical importance: main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching, they provide foundation for further research on the formation of future teacher's social competence in particular.

Keywords: social competence; primary school teacher; operational component; criteria; indicators; development levels.

INTRODUCTION

Social challenges caused by transformational processes at the levels of states and the world are reflected on education sector as well, influencing the development of each individual, putting forward new requirements to the latter. Government officials and scientists are concerned about the danger of «junk class» [9] emergence in the future, they emphasize on the fact that any education today suggests learning huge amounts of information

without taking into account the vital individual needs of students or the possibility of application of this knowledge in their everyday life, school curricula priorities are aimed at students' transformation into «reservoirs of knowledge», «experts» in each subject, with great amount of knowledge which most of them will never need in life or be «amateurs» in the subjects which are a part of their life. This problem is of vital importance for Ukraine. Therefore, the Concept of a new Ukrainian

school focuses on social competence (effective teamwork abilities, abilities to prevent and resolve conflicts, reach compromises) in the list of ten competencies; among the nine key components of the new Ukrainian school concept of utmost importance is pedagogy based on collaboration of teachers, children and parents; five sectors contain pedagogy of partnership [10].

Taking into account sustainable primary school reformation for the past 5–7 years and younger school student's sensitive age the role of primary school teacher is growing. The teacher as an individual and a professional lays foundation for the development of a spiritually rich, socially oriented, mobile, competent person with social expertise, who can handle with problems occurring in different the social environment. So, any teacher, first of all, must be socially competent. However, we can state that currently, in academic and scientific-pedagogical literature there are no criterion or level tools for the evaluation of the development of primary school teacher's social competence.

RESULTS

The results of the analysis of scientific literature allow us to conclude that social competence of personality is interpreted in the context of various approaches, in particular cognitive — through the body of social knowledge (H. Ayzenk, O. Bodaliyov, S. Kostomski, O. Dzhon, N. Kentor, V. Kunitsyna, and others), activity and behaviour-based approach, defined as adequacy and activity relevance based on social interaction skills and behavioral scripts (D. Vorontsov, R. Zobov, V. Kelasiev, V. Kunitsyna, Ye. Munitz, H. Parfenov and others), individual social responsibility considered as the importance of the motivational component and personal qualities for effective action in the standard and non-standard situations (D. Vorontsov, I. Zarubinska, M. Lukianova, and others); adaptive, seen as certain capacity for adaptation, cooperation and control over situation (A. Mudryk, P. Boichuk, N. Borbych, V. Kunitsyna, and others); sociocommunicative, which stands for effective interaction with the environment in everyday life (N. Doctorovych, S. Ostapenko, and others).

Basic categories in the formulation of the multidimensional concept of «social competence» are the following: ability, capacity, personal qualities, social knowledge and skills, competencies, social roles, interaction with social environment, self-development, self-realization, social intelligence, and etc. Such basic categories result from the involvement of social competence into all

spheres of life and its umbrella structure, in which, in our opinion, social component is understood as a sustainable personality orientation on interaction and cooperation for harmonious, fair accommodation of interests that penetrate into all spheres of activity, and is represented as individualization, individual form of appropriation by a personality a variety of social relations.

The structure of primary school teacher's social competence in our research is presented by motivational and axiological, cognitive, activity, operational, personal and professional, and reflexive components. It requires the characteristics of the specific socio-professional activity of a primary school teacher taking into account the functions of social competence and the assessment of the results of its development.

We emphasize on the fact that the issues of criteria elaboration, indicators, levels, their application in the solution of problems of the development of primary school teacher's social competence are undercharacterized. Given that many criteria are not linked, not related to a single typological group and their detail and definition is a topic of scientific debate, obtained experimental results are quite difficult to draw together into a single system despite the fact that they are made in one direction. Therefore, the development of appropriate tools, in our case is based on theoretical grounds and methodological approaches from various areas of general pedagogy, theory and methods of professional education.

Let's note that criteria for the development of primary school teacher's social competence reflect general essential features which make it possible to differentiate, define and describe. They express a higher level of abstraction, are the ideal samples for comparison with the real characteristics of the phenomenon. Their totality completely covers all essential characteristics. For "measurement" of the development process, determining the impact of symptoms, we are developing the most detailed criteria that contain fine units of measurement (indicators) [1; 2; 3], and are the indicators the assessment is based on.

The issue of the link between criterion and indicator was covered in some scientific publications, because the criterion is expressed through indicator. The measurement demonstrates the development of the criterion and is fixed by the figures obtained as a result. It can be used to assess the quality of the development of a specific component of social competence, namely operational component under appropriate pedagogical conditions.

Defining the indicators we kept up to the following requirements: clarity of indicators content, measurability; consistency, which provides the most complete characterization of social competence of the individual; efficiency, flexibility, the ability to reflect possible changes.

The concept of “level” in scientific literature is interpreted as a degree of manifestation and implementation of a specific criterion or indicator; it is represented by a system of motives, knowledge, and practical skills, personal and special abilities, including the capacity for reflection, which reflect their characteristic features.

Thus, the criteria, indicators and levels are those indicators on the basis of which the development of the components of primary school teacher’s social competence can be defined and assessed. This definition is closely connected with the diagnostic methods used in the study, covers the content of social competences specified among the functional responsibilities of the teacher regarding his socio-professional activities. Thus, in the outlined and described *system of indicators* in the development of primary school teacher’s social competence there are main six groups, each of which represents one of the components.

Given the fact that the volume of the article does not allow to cover the criteria, indicators and the levels of each component from the above mentioned structure, we are focusing on the extended operational characteristics of the component.

We point out that operation and technology (praxiological) component is reflected in the 12% of research structures (out of 33 surveyed), which mainly relate to social competence of individual (M. Ardzhil, I. Chernousov, S. Goncharov) [11; 4; 5], the identity of pupils (S. Ukurova) [6, P. 122]. This fact can be explained by the potential of active component (38%) and relevant understanding of its content. Therefore, we believe that operational component is to be placed in the centre of attention to enable teachers to organize socially-oriented cognitive and educational activity of younger students effectively.

Indicators of technological procedures in the development of the operating component reflect the ability of the teacher to solve social problems, problems of children and pedagogical staff in general educational institutions (GEI) (forecast of social activities objectives in professional environment, constructive resolution of social problems in professional activities, socialization tasks, education and personal development of younger

pupils; organization and management of the process of solving social problems in professional activity; organization of social activities of the diagnostic basis in GEI; the implementation of socially-oriented methodological and communicative functions and the implementation of pedagogical reflection).

Conventionally, all the criteria system for the assessment of social competence can be divided into two groups, the first of which gives an opportunity to see the manifestation of social knowledge, relevant behavior, actions and feelings of the teacher in the external form of manifestation (judgment, performance, action, assessment, etc.). The second group has no external manifestation. It integrates inner social motives, social beliefs, plans, and teacher’s aims.

The indicators of the development of primary school teacher’s social competence in SPPE are defined as combination of qualitative and quantitative reflection of certain properties of this process which can vary (the quality index is defined by its essence through six-componental social competence structure).

The signs (*criteria*) of *operational* component is *facility and effectiveness* in social problems solution, problems of children and pedagogical staff in GEI: forecast of social activities in professional environment, constructive resolution of social problems in their professional activities, the tasks of socialization, education and personal development of younger pupils; organization and management of this process; organization of social work on diagnostic basis in GEI; implementation of socially-oriented, methodical, communicative functions, implementation of pedagogical reflection.

Let’s focus on the extended characteristics of the criterion-level assessment tools of the development of *operational component* of primary school teacher’s social competence in SPPE. The rates of such development characterize the teacher’s ability to solve social problems in children groups and among teaching staff of GEI.

This ability can be defined as the ability:

- to establish a hierarchy, to form a «tree of goals», to clarify socially meaningful goals of professional activity, to specify them as individual objectives in socio-educational activities; to form on the basis of objectives a sustainable program of control and diagnostic activities in micro — and macrocommunities; to carry out certain actions to define diagnostic strategies in social environment;

- to use a variety of teaching sources of information, process and systematize received socio-pedagogical and socio-psychological information with subsequent determination of the directions and correction content;
- to outline the contents of training and social activities, that is, to possess appropriate skills of selection, organization of training and social information; to design and define the structure, content, and technology of social activities by means of pedagogical and methodological tools; to organize psycho-social support in the process of personal development;
- to choose the optimal solution of methodical tasks as the potential for solving problems of social activities; to determine the direction and content of instructional activities in solving social problems; the strategy and tactics of socio-pedagogical support at all levels of interaction;
- to develop a mechanism of innovation in socio-pedagogical work; to choose the forms and means of organization of professional activity in solving social problems, effective means of socio-pedagogical communication; to coordinate the activities of participants on different levels of pedagogical interaction in solving problems of socio-pedagogical activity; monitor timely correction of organizational strategies; different types of analysis of micro — and macrocommunity; to demonstrate the skills of perception and empathy among colleagues;
- to possess practical algorithms for the constructive resolution of pedagogical conflicts among teachers; to implement self-monitoring and self-evaluation teaching and social work in the pedagogical team.

The complex of abovementioned teacher's abilities is considered taking into account the criteria associated with carrying out socio-pedagogical functions and tasks in children's groups and among the teaching staff in GEI; they reflect common essential characteristics of *operational component of social competence*.

Generalized indicators of the development of operational component are: the ability to forecast objectives in professional environment, constructive solution of social problems, problems of socialization, upbringing and development of young student's personality in primary school in professional activities, organization and leadership of the

process and social activities in GEI on diagnostic basis; communicative functions and pedagogical reflection, socially oriented and methodical functions.

There are certain *levels*, which represent one of the three components of research results assessment reflecting the explication (development) level of a particular criterion that characterizes such development. Assessment of the development of social competency can be defined and characterized by high, sufficient, medium and low levels of each of the component of six-componental structure. Concerning the *operational component*, its generalized semantic content can be as follows.

High level is defined as *the ability to easily and successfully solve social problems in children's groups and among the teaching staff of GEI (the ability to easily and successfully, efficiently forecast the objectives in social work in professional environment, always constructively solve social tasks of socialization, education and personal development of younger pupils in professional activities; successfully organize and manage that process; skillfully organize and constructively manage social activities on a diagnostic basis in GEI; to implement successfully socially-oriented methodological and communicative functions, to carry out pedagogical reflection [7, P. 54–55] as the subject-subject interaction in the organization of educational process on the basis of rethinking professional and personal values within the dimension of spiritual and socio-cultural values, awareness of their own activities as a way of life and full self-fulfilment, creative activity, to be the creator of educational process organization, to perceive difficulties and obstacles in accomplishing of the professional tasks as the possibility of changes and self-improvement, to identify personal potential and pedagogical creativity).*

Sufficient level is defined as *the ability to relatively easily and successfully solve social problems in the children's groups and among the teaching staff in GEI (the ability to relatively easily and successfully state objectives in social work in professional environment, to handle constructively with social problems in professional activities, the tasks of socialization, education and personal development of younger pupils; to organize successfully, manage the process of solving social problems in professional activities; to organize social activity in GEI effectively on diagnostic basis; to implement socially-oriented and methodical, communicative functions and implement pedagogical reflection [7, P. 54], which influences teacher's commitment towards the reflection and understanding*

of the experiences and thoughts of all participants of educational process, self-perception of social position with clear professional standards, understanding of difficulties and obstacles in the implementation of professional tasks with teacher's violation of work technology, perception of goal achievement as means of professional activities).

Middle level is stated when the teacher is *not always able to come to positive solutions easily*, to deal with social challenges in children's groups and among the teaching staff in GEI (it is *not always easy to forecast objectives in social work in professional environment, to organize, manage and deal constructively with social problems, problem of socialization, upbringing and development of child's personality in primary school in professional activities; to arrange social activities in GEI on the diagnostic basis; implement socially-oriented methodological and communicative functions; teachers implements pedagogical reflection [7, P. 54] concerning the organization of educational activity of students as a component of their activities, perceives himself the central figure of pedagogical interaction, and activity of pupils as a secondary, derivative, dependent on the actions of the teacher, demonstrates the attitude to professional activity as a means of linking all the difficulties and obstacles in the implementation of professional tasks with external factors*).

Low level can be defined as *attempts to solve social problems and problems in children's and teachers' groups in GEI (attempts: to forecast objectives in social work in professional environment, these efforts are not always successful or constructive solutions of social problems in the professional activities, problems of socialization, upbringing and development of the individual; from time to time teachers organize and manage the process of solving the problems; sometimes they arranged social activities on a diagnostic basis; occasionally implement socially-oriented and methodical, communicative functions, carry out pedagogical reflection)*.

Therefore, the presented extended and generalized characteristics of criteria, indicators and levels of the development of operational component of primary school teacher's social competence gives the opportunity to reflect its main generic features, namely: *indicators* represent the ability to solve social problems in children's groups and among the teaching staff of GEI.

The operating component of primary school teacher's social competence is considered as a two-dimensional formation, each of its components is defined in accord-

ance with criteria, indicators and levels that characterize the development of operational mechanisms regarding the implementation of specific socio-pedagogical and socio-psychological features that are reflected through the system of abilities defined through: 1) self-assessment; 2) expert's assessment.

At all stages of the pedagogical experiment the *level of development of operational component of primary school teacher's social competence* is defined by two constituents, which are reflected through the system of teacher's abilities. To determine the *first constituent of operational component* based on the requirements outlined in the guidelines for the development of the components of higher education standards [8], Branch Standard in Higher Education, qualification characteristics, educational-professional programs of training, such as: Junior specialist, Bachelor, Specialist, Master's in Specialty "Primary Education", qualification "Primary School Teacher", "Primary Education Administrator, Primary School Teacher", "Teacher of Pedagogy and Teaching Methods in Higher Education" (student's choice), Berdyansk State University, T. Shevchenko Lugansk National Pedagogical University we have composed a questionnaire "The ability of primary school teachers to solve social problems, problems in children's groups and among pedagogical staff in GEI", reflecting the development of operational mechanisms regarding the implementation of teacher specific socio-pedagogical and socio-psychological features that are reflected through the system of teacher's abilities. According to the questionnaire the respondents assessed the degree of development of the ability to solve social problems in children's groups and among the teaching staff in GEI (self-assessment), namely the ability to: state objectives in social activities in professional environment, constructively resolve social problems in their professional activity, organize social activities on the diagnostic basis in GEI, solve the tasks of socialization, education and personal development of younger pupils; implement socially oriented methodological functions, organize and manage the process of solving social problems in professional activities, perform communicative functions, pedagogical reflection, which expand on operational components of teacher's activity.

To define the second constituent of the operating component we applied the method of competent judges — expert assessments (in our research it is defined as "Expert assessment of the primary school teacher's ability to solve social problems, problems in children's

groups and among pedagogical staff”). It shows the ability to solve social problems in children’s groups and among pedagogical staff in GEI. It is based on the previous questionnaire and we asked experts to fill in the form. The experts were the leaders of GEI, supervisors of innovation and methodological center, head teachers, primary school teacher’s of the highest category, who are experienced specialists, who work with the teachers involved in the research. It enabled us to obtain a priori estimates of teachers’ ability to solve social problems, problems in children’s groups and among pedagogical staff in GEI.

Each expert judgement was reproduced in a quantitative form (expression of an expert opinion in four-point discrete scale). Based on the assessments of three experts concerning the ability of the teacher to solve social problems in children’s groups and among the teaching staff in GEI the average expert assessment is performed. The results obtained were compared with the results of self-assessment made by teachers, who assessed their abilities to solve social problems in children’s groups and among the teaching staff in GEI. It makes possible to obtain the most objective results regarding the question under consideration, namely, formation of operational component of primary school teacher’s social competence.

Table 1. – Development Levels of Operational Component of Primary School Teacher’s Social Competence at the Starting Stage of the Pedagogical Experiment, %

Levels	High		Sufficient		Middle		Low	
	CG	EG	CG	EG	CG	EG	CG	EG
DM № 7	18,8	15,4	60,3	57	18,5	24,2	2,4	3,4
DM № 8	25,7	33,8	62,3	66,2	8,2	–	3,8	–
Summarized results	22,3	24,6	61,3	61,6	13,3	12,1	3,1	1,7

Note: 1. DM № 7, DM № 8 stand for the diagnostic methods № 7, № 8, used in our research to define the first and the second constituent of operational component of primary school teacher’s social competence; 2. $P > 0,05$.

The check for validity of the obtained data showed no significant differences between arithmetic average values \bar{X}_{CG} i \bar{X}_{EG} ($t\text{-bit. } (1, 24) < T\text{-table. } (1, 96)$), indicating their homogeneity ($P > 0,05$).

At the monitoring stage, 23.3% of the participants from the CG and 70.7% of the EG members demonstrated a high level of development of operational mechanisms for the implementation of the teacher specific socio-pedagogical and socio-psychological functions, shown in the system of abilities identified in self-assessment (the first constituent of operational component); 66.4% of respondents from the CG and 29.3% from the

Thus, on the basis of the survey carried out we defined the level of each of the teachers’ abilities to solve social problems in children’s groups and among the teaching staff in GEI (which is *the first component*). Assessment of the obtained results is made on the following scale: high level 97–120 points; sufficient — 83–96 points; middle 49–82 points and low — 48 or fewer points, with the subsequent assessment of each of the groups.

At the starting stage of the expert assessment all the participants of the control group (CG) and the experimental group (EG) were divided into groups of four levels. It was found out that 18,8% of teachers from CG and 15,4% teachers from the EG demonstrated high level of the abilities under study; 60,3% of the participants from the CG and 57% from the EG demonstrated sufficient level. 18, 5% of teachers from the CG and 24, 2% from the EG demonstrated middle development level of these abilities. Low level was demonstrated by relatively small quantity (2, 4%) and (3,4%) from the CG and the EG respectively.

On the basis of the calculations on the above data, questionnaires and expert assessment we got the results reflecting the level of the development of operational component of primary school teacher’s social competence (table 1).

EG demonstrated sufficient level. The average level is found only in the CG (10.3%). Low level wasn’t identified in any of the groups. Comparison of the results regarding the development of the first constituent of the operating component of teachers in the CG and the EG in the monitoring phase showed a significant difference in favor of the latter.

In addition, comparison of initial and final results concerning the levels of development of the first constituent of the operating component of the participants in the CG and the EG shows positive dynamics in the EG (15.4% and 70,7% — high level; 57% and 29.3% — suf-

ficient; 24.2% and 0% — average; 3.4% 0% — low respectively), whereas in the CG we observed only an improvement tendency (18.8% and 23,3% — high level; 60,3% 66,4% — sufficient; with 18.5% and 10.3% of the middle; 2.4% and 0% — low respectively).

According to the results of expert assessment of *the second constituent of the operating component* at the monitoring stage, 25% of participants in CG and 76.9% of the EG experts demonstrated a high level of development of operational mechanisms for the implementation of teacher's specific socio-pedagogical and socio-psychological functions, shown in the system of abilities; 70.7% of respondents in CG and 23.1% in EG showed sufficient level. The average level was detected in the CG (4.3%). Low level was not identified in any of the groups.

Comparison of the results regarding the development of the second constituent of the operating com-

ponent of social competence in the CG and the EG at the monitoring stage of the pedagogical experiment showed a significant difference in favor of the latter group ($P < 0.05$).

In addition, comparison of initial and final results concerning the levels of development of the second constituent of the operational component of social competence in the CG and the EG shows positive dynamics in EC (33.8% and 76,9% — high level; 66,2% and 23.1% — sufficient respectively, medium and low levels are not found), whereas in the CG only an improvement tendency was observed (25.7% and 25% — high level; of 62.3% and 70.7% — sufficient; 8.2% and 4.3% of the middle respectively; low is not found). The level of development of operational component of social competence at the monitoring stage of the pedagogical experiment is presented in table 2.

Table 2. – The Level of Development of the Operating Component of Primary School Teacher's Social Competence at the Monitoring Stage of the Pedagogical Experiment, %

Level	High		Sufficient		Middle		Low	
	CG	EG	CG	EG	CG	EG	CG	EG
DM № 7	23,3	70,7	66,4	29,3	10,3	–	–	–
DM № 8	25	76,9	70,7	23,1	4,3	–	–	–
Summarized results	24,1	73,8	68,6	26,2	7,3	–	–	–

Note: 1. DM № 7, DM № 8 stand for the diagnostic methods № 7, № 8, used in our research to define the first and the second constituent of operational component of primary school teacher's social competence; 2. $P > 0,05$.

Therefore, in the EG at the monitoring stage, there are significant improvements in the development of the operating component, which can be proved by the differences of the average arithmetic parameters in the CG and the EG ($t\text{-bit. } (4, 84) > T\text{-table. } (1.96)$).

The comparison of initial and final results concerning the levels of development of operational component of social competence in the CG and the EG shows positive dynamics in the EG (respectively 24.6% and 73,8% — high level; 61,6% 26,2% — sufficient; 12.1% 0% — middle; 1.7% and 0% — low), whereas in the CG only an improvement tendency was observed (respectively 22.3% and 24.1 per cent — the highest level; 61.3 per cent and 68.6 per cent — sufficient; 13.3% and 7.3% of the average; there are no low level results in either cases).

CONCLUSION

Selected diagnostic methods that reflect the research methodology representing the essence of primary school teacher's social competence, describing its components, became a measuring instrument for its evaluation. Select-

ed methods have proved largely effective providing the reliability of characteristics of primary school teacher's social competence development in SPPE, and this fact contributed the opportunity to achieve the goal.

At the same time, a primary school teacher can efficiently acquire knowledge and skills, develop competences and get advanced expertise in GEI only if this process is accompanied by the development of personal and professional abilities.

Therefore, in the context of our further research the definition of the levels of development of personal and professional components of primary school teacher's social competence proved to be essential, because it provides an integrated approach to handle with the issues under consideration.

Acknowledgments: the implementation of pedagogical experiment in this research was supported by the administration and teaching staff of Ivano-Frankivsk Regional Institute of Postgraduate Education for Teachers, Zaporizhzhya, Dnipropetrovsk, Volyn, M. V. Ostro-

gradsky Poltava Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Odesa Secondary school 18 of I–III stages, Odesa city Council specialized school 40 of I–III stages.

References:

1. Verhasov V. M. The Activization of Students' Cognitive Activity in Higher School, Kyev: Vysshaya shk., – 1985. – 176 p. (in Russ.).
2. Honcharenko S. U. Pedagogical Research: Methodical Advice for Young Scholars., Kyiv; Vinnytsya: Vinnytsya, – 2008. – 278 p. (in Ukr.).
3. Maksymenko S. D. The Development of Psychic in Ontogenesis. – T. 2. Modelling of Psychological Neogenesis: genetic aspect, Kyiv: Forum. – 335 p. (in Ukr.).
4. Honcharov S. H. Social Competence of Individual: Essence, Criteria and Meaning, Obrazovanye y nauka, – 2004, – 2, – P. 3–18. (in Russ.).
5. Chernousov Y. V. The Formation of Social Competence of an Individual as an Important Task of Higher Professional Education, Vestn. THU, – 2007, – Vyp. 6 (50), – P. 17–20. (in Russ.).
6. Uchurova S. A. The Development of Social Competence in Educational Process (the Case Study: German Language and Social Studies Lessons): monohrafiya, Ekaterynburh: UrFU, – 2011. – 196 p. (in Russ.).
7. Myroshnyk O. H. Teacher's Reflection as a Factor Expressing Teacher's Creative Potential, Estetyka i etyka pedahohichnoyi diyi: zbirnyk naukovykh prats', – 2011, – vyp. 2, – P. 48–57. (in Ukr.).
8. Guidelines for the Development of Branch Standards of Higher Education (Competence Approach) / ukl.: V. L. Hulo, K. M. Levkivs'kyi, L. O. Kotolovets', N. I. Tymoshenko, V. P. Pohrebnyak, A. V. Honcharova, M. O. Prysenko, M. V. Symono-va, N. V. Kroshko, Kyiv: Instytut innovatsiynykh tekhnolohiy i zmistu osvity MON Ukrainy, – 2013. – 92 p. (in Ukr.).
9. Krasil'nikova Yu. British Parliament calls to prepare young students to compete with AI/YU. Krasil'nikova // Khaytek, – 2016. – 12 oktyabrya [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://m.hightech.fm/2016/10/12/education_ai
10. New Ukrainian School: Conceptual Foundation for Reforms in Secondary School: [Elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupu: <http://mon.gov.ua/activity/education/zagalna-serednya/ua-sch-2016/konczepczyia.html>
11. Kunitsyna V. N. Interpersonal Communication: manual for higher education institutions / V. N. Kunitsyna N. V. Kazarinova V. M. Pogol'sha. – Sankt-Peterburg: Piter, – 2001. – S. 478.

Information about the authors

Olena Volodymyrivna Varetska, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Chair of Primary Education, Public Educational Institution "Zaporizhzhia Regional Institute of Post Graduate Pedagogical Education" Zaporizhzhia Regional Council

Address: Nezalezhnoii Ukrainy Street, 57-A, Zaporizhzhya, Ukraine, 69035, tel.: 061–236-02-52

E-mail: olena-varetska@i.ua

ORCID: [org/0000-0002-4567-5760](https://orcid.org/0000-0002-4567-5760)

S. P. Zapolskykh¹¹ Zaporizhzhya National University, Zaporizhzhya, Ukraine

TRAINING TRANSLATORS AND INTERPRETERS (BACHELOR AND MASTER DEGREE PROGRAMS): CONTENT AND TEACHING METHODS OPTIMIZATION

Abstract

Objective: to outline the content of translator and interpreter's Bachelor and Master Degree Programs, their relevance to translator's/interpreter's competence, to substantiate the necessity of modernizing the content of translator and interpreter's Bachelor and Master Degree Programs in accordance with the professional demand, to demonstrate the need to upgrade the teaching methods applied, to suggest possible solutions to the problems under consideration to enhance efficiency of translator and interpreter's training.

Methods: analysis of literature: study of modern researches on translator's/interpreter's competence, government laws, rules and regulations concerning Higher Education, university translator/interpreter Bachelor and Master Degree programs; sociological (questionnaires — google forms); induction, deduction, comparison, generalization, modelling possible solutions of the problems under consideration.

Results: the paper outlines the content of translator/interpreter Bachelor and Master Degree Programs, their relevance to translator's/interpreter's competence. It shows the necessity of modernizing the content of translator and interpreter's Bachelor and Master Degree programs in accordance with the professional demand in the region. The article describes the teaching methods applied in the process of training and demonstrates the need to upgrade them. Possible solutions of the problems under consideration which can enhance the efficiency of translator and interpreter's training are suggested.

Scientific novelty: the article substantiates the necessity to introduce certain changes into the content of translators and interpreters training and the character of teaching methods applied in the process under study; the research presents the analysis of translator and interpreter Bachelor and Master Degree Programs, taking into account the peculiarities of translator/interpreter competence in socio-professional environment, its present demand and orientation towards global integration.

Practical significance: the results of the research and the practices described in the article can serve a springboard for further research and practical teaching activity, aimed at upgrading the content of translator/interpreter training and teaching methods, which meets the requirements of socio-professional environment and results in enhancing its efficiency.

Keywords: translator/interpreter training, Bachelor's Program, Master's Program, translator's competence, interpreter's competence, teaching methods.

INTRODUCTION

The professions of translator and interpreter are in demand on our labor market, though the requirements to the applicants have greatly changed, they have experienced certain transformations in recent years. Tight labor market is characterized by fierce competition, which results in the need of professional training a versatile individual with a set of hard and soft skills meeting the requirements of the changing environment. This process contributes to the development of a specific transformed

concept of translator/interpreter competence, which is the target of professional training.

Taking into consideration the necessity to adjust to the changing conditions, it should be noted that we are temporary left in legal limbo due to the absence of the Branch Standards of Higher Education. The Branch Standards are the guiding landmarks for the professional training, they contain such components as:

- *educational qualification characteristics* of graduates of higher educational institutions, which define

the objectives of higher education and training, determine the place of the specialists in the structure of state industries and the requirements for their competence and other socially important qualities, abilities and skills, professional functions and typical tasks (these characteristics should be approved by authorized central executive body in education and science in coordination with the authorized central body of executive power in industry of labor and social policy);

- *educational and professional training programs*, which define the regulatory period and the regulatory part of the content of training in a certain field or specialty, the requirements for content, scope and level of education and professional training (these training programs should be approved by the authorized central executive body in education and science);
- *diagnostics tools*, intended for quantitative and qualitative assessment of education efficiency, that is the assessment of knowledge, abilities and skills, professional and other qualities in compliance with the education standards of higher education (these tools should be approved by the authorized central executive body in education and science as well [29]).

The development of the Branch Standards of Higher Education heads the list of priorities for 2017, presented among the tasks of our Ministry of Education [20]. Awaiting the solution, we can't ignore our life moving forward and updating professional training should be taken for granted as it is inevitable. The guiding landmarks for the professional training are of utmost importance and they can be worked out on the basis of the notion of the professional *translator/interpreter competence* [6]; the study of its components will help us analyze the content of translator and interpreter's training program, substantiate the assessment of approaches and teaching methods applied and specify the choice of efficient approaches and teaching methods.

RESULTS

Translator's and Interpreter's Competence has been in the focus of the scholarly attention paid to translator's and interpreter's activity and training; the analysis of literature on the problem (Alekseev E. S. [1], Bell R. T. [2], Breus E. V. [3], Campbell Stuart J. [4], Komissarov V.N. [14], Latyshev L. K. [15], Martínez M. N. [16], Orozco M. [22], etc.) demonstrates that Translator's and In-

terpreter's Competence is a complex phenomenon formed on the basis of linguistic and sociocultural knowledge and skills. Interlingual communication defines the peculiarities of translators and interpreters activity and as a result the researchers point out a set of shared skills and abilities, they require distinct skills and techniques as well to perform their task successfully. Translators transfer the source language into the target in writing, interpreters perform it orally. Though, the first group of components is common for both groups of professionals and considering the opinion of the abovementioned scholars, it can be specified as consisting of four components: *lingual, discursive, sociolinguistic and sociocultural* [15, 19].

Lingual component of translator's/interpreter's competence includes knowledge about the system and the structure of the source and target language and rules of their functioning in the process of communication, the ability to use formal tools to operate and the rules by which linguistic units are arranged in meaningful statements.

Discursive component of translator's/interpreter's competence can be defined as the ability to communicate text and speech parameters in the subject area; the ability to plan their presentment behavior, understand and convey information in coherent, logical statements, to build and to organize statement in accordance with the purpose of communication.

Sociolinguistic component of translator's/interpreter's competence is manifested in the ability to perform various types of interlingual activity choosing linguistic means according to field of communication taking into account the peculiarities of social status of the partners in communication.

Sociocultural component of translator's/interpreter's competence includes the ability to apply various types of information about national and cultural peculiarities of the source or the target language country, the ability to build their behavior based on these characteristics and standards.

At present the scholars add *instrumental competence* to the list as both professionals require different types of instrumental skills (translators are to master software (computer added translation) and be able to work with electronic reference literature; interpreters, for instance, engaged in simultaneous translation are to use conference equipment). Interpreters should have some additional competence components, such as *general knowledge, memory skills, public speaking and moral* [11].

On giving a general outline of the concept of translator/interpreter competence, we come to the conclusion

that lingual component of translator's/interpreter's competence is the basic one and its formation should be the priority, thus we proceed with the analysis of Bachelor and Master Degree programs. The content of the programs will show their relevance to the identified components of translator/interpreter competence.

Bachelor's Degree program takes four years and includes such courses as:

- *first year*: History of Ukraine (3 credits), Ukrainian for Professional Purposes (3 credits), Practical Course of First Foreign Language (27 credits), Practical Course of Second Foreign Language (5 credits), Latin (3 credits), Introduction to Linguistics (3 credits), Introduction to Literary studies (3 credits), Introduction to Translation Studies (3 credits), History of Foreign Literature (3 credits), Foundations of Applied Linguistics (2 credits), Physical Training (3 credits) — total — 58 credits;
- *second year*: History of Ukrainian and Foreign Culture (3 credits), Practical Course of First Foreign Language (15 credits), Practical Course of Second Foreign Language (12 credits), Introduction to Special Philology (3 credits), Comparative Lexicology (3 credits), History of Foreign Literature (4,5 credits), Psychology and Pedagogy of High School (3 credits), Cultural Studies (3 credits), Comparative Grammar (3 credits), Theory and Practice of Translation from First Foreign Language (5,5 credits), Course Paper on Philology (3 credits) — total — 58 credits;
- *third year*: Comparative literature (3 credits), Rhetoric (2 credits), Ethnology (3 credits), First Foreign Language (13,75 credits), Second Foreign Language (13,25 credits), History of Foreign Literature (2,75 credits), Comparative Grammar (2,75 credits), History of English Language (2,75 credits), History and Theory of Translation Studies (3,75 credits), Linguistics (2,75 credits), Introduction to Cross-cultural Communication (1,25 credits), Modern Ukrainian literature (2,25 credits), Practice of Translation (5,25 credits), Course Paper on Translation Studies (3 credits) — total — 60 credits;
- *fourth year*: Safety and Health Protection (1.5 credits), Politology (2 credits), Comparative

Stylistics (1.5 credits), First Foreign Language (12 credits), Second Foreign Language (9,5 credits), History of Foreign Literature (2,5 credits), Practice of Second Foreign Language Writing (3 credits), Practice of Translation (6,5 credits), Neology and Translation of Neologisms (1,5 credits), Law Translation (1.5 credits), Business Documents Translation (2,25 credits), Fundamentals of the Theory of Communication (3 credits), Third Foreign Language (3 credits), Practice of Interpretation (3 credits), Course Paper in Translation studies (3 credits), Practical Translation/Interpretation Training (6 credits) — total — 65,5 credits.

It should be noted that our graduates get a Bachelor's degree in Translation and Interpretation from English into Ukrainian, while the program of their education includes a wide range of various subjects, some of which have a slight relevance to translator's/interpreter's competence. We have analyzed the content of the academic subject's programs [30] and came to the conclusion that some of them should be replaced or greatly modified to meet the requirements of professional competence.

At the starting stage of the experiment the undergraduates were asked to distribute the subjects in accordance with the professional components and assess their relevance. They filled in questionnaires expressing their opinion concerning the efficiency of the program studied and their relevance to shared translator's/interpreter's competence. The undergraduates selected certain subjects, which to their mind contributed to the formation of such components of shared translator's/interpreter's competence as lingual, discursive, sociolingual and sociocultural. The table shows the results of the opinion poll.

The preparatory stage showed that students assess only one third of the subjects as bearing direct relevance to the required professional competences. The subjects, considered of direct relevance to the competences occupy only two third of the total credits suggesting doubtful efficiency (for different reasons) of the rest in the academic program. All the students assess as the most relevant such subjects as Practical Course of First Foreign Language and Theory and Practice of Translation. 10% of the students admit their insufficient knowledge of a second foreign language, lack of lingual and discursive components of translation competence and expressed their request for focusing attention on the basic competences in the teaching programs.

Table 1. – Bachelor's Degree Program, Shared Translator's/Interpreter's Competence Components and Relevant Subjects (Preparatory Stage of the Experiment)

Competence	Subjects
<i>Lingual</i>	Practical Course of First Foreign Language, Introduction to Translation Studies, Theory and Practice of Translation from First Foreign Language, Comparative Lexicology, Comparative Grammar, History and Theory of Translation Studies, Practice of Translation, Comparative Stylistics, Neology and Translation of Neologisms, Business Documents Translation, Law Translation, Practice of Interpretation, Practical Translation/Interpretation Training
<i>Discursive</i>	Theory and Practice of Translation from First Foreign Language, Comparative Lexicology, Rhetoric, Comparative Stylistics, Law Translation, Business Documents Translation, Practical Translation/Interpretation Training
<i>Sociolinguistic</i>	Theory and Practice of Translation from First Foreign Language, Comparative Stylistics, Practical Translation/Interpretation Training
<i>Sociocultural</i>	Theory and Practice of Translation from First Foreign Language, Cultural Studies, Introduction to Cross-cultural Communication, Comparative Stylistics, Practical Translation/Interpretation Training
<i>Instrumental</i>	Theory and Practice of Translation from First Foreign Language, Foundations of Applied Linguistics, Practical Translation/Interpretation Training

Master's Degree program takes a year and a half and includes such courses as: Current Issues of Translation studies, Practical Course of First Foreign language, Practical Course of Second Foreign Language, Methods of Teaching Translation at the Higher School, Pedagogy and Psychology of Higher School, Genre Translation Theory, Communication Strategies, Translation from the First Foreign Language, Interpretation Technologies, First Foreign Language, Second Foreign language, Practical Translator's/Interpreters' Training.

At the preparatory stage of the experiment students getting their Master's degrees were asked to distribute the subjects in accordance with the professional components and assess their relevance. They filled in questionnaires expressing their opinion concerning the efficiency of the program studied and their relevance to shared translator's/interpreter's competence. The students selected certain subjects, which to their mind contributed to the formation of such components of shared translator's/interpreter's competence as *lingual*, *discursive*, *sociolinguistic* and *sociocultural*. The table shows the results of the opinion poll.

Table 2. – Master's Degree Program, Shared Translator's/Interpreter's Competence Components and Relevant Subjects (Preparatory Stage of the Experiment)

Competence	Subjects
<i>Lingual</i>	Current Issues of Translation studies, Practical Course of First Foreign language, Practical Course of Second Foreign Language, Genre Translation Theory, Communication Strategies, Translation from the First Foreign Language, Interpretation Technologies, First Foreign Language, Second Foreign language, Practical Translator's/Interpreters' Training
<i>Discursive</i>	Current Issues of Translation studies, Practical Course of First Foreign language, Practical Course of Second Foreign Language, Pedagogy and Psychology of Higher School, Genre Translation Theory, Communication Strategies, Translation from the First Foreign Language, Interpretation Technologies, First Foreign Language, Second Foreign language, Practical Translator's/Interpreters' Training
<i>Sociolinguistic</i>	Current Issues of Translation studies, Practical Course of First Foreign language, Practical Course of Second Foreign Language, Methods of Teaching Translation at the Higher School, Pedagogy and Psychology of Higher School, Genre Translation Theory, Communication Strategies, Translation from the First Foreign Language, Interpretation Technologies, First Foreign Language, Second Foreign language, Practical Translator's/Interpreters' Training

<i>Sociocultural</i>	Current Issues of Translation studies, Practical Course of First Foreign language, Practical Course of Second Foreign Language, Methods of Teaching Translation at the Higher School, Pedagogy and Psychology of Higher School, Genre Translation Theory, Communication Strategies, Translation from the First Foreign Language, Interpretation Technologies, First Foreign Language, Second Foreign language, Practical Translator's/Interpreters' Training
<i>Instrumental</i>	Current Issues of Translation studies, Genre Translation Theory, Communication Strategies, Translation from the First Foreign Language, Interpretation Technologies, Practical Translator's/interpreter's Training

The opinion poll shows that 99% of subjects were considered by the students as bearing direct relevance to the formation of their professional competence. Though 60% of the students expressed their request for more practical classes and admit their insufficient competence in translation and interpretation of certain materials.

Master's Program Courses suggest translation and interpretation training on a variety of topics, practicing different types of translation [27; 28], e. g. Translation and Interpretation in the Sphere of Economy and Business covering the issues of Business Strategy and Tactics, Partnership, Employment, Training, Finance and Banking, New Venture, Business Online, Project Management, Business Ethics, Energy Sources, Consultancy; Law Translation and Interpretation covers the following issues: Basic Legal Concepts, Legal Resources, Court Structure, Jurisdiction, Court Process, Court Etiquette, Criminal Law, Civil Law, Administrative Law, Legal Documents (International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, International Covenant on Civil and Political Rights, Convention against Torture and Racial Discrimination, Convention against Discrimination of Women, Covenant on the Rights of the Child, Constitution on Human and Citizens' Rights); Technical Translation involves the issues of Terminology in Translation, Electronic and Electronic consumer Equipment, Computers and Office Equipment, Communication Equipment, Metal Production and Processing, Machine Tools, Iron and Steel Works, Iron Foundry and Rolling Mill, Hammer Forging and Drop Forging.

Students getting Master's Degree study the procedure of translation-oriented analysis [21] to understand the lingual structures and their relationships in the system of the original text and to provide a solid base for each translation decision. Students and teachers admit that the procedure of translation-oriented analysis is a type of analytical activity of the translator, which precedes the creation of the translated text, is aimed at understanding

the source text, identification of the dominant translation type, choice of the invariants and strategies of translation. It involves several complicated stages to identify communicative and pragmatic features of the text, their relevance for adequate translation (deictic parameters of the text: sender, receiver, purpose (communicative intention of the message); non-verbal means of influence on the receiver, used by the sender (pictures, photos, formulas, graphics, gestures, etc.); identify structural and semantic characteristics of the text and their relevance for adequate translation (extracting the «semantic nucleus» of the text, which consists of «major sentences» of the text, defining the dominant theme-rheme structure); analysis of linguostylistic features of the text and their relevance for adequate translation (functional style, relevant style features (vocabulary, stylistic devices, typical of certain style); the choice of translation strategies (types of translation: instrumental or documentary; domesticating and foreignizing strategies) and transformations (translation of proper names, internationalism, terms, neologisms, slang, jargon, translation of phraseological units, techniques of lacunas filling, balancing presuppositions).

Such complexity and versatile character of Master Program training translators and interpreters account for the present-day professional environment to meet the requirements of which future specialists should get broad knowledge, skills and abilities to fulfil their responsibilities converting written or oral material of different types from one or more source languages into the target language, ensuring that the translated version conveys the meaning of the original as clearly as possible. A sort of transcreating is often a part of the job, and translation transforms into a mix of translation, localisation and copywriting, where the material should be culturally and linguistically adapted to suit the target audience or readers.

CONCLUSION

We have analysed the content of Bachelor and Master Degree Programs of translator/interpreter's training, their relevance to translator's/interpreter's shared com-

petence components (lingual, discursive, sociolinguistic and sociocultural and instrumental). As a result of the preparatory stage of our experiment (students getting their Bachelor's and Master's degrees expressing their opinion concerning the efficiency of the program studied and their relevance to shared translator's/interpreter's competence components) we should accept the necessity to modernize the content of translator and interpret-

er's Bachelor and Master Degree programs in accordance with the professional demand in the region. Possible solutions to the problems under consideration can be seen in programs updating, introduction of special elective courses, application of content and language integrated learning methodology which enables to give more practical activities meeting the needs of present demand and orientation towards global integration.

References:

1. Alekseev E. S. Professional Training of Translator/E. S. Alekseev. – M.: Nauka, – 2001. – 288 p.
2. Bell R. T. Translation and Translating/R. T. Bell. – London: Longman, – 1991. – 298 p.
3. Breus E. V. The Fundamentals of Theory and Practice of Translation/E. V. Breus – M.: Nauka, – 2000. – 189 p.
4. Campbell Stuart J. Towards a Model of Translation Competence/J. Stuart Campbell//Translators' Journal. – Vol. 36. – No. 2–3, – 1991. – P. 329–343.
5. Chernovaty L. M. The Peculiarities of Teaching Materials for Translators Training/L. M. Chernovaty//Visnuk of Sumsky State University. Series: Philological Sciences. – 2002. – No. 4 (37). – P. 184–188.
6. Developing Translation Competence. Edited by Christina Schäffner and Beverly Adab. – John Benjamins Publishing Co, Amsterdam, The Netherlands, – 2000. – 250 p.
7. Hansen G. Success in Translation/G. Hansen. – In Perspectives: Studies in Translatology, – 1997. – P. 201–210.
8. Karaban V. I. Theory and practice of Translation from Ukrainian Language into English/V. I. Karaban. – Vinnitsa: Nova Knyha, – 2003. – 345 p.
9. Kazakova M. V. Practical Bases of Translation/M. V. Kazakova – Saint Petersburg, – 2001. – 187 p.
10. Kelly D. A Handbook for Translator Trainers. A Guide to Reflective Practice/D. Kelly. – Manchester, St Jerome, – 2005. – 173 p.
11. Kermis M. Translators and interpreters: comparing competences: [Elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupu: <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/33468>
12. Khaleeva S. S. The basics of learning theory understanding of foreign speech (training of translators)/S. S. Khaleeva. – M.: Higher School, – 1989. – 236 p.
13. Kiraly D. C. Pathways to Translation/D. C. Kiraly. – The Kent State University Press, – 1995. – 312 p.
14. Komissarov V. N. Theoretical Basis of Translation Teaching Methods/V. N. Komissarov. – M. REMA, – 1997. – 112 p.
15. Latyshev L. K. On Some Aspects of Translation Competence and its Formation/Regional Open Social Institute. Academic Notes. Series: Linguistics. Cross-cultural Communication. Translation. – Vol. 3. – Kursk: Publishing House Rosi. – 1999. – P. 3–12.
16. Martínez M. N. Assessment in Translation Studies. Research Needs/Melis N. Martínez, A. H. Albir//Translators' Journal. – 2001. – Vol. 46. – No. 2. – P. 272–287.
17. Minyar-Beloruhev R. K. Theory and Methods of Translation/R. K. Minyar-Beloruhev. – Moscow: Moscow Lyceum, – 1996. – 208 p.
18. Miram G. Algorithms of Translation/G. Miram. – K.: Tvim tsentr, – 1998. – 176 p.
19. Miram G. Professional translation/G. Miram, A. Gon. – Kyiv: Elga, Nika-Tsentr, – 2003. – 136 p.
20. News. Ministry of Education of Ukraine: [Elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupu: <http://mon.gov.ua/usinovivni/novini/2017/01/16>
21. Nord C. Text Analysis in Translation/C. Nord. – Amsterdam, Rodopi, – 1991. – 274 p.
22. Orozco M. Measuring Translation Competence Acquisition/M. Orozco, A. H. Albir//Translators' Journal. – 2002. – Vol. 47. – No. 3. – P. 375–402.
23. Pym A. To localize and to humanize. On academics and translation./A. Pym//Language International. – 2001. – No. 13:4. – P. 26–28.

24. Pym A. Redefining Translation Competence in an Electronic Age. In Defence of a Minimalist Approach/Anthony Pym//Meta. – 2003. – Vol. XLVIII (4). – C. 481–497.
25. Pym A. The moving text: localization, translation and distribution/A. Pym. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, – 2004. – 214 p.
26. Robinson D. Becoming a translator. An introduction to the theory and practice of translation/Douglas Robinson – Routledge, London and New York, – 2003. – P. 54.
27. Selivanova O. I. Requirements to Professional Languages Skills and Problems of Language Training of the Translator/O. I. Selivanova//Visnyk of Sumsky State University. Series: Philological Sciences. – 2004. – No. 4 (63). – P. 161–162.
28. Shevnin A. B. Genre and Stylistic Competence of Translator/A. B. Shevnin//[Translation Industry and Informational Support of Foreign Economic Activity of Enterprises]. Second International Conference. – Perm, – 2008. – P. 124–133.
29. The Law of Ukraine about Higher Education: [Elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupu: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>
30. Zaporizhzhya National University Electronic Support System [Elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupu: <http://moodle.znu.edu.ua>

Information about the author

Svitlana Petrivna Zapolskykh, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, The Chair of Translation and Interpretation Studies, Zaporizhzhya National University

Address: Yeniseiska Street, 12/35, Zaporizhzhya, Ukraine, 69032, tel.: 0677637392

E-mail: lanazapolskykh@gmail.com

ORCID: [org/0000-0002-8815-6688](http://orcid.org/0000-0002-8815-6688)

S. G. Pyatkova¹

¹*Surgut state pedagogical University, Surgut, Russia*

FORMATION OF PROJECT PROFESSIONAL COMPETENCE WITH BACHELORS OF TOURISM

Abstract

Objective: to determine the practical possibilities of implementation's modern educational technologies, in particular active and practice-oriented approaches in the process of project formation professional competence with bachelors of tourism.

Methods: systematic analysis, comparison, generalization, marketing, monitoring, design.

Results: the experience of implementing activity-based, practice-oriented approaches in designing a model of vocational training for the tourism industry showed practical ability, and its effectiveness in the context of the formation of project formation professional competence with bachelors of tourism that meets the modern trends of tourism development, HR policy and market needs at different levels of its implementation.

Scientific novelty: for the first time on the basis of practical experience and complex methods determined the feasibility of the implementation modern educational technologies, in particular active and practice-oriented approaches in the process project formation professional competence with bachelors of tourism

Practical significance: the research results can be used in the compilation of issues of the modern model's professional tourist education, the application of activity-based and practice-oriented approaches in the process of project formation professional competence with bachelors of tourism.

Keywords: professional tourism education, bachelors of tourism, activity-based and practice-oriented approaches, design of professional competence.

References:

1. Gribkova G. I., Zajceva T. A. Proektnaja dejatel'nost' kak sredstvo formirovanija professional'noj kompetentnosti bakalavrov turizma // Vestnik MGUKI, No. 4. – M., – 2015. – P. 218–224.
2. Matjash N. V., Volodina Ju. A. Metodika ocenki proektnoj kompetentnosti studentov [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. – 2011. – No. 3 (17). [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru>, svobodnyj
3. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 14.12.2015 N1463 «Ob utverzhdenii FGOS VO po napravleniju podgotovki 43.03.02 Turizm (uroven' bakalavriata)» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/71310860>, svobodnyj
4. Pjatkova S. G. Organizacija turistskoj dejatel'nosti. Uchebnoe posobie. – Omsk: Nauka, – 2016.
5. Strategija razvitija turizma v Rossijskoj Federacii do 2020 g. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://www.russiatourism.ru>, svobodnyj

Information about the author

Svetlana Gennad'evna Pyatkova, PhD in History, associate Professor, associate Professor of social and humanitarian education, Head of the experimental Department of the direction "Tourism", Surgut state pedagogical University, Department of socio-humanitarian education

Address: 628400, Surgut, ul 50 let VLKSM, 10/2, tel.: (3462) 22–32–37.

E-mail: sgpyatkova@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2476-2758>

С. Г. Пяткова¹¹ Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЕКТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БАКАЛАВРОВ СФЕРЫ ТУРИЗМА

Аннотация

Цель: определение практических возможностей реализации современных образовательных технологий, в частности деятельностного и практико-ориентированных подходов, в процессе формирования проектных профессиональных компетенций у бакалавров сферы туризма.

Методы: системного анализа, сравнения, обобщения, маркетинговые, наблюдения, проектирования.

Результаты: опыт внедрения деятельностного, практико-ориентированного подходов в проектировании модели профессиональной подготовки кадров для туристской индустрии показал практические возможности и его эффективность в контексте формирования проектных профессиональных компетенций у бакалавров сферы туризма, что отвечает современным тенденциям развития туризма, кадровой политике и потребностям рынка на разных уровнях его реализации.

Научная новизна: в статье впервые на основе практического опыта и комплекса методов определены практические возможности реализации современных образовательных технологий, в частности деятельностного и практико-ориентированных подходов, в процессе формирования проектных профессиональных компетенций у бакалавров сферы туризма.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы в обобщении вопросов современной модели профессионального туристского образования, применении деятельностного и практико-ориентированного подходов в процессе формирования проектных профессиональных компетенций у бакалавров сферы туризма.

Ключевые слова: профессиональное туристское образование, бакалавры сферы туризма, деятельностный и практико-ориентированный подходы, проектные профессиональные компетенции.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития общества наблюдается активизация развития сферы сервиса и туризма, что закономерно требует соответствующего подхода к решению задач профессиональной подготовки кадров. Современная модель профессионального туристского образования учитывает ориентированность на практическую подготовку специалистов, учет запросов бизнес сообщества и многие другие актуальные аспекты. Тем не менее, практико-ориентированная подготовка является важным элементом качественной подготовки кадров для современной сферы туризма. Для реализации данного направления, ведущие российские вузы используют различные образовательные методики и технологии, подходы и способы. Среди них следует отметить деятельностный подход, который позволяет системно подходить к формированию профессиональных компетенций специалистов сферы туризма, в том числе проектных.

Главные ориентиры формирования проектных профессиональных компетенций у бакалавров сферы туризма, прежде всего, определяет Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм» (уровень бакалавриат). Согласно последнего специалисты сферы туризма должны не только владеть теоретическими основами проектирования, но и быть готовыми к применению методов проектирования и реализации проектов в туристской индустрии [3]. По мнению Н. В. Матяш и Ю. А. Володиной, проектная компетентность связана с проектной деятельностью и процессом проектирования в конкретной профессиональной сфере [2]. В связи с этим можно согласиться с мнением Г. И. Грибковой и Т. А. Зайцевой о том, что «главным принципом методики формирования компетентности в области проектирования является инновационный подход, креативность, с одной стороны, а с другой — опора на получение знания в процессе учебной деятель-

ности в образовательном учреждении» [1]. Все это актуализирует проблему формирования проектных профессиональных компетенций у бакалавров сферы туризма.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опыт внедрения деятельностного и практико-ориентированного подходов в проектировании модели профессиональной подготовки кадров для туристской индустрии показал, что возможны несколько вариантов формирования проектных профессиональных компетенций бакалавров сферы туризма: в ходе учебной деятельности — преподавания дисциплин, ориентированных на конкретный практический результат и посредством реализации образовательно-воспитательных проектов, ориентированных на профессию. Практический опыт подготовки кадров для сферы туризма в Сургутском государственном педагогическом университете позволяет говорить о том, что реализация данных вариантов в комплексе ориентирована на решение важных практических вопросов профессиональной подготовки кадров: их профессиональной мотивации и конкурентоспособности на рынке труда. Причем данные варианты следует рассматривать в комплексе, как единую структуру модели профессионального туристского образования. Каждое из предложенных направлений имеет свои особенности, но ключевым объединяющим аспектом является проектная деятельность.

Для первого варианта целесообразно предложить модель учебной программы дисциплины базового цикла «Организация туристской деятельности». Цель освоения дисциплины — научиться разрабатывать проект стратегии организации и развития актуального направления регионального туризма. Основные задачи изучения дисциплины: выявить специфику организации современной туристской деятельности; разработать проект стратегии организации и развития актуального направления туризма в регионе (на примере муниципального образования). Модульное построение курса позволяет изучить как теоретические аспекты организации туристской деятельности, так и практические: Модуль 1. «Организация современной туристской деятельности», Модуль 2. «Разработка проекта стратегии организации и развития актуального направления регионального туризма» [4, с. 11–12]. Практический второй модуль ориентирован на изучение и формирование практических умений и навыков по определению ак-

туальной проблематики проекта и ее обоснование, разработку направлений (способов) решения проблемы проекта, определение целевой направленности проекта и планирование ее достижения.

Для реализации сформулированных цели и задач дисциплины целесообразны практические формы работы со студентами. Среди них следует отметить: семинарские и практические занятия, выполнение практических заданий в форме сравнительных таблиц, схем, решение кейсовых ситуаций, подготовка презентаций и докладов по отдельным проблемным вопросам организации туризма в регионе, отчеты о результатах проведенных маркетинговых исследований по различным направлениям туризма. Например, рассматривая тему «Государственное регулирование туристской сферой в современной России» студентам предлагается выполнить практическое задание в форме сравнительной таблицы по заявленной теме с целью выявления специфики государственного регулирования туризмом на федеральном и региональном уровне [4, с. 28–30]. Выполнение подобного рода заданий позволяет не только сравнивать и соотносить данные уровни, но и выявлять спектр важных проблемных вопросов, которые наиболее актуальны в современных условиях туристской индустрии. Обсуждение и решение кейсовых ситуаций, ориентированных на реальные факты и данные по туризму позволяют выходить на более высокий уровень изучения конкретных проблем, который предполагает применение совокупности маркетинговых и проектных методов. Например, выполняя кейсы «Анализ проекта туристской направленности», «Потенциал современного туризма», «Анализ ситуации в туристской фирме» [4, с. 109–111] студенты не только проводят детальный анализ проблемы, но и предлагают возможные пути решения, отвечающие современным тенденциям развития туристской индустрии.

Модульное практико-ориентированное построение курса позволяет перенести акцент с простейшего уровня усвоения и воспроизведения материала на более высокие — применение и творчество, что значительно повышает эффективность профессиональной подготовки кадров для сферы туризма. Кроме того, следует отметить значимость данного курса и его практической направленности в контексте изучения организационно-управленческих основ планирования, проектирования и реализации профессиональной туристской деятельности.

В связи с этим теоретическое изучение организации туристской деятельности направлено на выявление особенностей развития современной туристской индустрии, сущности организации туристской деятельности, нормативно-правовой основы организации туристской деятельности в целом и деятельности туристских предприятий в частности, квалификационных требований и должностных обязанностей сотрудников туристского предприятия, модели управления предприятием сферы туризма для обслуживания потребителей; организационных этапов процесса обслуживания в сфере туризма, стратегии деятельности и развития туристских предприятий. Самостоятельная работа студентов предполагает деятельность по выявлению специфики и основных направлений партнерских отношений в туристской деятельности; оцениванию роли нормативных документов в профессиональной деятельности туристских предприятий и развитии туризма в стране в целом; разработке планов инноваций для совершенствования деятельности туристского предприятия. Индивидуальная работа со студентами направлена на углубление материала об основных элементах организации туристской деятельности на разных этапах и уровнях ее реализации, основных понятий и технологий организационно-управленческой деятельности в современной туристской индустрии.

Постоянными участниками учебных занятий по курсу, прежде всего в формате круглых столов, мастер-классов, деловых игр, являются представители регионального бизнес сообщества сферы туризма, которые не только делятся практическими аспектами организации туристской деятельности, но и выступают в роли потенциальных работодателей для студентов. Например, при изучении темы «Компетентность работников туристского бизнеса» предлагается проведение деловой игры «Я — менеджер туризма», которая уже имеет четкую профессиональную направленность [4, С. 54–56]. Студенты не только пытаются овладеть алгоритмами и принципами подбора и отбора сотрудников турфирмы, но и сами выступают в качестве претендентов. Для этого они разрабатывают и презентуют работодателям свое профессиональное резюме, ориентированное на перспективу. В целом, модульное построение курса и практический аспект его освоения позволяет мотивировать обучающихся на будущую профессию, акцентировать внимание на потребности и запросы регионального рынка туристской индустрии.

В качестве образовательно-воспитательных проектов, ориентированных на профессию, предлагается проект «Югра — территория ценностей», который отвечает современным требованиям в сфере образования и туризма, сочетает в себе многовариантные возможности его применения в процессе образования учащихся муниципальных образовательных учреждений округа и профессиональной подготовке будущих специалистов сферы сервиса и туризма. Название и содержание проекта связано с конкретной территорией Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее Югры), что отвечает приоритетным направлениям реализации современных программ гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи. Выбранная форма проекта отвечает приоритетным задачам развития туризма в России: переориентация части потребительского спроса россиян на внутренний туризм; реализация стратегической роли туризма в духовном развитии, воспитании патриотизма и просвещении [5]. Кроме того, выделенные в Стратегии развития туризма в России проблемы касаются и профессиональной подготовки кадров сферы сервиса и туризма, и прежде всего их академичности, теоретичности. Применение инновационных подходов в процессе профессиональной подготовки специалистов туристской сферы также актуализирует практическую направленность предлагаемого проекта. Кроме того важным является выбор конкретной целевой аудитории проекта — учащиеся младшего школьного звена муниципальных образовательных учреждений региона, на которых ориентировано основное содержание деятельности. А в качестве непосредственных организаторов и практических исполнителей проекта выступают студенты, обучающиеся по направлению подготовки туризм. Поэтому важным в процессе практической реализации проекта является ориентация на результаты образования (развитие личности обучающегося на основе универсальных учебных действий), обеспечение преемственности в процессе образования. Речь идет о разнообразии организационных форм и учёте индивидуальных особенностей каждого обучающегося, обеспечивающих рост творческого потенциала, познавательных мотивов учащихся. Реализация проекта предполагает возможность использования современных образовательных (экскурсии, в том числе виртуальные, on-line, проектирование, игровая деятельность) и информационных (интерактивных,

дистанционных) технологий в процессе изучения истории и культуры региона. Варианты этих возможностей определяются возрастными особенностями учащихся.

Целевая направленность проекта связана с формированием у учащихся представлений и интереса об актуальных направлениях развития регионального туризма в контексте изучения культурно-исторического наследия Югры в исторической ретроспективе с помощью использования современных образовательных и информационных технологий, с учетом современных тенденций развития туристской индустрии. Также цель для бакалавров, реализующих проект, определена как — формирование у студентов профессиональных аналитических, организаторских и проектных компетенций, необходимых для успешной работы в туристско-рекреационном бизнесе и управлении; возможность применения практических компетенций в ходе.

Для обоснования актуальности и необходимости реализации практико-ориентированного проекта было проведено маркетинговое исследование регионального рынка туристско-экскурсионных услуг. Среди сильных сторон были отмечены: широкий спектр туристско-экскурсионных предложений по достопримечательностям города и округа, ориентированных в основном на все целевые аудитории (дети, студенты, семьи, пенсионеры и т. п.); проведение мероприятий профессиональными гидами-переводчиками, экскурсоводами; возможности выбора различных вариантов предлагаемых услуг в зависимости от запросов потребителей (цена, цель и т. п.). Слабые стороны затрагивают следующие аспекты: превалирование в основном выездных мероприятий, которые слабо затрагивают интересы выбранной целевой аудитории учащихся, как связующего звена между дошкольным образованием и средней школой; высокая ценовая политика предложений, не всегда доступная для большинства учащихся; предложение разовых мероприятий по изучению отдельных аспектов из истории и культуры региона.

В ходе исследования выявлено более 50 туристско-экскурсионных предложений по территории Югры, однако их распределение по основным центрам региона не равномерно. Отмечено значительное преобладание предложений по столице региона — г. Ханты-Мансийску (26). Кроме того, результаты анкетирования (230 респондентов — учащиеся муниципальных образовательных учреждений г. Сургу

та и Сургутского района 1–5 классы выборочно) выявили низкий уровень знаний по истории и культуре региона, что обусловило теоретическую и практическую направленность проекта.

Модульная вариативность проекта предполагает возможность его представления и реализации в нескольких образовательных модулях по изучению развития регионального туризма: Модуль 1. «Этнографический туризм», Модуль 2. «Экологический туризм», Модуль 3. «Деловой туризм» Модуль 4. «Событийный туризм», Модуль 5. «Перспективное туристское направление». Данная структура позволяет последовательно изучать и формировать ценностное отношение к историко-культурным традициям региона, формировать практические проектные умения учащихся. Организаторами и непосредственными участниками реализации проекта выступают как преподаватели университета, осуществляющие профессиональную подготовку кадров для сферы сервиса и туризма, так и сами студенты по данным направлениям с целью овладения и применения практических профессиональных компетенций будущей профессии. Организация деятельности студентов в рамках проекта предполагает работу в мини-группах (по 5 человек), деятельность которых направлена на проведение маркетингового исследования о развитии детского образовательного туризма в регионе, разработку новых мини-проектов по выявленным проблемам и заявленным модулям (виртуальные туры, экскурсии, игровые представления), ориентированных на школьников региона. Практическая направленность проекта предполагает возможность его практической реализации как в процессе профессиональной подготовки специалистов сферы сервиса и туризма, так и в процессе образовательной и воспитательной деятельности (классной и внеклассной работы) с учащимися муниципальных образовательных учреждений региона в качестве применения новых образовательных и информационных технологий в процессе изучения его истории и культуры.

Реализация предлагаемых практико-ориентированных форм и методов работы позволяет решать основные профессиональные и образовательно-воспитательные задачи в процессе качественной подготовки кадров для современной туристской индустрии. Фактические результаты проектов свидетельствуют о значительном повышении качествен-

ных показателей уровня профессиональной подготовки кадров для сферы сервиса и туризма в регионе, в том числе относительно и проектных компетенций. Прежде всего, в течение 2015–2016 учебного года удалось привлечь к проектной деятельности более 300 школьников, более 70 студентов направления подготовки «Туризм»; провести 36 мероприятий (выставок, круглых столов, мастер-классов, экскурсий, развивающих игр, квестов, виртуальных экскурсий), привлечь к участию в научно-исследовательских и профессиональных конкурсах, конференциях более 58 студентов. Данные показатели в сравнении с предыдущими учебными годами в 2–3 раза превышают студенческую активность по данным направлениям, что свидетельствует о значительном практическом эффекте реализации проектов в процессе формирования проектных профессиональных компетенций у бакалавров сферы туризма. Кроме того, важным показателем результативности практической деятельности являются призовые места студенческих проектов на конкурсах различных уровней: региональных, всероссийских и международных. В целом, реализация проекта имеет важные практические ориентиры. Для учащихся это связано с формированием интереса к изучению культурно-исторического наследия края, развитием регионального туризма; комплексной профессиональной ориентацией в процессе работы со студентами; возможностью развивать и проявлять различные способности и интересы в ходе проектной деятельности. Для студентов, прежде всего, важным является включенность в профессиональную среду в процессе обучения; формирование профессиональных компетенций; возможность инновационного проектирования профессиональной направленности; изучение регионального рынка туристских услуг, выявление проблемных сторон с целью дальнейшей научной разработки. Также реализация подобных

проектов значима и для региона относительно позиционирования его бренда, культурно-исторический традиций и ценностей, природных богатств; формирования учебно-методических комплексов по изучению культурно-исторического наследия региона для учащихся; развития детского образовательного туризма, формирования бренда территории «глазами детей», что отвечает современным тенденциям развития туризма.

ВЫВОДЫ

Формирование проектных профессиональных компетенций бакалавров сферы туризма является важной составляющей их конкурентоспособности. Проектирование и реализация современных практико-ориентированных проектов в процессе профессиональной подготовки кадров для туристской индустрии отвечает современным тенденциям и требованиям рынка. Кроме того, реализация практико-ориентированного и деятельностного подходов позволяет формировать современные модели профессионального туристского образования, отвечающие не только принципам инновационных образовательных технологий, но и потребностям и запросам конкретной территории и региона. Для сферы образования и просвещения это выражается в установлении и развитии тесной взаимосвязи вуза и муниципальных образовательных учреждений региона («Вуз — Школе») в процессе обучения учащихся и профессиональной подготовки специалистов сферы сервиса и туризма; реализации современных образовательных технологий; качественном тематическом и методическом сопровождении модулей, что позволяет использовать различные варианты и способы изучения региональной истории и культуры. Для сферы туризма и сервиса это выражается в стимулировании развития туристской индустрии в регионе; актуализации и развития образовательного туризма, практико-ориентированной профессиональной подготовке будущих специалистов сферы сервиса и туризма.

Список литературы:

1. Грибкова Г.И., Зайцева Т.А. Проектная деятельность как средство формирования профессиональной компетентности бакалавров туризма // Вестник МГУКИ, № 4. — М., 2015. — С. 218–224.
2. Матяш Н.В., Володина Ю.А. Методика оценки проектной компетентности студентов [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3 (17). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://psystudy.ru>, свободный.
3. Приказ Минобрнауки России от 14.12.2015 N1463 «Об утверждении ФГОС ВО по направлению подготовки 43.03.02 Туризм (уровень бакалавриата)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/71310860>, свободный.

4. Пяткова С. Г. Организация туристской деятельности. Учебное пособие. — Омск: Наука, — 2016.
5. Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.russiatourism.ru>, свободный.

Информация об авторе

Пяткова Светлана Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, заведующая экспериментальной кафедрой направления подготовки «Туризм», Сургутский государственный педагогический университет, кафедра социально-гуманитарного образования
Адрес: 628400, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, тел.: (3462) 22–32–37.
E-mail: sgpyatkova@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2476-2758>

N. A. Sayko¹¹ *Poltava National Pedagogical University named after Y.G. Korolenko, Poltava, Ukraine*

SYSTEM OF PROFESSIONAL PREPARATION OF SOCIAL WORKERS IN THE USA

Abstract

Objective: a system of professional preparation of social workers in the United States is considered.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, theoretical cognition, the method of analogy.

Results: based on the analysis of the content of social workers preparation in institutions of higher education, basic skills of social workers, the content of social work in schools in the United States as the main institution of socialization of rising generation, positive aspects which may be used in the higher education system of Ukraine were identified, which is now at the stage of intensive changes and innovations; attention to the main stages of social workers preparation in the USA, tasks of the school system and on the specifics of the functioning of a social worker in the education system; the increased focus in the work of the social worker in the educational system to help in the socialization children of teenage age is emphasized, the integration and individual approach in solving their problems are analyzed; especially important for the social workers preparation in Ukraine should be orientation of higher education on the therapeutic aspects of social work, that gives an opportunity to social workers in Ukraine to be more active in society and organize private practices.

Scientific novelty: At the first time on the basis of methods pointed in the article the consent of social workers preparation in the United States to socialized function in the educational system is explored.

Practical significance: the main points and conclusions of the article can be used in the system of professional preparation of social workers in Ukraine.

Keywords: professional preparation, levels and content of social worker's preparation, aim of social work, functions of social worker.

INTRODUCTION

Social work in any country has unique national specifics caused by socio-economical, political conditions, historical, spirit-moral, cultural and political peculiarities. Studying the specifics of social work in one or another country, the system of preparation for professional work, it is possible to define particular positive moments, which help to improve preparation system of social workers in Ukraine. Taking into account that at that moment there are cardinal changes in the higher education system of Ukraine, the social pedagogues' preparation is transforming smoothly into preparation of social workers, plans, programs are developing, the analysis of the system of professional preparations of social workers in other countries is essential.

RESEARCH FINDINGS

In literature devoted to the exploration of international experience, practical social work is divided into

general profile and specialized work. Social work of general profile provides three sphere of realization:

1) Social therapy individual, personal and family levels, the main aim of which is social adaptation and rehabilitation of the person

2) Social work with groups that are classified according to various criteria: age (children, youth, adulthood, retirement), by interests or problems (the group of former prisoners, alcoholics, drug addicts and others);

3) Social work in a society by place of residence, which is focused on enlargement the list of services, strengthening public relations, creating a psychological climate, as well as contributing to the manifestation different kinds of local initiatives, organization of mutual help, etc. [10].

The specialized social work which are practiced by specialists sphere of employment, health protection, medical and rehabilitation services, educational institu-

tions, nursing homes, prison services, the armed forces.

America is considered to be a pioneer in the development of social work as a profession and science. Social work in the USA is an activity providing a social morality of society [19].

National Association of Social Workers (NASW), which is a professional organization of social work in the United States, accepted a definition of “social work”- a professional activity, providing assistance to individuals, groups and particular collectives in the improvement or renewal of their abilities to social functioning, and creation of a favorable social situation for them (NASW, 1973) [6].

National Association of Social Workers determines as the main goal of social work the help and resumption mutually advantageous interaction between the individual and society to improve the quality of life of everyone. The social worker should act according with the situation, contribute to (social, physical, organizational) maximal realization of capabilities, the resources of each person and help them to satisfy human interests. The interaction of the individual with environment should build up dignity, individuality and self-determination for everyone. When people are vulnerable, poverty or loss makes them weak, their behavior is characterized by bad habits, isolation, disability, society stops respecting them, social workers should actively impact on such situations [25].

Significant contribution to the development of the social work in the USA has made a research of American scientists M. Richmond on the topic: “Social diagnosis”, which proved the necessity enter into the structure of social assistance educational influence, develop a methodology for group work with the aim of self-help and the effective socialization of the individual [23].

Today America’s social work services cover various areas- organization and health care centres, schools, business and industry, agencies for protection of the family and the child, mental health centres, correction centres and private practice. Social workers serve children and adults of all races, ethnic groups, socio-economic status and religion [13].

The research of social work system in the USA was made by a number of Ukrainian and foreign scientists, among them are such authors as the S.V. Melnik, L.A. Kozlov, G.A. Kudryavtseva, F.A. Mustaeva, O.L. Potrikeevev, M. Doel, S. Shadlou, A.A. Ostapchuk, Y.N. Panov and others.

Works of Ukrainian scientists O. Bespal’ko, Z. P. Kiyanyitsa, V. A. Kuzminsky, I. V. Brother, V. N. Timenko, L. T. Tyupli, etc. play an important role in integration of international experience in the Ukrainian system of future social workers preparation.

Peculiarities of formation American social workers professionalism are reviewed in N. E. Koroleva dissertation “The content of social workers preparation for educational institutions in the United States and the United Kingdom.” Author discloses the specifics of solutions of social and educational problems of youth by US experts. Her research confirmed that in the world today US preparation model of specialist in the social sphere is mostly used as it is the most general and satisfies the expectations of society and the capabilities of the profession [8].

According L. Vinnikova work “The system preparation of social workers in the US higher education institutions” a distinctive feature of the social and pedagogical work in the United States is determined by its orientation to help to a particular person, group of people with the aim improvement or renewal of social functioning. Status and purpose of social work matches a preparation process of specialists in the institutions of higher education social system [2].

The profession of social worker in United States can be got in schools of social work, which are departments of universities. The curriculum provides three levels of education: for Bachelor, Master and Doctor Degree of social work. Education plans for bachelors (term of studying 4 years) includes five basic professional topics: practical methods of social work, politics and social services, human behavior and the environment, research and field practice. The content of each topic is filled with educational courses of humanitarian disciplines, key point among them are social and biological sciences (sociology, biology, physiology, psychology, philosophy, political science, economics, anthropology, history, etc.). These courses provide students with knowledge about the people, the family, society, teach to find interrelation between biological, social, psychological and cultural systems. The students need to know the history and development of social work, its institutions, structures and principles of functioning of social services, social and economic policy of the state [9].

Studying for Master Degree continues two years. In the first year of education students take a general course aimed at in advanced studying of the theory and practice of social work, students take courses such as theory of

human behavior, the dynamic psychiatry, socio-cultural concepts, social stratification, ethnic systems, methods of social work practice, research methods.

The second year of master degree is aimed at specialization and improvement of the training level in the course of practice. The most common is the specialization in the work with disabled people, families and groups. You can also choose a specialization, which provides work in a certain sphere of activity: work with elderly people, work in health centers, family services, social services in factories, with mentally disabled people in the centres of behavioural or criminally punished persons and others.

The final stage of preparation of social work experts is studying for Doctor Degree, peculiarity of which is preparation not of patricians of social work, but scientists-theorists [20].

The main employment spheres of social workers in USA are following:

- Social workers in health care institutions that offer psychosocial services to individual and group level. It can be psychological consultations, assistance to families who are caring for sick relatives;
- Social workers who work with people suffering from mental illness and different kinds of addictions. The main functions in this sphere there is a psychological assistance, the assessment of its effectiveness, as well as holding consultations in crisis situations, individual and group therapy, psycho-social rehabilitation institution;
- Social workers who work with children, families and schools, help children in academic, social and emotional problems [16].

The most important center of the socialization of the younger generation remains a school and it is still one of the traditional places of activity for social worker. The main purpose of his work in the school is to create appropriate conditions for the successful development of children, their free functioning, as well as timely response to problems which disrupt social functioning of children and teenagers. The functions of the social worker in the US educational institutions performs “guidance advisor”, with tasks which can be determined as follows:

1) gathering, systematization, evaluation and analysis all the information about the child, on the basis of which it is forecast for the development; 2) informing students and parents on actual issues; 3) counselling; 4) the formation of the individual plan of education and upbringing; 5) The students get a job or further edu-

cation; 6) control of educational outcomes, evaluation of the achievements of graduates in the further life. The main forms of social work at the school are individual, group, family, a set of preventive measures and consultations, the organization of cooperation with teachers, staff, other humanitarian agencies, welfare agencies, assessments and research based on social responsibility. Social Worker, offering such services must be competent in matters of personal development, psychotherapeutic techniques, welfare policies, political trends and scientific research activity [5, 7]. The immediate task of the school social worker in the USA is to ensure that assistance in situations where the social, psychological, economic, cultural barriers prevent the student to realize their potential in education. These tasks are implemented through interaction with students, family, school and society and provide for the development of social workers such skills, as how to analyze the situation, to provide direct assistance in social rehabilitation, psychological recovery, in the dynamics of personal growth of children, conduct counselling, provide a positive dynamic support for pupils, teachers and parents, to use the methods of social therapy, to adjust the learning process for students to achieve competence and confidence [22].

Special attention in American schools, as well as schools in the UK, Canada, Norway, Finland, is paid to the prevention of bullying and the creation a safe environment. Bullying (with English bully - a hooligan, ruffian, rapist, teaser) - is an international phenomenon, repeated intentional behaviour aimed to cause a harm to another person, and to humiliate of the victim [17]. With this aim, a gathering of important information is done, on the basis of which it would be possible to understand normal or anomalous development of a particular child, to learn a psycho-social history of the child, to diagnose attitudes of parents, teachers and students to the victim of bullying. The social worker uses a variety of methods: home visits, individual and group counselling, child supervision, his defence, mobilization and coordination of resources of society [15].

Also a social worker aims to solve other school problems, such as behaviour and missing lessons; family difficulties which negatively affect the quality of education (poverty, discrimination, lack of conditions for the normal development of the child, violence, alcohol, drugs); juvenile pregnant, suicidal tendencies, loss of interest in the world around them and others, suicidal tendencies, loss of interest in the world around them and others. Dur-

ing individual work with students social worker conducts preventive work toward unreasonable omissions of lessons, social maladjustment of teenagers, their increased aggressiveness and early pregnancy of girls. For this purpose a group to discuss problems that concern the students are created, family are supported, their attitudes toward school personnel is analyzed, attracting parents to actively participate in the educational process [5, 21]. As a consultant, social worker in the school the school cooperates with the administration and teaching staff concerning questions of students attitude to school policies, practices of structures of power. Consultations regarding the home conditions, cultural and social environment that affects the style of behaviour of pupils are held. Also, social workers are actively involved in the scheduling of the school life of the students, in the choice of school strategies on issues such as student discipline, their mental health, social skills training and family life [12].

Constructive approach requires working with teenagers risk groups. Regarding them there are a number of programs, some of which are initiated the governments of states or communities, and some are realized by private organizations. Program of states, as a rule, contribute to the creation of small open correctional institutions and services that give children the opportunity to change the behaviour without leaving the family. The activities of social workers in such conditions, aims to integrate the educational methods of the institution with family conditions for re-upbringing of teenager. The main task of such institutions - to snatch from the formal juvenile court system and pass it under the care of local organizations, protecting the child from the private boarding schools, colonies and prisons. This approach prevents the appearance of negative complexes suggestive offender in juvenile offender [14].

Among main social works groups of clients in the USA stands out as an independent - lonely, pedagogically difficult teenagers, which are characterized by personality dysfunction as a result of the impact of negative external conditions. The main goal of the work with this group is to increase the personal competence, formation of skills to solve problems, development opportunities, assistance in establishing the relationship between adolescents and the surrounding social environment, between organizations and institutions, harmonization of these relations [3].

The specifics of the educational system of America is in functioning of the additional structures that are

engaged in the socialization of children, helping to the educational institutions. One of these services of children's socialization and adolescents is a service "Gaydens", which was organized in 1908 by Frank Parsons. This service is obligatory in the structure of US education, and in almost every high school, in many primary and secondary schools the pedagogical support professionals are invited to a full-time. Professional training of these specialists takes place in higher education institutions within 1-2 years on the base of higher pedagogical education.

There are three directions in work of service "Gaydens": economic (professional orientation), training (selection of training programs), social (the study of the student's personality and leadership of his development). Children and adolescents are assisting in solving different life issues, such as parental divorce, death of loved ones, conflicts with classmates, and others [11; 4].

If we analyze the overall atmosphere of American schools, we can talk about a strong emphasis on the formation of leadership skills in children. Also, a lot of US scientific works are devoted to the problem of leadership. T. Gould, J. B. Kretti, R.S. Weinberg note that leaders tend to hold "potentials" appreciated by their peers (successful learning, demonstration of a special erudition in certain fields of knowledge, communication skills, physical perfection, the possession of the abilities of a singer, an artist, the willingness to protect the friend etc.).

D. Kounin developed a technique and strategy of the discipline restoration through its influence on the leader. Fixing the behavior of a leader, we correct a behavior of the whole class [24].

American psychologist and consultant K. Sloan reveals features of leaders' formation and leading qualities of a person – not the amount of information but the ability to manage and use it makes the leader smarter [18].

Just such principle uses modern American school, directing the educational process on the development of students skills to present themselves, to communicate effectively, to retain their individuality and independence.

The Association of US school Social Workers notes that for more effective solving of problems of social work at school it is necessary to unite efforts of the American Bar Association (ASCA), the National Association of School Psychologists (NAPS), Social Association of American School Workers (SSWAA) and to organize the school social work on the base of intersubject connections [1].

CONCLUSIONS

Summing up, we can note that the particularly important in the system of US social workers' training for organization of such training in Ukraine is the emphasis on the psychological, therapeutic and social rehabilitative functions of a social worker, which makes it possible to him to be more active in the professional activities. By mastering the therapeutic and rehabilitative techniques in the process of professional training, the social workers in Ukraine will be able to organize a private practice that will attract additional resources into the system of social work and improve the material and economic position of specialists. Actual issue in the system of professional

training of social workers in Ukraine is the experience of practical training of American specialists. Also it is necessary to pay attention to the tendency of educational process of schools in the USA - orientation not on the amount of knowledges but on skills to use them. In modern Ukrainian schools are implemented approaches to the educational process, in which there is a race for knowledge thus leaving on the second plan the child's personality with its needs and level of satisfaction with his own life, so valuable is the experience of American schools, where attention is focused on the formation of self-realization skills, forming of leadership qualities and the personality independence.

References:

1. Association of Social Workers of US schools. Access: URL: <http://www.sswaa.org>
2. Vinnikova L.V. Sistema podgotovki sotsial'nykh rabotnikov v vysshikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh SSHA (The system of social workers training in the US higher education institutions), Dis. Candidate Ped. Sciences: 13.00.05 - Social Pedagogy / L.V. Vinnikova., – Lugansk, – 2003, – 217 p. (in Russ.).
3. Voytenkova G.F., Lebedeva E.V. Sotsialnyie uslugi (Social services), Narodonaselenie, – 2007, – No. 4, – P. 94-106 (in Russ.).
4. Vasilenko O.N. Pedagogicheskie usloviya realizatsii funktsiy soderzhaniya shkolnogo komponenta (Pedagogical conditions of the realization of functions of a school component content), Authoref. Dis. Candidate Ped. Sciences, – Kharkov, – 1996, – 24 p. (in Russ.).
5. Kapskaya A.I. Tekhnologii sotsial'noy raboty v zarubezhnykh stranakh (The technologies of social work in foreign countries), Ed. manual / A.I. Kapskaya, L.N. Zavatskaya, S.V. Grischenko, Kiev: Slovo, 2011, 248 p. (in Russ.).
6. Kozlov L.A. Sotsial'naya rabota za rubezhom: sostoyaniye, tendentsii, perspektivy (Social work abroad: status, trends, prospects), – Moscow, – 1997, – 125 p. (in Russ.).
7. Korniyushina R.V. Zarubezhnyy opyt sotsial'noy raboty (Foreign experience of social work), Ed. manual / R.V. Korniyushina, – Vladivostok: TIDOT Far Eastern State University, – 2004, – 84 p. (in Russ.).
8. Koroleva N.E. Soderzhaniye podgotovki sotsial'nykh rabotnikov dlya uchebnykh zavedeniy v SSHA i Velikobritanii (Content of the training of social workers for educational institutions in the USA and the UK), Dis. Candidate Ped. Sciences: 13.00.01 - General pedagogy, history of pedagogy and education / N.E. Koroleva, – Kazan, – 2003, – 185 p. (in Russ.).
9. Kubitskiy S.A. Istoriya sotsial'noy raboty v zarubezhnykh stranakh (The history of social work in foreign countries), Ed. manual / S.A. Kubitskiy, Kiev: DAKKKiM, – 2010, – 303 p. (in Russ.).
10. Lambayeva I.A. Sotsial'naya rabota za rubezhom (Social work abroad), Ed. manual / I.A. Lambayeva, Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU, – 2000, – 110 p. (in Russ.).
11. Malkova Z. A. Sovremennaya shkola v SSHA (Modern school in the USA), M: Pedagogy, – 1999, – 420 p. (in Russ.).
12. Murashkevich O.A. Tekhnologii sotsial'noy raboty v zarubezhnykh stranakh (Technologies of social work in foreign countries), ed. manual. State, Lugansk: Taras Shevchenko LNU, – 2013, – 202 p. (in Russ.).
13. Novak E. S. Sotsial'naya rabota za rubezhom (Social work abroad), metodical manual, – Volgograd: Volga Publishing, – 2001, – 172 p. (in Russ.).
14. Palchevsky S.S. Sotsial'naya pedagogika (Social pedagogy), educ. Manual, K.: – Condor, – 2005, – 560 p. (in Russ.).
15. Popovich G.M. Sotsial'naya rabota v Ukraine i za rubezhom (Social work in Ukraine and abroad), metodical manual, Uzhgorod: Grazhda, – 2000, – 134 p.

16. Romm T.A. Sotsial'naya rabota za rubezhom (Social work abroad), Novosibirsk: NSPU, – 2003, – 160 p. (in Russ.).
17. Erling R. Kak ustanovit' travlyu v shkole. Psikhologiya mobbinga (How to stop bullying in school. Psychology mobbing), Trans. with NOK, – M.: Genesis, – 2012, – 264 p. (in Russ.)
18. Sloan K. Umneye, bystreye, luchshe. Strategii effektivnogo i uspešnogo liderstva (smarter, faster, better. Strategies for effective and successful leadership), – M.: Yurayt, – 2009, (translated from English O. Burmakova.) (in Russ.)
19. Furman A.V., Podgurskaya M.V. Istoriya sotsial'noy raboty (The history of social work), ed. Manual, Ternopil: TNEU, – 2014, – 174 p. (in Russ.)
20. Holostova E.I. Zarubezhnyy opyt sotsial'noy raboty (Foreign experience of social work), ed. manual, – M.: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and K", – 2013, – 368 p. (in Russ.).
21. Tselih M.P. Sotsial'naya rabota za rubezhom: SSHA (Social work abroad: United States), – Moscow: Academy, – 2007, – 128 p. (in Russ.)
22. Heather Alden, National School Social Worker of the Year. – 2012.
23. Richmond, Mary Ellen. Social diagnosis. New York: Russell Sage Foundation, – 1917. – 511 p.
24. Kounin J. Discipline and Group Management in Classrooms. Huntington, N. Y.: R. E. Krieger, – 1977. – 170 c.
25. Social Work Task Force, "Facing up to the task: the interim report of the social work task force", Department of Health and the Department for Children, School and Families, – 2009.

Information about the authors

Sayko Natalia Oleksandrivna, Candidate of Science, docent, Docent of the Chair of Special Education and Social Work, Poltava National Pedagogical University named after Y.G. Korolenko.

Address: 2 Ostrogradskiy Str., 36000, Poltava, Ukraine, tel.: +38 (053) 56-43-06

E-mail: sayko@gmail.com

ORCID: org/0000-0002-8459-6301

O. B. Tarnopolsky¹*Alfred Nobel University, Dnipro, Ukraine*

DEVELOPING A CONSTRUCTIVIST TEXTBOOK OF ENGLISH FOR UNIVERSITY STUDENTS MAJORING IN TOURISM

Abstract:

Objective: The goal of the article is to discuss the characteristic features of a textbook of English designed for Ukrainian university students majoring in tourism.

Methods: The methods include the analysis of theoretical approaches and teaching experience, theoretical cognition, the method of analogy and comparison.

Results: The most important results of the study were the specific features of the textbook developed. It is designed following the constructivist approach to language teaching that permits students to acquire involuntarily target language communicative skills through participation in professional activities/communication conducted in English and modeled in the classroom. The peculiar structure of the textbook and its thematic units has been developed to suit the requirements of the constructivist approach. Seven constructivist principles following which the textbook is designed have been elaborated. Experiential learning activities are introduced to practically implement the constructivist approach in classroom practice. They comprise: continuous simulation, project work, case studies, discussions; searching for, listening to and reading authentic professional printed and electronic information required for doing creative tasks; writing different professional documents.

Scientific novelty: The features of the textbook discussed in the article make it scientifically innovative in what concerns teaching English for professional purposes. The research results make an innovative contribution to the theoretical development of the constructivist approach in language teaching.

Practical significance: The results of the study open new ways of improving teaching English for professional purposes and they constitute the first practical development of the constructivist approach in teaching English to future managers of tourism.

Keywords: teaching English for professional purposes; textbook of English; constructivist approach; principles of constructivist teaching and learning; experiential learning activities.

INTRODUCTION

Teaching English for Specific, or Professional, Purposes (ESP) is rapidly becoming one of the most important directions in English teaching in Ukraine because of its internationally oriented economic development requiring numerous specialists with good command of English for professional communication. Of special significance is training such specialists in the field of international tourism since this area of economic/business activities is one of the most beneficial for the country's economic growth. However, ESP teaching to Ukrainian university students majoring in tourism is far from being up to international standards — first of all, due to the absence of a textbook of English meeting the most cutting edge requirements to such textbooks, as well as meeting the requirements of the specific conditions of

teaching ESP to future tourism managers at Ukrainian universities.

Owing to this, the project of designing a cutting edge textbook of English for such managers has been elaborated for longer than a year at Alfred Nobel University in Dnipro (former Dnipropetrovsk), Ukraine. The development of the textbook is now drawing to its close and the aim of this article is to discuss its specific innovative features. The textbook is designed following the precepts of the constructivist approach to organizing the teaching/learning process and the essence of that approach in what concerns language training should be discussed before considering the textbook in question.

CONSTRUCTIVISM IN ESP TEACHING

The constructivist approach in teaching/learning is based on the psychological and pedagogical theories of

Bruner, Piaget, and Vygotskii [1; 2; 3]. The approach aims at making learners “construct” themselves their own knowledge and skills through specific learning activities modeling genuine practical activities where such knowledge and skills are required and where they usually emerge and get reinforced in natural (e. g., professional) situations and conditions. A good example is using case studies in classes on professional disciplines at universities. When solving professional or quasi-professional cases, university students autonomously “construct” their ability to solve similar tasks in their future professional activities through realizing the specific method of solving them (knowledge) and involuntarily acquiring the skills necessary for using that method efficiently in practice.

After publication of the works by Ioannou-Georgiou and Jonassen [4; 5] devoted to using constructivism in language training, it has become possible to formulate a definition of the essence of the constructivist approach to ESP teaching and learning. Such a definition has been given by Tarnopolsky [6] who states that constructivism presupposes a specific design of a university ESP course giving students opportunities of subconsciously acquiring skills of professional communication in English through learning activities modeling professional activities while those modeled activities are performed through communication in English being learned.

It should be said that it is in the works of the latter author and his co-authors [6; 7; 8; 9], as well as in the series of ESP textbooks developed by him and his team [10; 11; 12; 13], that the constructivist approach/method in ESP teaching has found its fullest embodiment. This embodiment has been modified and improved in accordance with the author’s latest theoretical and practical ideas that were brought to life in the textbook “*Tourist Matters*” whose development has been almost completed by now and which is discussed further in this article.

BASIC CHARACTERISTICS AND STRUCTURE OF THE TEXTBOOK

The textbook is designed for students who have already achieved the intermediate level in their command of General English (levels B1+ or B2 according to the *Common European Framework of Reference* [14]). If students have attained this level of General English command before entering the university, they can start using the textbook “*Tourist Matters*” from the first year of their university studies. But in most cases it is supposed to be used in the ESP course during the second year of study-

ing English at university when professional language training specialization mostly begins.

The goal of the textbook is to teach students professional communication in English (speaking, listening, reading, and writing) on those topics and in those situations requiring the use of English that are encountered with the greatest probability in the professional career of a tourist manager. The textbook is designed for 144 hours of in-class work and approximately the same number of hours of out-of-class students’ work on home assignments received. It consists of 12 thematic *Units*, three units making one module with one review-and-skill-check class after every module. The topics of separate units reflect the major aspects of tourism managers’ professional activities, such as selection of tourist destinations, participation in tourism fairs and exhibitions, providing tourists with accommodation, etc.

Every unit is divided into five *Steps* (and then working on it takes five classes with one class per step) or six *Steps* (then working on it takes six classes).

In a unit of five steps those steps include: 1) the *Step of Introductory definitions* with a communicative introduction into the topic aimed at eliciting students’ background knowledge and giving them all the fundamental notions and definitions concerning that topic; 2) the *Step of Information processing* where student are expected to acquire in English all the important information on the topic; 3) the *Step of Presentations and their discussion* for which students prepare presentations on different aspects of the topic that are listened to and discussed in class; 4) the *Step of Continuous simulation and project work* (see explanations further in the article); 5) the *Step of Discussing projects, concluding and checking* where the results of project work are discussed, the material on the topic is finally processed, and students’ knowledge and skills acquired during the work on the *Unit* are checked. Those units that contain a larger share of professional information in them or where this information is especially difficult or important have one more step (*Development*) introduced between the above-discussed third and fourth steps. In that step additional information on the professional topic is processed and discussed.

As can be seen from the above description of units and steps in them, they are totally based on professional communication in the target language and this concerns even home assignments and materials for them placed after every *Step* in every *Unit* of the textbook. Language form-focused exercises are not used not only because the

textbook is mostly designed on the basis of Krashen's language acquisition theory [15] but also because formal language exercises disrupt the involuntary communicative skill acquisition processes proper to the constructivist approach.

CONSTRUCTIVIST PRINCIPLES IN THE TEXTBOOK DESIGN

Seven such principles underlie the textbook and it is they that ensure its constructivist nature, i. e., learners' subconscious acquisition of target language professional communication skills through professional communication in English into which students are always "immersed" in their language classes where those skills are subconsciously "constructed" and, thereby, acquired.

The first principle is *the principle of content-based instruction* [16]. English and English communication skills are acquired only through professional content when students are speaking, reading, listening, and writing in English about that content. It means that English communication skills are mostly acquired subconsciously while processing the professional content matter.

The second principle can be called *the principle of providing systematized professional information in the textbook (and course) of English for professional communication*. This principle means that the textbook is designed not as a random selection of professional topics, materials, and varieties of learning activities but is based on systemic and systematic rendering of the entire course of training for the career of a tourist manager embracing all the basic issues that can be important for the work of such a manager.

The third principle is *the principle of authenticity*. First, it means that only authentic materials (texts for reading and listening) are used in the textbook, i. e. those professionally oriented materials which are created by native speakers and for native speakers. Most of those materials are *synthesized* [17] and *modified* in such ways that either one single text is made out of fragments of several authentic texts, or authentic texts are abridged and modified to better suit the learning purposes. But no adapted texts or texts artificially created just for this textbook have been used. Such an approach is very important for ensuring genuine content learning.

Second, the principle of authenticity means the introduction of authentic students' professional activities into the learning process, i. e. those that faithfully model genuine professional activities and professional communication in it. This is achieved with the help of

the following principle inextricably connected with and supporting the principle of authenticity. It is *the principle of ensuring professional communication in English in students' experiential learning activities*. Both the authenticity of students' activities and their orientation towards professional communication in English mean that the learning process is totally focused on learners' communication and that communication authentically models professional intercourse of practical tourist managers.

The experiential nature of students' learning activities (*experiential learning* [18; 19]) means that they are designed in such a way as to make learners acquire target language communication skills through *experiencing* real or quasi-real (modeled) practical professional activities in which professional communication is conducted in the target language. Further below in the article the learning activities that can be considered as experiential and are used in the textbook "*Tourist Matters*" and the course based on it will be discussed.

The three remaining principles help to implement the two basic constructivist principles discussed above (the principles of authenticity and of ensuring professional communication in experiential learning activities). First of all, it concerns *the principle of integrating different communicative activities (speaking, listening, reading, and writing) in the learning process*. The course of English taught with the aid of the textbook "*Tourist Matters*" presupposes parallel development of learners' speaking, listening, reading, and writing skills. Each of those skills in its development is based on all the others and supported by all the others and, in its turn, makes a base and support for all the others [20].

But it should be noted that the most vivid manifestation of the principle of integrating different communicative activities (speaking, listening, reading, and writing) in the learning process could be observed in students' *project work* (see "*Basic characteristics and structure of the textbook*" above), which is an integral part of all textbook learning activities. Project work is an inalienable part of every *Unit* in the textbook. From the beginning of their work with it, students have to do a project task meant to be done through the course. This project task fulfilled through the entire course is compiling "*The Prospectus of a Travel Agency*" where students write separate parts after working on every unit of the textbook.

The chapters of *The Prospectus* are not written as simple summaries of the information obtained in the process of work on this or that unit. Such summaries make a mi-

nor part of every part in *The Prospectus*. Most of those parts are made up of information that every student has to find (in discussions, when working on the Internet, etc.). On the basis of the information found (through speaking, listening and reading), pairs or small groups of students who worked together prepare their version of the relevant part (in writing). Every version of the part prepared by pairs or small groups is discussed by all the students in the group (speaking and listening). Strong and weak points of all versions are talked over and, in the general discussion, the outline of the final version of the part is determined.

In this way, the learning activity under discussion can be considered as the best embodiment of communicative activities integration because there is the “focus” communicative activity around which all the other communicative activities concentrate. In this case, that “focal” communicative activity is writing because reading, speaking, and listening serve for improving *writing of The Prospectus* parts, i. e., for obtaining the best results of the project work.

Neither the project tasks nor a number of other creative experiential tasks in the textbook (see below) would be possible without implementing the sixth principle underlying it. This is *the principle of organizing students' out-of-class Internet search for professional information on English web sites*, which is one of integral and inalienable kinds of learning activities in the textbook under consideration. Such Internet search for professional information is absolutely necessary because creative learning tasks require such a great amount of that information which could not have been provided only by the professional texts for reading and listening included in the textbook. The mandatory nature of the Internet search postulated by the textbook makes the ESP course based on it a *blended one (blended learning [21; 22])* where students' in-class work and out-of-class online work are equally important for learning outcomes.

The last, seventh, principle following which the textbook is designed is *the principle of students' cooperative learning*. A great number of learning activities are based on students' work in pairs and/or in small groups. It not only creates better and more natural conditions for learners' communication in English (the language is used in its natural function of organizing joint efforts for solving different professional tasks and problems). The principal advantage of cooperative learning is in creating conditions for learners' mutual assistance when doing

learning assignments, the assistance that gives students opportunities of learning from each other because every student invests his/her own potential of skills and knowledge into common work. As a result, the learning activities in the textbook based on cooperative learning give opportunities of increasing the general efficiency of the teaching/learning process by summing up the efforts of individual students who work together with other students to achieve a common goal and learn from each other while doing that [23].

The clearest practical embodiment of the principles discussed above, which makes the textbook most vividly constructivist in its nature, is the experiential learning activities which are the only kind of learning activities in every textbook unit.

EXPERIENTIAL LEARNING ACTIVITIES IN THE TEXTBOOK AND THE ESP COURSE BASED ON IT

From the above description of the textbook “*Tourist Matters*” basic characteristics and structure it becomes clear that probably the most prominent experiential learning activities used in it are *project work* and *continuous simulation*. The former has thoroughly enough been discussed above when analysing the principle of integrating different communicative activities (speaking, listening, reading, and writing) in the learning process. In what concerns the latter [6; 7; 24], it can be considered as a very specific learning activity that integrates all the learning process within one single plot — in our case, the plot in which students establish their own (imaginary) travel agency where their work during their entire ESP course. In the framework of this continuous simulation various separate simulations [25] and role plays [26] are used to model different episodes of the imaginary agency's functioning, and it is the course and results of such functioning that are reflected in the project of preparing “*The Prospectus of a Travel Agency*” discussed above.

Besides these activities, the other experiential speaking activities used in the textbook and the ESP course, mostly as integral parts of the continuous simulation and project work, include:

- 1) preparing and delivering different professional presentations on the topics being studied [6; 27];
- 2) case-studies and other task-based activities when students are expected to solve some professional problems and formulate in speaking their professional solutions and decisions [6];

3) professional brainstorming and discussions on certain practical issues [6; 28].

Experiential learning activities in reading and listening in English are used by students for collecting professional materials and information for doing their creative tasks the results of which are presented through speaking (see above) or writing (see below). The reading/listening tasks include:

For listening:

1) listening to information and fragments of conversations on touristic issues, doing task-based assignments on the basis of information heard, the tasks being aimed at professional analysis of the information received;

2) listening to practical cases, doing task-based assignments on the basis of information heard, the tasks being aimed at professional analysis of the information received.

For reading:

1) reading various authentic *printed* texts on different touristic issues, doing task-based assignments concerning the materials read, the tasks being aimed at professional analysis of the information received and preparing on its basis students' own presentations, cases, etc.;

2) reading various authentic *electronic* texts (found autonomously on the Internet in the blended learning framework — see above) on different touristic issues, doing task-based assignments concerning the materials read, the tasks being aimed at professional analysis of the information received and preparing on its basis students' own presentations, cases, and projects.

Experiential writing learning activities mostly summarize all the learning results which can be especially clearly seen from the above description of project work devoted to writing "*The Prospectus of a Travel Agency.*" Writing activities in the textbook and ESP course include:

1) writing essays and summaries on touristic issues;

2) writing summaries and abstracts of professional texts read;

3) writing professional articles and chapters, especially in the framework of students' project work (see above);

4) writing cases (case studies).

As it can be seen, all the learning activities are of professionally experiential nature creating conditions for students' autonomous involuntary "construction" of their English professional communication skills. It should be repeated again that the textbook contains practically no

learning activities specifically aimed at learners' gaining command of certain language items of grammar, pronunciation, and vocabulary. It becomes possible since, as it has already been said, the textbook is designed for students who have already attained their intermediate (B1+ or B2) level of General English. It means that all their basic pronunciation and grammar skills have been developed before, and those skills need only to be subconsciously reinforced in speaking, listening, reading, and writing while working with the textbook "*Tourist Matters*". More attention is focused on vocabulary skills since students are supposed to retain a lot of new words and word combinations in their ESP course based on the textbook under discussion. But those skills are also developed in the process of communication and not in formal exercises.

CONCLUSION

The research reported in this article has resulted in developing an original ESP textbook for university students majoring in tourism. In that textbook and the course based on it the constructivist method of ESP teaching and learning has been embodied. This method makes every unit of the textbook designed in such a way that the logic of professional activities, and not the logic of presenting the target language system, is reflected in it. Such an approach gives students an opportunity of autonomously and subconsciously "constructing" their own professional target language communication skills through being constantly "immersed" into that communication when doing learning tasks modeling in the units of the textbook quasi-real professional activities.

The efficiency and effectiveness of such modeling is achieved by implementing seven constructivist learning principles analyzed in the article and the system of experiential (i. e., based on the experience in practical activities) kinds of learning activities.

The textbook discussed in the article is the last in the series [8–11] of constructivist textbooks for ESP studies compiled by us, and it is just in this textbook that the constructivist approach has found its fullest and most developed embodiment. The efficiency of this approach has already been demonstrated in the teaching practice where every unit of the textbook has been tried immediately after completing its preparation. However, the next prospect of our research is in fully experimentally testing the textbook in the teaching/learning process for finding what its advantages and disadvantages are when it is used all through an ESP course from the beginning to the end of an academic year.

References:

1. Bruner J. S. *Toward a Theory of Instruction*, Cambridge, MA: Harvard University Press, – 1966, –286 p.
2. Piaget J. *The Psychology of Intelligence*, New York: Routledge, – 1950, – 448 p.
3. Vygotskii L. S. *Mind in Society: The Development of Higher Mental Processes*, Cambridge, MA: Harvard University Press, – 1978, – 315 p.
4. Ioannou-Georgiou S. Constructing meaning with virtual reality. *TESOL Journal*, – 2002, – Vol. 11, – No.3, – P. 21–26.
5. Jonassen D. H. *Supporting Communities of Learners with Technology: A Vision for Integrating Technology with Learning in Schools*, – 1995, Accessed – November 28, – 2002 at DePaul University, Instructional Technology Development Department Web site: URL: <http://www.itd.depaul.edu/website/pages/TrainingEvents/Course-Materials/jonassen.asp>.
6. Tarnopolsky O. *Constructivist Blended Learning Approach to Teaching English for Specific Purposes*, – London: Versita, – 2012, – 254 p.
7. Tarnopolsky O., Kozhushko S. *Acquiring Business English in a quasi-natural business environment: A method of teaching Business English to students of Business and Economics*, *Working Papers in Educational Linguistics*, Philadelphia: University of Pennsylvania, – 2003, – 18, No. 2, – P. 55–88.
8. Tarnopolsky O. *Experiential B. E. teaching/learning: A happy combination of Intercultural and Communicative Approaches*, *Business – Issues*, – 2011, – Issue 78, – P. 7–8.
9. Tarnopolsky O. *Varieties of the Constructivist Approach to Teaching English for Specific Purposes to University Students*, *Norwegian Journal of Development of the International Science*, – 2016, – No. 1, – P. 100–103.
10. Tarnopolsky O., Kozhushko S., Bezugla R., Degtiarova Y., Gibson P. *Business Projects. Coursebook. Student's Book and Workbook*, – Kyiv: Firma INKOS, – 2002, – 280 p.
11. Tarnopolsky O., Kozhushko S., Degtiarova Y., & Bespalova N. *Psychological Matters. A Coursebook of English for Students of Psychology. Student's Book and Workbook*, – Kyiv: Firma INKOS, – 2011, – 302 p.
12. Tarnopolsky O., Volkova N., Kozhushko S., Miasoid G., Stojković N. *Pedagogical Matters. A Coursebook of English for Students of Pedagogy. Student's Book and Workbook*, – Dnipropetrovsk: Alfred Nobel University, – 2015, – 328 p.
13. Tarnopolsky O., Kornieva Z., Avsiukevich Y., Zhevaga V., Degtiarova Y. *Professional Basics. A Textbook of English for 1st Year Students Majoring in Technology and Economics. Student's Book and Workbook. Second edition. Edited by Oleg Tarnopolsky and Zoya Kornieva*, Vinnitsa: Nova Knyga, – 2016, – 302 p.
14. Council of Europe. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching and Assessment*, Strasbourg, – 2001, – 242 p.
15. Krashen S. D. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*, London: Prentice-Hall International (UK) Ltd, – 1981, – 202 p.
16. Brinton D. M., Snow M. A., & Wesche M. B. *Content-Based Second Language Instruction*, – New York: Newbury House Publishers, – 1989, 241 p.
17. Trimble, L. *English for Science and Technology. A Discourse Approach*, – New York: Cambridge University Press, – 1992, – 180 p.
18. Jerald M., & Clark R. C. *Experiential Language Teaching Techniques. Out-of-Class Language Acquisition and Cultural Awareness Activities. Resource Handbook Number 3. Second revised edition*, Brattleboro, Vermont: ProLingua Associates, – 1994, – 148 p.
19. Kolb D. *Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, – 1984, – 248 p.
20. Oxford R. *Integrated skills in the ESL/EFL classroom*, ERIC Digest. (ERIC Document Reproduction Service No. EDO-FL-01-05). Columbus, OH: ERIC Clearinghouse on Adult, Career, and Vocational Education, – 2001, Accessed September 26, 2007 at: URL: <http://www/cal.org/ericcl/0105oxford.html>.
21. Barrett B., & Sharma P. *The Internet and Business English*, Oxford: Summertown Publishing, – 2003, – 198 p.

22. Sharma P., & Barrett B. Blended Learning. Using Technology in and beyond the Language Classroom, Oxford: Macmillan, – 2007, – 160 p.
23. Kessler C. (Ed.). Cooperative Language Learning: A Teacher's Resource Book, Englewood Cliffs, NY: Prentice Hall Regents, – 1992, – 257 p.
24. Tarnopolsky O. Business English teaching: Imaginative continuous simulations and critical analysis tasks, Business Issues, – 2000, – Issue 2/2000, – P. 12–14.
25. Jones K. Simulations in Language Teaching, Cambridge: Cambridge University Press, – 1982, – 122 p.
26. Livingstone M. Role Play in Language Learning, – London: Longman, – 1982, – 127 p.
27. Tarnopolsky O., & Avsiukevych Y. Successful Presentations. A Coursebook on Successful Presentations in English for Tertiary Students of Economics, – Kyiv: Lenvit, – 2007, – 135 p.
28. Ur, P. Discussions That Work. Task-Centred Fluency Practice, Cambridge: Cambridge University Press, – 1992, – 121 p.

Information about the author

Oleg Borisivich Tarnopolsky, Doctor of Pedagogy, Full Professor, Head of the Department of Applied Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages, Alfred Nobel University, Dnipro, Ukraine

Mailing address: The Central Post Office, P. O. Box 856, Dnipro, 49000, Ukraine, tel.: +38(050)342-54-10

E-mail: otarnopolsky@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8507-0216>

T. A. Yashkova¹¹ Russian Academy of National economy and public administration, Moscow, Russia

THE TRANSFORMATION OF THE BRITISH MODEL AFTER AN EXIT FROM THE EUROPEAN UNION

Abstract

Objective: the independent review of the functioning of the British model after an exit from the European Union.

Methods: comparison, generalization, observation, systems analysis, group data, theoretical knowledge and the method of analogy and historical method.

Results: based on the analysis of scientific literature and statistical data revealed problems and possible ways of development of the European Union. The paper discusses the main processes occurring in the territory of European enterprises, their essence and consequences. First of all we are talking about problems that pose a threat to the British Empire. The author examines possible options for further development of modern England, as well as ways of solution of actual problems and their causes.

Scientific novelty: is the formulation of scientific problems in the study of contemporary British models of the early twenty-first century.

Practical significance: main provisions and conclusions of the article can be used in research when considering the issues of regionalization in the contemporary world.

Keywords: Brakcet, the European Union, EU, migration, modernization, transformation.

References:

1. Oswald Spengler Decline Of The West. – M. Eksmo. – 2006. – 600 p.
2. Mosque of Notre Dame [Electronic resource] Mode of access: URL: <https://rg.ru/2016/02/10/nemeckie-uchenye-predskazali-gospodstvo-islama-v-germanii-k-2050-godu.html> (date of treatment: – 04.06.2015).
3. Yashkova T. A., Orlov M., Petrov E. O. Problems and ways of development of the European Union. In: Geopolitical threats and the strengthening of the state as a response to the global challenges of the collective monograph Under the editorship of S. G. Kiseleva. – Moscow, – 2016. – P. 73–85.
4. What will happen after the referendum about the “breccia”? [Electronic resource]//BBC 25.06.2016. – Mode of access: http://www.bbc.com/russian/features/2016/06/160625_brexit_what_now. The title. screen.
5. British banks lost a third of the cost on the news about Brexit. [Electronic resource]//RBC 24.06.2016. – Mode of access: <http://www.rbc.ru/finances/24/06/2016/576ce4159a7947ee6bdf867a>. The title. screen.
6. White paper the UK Government’s plan to secede from the European Union of 2 February 2017 [Electronic resource]//access Mode: URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/588948/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf. The title. screen.
7. White paper the UK Government’s plan to secede from the European Union of 2 February 2017 [Electronic resource]//access Mode: URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/588948/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf. The title. screen.
8. The Exodus from London: where can move the main financial hub of Europe. [Electronic resource]//RBC 28.06.2016. – Mode of access: URL: <http://www.rbc.ru/finances/28/06/2016/57714c929a7947148e7e8158>. The title. Screen
9. White paper the UK Government’s plan to secede from the European Union of 2 February 2017 [Electronic resource]//access Mode: URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/588948/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf. The title. screen.

10. Kiselev, S. G. Civilizational challenges Russia//Military thought. – 1999. – No. 2. – P. 14–25.
11. Kiselev S. The new thinking and military policy//Social sciences. – 1990. – № 4. – Т. 21. – P. 258–259; – Т. А. Yashkova Major geopolitical challenges of the XXI century. In: Geopolitical threats and the strengthening of the state as a response to the global challenges of the collective monograph Under the editorship of S. G. Kiseleva. Moscow, – 2016. – P. 15–34.

Information about the author

Tatiana Yashkova, doctor of political Sciences, member of Russian Association of political science, Vice-President of Academy of Geopolitical problems, Moscow, Professor of the Department “International cooperation”, Ranepa, Moscow editorial Board

Address: Russia, 127276, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 84. tel: 8(916)307-92-57

E-mail: Yashkova@yandex.ru

Т. А. Яшкова¹

¹ Российская Академия Народного хозяйства и государственной службы, г. Москва, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ БРИТАНСКОЙ МОДЕЛИ ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация

Цель: рассмотрение самостоятельного функционирования британской модели после выхода из Европейского Союза.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных, теоретического познания, а также метод аналогии и исторический метод.

Результаты: на основе анализа научной литературы и статистических данных выявлены проблемы и возможные пути развития Евросоюза. В работе рассматриваются основные процессы, происходящие на территории Европейского объединения, их сущность и последствия. Прежде всего речь идёт о проблемах, которые представляют угрозу Британской империи. Автор рассматривает возможные варианты дальнейшего развития современной Англии, а так же способы решения актуальных проблем и их причины.

Научная новизна заключается в постановке научной проблемы исследования современной британской модели начала XXI века.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной деятельности при рассмотрении вопросов регионализации современного мира.

Ключевые слова: Брексит, Евросоюз, ЕС, миграционные процессы, модернизация, трансформация.

Немецкий философ Освальд Шпенглер в своем главном труде «Закат Европы» называл европейскую культуру «фаустовской», отмечая, что «нет ничего легче, как взамен отсутствующих мыслей создать систему» [1, С. 124]. Не секрет, что первая система, которая приходит на ум при рассуждении о современной Европе, — это Европейский Союз. Безусловно, Шпенглер не жил в XXI веке и не имел в виду ЕС, который одолевают кризисы, и исход этих потрясений остаётся туманным.

Только за один 2015 год в Европу прибыли более миллиона мигрантов (по данным Евростата 1,

054 млн. человек) [2]. На данный момент Европейская комиссия утверждает, что в этом году миграционный приток увеличится как минимум в 3 раза и не будет ослабевать до начала 2018 года. Нынешнее количество мигрантов сравнимо только с числом беженцев в годы Второй Мировой войны.

23 июня 2016 г. в Великобритании состоялся референдум о выходе государства из состава Европейского Союза (ЕС). Членство Великобритании в рамках единой Европы являлось острым и спорным вопросом уже довольно давно [3]. Впервые вопрос

о референдуме по поводу выхода из состава на тот момент Европейского экономического сообщества возник в 1975 г. Но тогда большинство британцев решили сохранить статус-кво и остаться в рамках ЕЭС. Снова вопрос о членстве Британии в ЕС был поднят уже в 2013 г. бывшим премьер-министром Дэвидом Кэмероном, который потребовал от Брюсселя выполнения ряда условий, в частности изменения миграционного законодательства (например, мигранты из ЕС могли получать пособия и социальное жилье только, если они проработали бы на территории Великобритании более 4-х лет), приостановление дальнейшего политического сближения с ЕС, отсутствие дискриминации в отношении государств, не использующие евро в качестве своей валюты и т. д., в обмен на сохранение членства в ЕС. Но, несмотря на достижение соглашения по этим вопросам, 23 июня 2016 г. Британия провела референдум, итогом которого было решение выхода из состава Европейского Союза (за выход проголосовали 51,9% жителей, преимущественно в Англии и Уэльсе, а против проголосовали 48,1% жителей, в основном в Шотландии, Северной Ирландии и Лондоне).

Результаты референдума оказались неожиданными для ряда экспертов, аналитиков и средств массовой информации. Так, например, ряд европейских и американских СМИ писали о «темных временах» для британской экономики и пророчили развал страны и выход из ее состава Шотландии и Северной Ирландии. Евроскептики тоже писали о развале и кризисе, но уже не отношении Великобритании, а в отношении ЕС.

На итог референдума моментально отреагировали валютные рынки и фондовые биржи. Реакция фондовых бирж проявилась резким падением многих индексов, в частности японский NIKKEI упал на 1.286 пунктов (после этого торги были закрыты, чтобы избежать дальнейшего падения до фатальных значений), британский биржевой индекс FTSE 100 упал на 7,4%, немецкие фондовые биржи упали почти на 10%, французский индекс CAC 40 опустился на 9,63%. Стоимость фунта стерлингов обвалилась до минимального значения с 1985 г. В определенный момент фунт стоил 1,3305 доллара, то есть курс британской валюты за день упал на 10% [4]. Хотя к концу торгов падение удалось немного стабилизировать. В итоге общее падение составило более 11% против доллара США и швейцарского франка, более 8% против евро, 16.7% против японской йены.

Это падение фунта стало самым крупным за всю его историю. Падение фунта спровоцировало падение других рыночных инструментов, валют, сырья, индексов, акций и сильный рост швейцарского франка, японской йены и золота. На фоне новостей о росте числа сторонников выхода страны из ЕС — компании из биржевого индекса FTSE 100 потеряли в цене примерно £100 млрд., а сам индекс упал на 8%. Тем не менее, цены на акции пяти крупнейших британских банков упали в среднем на 21%, на утро после референдума. Однако, такие банки, как HSBC и Standard Chartered, полностью восстановились, в то время как Lloyds, RBS Group и Barclays продолжали падать более чем на 10% [5]. Произошедшее событие с фунтом и рынком в целом, экономисты называют «чёрным лебедем» — редкие события, которые очень трудно спрогнозировать, и которые имеют значительные последствия для рынка.

В политическом плане также произошли изменения. Премьер-министр Дэвид Кэмерон заявил о том, что снимает с себя все полномочия. В должность вступила Тереза Мэй, которая, сформировав новое правительство, приступила к выработке плана и стратегии выхода из ЕС.

Первые отзывы и мнения о выходе Британии из ЕС были различные, противоречивые и порой весьма эмоциональные. Но спустя время можно говорить о более рациональных прогнозах касательно будущих отношений Лондона и Брюсселя. Для начала можно отметить возможные модели построения отношений между Великобританией и ЕС. Во-первых, предполагалось, что Британия может пойти по пути Норвегии. Это бы означало, что Великобритания выходит из состава ЕС и присоединяется к Европейской экономической зоне, обеспечивая себе доступ к единому европейскому рынку (финансовый сектор экономики не включен). Это бы также освободило Британию от правил ЕС в сферах сельского хозяйства, рыболовства, права и внутренних дел. Во-вторых, рассматривалось, что Великобритания последует примеру Швейцарии, то есть не будет входить ни в ЕС, ни в Европейскую экономическую зону, но будет входить в Шенген и заключит отдельные договоры с Брюсселем по каждому сектору экономики. В-третьих, Великобритания может войти в таможенный союз с ЕС, что предоставит в дальнейшем ее промышленности свободный доступ к европейскому рынку (финансовый сектор экономики не включен).

Таким образом, Лондон пойдет по пути Турции. Самый радикальный вариант, если Великобритания полностью разорвет свои отношения с Европейским Союзом и будет действовать только согласно правилам ВТО. И, наконец, также можно попытаться заключить всеобъемлющую договоренность о свободной торговле с ЕС по швейцарской модели, но с дополнительными гарантиями доступа финансового сектора экономики к европейскому рынку, а также определенной долей контроля над созданием и исполнением общих торговых правил.

2 февраля 2017 г. правительство Великобритании в лице премьер-министра Терезы Мэй опубликовало план выхода страны из ЕС. До этого 17 января Тереза Мэй выступила с речью по поводу данного плана, в которой исключила возможность дальнейшего пребывания Британии в рамках единого европейского рынка после выхода из ЕС — по примеру Швейцарии или Норвегии. По ее словам, это означало бы согласиться с европейскими правилами, одновременно отказавшись от возможности контроля над ними. Также планируется выход из таможенного союза, что препятствовало бы заключению новых торговых соглашений между Великобританией и другими странами. Но несмотря на это, Лондон планирует продолжать тесные экономические и торговые отношения со странами ЕС. Согласно плану все совместные проекты, инвестиции в области здравоохранения, образования, науки, технологий, грантовой поддержки и сельского хозяйства запланированные до августа 2016 г. будут выполнены в полном объеме и без каких-либо ограничений.

Нововведения коснутся также миграции и социальной политики. Так, правительство Великобритании решило расширить права рабочих граждан, например, увеличив количество ежегодного оплачиваемого отпуска с 4-х недель (по законодательству ЕС) до 5,6 недель. Увеличен также отпуск по уходу за ребенком с 14 недель (по законодательству ЕС) до 52, 39 из которых оплачиваемые. План предусматривает также введение мер контроля иммиграции из стран ЕС. При этом Мэй заверила, что права европейских граждан, живущих в Британии, и права британцев, живущих в Европе, будут сохранены. Больше всего британцев на данный момент проживают на территории Испании (более 300 тысяч человек), на втором месте — Франция (более 150 тысяч человек), на третьем месте — Германия (менее 100 тысяч человек).

В самой же Великобритании больше всего проживает мигрантов из Польши (более 900 тысяч человек), на втором и третьем месте располагаются жители Румынии и Португалии (более 200 тысяч человек) [6]. В отношении же мигрантов из третьих стран Британия будет устанавливать самостоятельную политику.

Наиболее остро между Великобританией и ЕС стоит вопрос урегулирования взаимной торговли и финансовых отношений. Британия и ЕС являются ключевыми торговыми партнерами. Европейский Союз является крупнейшим рынком для британского экспорта, а Соединенное Королевство в свою очередь является крупнейшим рынком для экспорта товаров из ЕС. В 2015 г. Великобритания экспортировала в ЕС товаров и услуг на сумму £230 млрд., при этом импортировала на сумму £291 млрд. Наиболее значимым торговым партнером является Ирландия, в эту страну идет наибольшее количество экспорта товаров и услуг из Британии (около £10 млрд.). В свою очередь для Германии, Франции и Испании Великобритания является основным импортером товаров и услуг (например, Германия экспортирует в Британию на £25 млрд., Испания и Франция около £10 млрд.) [7]. Поэтому для стран ЕС экономические потери в случае приостановлении торговых отношений с Великобританией будут намного серьезнее. Что касается финансового сектора, то здесь необходимо отметить, что Лондон является главным международным финансовым центром, то есть местом скопления банков, фондов и корпораций, осуществляющие валютные, страховые, кредитные и финансовые операции. Именно в Лондоне совершаются около 30% всех мировых валютных, кредитных и финансовых сделок, купля-продажа ценных бумаг и т. д. 75% данных операций Европейского Союза проходят через Лондон. Некоторые инвестиционные банки сразу после референдума заявляли, что планируют перенести часть лондонских операций в другие города Европы (Дублин, Париж, Франкфурт, Амстердам). HSBC заявил, что банк может перевести часть рабочих мест в Париж, уточнив, что это решение может быть отложено до официального выхода Великобритании из ЕС. Гендиректор Deutsche Bank Джон Краен говорил, что в случае выхода Британии из состава ЕС кредитор переведет трейдинговые компании из Великобритании в Германию. «Продолжать торговать в Лондоне продуктами еврозоны, например, итальянскими гособлигациями, если Великобритания выйдет

из ЕС, нерационально.» Президент Morgan Stanley Ко́льм Келле́хер заявлял, что его банк может перенести свою штаб-квартиру в Дублин или Франкфурт после выхода страны из ЕС [8].

Сейчас официальные лица Великобритании заявляют, что страна будет проводить более глобальную политику и позиционировать себя, как «открытое» всему миру государство. Основную ставку Лондон делает на расширение отношений со своим главным стратегическим партнером — США. Наиболее видимый рост в торговых отношениях наблюдается с Южной Кореей (13% ежегодно с 2005 по 2014 гг.), с Китаем (17%), с Бразилией (12%), с Мексикой (9%) [9].

Подводя итог, можно сказать, что Великобритания не собирается перенимать чью-то чужую модель (например, норвежскую или швейцарскую). Британия будет трансформировать свою уникальную модель исходя из своей цивилизационной идентификации [10], собственных национальных интересов и вызовов [11], которые сегодня появились у нее в связи с выходом из ЕС. Этот процесс будет сложным, трудоемким и долгим. Без экономических и социальных изменений в данном случае не обойтись. Сможет ли Лондон построить более глобальную и разностороннюю модель развития своей страны покажет лишь время.

Список литературы:

1. Шпенглер О. Закат Европы. – М. Эксмо. – 2006. – 600 с.
2. Мечеть Парижской Богоматери [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2016/02/10/nem-ckie-uchenye-predskazali-gospodstvo-islama-v-germanii-k-2050-godu.html> (дата обращения: – 04.06.2015).
3. Яшкова Т. А., Орлов М. В., Петрова Е. О. Проблемы и пути развития Евросоюза. В книге: Геополитические угрозы и укрепление государства как ответ на глобальные вызовы коллективная монография. Под редакцией С. Г. Киселева. – Москва, – 2016. – С. 73–85.
4. Что будет происходить после референдума о «брексите»? [Электронный ресурс] // BBC, 25.06.2016. – Режим доступа: URL: http://www.bbc.com/russian/features/2016/06/160625_brexit_what_now. – Загл. с экрана.
5. Британские банки потеряли треть стоимости на новостях о Brexit. [Электронный ресурс] // РБК, 24.06.2016. – Режим доступа: URL: <http://www.rbc.ru/finances/24/06/2016/576ce4159a7947ee6bdf867a>. – Загл. с экрана.
6. Белая книга Правительства Великобритании с планом по выходу из состава Европейского Союза от 2 февраля 2017 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/588948/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf. – Загл. с экрана.
7. Белая книга Правительства Великобритании с планом по выходу из состава Европейского Союза от 2 февраля – 2017 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/588948/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf. – Загл. с экрана.
8. Исход из Лондона: куда может переместиться главный финансовый хаб Европы. [Электронный ресурс] // РБК, 28.06.2016. – Режим доступа: URL: <http://www.rbc.ru/finances/28/06/2016/57714c929a7947148e7e8158>. – Загл. с экрана.
9. Белая книга Правительства Великобритании с планом по выходу из состава Европейского Союза от 2 февраля – 2017 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/588948/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf. – Загл. с экрана.
10. Киселев С. Г. Цивилизационные вызовы России // Военная мысль. – 1999. – № 2. – С. 14–25.
11. Kiselev S. The new thinking and military policy // Social sciences. – 1990. – № 4. – Т. 21. – С. 258–259; Яшкова Т. А. Основные геополитические вызовы XXI века. В книге: Геополитические угрозы и укрепление государства как ответ на глобальные вызовы коллективная монография. Под редакцией С. Г. Киселева. – Москва, – 2016. – С. 15–34.

Информация об авторе

Татьяна Алексеевна Яшкова, доктор политических наук, член Российской ассоциации политической науки, вице-президент Академии Геополитических проблем, г. Москва, профессор кафедры «Международное сотрудничество» РАНХиГС г. Москва

Адрес: 127276, г. Москва, Проспект Вернадского, 84, тел.: 8(916)307-92-57

E-mail: Yashkova@yandex.ru

Philology

Филология

UDC 81* 271.2 (045)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-69-74>O. I. Vorobyova¹¹ Northern State Medical University, Arkhangelsk. Russia

ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract:

Objective: represents a new direction in linguistics — linguistic ecology in the modern process of globalization.

Methods: description, observation, comparison, cognitive discourse analysis.

Results: Based on the analysis, the author identifies the factors that actively influence the Russian language, identifying the positive and negative aspects of the state of modern Russian language.

Scientific novelty: The article defines a new direction in linguistics — lingvoekologii that is actively growing and in line with current public policy Russia

Practical value: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching activities in addressing issues of globalization and preservation of the national culture and Russian language.

Keywords: lingvoekologiya, etiquette, cultural literacy, discourse, communication

References:

1. Vinogradov V. V. Russian language. The grammatical teaching of the word. 3rd ed. – M.: Higher School, – 1986.
2. Vinogradov S. I. Regulatory and communicative-pragmatic aspects of speech culture // Culture of the Russian language and effective communication. – M., – 1996.
3. Grigoriev V. P. From the past linguistic poetics and interlinguistics. – M.: Nauka, – 1993. Zhelvis VI Word and Deed: Legal Aspects profanity – M.: – 1999.
4. Erokhina L. V. Ecological and cognitive and emotional asymmetry in the communication learns // Bulletin of Russian Peoples' Friendship University, Series: Linguistics. – 2015. – No. 1. – P. 61–71.
5. Zhelvis V. I. Word and Deed: legal aspect profanity – M.: – 1999.
6. Ivanova E. V. The pragmatic aspect of communicative linguistics and stylistics: Collection of scientific papers / Ed. Ed. NB Popov. – Ufa: Izd IIUMTS "Education", – 2007. – P. 41–47.
7. Ivanova E. V. On the problem of the study of environmental discourse / political linguistics. – Vol. 3 (23). – Ekaterinburg, – 2007. – P. 134–138.
8. Karaulov JN Russian language and linguistic identity. – M.: Nauka. – 1987.
9. Kovalevskaya E. G. The history of Russian literary language. – M.: Education, – 1992.
10. Klemperer V. Language of the Third Reich. Notebook philologist. – M.: – 1998.
11. Kolesov VV human world in the word of ancient Russia. – L.: Publishing = at Leningrad University, – 1986.
12. Likhachev D. S. National consciousness of ancient Russia. Sketches from the field of Russian literature 11–17 centuries. "Moscow-Leningrad, Acad. – 1945.
13. Lomonosov M. V. Selected works in 4 Vols. – Vol. 1. – M: – 1978.
14. Skvortsov L. I. Ecology words or talk about the Russian language. – M.: – 2009.

15. F. de Saussure works on linguistics. – M.: Progress, – 1977.
16. Sternin I. A. Vvedenie speech influence in Voronezh – 2001.
17. Fill A. Sprachökologie und Dialektlinguistik. Referate des Symposiums «Sprachökologie und Dialektlinguistik» an der Universität Klagenfurt, – 27.-28. Oktober – 1995. Tübingen, – 1996.
18. Harre R., Brockmeier J., Mählhüsler P. Greenspeak. A Study of Environmental Discourse. Thousand Oaks, – London, – New Delhi, – 1999.
19. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Stanford, CA: Stanford University Press/Originally published in W. Bright (Ed.), – 1966.
20. Harald Haarmann Universal history of writing. Frankfurt, – New York: Campus. – 1990.
21. Harald Haarmann The world of European languages. History and future of the language nations between Atlantic and the Urals. Frankfurt, – New York: Campus, – 1993.
22. Harald Haarmann Lexikon der untergegangenen Sprachen [Encyclopaedia of extinct languages]. Munich: Becksche Reihe, – Volume. – 2002.
23. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. – Stanford: Stanford University Press, – 1972.
24. Haugen E. The Ecology of Language. In: Fill A., Mählhüsler P. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. – London, – New York, – 2001.

Information about the author

Olga Ivanovna Vorobyova Doctor of Philology, Professor, Head. Department of Foreign Languages and Russian as a foreign language Northern State Medical University, Arkhangelsk. Russia
 Address: Arkhangelsk, Troitsiy Prospect, d. 51, tel: (8182)28-57-91
 E-mail: vorobyova24@rambler.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9658-1721>

О. И Воробьева¹

¹ Северный государственный медицинский университет г. Архангельск. Россия

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Цель: представляет новое направление в языкознании — лингвистическую экологию в современном процессе глобализации.

Методы: описания, наблюдение, сравнение, когнитивно-дискурсивный анализ.

Результаты: на основе анализа автор определяет факторы, которые активно влияют на русский язык, выявляя положительные и отрицательные аспекты состояния современного русского языка.

Научная новизна: в статье дается определение новому направлению в лингвистике — лингвоэкологии, которое активно развивается и соответствует современной государственной политике России

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов глобализации и сохранения национальной русской культуры и языка.

Ключевые слова: лингвоэкология, этикет, культурная грамотность, дискурс, коммуникация.

ВВЕДЕНИЕ

Язык развивается в соответствии с потребностями общества, активно участвует во всех формах освоения мира, поэтому важное место отводится экологической лингвистике, ориентированной на взаимоотношение че-

ловека и его окружения. 2017 г. в России назван годом экологии, кроме того, в стране принята Федеральная целевая программа «Русский язык». Эти факторы выявляют множество серьезных проблем в языковой культуре нашего общества, которые связаны с эколингвистикой.

Родоначальником этого направления лингвистики принято считать американского лингвиста Эйнара Хаугена. В 1970 г он ввел понятие «экология языка», понимая под этим термином взаимоотношение языка и его окружения (где окружение — это общество, использующее язык как один из своих кодов). При этом следует заметить, что еще Д. С. Лихачев призывал заботиться не только об экологии природы, но и об экологии культуры (в том числе, естественно, и языка). Харальд Хаарман указал на 7 «экологических переменных», которые определяют языковое поведение языковых групп и отдельных личностей: демографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные и лингвистические. В 1990 г. английский лингвист Михаэль Халлидей, обратил внимание на взаимодействие языка и окружающей среды. Вслед за этими исследованиями в конце 80-х гг. появился целый ряд публикаций, посвященных лингвоэкологии русского языка (В. В. Виноградова, Л. И. Скворцова, В. П. Григорьева, С. И. Виноградова, В. В. Колесова, Ю. Н. Караулова, Е. В. Ивановой, И. А. Стернина, Л. В. Ерохиной и других).

Понятие лингвоэкологии ввиду широты этого направления включает множество аспектов, которые до настоящего времени не обрели четко выраженной системы, но при этом это наука о целостности языка, о его связи с культурой народа, сохранении родного языка, его богатства и чистоты, состоянии современного русского языка, перспективы развития. Эколингвистика исследует взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и его окружающей средой.

Л. И. Скворцов придавал особое значение предмету лингвистической экологии, которым является культура мышления и речевого поведения, воспитание лингвистического вкуса, защита и «оздоровление» литературного языка, определение путей и способов его обогащения и совершенствования, эстетика речи. Автор подчеркивал, что экология языка и экология культуры становится одной из актуальных задач современности и предлагает осмыслить культуру языка в экологическом аспекте — как часть здоровой окружающей «речевой среды существования», освобожденной от ошибок и неточностей, нежелательной нивелировки, негативно влияющих на жизнь языка, на общую духовность и нравственность. «В русском литературном языке сконцентрирована наша национальная культура. И пока мы хорошо говорим и пи-

шем по-русски, нам не грозит никакая денационализация» — пишет Л. И. Скворцов [14, С. 67].

Исходя из этого, следует определить основное значение данного направления: изучение языка в современных условиях. Интерес к изучению русского языка как в самой России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья не ослабевает. Язык — наше национальное достояние. О русском языке великий Ломоносов почти три века тому назад писал: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностью мест, где он господствует, но и купно и собственным своим пространством и довольствием велик пред всеми в Европе» [13, С. 52].

На фоне огромного разнообразия существующих культур в современном мире интенсивно развивается процесс глобализации, имеющий не только позитивные, но и негативные стороны. Он сопровождается расширением взаимосвязей самых разных типов. Язык — универсальная, постоянно развивающаяся знаковая система открытого типа, которая выступает в качестве так называемого «транслятора культурных ценностей». Язык активно участвует во всех формах духовного освоения мира, поэтому все большее значение отводится лингвистике, ориентированной на взаимоотношение человека и его окружения.

Процесс глобализации активно влияет на современный русский язык, и это в первую очередь выражается в освоении большого количества заимствований. Данный процесс благотворен для русского языка. Познавательным потенциалом обладают слова, которые прочно вошли в наш обиход: интернет, компьютер, тест, бакалавр, магистр, инвестор и т. д., однако языковая ситуация осложняется тем, что огромное количество иностранных слов влилось в разговорный язык, и в настоящее время наблюдается американизация русского языка. В результате взамен существующих русских слов все чаще употребляются иностранные слова типа: блокбастер, тренд, гаджет, и т. п. Перечень ненужных заимствований можно было бы продолжить. Русская лексика сама по себе богата и разнообразна, она позволяет выразить все нюансы мысли и настроения человека. Русский язык обладает развитой синонимией, однако, к сожалению, такие слова, как известный, знаменитый, изысканный, блистательный, блестящий, изумительный, успешный, находчивый в современном общении заменяются единственным словом «крутой».

Живой язык, как известно, меняется, развивается, обогащается, в том числе за счет иностранных слов, но при этом наши исконные «конторы» и «учреждения» стали «офисами», директора, начальники, заведующие — менеджерами всех уровней, главный среди которых — топ-менеджер, а современная уборщица именуется «клин-менеджером».

Процесс глобализации наносит ощутимые удары по русской культуре. Языком международного общения признается английский, Российское общество демонстрирует по отношению к тому, что происходит с языком, удивительную толерантность. В результате носители русского языка перестали говорить правильно и красиво. Говорящие довольно часто перебивают себя, повторяют одно и то же слово, вставляют в речь различные паразитарные звуки (включая варианты «э-э», «м-м» и т. п.), прерывают речь длительными паузами, которые являются очевидными показателями «речевой бедности».

В лексике есть группы слов общеупотребительных, «официально допустимых», а есть слова, употребление которых нарушает коммуникативную норму. Эти слова принимаются далеко не всеми носителями русского языка, поэтому их употребление в публичном общении вызывает горячие дискуссии. Лингвисты озабочены засорением языка ненормативными лексическими единицами. Многие современные ученые справедливо отмечают, что жаргон уголовников опасен для русского литературного языка, ибо арготические элементы лексики, использованные бездумно, в качестве экспрессивных, несут в себе заряд психологии и мировоззрения уголовного мира. В. Жельвис в работе «Слово и дело: юридический аспект сквернословия» убедительно доказывает, что агрессивная лексика негативно отражается на здоровье нации и отдельного человека в частности [5, С. 53].

Мир, отражаемый жаргонным, запрещенным для нормативного употребления языком, — это мир страха, обмана, насилия, больших и мелких неприятностей. Это мир стресса. Осознаем мы это или нет, но при воспроизведении или восприятии ненормативной лексики мы моделируем стрессовую ситуацию, а в нашей жизни много подлинных, невербальных стрессов. Безусловно, есть исследования, которые говорят о способности ненормативной лексики вырабатывать у мужчин гормоны, нейтрализующие гормоны стресса (именно поэтому человек гряз-

но ругается в опасной ситуации, при болевом шоке и т. п.), но это исключительные ситуации, кроме того, речь идет о психике и физиологии только мужчин. Бесконтрольное и повсеместное употребление ругательств (женщинами, детьми, в общественных местах, в публичных текстах, в нейтральных ситуациях и т. д.) не влечет ничего, кроме подавления психики. Эти слова — табуированы, т. е. запрещены для употребления в обществе. Бранная, ненормативная лексика была запрещена всегда. Известно, что за брань на Руси поролли на площади, в Архангельской губернии за употребление бранных слов рыбаков не брали на промысел, т. е. оставляли без денег. Бранные слова запрещены не только современными моральными нормами и этикетом. Запрет идет на уровне культурного подсознания человека. Культурная память принадлежит всему обществу, избавиться от нее невозможно. Ненормативная лексика — это часть русского языка, но это очень маленькая часть, та часть, которая не должна публично использоваться, афишироваться особенно в средствах массовой информации и пропагандироваться журналистами, политиками, публичными людьми и законодателями. Кроме того, употребление бранных слов и жаргона демонстрирует примитивный уровень речевого развития, коммуникативной и духовной культуры, так как при этом говорящий нарушает чужое вербальное пространство. Агрессивная оскорбительная лексика разрушает психику человека, который при этом ощущает враждебность мира. Именно это воздействие обуславливает дальнейшее развитие нации.

Примитивизм, бедность и убогость языка — не так уж безобидны, когда речь идет о социальном взаимодействии. Эти факторы влияют на поведение, людьми становится легче управлять, они лучше поддаются контролю. Известно, например, что именно эти качества были характерны для языка третьего рейха. «Mein Kampf» Гитлера — работа, которая начала печататься в 1925 г. В ней был кодифицирован язык на все случаи жизни. В результате одни и те же штампы вошли в сознание и воспроизводились в языке простых людей и интеллигенции. Этот язык стал всемогущим вследствие своего убожества. «Язык третьего рейха стремился лишить отдельного человека его индивидуальности, оглушить его как личность, превратить его в безмозглую и безвольную единицу стада, которое подхлестывают и гонят в определенном направлении» [10, С. 35].

С именем М. В. Ломоносова связано искусство публичного слова, отвечавшее интересам общественного прогресса в России. Ученый был убежден, что русский язык необыкновенно богат и гибок, в нем всегда можно найти нужные и точные слова для обозначения любых понятий [9, С. 45]. В работах современных лингвистов представлена типология внутриязыковых речевых культур, которые существуют в современной коммуникации и непосредственно связаны с общеобразовательным и культурным уровнем человека. Речь представителей элитарного типа речевой культуры, на которую и следует ориентироваться, отличается богатством языковых средств, выразительностью, аргументированностью, логичностью, доступностью. При этом не менее важно строгое соблюдение всех этических норм общения: принципа вежливости, кооперации в процессе диалога, отсутствие грубых, и тем более ненормативных выражений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бедность языка в общении связана с рядом причин. Одна из них — «подавление» непосредствен-

ного языкового общения техническими средствами (электронные средства связи, компьютеры), что ведёт к шаблонизации речи, усвоению чужих моделей речевого поведения и, как результат, снижению качественного уровня вербального взаимодействия людей. Вторая причина связана со средствами массовой информации. Современные, особенно электронные СМИ, употребляя жаргонные слова, часто используют ненормативную лексику, криминальный сленг, не задумываясь о том, какой вред наносит это нашей национальной культуре

ВЫВОДЫ

Предмет и задачи лингвоэкологии выходят на уровень поиска и установления общих законов функционирования и развития языка. Русский язык — наша духовная опора, наше национальное богатство, следовательно, сохранив его и приумножив великую русскую культуру, мы гарантируем будущее нашего народа и России в том сложном мире, который обречен на неизбежные перемены, социальные потрясения и конфликты.

Список литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. – М.: Высшая школа, – 1986.
2. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М., – 1996.
3. Григорьев В. П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. – М.: Наука, – 1993.
4. Ерохина Л. В. Эколого-когнитивная и эмоциональная асимметрия в научающей коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 61–71.
5. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия – М.: – 1999.
6. Иванова Е. В. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов / Отв. ред. Н. Б. Попова. – Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», – 2007. – С. 41–47.
7. Иванова Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса / Политическая лингвистика. – Вып. 3 (23). – Екатеринбург, – 2007. – С. 134–138.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука. – 1987.
9. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. – М.: Просвещение, – 1992.
10. Клемперер В. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. – М.: – 1998.
11. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, – 1986.
12. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы 11–17 вв. – М.-Л., Изд-во АН. – 1945.
13. Ломоносов М. В. Избранные труды в 4-х т. – Т. 1. – М: 1978.
14. Скворцов Л. И. Экология слова или поговорим о русской речи. – М.: – 2009.
15. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, – 1977.
16. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие – Воронеж – 2001.
17. Fill A. Sprachökologie und Diskolinguistik. Referate des Symposiums «Sprachökologie und Diskolinguistik» an der Universität Klagenfurt, 27–28. Oktober – 1995. Tübingen, – 1996.
18. Harre R., Brockmeier J., Mьhlhьusler P. Greenspeak. A Study of Environmental Discourse. Thousand Oaks, London, – New Delhi, – 1999.

19. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Stanford, CA: Stanford.
20. University Press/Originally published in W. Bright (Ed.), – 1966.
21. Harald Haarmann Universal history of writing. Frankfurt, – New York: Campus. – 1990.
22. Harald Haarmann The world of European languages. History and future of the language nations between Atlantic and the Urals. Frankfurt, – New York: Campus – 1993.
23. Harald Haarmann Lexikon der untergegangenen Sprachen [Encyclopaedia of extinct languages]. Munich: Beck-sche Reihe, – Volume, – 2002.
24. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. – Stanford: Stanford University Press, – 1972.
25. Haugen E. The Ecology of Language. In: Fill A., Мьhlhдusler P. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. London, New York, 2001.

Информация об авторе

Воробьева Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета г. Архангельск
Адрес: Архангельск, пр. Троицкий, 51. Тел: (8182)28-57-91
E-mail: vorobyova24@rambler.ru

V. B. Petrov¹¹Ural state forest engineering University, Ekaterinburg, Russia

THE TECHNIQUES OF SATIRICAL POETRY IN THE PIECE. ERDMAN «MANDATE»

Abstract

Objective: to identify the originality of the poetics of the play N. Erdman «Mandate» in the context of the development of the satirical genres of the 20-ies of XX century.

Methods: a descriptive, comparative and historical-genetic.

Results: on the basis of textual analysis of a play by N. Erdman «Mandate» in the context of the satirical drama characteristic features of his creative manner. A specific view at social contradictions induced the satirists of different genres, including N. Erdman, refer to the methods of feuilleton poetry. In the 1920-ies feuilleton poetics (satirical sharpening and caricaturing, hyperbole and the grotesque, farcical parody and bringing events to the point of absurdity) had a great influence on drama («Zoikina kvartira» Mikhail Bulgakov, «The Bedbug» and «Bath» Mayakovsky, «The Mandate» and «The Suicide» N. Erdman), because of the talented playwrights not only exposed the social mimicry of the former owners of life, but also ridiculed very tenacious of the petty bourgeoisie and the emerging Soviet bureaucracy.

Scientific novelty: the article first details the influence of the feuilleton poetics in the artistic style of the Erdman-satirist.

Practical relevance: the research results and conclusions of the article can be used in research and teaching in the consideration of issues related to individual stylistic manner N. Erdman and features of the formation of the satirical genres of the early twentieth century.

Keywords: Erdman «Mandate», the drama, the techniques of feuilleton poetics.

References:

1. Bahtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow: Hudozh. lit-ra, 1986, pp.3–543 (in Russian).
2. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1979, pp.3–362 (in Russian).
3. Bahtin M. M. Tvorcestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. Moscow: Hudozh. lit-ra, 1990, pp.3–543 (in Russian).
4. Bulgakov M. A. Zojkina kvartira. In the book: Bulgakov M. A. Izbr. soch.: in 3 vv. Sankt-Peterburg: Literatura-Kristall, 1997. V.3. PP.193–270 (in Russian).
5. Gvozdev A. A. Teatral'naja kritika. Leningrad: Iskusstvo, 1987, pp.3–280 (in Russian).
6. Gogol' N. Teatral'nyj raz#ezd posle predstavlenija novoj komedii. [Elektronnyj resurs]. Access mode: <http://ilibrary.ru/teht/1557/p.1/indeh.html> (in Russian).
7. Gor'kij M. Zametki o meshhanstve//Gor'kij M. Sobr soch.: in 3 vv. Moscow: GIHL, 1953. V.23. PP.341–367 (in Russian).
8. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.: in 3 vv. Leningrad, 1982. V.24. PP. 3–514 (in Russian).
9. Ershov L. F. Satiricheskie zhanry russkoj sovetskoj literatury. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 3–280 (in Russian).
10. Zhurbina E. Sovremennyy fel'eton (opyt teorii)//Pechat' i revoljucija, 1926. Kn. 7. PP. 18–35 (in Russian).
11. Kremlev I. V literaturnom stroju. Vospominanija. Moscow: Moskovskij rabochij, 1968, pp.188–199 (in Russian).
12. Kurljandskaja S. V. Fel'eton — zhanr satiricheskij. Moscow, 1967, pp. 3–32 (in Russian).
13. Marks K. K kritike gegelevskoj filosofii prava. In the book: Marks K., Jengel's F. Soch.: in 3 vv., 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1955. V. 1. PP. 3–599 (in Russian).
14. Marks K. 18-e brjumera Lui Bonaparta. [Elektronnyj resurs]. Access mode: http://shhshhshh.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/marh_18.php (in Russian).

15. Majakovskij V. Banja // Majakovskij V. Poln. sobr. soch.: in 3 vv. Moscow: Hudozh. lit-ra, 1958. V. 11. PP. 278–347 (in Russian).
16. Majakovskij V. Klop. // Majakovskij V. Poln. sobr. soch.: in 3 vv. Moscow: Hudozh. lit-ra, 1958. V. 11. PP. 216–274 (in Russian).
17. Sahnovskij — Pankeev V. A. Drama. (Konflikt. Kompozicija. Scenicheskaja zhizn'). Leningrad, 1969, pp. 3–232 (in Russian).
18. Svobodin A. O Nikolae Robertoviche Jerdmane. In the journal: Teatral'naja zhizn', 1990 (1), pp. 26–29 (in Russian).
19. Fel'dman S. Otrazhenie nashej sud'by. In the journal: Teatr, 1990 (3), pp. 117–121 (in Russian).
20. Jerdman N. R. Mandat. In the book: Jerdman N. Samoubijca: P'esy. Sankt-Peterburg: Avalon#, Azbuka-Attikus, 2011, pp. 43–140 (in Russian).

Information about the author

Vasily Borisovich Petrov, doctor of philological Sciences, Professor, Professor of the Department socio-cultural technologies;

Ural state forest engineering University

Address: 620072, Ekaterinburg, street Novgorodtseva, 41, 77 sq., tel.: +7 (965) 515-30-65

E-mail: 45master91@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8877-5385>

В. Б. Петров¹

¹Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург, Россия

ПРИЕМЫ ФЕЛЬЕТОННОЙ ПОЭТИКИ В ПЬЕСЕ Н. ЭРДМАНА «МАНДАТ»

Аннотация

Цель: выявление своеобразия поэтики пьесы Н. Эрדмана «Мандат» в контексте развития сатирических жанров 20-х годов XX века.

Методы: описательный, сравнительно-сопоставительный и историко-генетический.

Результаты: на основе текстуального анализа пьесы Н. Эрдмана «Мандат» в контексте сатирической драматургии определены характерные особенности его творческой манеры. Специфический взгляд на социальные противоречия побуждал сатириков разных жанров, в том числе и Н. Эрдмана, обратиться к приемам фельетонной поэтики. В 1920-е годы фельетонная поэтика (сатирическое заострение и окарикатуривание, гиперболы и гротеск, фарсовое пародирование и доведение происходящего до абсурда) оказала большое влияние на драматургию («Зойкина квартира» М. Булгакова, «Клоп» и «Баня» В. Маяковского, «Мандат» и «Самоубийца» Н. Эрдмана), поскольку талантливые драматурги не только разоблачали социальную мимикрию бывших хозяев жизни, но и подвергали осмеянию весьма живучее мещанство и нарождающийся советский бюрократизм.

Научная новизна: в статье впервые детально исследовано влияние фельетонной поэтики на творческую манеру Эрдмана-сатирика.

Практическая значимость: результаты исследования и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с индивидуальной стилевой манерой Н. Эрдмана и особенностями становления сатирических жанров начала XX века.

Ключевые слова: Эрдман, «Мандат», драматургия, приемы фельетонной поэтики.

ВВЕДЕНИЕ

Художественное творчество всегда сопровождает смену исторических эпох. При этом трагическое

мироощущение, как правило, уступает место комическому, зачастую фарсовому [14]. Такой подход к социальным противоречиям характеризует все сатири-

ческие жанры, и этим обстоятельством объясняется их тенденция к интеграции и взаимопроникновению. Литературный жанр характеризуется не только своими устойчивыми чертами, он «обновляется на каждом новом этапе развития литературы» [2, С. 179]. Не случайно в 1920-е годы фельетонная поэтика оказала большое влияние на поэзию (стихотворные фельетоны В. Маяковского), прозу (И. Ильф и Е. Петров, М. Зощенко), драматургию (М. Булгаков). Специфический взгляд на социальные противоречия побуждал сатириков разных жанров обратиться к фельетонной поэтике.

В сатирической комедии, как и в фельетонах, «человечество весело расстается со своим прошлым» [13, С. 418]. Это общеизвестное высказывание нуждается сегодня в уточнении, поскольку, во-первых, «расстается» не всегда весело (по справедливому замечанию Ф. Достоевского, «в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира — две сестры и идут рядом, и имя им обеим, вместе взятым, — правда» [8, С. 305]), а во-вторых, зачастую предметом сатирического осмеяния становятся не только отживающие общественные явления. Приёмы фельетонной поэтики закономерно приводят В. Маяковского и М. Булгакова, Б. Ромашова и Л. Леонова, А. Файко и Н. Эрдмана к условно-гротескной форме комедии, поскольку «объект сатиры не только позволяет, но и заставляет себя деформировать» [3, С. 188]. Талантливые драматурги 20-х — 30-х годов (М. Булгаков и Б. Ромашов, Л. Леонов и В. Маяковский, А. Файко и Н. Эрдман) не только разоблачали социальную мимирию бывших хозяев жизни, но и подвергали осмеянию весьма живучее мещанство и нарождающийся советский бюрократизм.

Основой конфликта большинства сатирических комедий этих лет, построенных на анекдотических фактах, становится столкновение обывателей и «бывших» со временем. Персонажи «Зойкиной квартиры» М. Булгакова, «Воздушного пирога» Б. Ромашова, «Усмирения Бададошкина» Л. Леонова жаждут либо повернуть время вспять, либо приспособиться к нему. В «Мандате» Н. Эрдмана герои делают ставку и на то, и на другое.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Раскрывая психологию обывателей, Н. Эрдман, подобно В. Маяковскому, подчеркивает их стремление жить за чужой счет. Для достижения своих целей Павлу Гулячкину необходимо фальсифицировать свое

происхождение и социальное положение. Инстинкт самосохранения побуждает персонажей пьесы к действию и порождает банальную идею «бракосочетания» между «трудом» и «капиталом». Аналогичную ситуацию мы встречаем в пьесе «Клоп» В. Маяковского, где одни персонажи стремятся обрести материальное благополучие, другие — заполучить обладателя профсоюзного билета в семью [16, С. 221]. Но в пьесе Н. Эрдмана происходящее доводится до абсурда, поскольку искомого «человека-приданного», который мог бы стать «охранной грамотой» для Сметаничей, в семье Гулячкиных нет. И наши герои судорожно пытаются найти выход из положения: «Да уж придется тебе, Павлушенька, в партию поступить» [20, С. 50].

Комический парадокс в «Мандате» заключается в том, что Павел Гулячкин, самозванно объявляя себя «партийным», постепенно настолько свыкается с этой мыслью, что уже сам верит в нее; а это, в свою очередь, создает у героя иллюзию всемогущества. Взлет самолюбования персонажа, его стремление облечь себя несуществующими «полномочиями» (совсем как Хлестаков в «Ревизоре» Гоголя) слышатся в излюбленной реплике Павла Сергеевича: «Силянс! Я человек партийный» [20, С. 54]. Вначале, правда, Гулячкин сам путается собственной смелости. Мещанин, в представлении которого партия — аппарат неограниченной власти, не останавливается решительно ни перед чем, чтобы утвердить за собой эту власть:

— ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Как это не испугаетесь? А если я с самим Луначарским на брудершафт пил, что тогда? [20, С. 109].

Главным аргументом в решении споров о принадлежности к когорте сильных мира сего для обывателей всегда была «бумажка», «документ»:

— ИВАН ИВАНОВИЧ. Какой же вы, Павел Сергеевич, коммунист, если у вас даже бумаг нету. Без бумаг коммунисты не бывают [20, С. 109].

Еще в 1926 году в статье «Современный фельетон» Е. Журбина вводит понятия «малой», «ассоциативной» и «большой» темы фельетона. При этом «малая тема» посвящена частному случаю, послужившему импульсом для написания фельетона, «большая тема» связана с неким моральным, социальным и политическим обобщением, а «ассоциативная тема» является звеном «в процессе переключения малой в план большой» [10, С. 24]. Пьесу «Мандат» Н. Эр-

дман строит по принципу ассоциативного фельетона, разросшейся «малой темы». Конструируя множество анекдотических ситуаций, драматург ведет действие пьесы к кульминационной точке — саморазоблачению персонажей.

Размышляя о фельетонном жанре, Л. Ершов отмечает ассоциативность как один из главнейших его законов: «При ассоциативном зачине с самого начала привносится элемент эмоционально-образного развития темы» [9, С. 151]. Именно ассоциации в пьесе Н. Эрдмана помогают зрителю увидеть в частных зарисовках общезначимые социальные противоречия.

Уже первые реплики пьесы намечают основную сюжетную линию — социальную мимирию бывших хозяев жизни («двусторонняя картина»). «Внешняя советизация» в 20-е — 30-е годы становится настолько распространенным явлением, что превращается в специфический объект сатирического осмеяния. И вот уже Олимп Валерьянович советует своему сыну: «Сейчас же прикрепите к своему пиджаку значок Общества друзей воздушного флота...» [20, С. 96]. Мотив «бумажки», связанный с критикой бюрократизма, традиционен для сатирической драматургии этих лет. Не случайно «бумажка» из фарфортреста становится «охранной грамотой» для Зойки Пельц («Зойкина квартира» Булгакова), а у Аметистова полный карман всевозможных фиктивных справок, «весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать свежей» [4, С. 214]. Этот штрих из биографии проходимца подсказан самой жизнью. В 1925 году в «Известиях» «была напечатана <...> довольно обширная заметка. В ней сообщалось, <...> как в Верховную прокуратуру явился молодой человек лет 25 и, выложив на стол кучу всевозможных билетов и мандатов, сказал: «Не могу больше! Устал от дураков!..». Среди предъявленных им документов оказались партийный билет с дореволюционным стажем, и профсоюзный с неменьшим, и такой же, выданный Обществом старых большевиков, и еще один — от «политических каторжан» [11, С. 190].

Одно слово «Мандат» в пьесе «Бане» уже заволаживает Оптимистенко [15, С. 321–322]. Но, пожалуй, только в пьесе Н. Эрдмана содержание вышеупомянутого «мандата» столь ничтожно. По точному замечанию А. Свободина «Мандат сделался для человека путёвкой в жизнь», превращая его «в приложение к «бумаге», ибо его собственные качества делались абсолютно не важны по сравнению с удо-

стоверенными качествами» [18, С. 28]. Гулячкин сам выписывает себе справку с грозным грифом «МАНДАТ», и она повергает в трепет всех окружающих. Нелепость происходящего в том, что «мандат» просто-напросто удостоверяет, что Павел Сергеевич Гулячкин «действительно проживает в Кировском тупике, дом № 13, кв. 6» [20, С. 110].

В пьесе Н. Эрдмана образы персонажей отличаются эскизностью, тяготением к некоей узнаваемой социальной маске, очищенной от «индивидуальной сложности и противоречивости» [18, С. 21]. В традициях фельетонной поэтики драматург показывает зрителю не развитие и формирование тех или иных черт характера, а «сразу художественно оформленный тип», который «в ускоренном темпе доводится до своего гиперболического завершения» [12, С. 30]. Социальные интересы персонажей комедии крайне ограничены, поэтому маленький мирок с бытовыми неурядицами, воспринимается ими как громадный мир, в котором следует бороться за существование. Основой образов становится сатирическое несоответствие внешней мнимой значительности и внутреннего ничтожного содержания. При этом авторская позиция обнаруживается и в нарочитом нагнетании нелепых фантазмагорических ситуаций, и в подборе деталей, позволяющих выделить существенные характеристики персонажей. Эрдмановский смех «направлен на все и на всех», он «веселый, ликующий и — одновременно — насмешливый, высмеивающий, он отрицает и утверждает, и хоронит, и возрождает» [1, С. 303], надежды на торжество здравого смысла.

Драматург контрастно соотносит ничтожество приспособленцев, которые со стороны наблюдают за переменами в общественной жизни, и их претензии на «гегемонию». Так, все первое действие «Мандата» закольцовано общим мотивом и вскрывает психологию обывателей, взирающих на мир через замочную скважину:

— ТАМАРА ЛЕОПОЛЬДОВНА. Мой супруг мне сегодня утром сказал: «Тамарочка, погляди в окошечко, не кончилась ли Советская власть?» «Нет, говорю, кажется, еще держится». «Ну что же, говорит, Тамарочка, опусти занавесочку, посмотрим, завтра как» [20, С. 66].

Основными приемами создания сатирических образов в пьесе Н. Эрдмана становятся гротеск и гиперболизация, словесная игра и пародирование. Умение через конкретную бытовую деталь не только пере-

дать характерные черты персонажа, но и высветить определенное социальное явление наглядно проявляется и в пьесах В. Маяковского. Драматурги едины в разоблачении воинствующего бытового мещанства. Но если гротескность пьесы «Клоп» достигается во многом благодаря введению фантастического элемента, то в «Мандате» острота политической сатиры в совокупности с экспрессией сатирического рисунка переводят пьесу в область гротескной буффонады.

Посредством тонкой словесной игры, внезапных поворотов интриги, многократного использования «приема неузнавания» и «диалога непонимания» Н. Эрдман рисует почти зощенковские ситуации «скандала в коммунальной квартире». Здесь и Иван Иванович с горшком из-под молочной лапши на голове в качестве «вещественное доказательство»; и кухарка Настя Пупкина, зачитывающаяся мелодраматической бульварной литературой о жизни герцогов и графинь; и безуспешная попытка Павла и Варвары Гулячкиных вскрыть неизвестного происхождения сундук. Подмечая своеобразие эрдмановской пьесы Эраст Гарин, исполнитель роли Павла Гулячкина, подчеркивал особый «бесстрастно-повествовательный ритм, освещенный внутренней высокоинтеллектуальной иронией» [5, С. 104].

Еще М. Горький заметил, что «мещанин не способен видеть ничего, кроме отражений своей серой, мягкой и бессильной души» [7, С. 346]. Очевидно, именно поэтому герои «Мандата» так часто говорят, не слушая и не понимая друг друга. Нелепые высказывания персонажей, как и анекдотические ситуации, в которые они попадают, — своего рода ключ к пониманию противоестественности их существования. Доведение происходящего до комедийного абсурда заостряет сатирическую характеристику образов (например, рассказ шарманщика и женщины с попугаем о «детских симпатиях» Павла Гулячкина или же сцена размачивания пороха в пистолете под восседающей на импровизированном троне Настей Пупкиной).

Обостряя развитие событий, драматург в финале первого действия вводит новую сюжетобразующую интригу — «спасение платья императрицы». Подобно мандату «человека-приданого», платье «Великой княжны» воспринимается как форма, лишенная содержания. Чтобы подчеркнуть это, Н. Эрдман и прибегает к подмене императрицы кухаркой. Однако для «бывших» само платье олицетворяет старую Россию. Каламбур («В этом сундуке помещается все,

что в России от России осталось» [20, С. 65, С. 107]) акцентирует абсурдность происходящего: Тамара Леопольдовна вручает Надежде Петровне револьвер «для самозащиты платья...».

Гулячкины тоже расценивают сохранение платья как акт спасения России:

— НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. ... мне Тамара Леопольдовна пенсию обещала выхлопотать.

— ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. За что пенсию?

— НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. За спасение России [20, с. 89].

Гулячкины словно живут в двух измерениях: «врастают» в советский быт и в то же время пытаются обезопасить себя и на случай реставрации монархии. Приспособленчество — вторая натура Павла Гулячкина: при новом режиме он сошлетя на членство в партии, при старом — на то, что сохранил платье «государыни-Императрицы».

Во втором действии обе сюжетные линии («человек-приданое» и «платье императрицы») гротескно пересекаются, заставляя обывателей и «бывших» играть роли, приспособившись к новым обстоятельствам. На роль «спасителей» России теперь претендуют почти все действующие лица: Вишневецкая, доставившая сундук с «платьями императрицы» в дом Гулячкиных; Надежда Петровна, охраняющая «платье государыни»; Олимп Валерьянович и его сын, решившие породниться с царской фамилией; гости Сметаничей, которые приносят присягу «Великой княжне»; и даже кухарка Настя Пупкина, на долю которой выпало играть роль императрицы.

Третье действие концентрирует все комедийные противоречия пьесы. Наивность обывательских иллюзий Сметаничей пародировается косвенным отражением происходящего в сознании других персонажей. С точки зрения Насти все совершается, как в «Кровавой королеве-страдалице», где один «интеллигентный милорд похищает неизвестную барышню от низкой ступени класса и женится на ней...» [20, с. 119]. О пережитом Пупкина рассказывает следующее: «Сначала меня нарядили в очень роскошное платье, потом намочили, потом посадили в сундук и притащили сюда... Раздели и положили в постель»; и в голове ее собеседника Ивана Ивановича возникает страшная догадка: «Теперь мне, Анастасия Ивановна, все понятно. Вы вступили на путь разврата... наша Надежда Петровна — поставщица живого товара...». Дополнительный фарсовый оттенок сцене

придает пародийная реминисценция из Достоевского: «Как же вам быть, Анастасия Николаевна, вы женщина падшая <...>. (Иван Николаевич встает на колени целует у Насти руку). Не тебе поклоняюсь, а страданию твоему» [20, С. 119].

Своеобразная сатирическая градация, доводящая цепь событий до гротеска, связана с содержанием сундука: вначале в нем находится платье, якобы принадлежавшее императрице, затем туда помещают кухарку и, наконец, в сундук прячется Иван Иванович с горшком на голове. Глядя на сундук и изъясняясь в высоком «штиле», Олимп Валерьянович восклицает: «Наша горячо любимая родина, наша сермяжная матушка-Русь восстала, как феникс, из сундука...» [20, С. 137]. Ироническим комментарием становится появление из сундука Ивана Ивановича с молочной лапшой на голове.

Ироническим апофеозом выглядит сцена патетического «разоблачения» самодержавия Павлом Гулячкиным. Перед зрителями — «театр одного актера», хотя представление о роли «народного трибуна» у Гулячкина довольно смутное. Штапованные фразы, лишённые реального смысла, обилие личных местоимений, продиктованное желанием самоутвердиться, — все это вскрывает двуличие персонажа, которому прекрасно известна «царская» родословная своей кухарки. Однако двуличие, трусость и органическая потребность «лабиринтов» побуждает героя то входить в роль, то забывать о ней. Следствием этого становится постоянная перебивка интонаций: «Я сейчас всем царям скажу, всем — английскому, итальянскому, турецкому и французскому. Цари, — мамаша, что сейчас будет — цари... вы мерзавцы!» [20, С. 134].

Словно комментируя собственную игру в импровизированном «спектакле», Гулячкин объясняет истинную причину своего «красноречия»: «И я прошу зафиксировать эти слова, которые я сейчас буду говорить, потому что за эти слова я могу получить повышение в жизни» [20, С. 134]. И опять надета актерская маска: «Ваше императорское высочество! Вы... сукина дочь». Гротескную картину венчает ответная реакция:

— ВСЕ. А-а-а-а-ах!

— НАСТЯ. От такого же слышу. [20, С. 134].

Арест сатирических персонажей в финале некоторых комедий 20-х — 30-х годов («Зойкина квартира», «Иван Васильевич») подчеркивает историческую обреченность старого мира. Но Н. Эрдман, в отличие от М. Булгакова, решает эту сцену по-своему: героев отказываются арестовывать. Очевидно, такой финал не менее выразителен. Тем более, что авторская позиция своеобразно выражена репликой одного из персонажей:

— ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Мамаша, если нас даже арестовывать не хотят, то чем же нам жить, мамаша? Чем же нам жить? [20, С. 140].

Друг и соавтор многих эрдмановских произведений Владимир Масс отметил, что «Мандат», начинаясь каламбура, завершается «сложными внутренними ходами», которые позволили режиссеру Мейерхольду в последнем акте раскрыть «нерасторжимость сатиры и трагедии, определяющую природу письма драматурга» [Цит. 19, С. 119]. Н. Эрдман, вслед за фельетонистом М. Зощенко, продолжает традицию Н. Гоголя, в пьесах которого «было одно честное, благородное лицо», и это был смех, «который весь излетает из светлой природы человека», оскорбленного «презренным и ничтожным», внезапно проявившимся «перед ним в такой страшной, почти карикатурной силе», что он вскрикнул, содрогаясь: «Неужели есть такие люди?»... [6].

ВЫВОДЫ

Поэтика пьесы Н. Эрдмана «Мандат» отразила основные тенденции сатирической литературы 20-х — 30-х годов: публицистичность и жанровую интеграцию, основанную на использовании фельетонной поэтики, где главным положительным героем становится авторский смех. Исследование этого произведения позволяет не только отчетливо представить своеобразие индивидуальной стилиевой манеры художника и определить его роль в развитии жанра сатирической комедии, но и охарактеризовать особенности становления сатирических жанров начала XX века.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М.: Худож. лит.-ра, — 1986. — 543 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, — 1979. — 362 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит.-ра, — 1990. — 543 с.

4. Бугаков М. А. Зойкина квартира//Бугаков М. А. Избр. соч.: В 3 тт. – М.-СПб.: Литература-Кристалл, – 1997. – Т. 3. – С. 193–270.
5. Гвоздев А. А. Театральная критика. – Л.: Искусство, – 1987. – 280 с.
6. Гоголь Н. Театральный разъезд после представления новой комедии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1557/p.1/index.html>
7. Горький М. Заметки о мещанстве//Горький М. Собр соч.: В 30 тт. – М.: ГИХЛ, – 1953. – Т. 23. – С. 341–367.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. – Л., – 1982. – Т. 24. – 514 с.
9. Ершов Л. Ф. Сатирические жанры русской советской литературы. – Л.: Наука, – 1977. – 280 с.
10. Журбина Е. Современный фельетон (опыт теории)//Печать и революция. – 1926. – Кн. 7. – С. 18–35.
11. Кремлев И. В литературном строю. Воспоминания. – М.: Московский рабочий, – 1968. – с. 188–199.
12. Курляндская С. В. Фельетон – жанр сатирический. – М., – 1967. – 32 с.
13. Маркс К. К критике гегелевской философии права//Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 тт., 2-е изд. – М.: Политиздат, – 1955. – Т. 1. – 599 с.
14. Маркс К. 18-е брюмера Луи Бонапарта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/marx_18.php
15. Маяковский В. Бая//Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 тт. – М.: Худож. лит-ра, – 1958. – Т. 11. – С. 278–347.
16. Маяковский В. Клоп//Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 тт. – М.: Худож. лит-ра, 1958. – Т. 11. – С. 216–274.
17. Сахновский – Панкеев В. А. Драма. (Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь). – Л., 1969. – 232 с.
18. Свободин А. О Николае Робертовиче Эрдмане//Театральная жизнь. – 1990. № 1. – С. 26–29.
19. Фельдман С. Отражение нашей судьбы//Театр, 1990. – № 3. – С. 117–121.
20. Эрдман Н. Р. Мандат//Эрдман Н. Самоубийца: Пьесы. – СПб.: Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 43–140.

Информация об авторе

Василий Борисович Петров, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурных технологий; Уральский государственный лесотехнический университет
Адрес: 620072, г. Екатеринбург, ул. Новгородцевой, 41, кв.77, тел.: +7 (965)515-30-65
E-mail: 45master91@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8877-5385>

Philosophy

Философия

UDC 172.3:130.2

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-82-91>V. E. Chernikova¹*North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia*

THE PROBLEM OF INTERACTION OF RELIGION AND MORALITY IN THE TRANSFORMING WORLD

Abstract

Objective: to identify socio-cultural bases of interaction of religion and morality and to study the factors those determine the modern specificity of this interaction.

Research methods: systematic, axiological, retrospective, observation, generalization, scientific method of analysis and synthesis.

Results: on the bases of the analysis of fundamental researches devoted to theoretical problems of the state of spirituality in contemporary society it was revealed that in the context of increasing globalization and informatization, the role of the spiritual factor increases; the features of differences of religious and non-religious morality were disclosed and their historic character was revealed; the factors which affect on the dynamics of the differences between modern morality and religion were analyzed, these factors were the following: the replacement of the spiritual relationship by a sign, virtualization of society, a symbolic character of culture, the myth creation; the principal contradictions between the liberal and traditional moral values, which are determined by social and cultural transformations were analyzed; it was underlined the necessity of optimization of the dialogue between religion and morality with the purpose of preservation of cultural stability and interpersonal tolerance.

Scientific novelty: first in the philosophical knowledge the analysis of the interaction of morality and religion in the context of transformational processes of modern reality was carried out, the role of religious and moral values in the optimization of spiritual state of modern reality was showed.

Practical significance: the article can be used in scientific-pedagogical activities and in the implementation of programs on spiritual and moral education.

Keywords: Spirituality, Morality, Religion, Liberal and traditional values, Society, Consciousness, Virtual reality, Postmodern ethics.

References:

1. Beck U. Politicheskaya dinamika v global'nom obshhestve riska (Political dynamics in the global society of risk), *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2002, No5, pp.10–19 (in Russ.); Beck, U. Chto takoe globalizacija? (What is globalization?), M.: Progress-Tradiciya, 2001, 304p. (in Russ.).
2. Stiglitz, G. Globalizacija: trevozhnye tendencii (Globalization: a disturbing tendencies.), M.: Mysl' 2003, 300p. (in Russ.).
3. Dugin, A. G. Postfilosofija: tri paradigmy istorii (Post philosophy: three paradigms of History), M.: Evrazijskoe dvizhenie, 2009, 703p. (in Russ.).

4. Shendrik, A. I. Globalizacija v sisteme kul'turologičeskikh koordinat (Globalization in the system of cultural coordinates), *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2004, No1, pp. 59–71 (in Russ.).
5. Skripnik, A. P. Religija i moral' (Religion and Morality). *Jetika: Jenciklopedičeskij slovar' / pod red. R. G. Apresjana i A. A. Gusejnova. M.: Gardariki*, 2001, pp. 407–410 (in Russ.).
6. *Latinsko-ruskij slovar' (Latin-Russian dictionary)*, O. Petruchenko; Reprint IX izdanija 1914. Moscow, 1994, 679 p. (in Russ.).
7. Majorov, G. G. Filosofija kak iskanie Absoljuta. Opyty teoreticheskie i istoričeskie (Philosophy as a search of the Absolute. Theoretical and historical experiences), M.: Editorial URSS, 2004, 416 p. (in Russ.).
8. Gusejnov, A. A. Moral' (Morality), *Jetika: Jenciklopedičeskij slovar' / pod red. R. G. Apresjana i A. A. Gusejnova. M.: Gardariki*, 2001, p. 275–276 (in Russ.).
9. Djurkgejm, Je. Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemističeskaja sistema v Avstralii (Elementary forms of religious life. Totemistic system in Australia), M., 1998, 423 p. (in Russ.).
10. Jeliade, M. Istorija very i religioznych idej. Ot Gautamy Buddy do triumfa hristianstva (History of faith and religious ideas. From Gautama Buddha to the triumph of Christianity), M.: AST, 2002, vol.2, 512p. (in Russ.).
11. Noskov, Ju. T. Religioznyj faktor i duhovnaja bezopasnost' (Religious factor and spiritual safety), M.: VU, 2002, 123 p. (in Russ.).
12. Kant, I. Religija v predelah tol'ko npravstvennosti (Religion in the measures of morality only), *Kant I. Traktaty i pis'ma. M.: Nauka*, 1980, pp. 787–780 (in Russ.).
13. Veber, M. Protestant'skaja jetika i duh kapitalizma (The Protestant ethics and the spirit of capitalism), *Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: https://chisineu.files.wordpress.com/2012/09/biblioteca_protestanskaya_etiketa_weber.pdf* (in Russ.).
14. Tilih, P. Dinamika very (The dynamics of belief), *Tilih P. Izbr. Teologija kul'tury. M.: Jurist#*, 1995, p. 69–75. (in Russ.).
15. Kuricyn, V. N. Ruskij literaturnyj postmodernizm (Russian literary of Postmodernism), M.: OGI, 2001, 288 p. (in Russ.).
16. Bart, R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika (Selected works. Semiotics. Poetry), M.: Gruppy «Progress», «Univers», 1995, 616 p. (in Russ.).
17. Levy, S. *Artificial Life: A report from the Frontier Where Computers Meet Biology*. NY., 1992, 390 p.
18. McLuhan, M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka (Understanding Media: External human extensions), M.: Zhukovskij: «KANON- press-C, «Kuchkovo pole», 2003, 464 p. (in Russ.).
19. Chernikova, V. E. Konflikt tradicionnyh moral'nyh cennostej i cennostej informacionnogo obshhestva (Conflict of traditional moral values and values of information society), *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija»*, 2014, No.3, pp. 45–50 (in Russ.).
20. Panarin, A. S. Pravoslav'naja civilizacija v global'nom mire (Orthodox civilization in a global world), M.: Algoritm, 2002, 496 p. (in Russ.).

Information about the author

Valentina E. Chernikova, Doctor of Philosophy, professor, Professor of the Chair of Philosophy, North-Caucasian Federal University, Institute for the Humanities

Address: 2/41 L. Tolstoy Str., 355003, Stavropol, Russia, tel.: +7 (988) 754-17-57

E-mail: chervalen5@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8352-359X>

В. Е. ЧЕРНИКОВА¹¹ Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ И МОРАЛИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Аннотация

Цель: состоит в выявлении социокультурных оснований взаимодействия религии и морали и исследовании факторов, определяющих современную специфику этого взаимодействия.

Методы: системный, аксиологический, ретроспективный, наблюдение, обобщение, общенаучные метода анализа и синтеза.

Результаты: на основе анализа фундаментальных исследований, посвященных теоретическим вопросам состояния духовности в современном социуме, выявлено, что в условиях возрастающей глобализации и информатизации роль духовного фактора возрастает; раскрыты особенности различий религиозной и безрелигиозной нравственности и показан их исторический характер; проанализированы факторы, влияющие на динамику различий между современной моралью и религией, такие как: замена духовных отношений знаком, виртуализация общества, знаковый характер культуры, мифотворчество; рассмотрены основные противоречия между либеральными и традиционными нравственными ценностями, которые детерминированы социокультурными трансформациями; отмечена необходимость оптимизации диалога между религией и моралью с целью сохранения культурной стабильности и межличностной толерантности.

Научная новизна: впервые в философском знании представлен анализ взаимодействия морали и религии в контексте трансформационных процессов современной реальности, показана роль религиозных и нравственных ценностей в улучшении духовного состояния современной реальности.

Практическая значимость: материалы статьи могут быть использованы в научно-педагогической деятельности и в реализации программ по духовно-нравственному воспитанию.

Ключевые слова: духовность, мораль, религия, либеральные и традиционные ценности, общество, сознание, виртуальная реальность, постмодернистская этика.

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века отмечено нарастанием глубоких трансформационных тенденций, связанных с формированием нового образа социокультурной реальности и отходом от доминирования западной евро-атлантической цивилизации. Подлинно глобальный характер приобретает цивилизационный переход к полицентричному миру. Тектонические процессы, формирование новых моделей взаимодействия в глобализирующейся мировой системе становятся причиной нестабильности и неустойчивости современного мирового сообщества.

Понимание социально-культурных процессов в современном мире приобретает особое значение в связи с тем, что именно оно обеспечивает способность глобального сообщества адекватно реагировать на вызовы времени и целенаправленно развиваться, сохраняя при этом свою целостность и жизнеспособность. Глобализация стремительно изменяет мир, скорость и глубина перемен бросают вызов способности

человечества ориентироваться в окружающем мире. Процессы глобализации активно воздействуют на духовные и нравственные координаты переживаемого этапа, оказывая существенное влияние на общественное сознание. Важную роль в исследовании современных процессов играют работы У. Бека, Дж. Стиглица, А. Г. Дугина, А. И. Шендрика [1–4], которые посвящены глобализации как глубинной трансформации культурной парадигмы человечества. Указанные авторы видят в глобализации процесс глубоких перемен в истории человеческой цивилизации, ставших следствием изменений мировоззренческих основ западной культуры, основанной на рационализме, идеях просвещения и гуманизма. Основные постулаты антропоцентристской парадигмы, которые были положены в основу ведущих европейских мировоззренческих моделей, оказались несостоятельными.

Недопущение доминирования деструктивных тенденций в современном социуме является по су-

ществу единственной альтернативой удержания мирового сообщества от цивилизационного хаоса. Стремительность, с которой происходят перемены, требуют от человечества умения адаптироваться к новой социальной реальности, поскольку процессы глобализации активно воздействуют на духовные и нравственные координаты переживаемого этапа, оказывая существенное влияние на общественное сознание. Посредством информационных технологий в мире формируется новая реальность. Интернет, масс-медиа, новые технологии поиска и передачи информации сформировали информационно-коммуникационное пространство, всемирную Сеть, представляющую собой новое идеократическое социальное образование. В результате происходит трансформация традиционных способов духовной жизни общества. Таким образом, в современном гуманитарном знании созрела необходимость анализа состояния противоречивых процессов социокультурного развития общества. Важную роль в таком исследовании приобретает выявление характера и особенностей взаимосвязи морали и религии как компонентов культуры и ядра духовности, потребность в научной рефлексии единства и различия нравственного и религиозного сознания с учетом современных социокультурных реалий.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Теоретические аспекты проблемы соотношения морали и религии.

Проблема соотношения морали и религии всегда находилась в центре внимания различных философских направлений. Очевиден масштаб данной проблемы: начиная от полного отрицания любого взаимодействия до утверждения их (морали и религии) сущностного единства. Поскольку мораль и религия занимают доминирующее место в формировании качеств человека и регулировании его поведения, философский подход всегда отстаивает принцип взаимосвязи морали и религии. Согласно А. Г. Скрипнику, «основанием соотнесения этих феноменов выступает их функциональная общность и родство используемых регулятивных средств: религия определяет жизнедеятельность людей через ценностное противопоставление священного и греховного, мораль — добра и зла» [5, С. 407–408].

Концепты «религия» и «мораль» имеют общее этимологическое основание: в определении религии важной составляющей является моральная сторона.

В обобщенном смысле религия понимается как «вера в сверхчувственный мир», существование которого подчинено Абсолюту и связано с определенным рода моралью, таинством, культом [6, С. 203].

Интерпретация термина «мораль» (лат. *moralitas* от *moralis*) включает понятия традиции, нрава, характера и в повседневности ассоциируется с понятиями «житейски практический», «духовность», «идеальное» [7, С. 275–276]. Таким образом, исходя из смысловой общности этих понятий, мораль и религию следует рассматривать в тесном единстве. Отвергая религию нельзя сбросить подлинную мораль, точно также сложно быть по-настоящему верующим человеком, отвергая нравственные принципы. Истинная мораль, в сущности, имеет глубокий мистический смысл, поскольку в ней заложены идеи о неких сакральных основах человеческого бытия. Подлинная религия всегда нравственна, потому, что постоянно ориентируется на Абсолютное начало и мотивирует человека жить согласно нравственным заповедям.

Единство морали и религии основывается на функциональной общности используемых ими способов регулирования жизнедеятельности человека: если религия, как отмечено выше, детерминирует жизнедеятельность людей посредством ценностного противопоставления священного и греховного, то мораль — через противопоставление добра и зла.

Целый ряд философских концепций, таких как позитивизм, неокантианство, фрейдизм, экзистенциализм, марксизм трактуют взаимодействие морали и религии как взаимосвязанных, но в то же время относительно самостоятельных, автономных аспектов духовной деятельности, общественного сознания, культуры и т. п. В этом случае основу взаимодействия составляют представления об определенном способе временного и пространственного единства событий, символически выражаемых в социальном действии.

Ряд исследователей, среди которых выделяются Э. Дюркгейм, Р. Отто, М. Элиаде, П. Тиллих и др. рассматривали *специфику взаимодействия морали и религии в переживании священного*, т. е. выходящего за пределы повседневного опыта. Подобная встреча с трансцендентным, или сверхъестественным рождает в сознании феномен многомерности мира [8; 9].

Суть этого феномена состоит в том, что нравственное и религиозное сознание, отношения и деятельность, отражая различные стороны и проявления действительности, имеют общие элементы

в своем содержании. Это потребности и интересы общества и личности и определяемые ими представления и понятия людей о жизни, смысле, духовно-нравственном наполнении.

Основанием единства морали и религии выступает представление о некоем трансцендентном нравственном порядке, временной и пространственной связанности вещей и событий, символически выражаемой в действии, поступке, слове и поэтому трансцендентально связывающим воедино идеальное и реальное в духовной жизни [10, С. 17–29].

Взаимодействие морали и религии объективируется в феномене морализации религии. На различие религий по их моральности, в свое время, обращал внимание И. Кант, разделив религии на естественные и этические [11, С. 787]. Эти идеи развивали затем М. Вебер и П. Тиллих [12; 13, С. 71]. Этические аспекты составляют основу иудаизма, христианства, ислама, проблемы нравственности также затронуты в даосизме конфуцианстве, буддизме, брахманизме. П. Тиллих отмечал, что в этических религиях сакральное приобретает истинный смысл, становится высшей справедливостью и совершенством. Только благодаря морали можно постичь Бога [13, С. 72].

Таким образом, проблема взаимосвязи морали и религии занимает важное место в учениях представителей мировой философии. Исследование данного процесса дает возможность выявить и обосновать ту сторону соотношения, в которой образуются и развиваются определенные духовные состояния общественного сознания, социальных отношений и духовной деятельности, необходимые для поддержания устойчивости социальной системы и её позитивного развития. Мораль и религия, являются взаимосвязанными социокультурными феноменами духовной деятельности, общественного сознания, социальных отношений. Их взаимодействие определяется, прежде всего, как внутреннее диалектическое единство.

Особенности взаимоотношений современной морали и религии.

Главной особенностью взаимоотношений современной морали и религии является стремление морали присвоить себе религиозные функции. Этот процесс символизирует формирование «нового религиозного сознания», которое знаменует наступление новой эры — эры постмодерна.

Один из теоретиков постмодернизма как нового культурного стиля В. Курицын считает, что в религи-

озном плане постмодернистской нравственности сопутствует эра неоязычества, синтезирующая в одно целое различные ритуалы, богов, символы и мистические практики. В этическом смысле постмодерн понимается как эпоха, отстаивающая «общечеловеческие ценности» с их установкой на освобождение человека от любых религиозных традиций [14, С. 9].

Особенностями, которые отражают динамику различий между современной моралью и религией в современной духовной жизни общества, являются следующие.

Во-первых, в современной морали происходит замена духовных отношений знаком (символом). Место реальности начинает принадлежать гипотетическому «пространству», произвольно смоделированному постмодернистским сознанием. Это приводит к появлению феномена «симулякра», то есть знака, симулирующего реальность. Духовный мир, становится, таким образом, собранием фантомов сознания. Знаковыми становятся речь, слово, печать, одежда, искусство и даже отдельные люди, которые не только выполняют определенные функции, но и становятся орудием идеологического манипулирования.

Таким образом, широкое распространение релятивистской морали продуцирует, новые, отличные от религиозных, идеологемы, порождает новую мифологию и отношения, стремящиеся вытеснить традиционные религиозные формы и создает новые моральные нормы и символы.

Во-вторых, современная мораль иными способами, нежели традиционная и религиозная мораль, решает проблему трансляции своих идеологем в сфере духовных отношений.

Главной задачей при этом является мифологизация социокультурных явлений, причем, мифологический образ, сформированный в постмодернизме не несет символический или сакральный смысл, как, например, в христианстве, а лишь передает определенное значение, превращаясь в образ-знак. Наиболее ярко это представлено в современном мифотворчестве — рекламе, нравственную основу которой составляет мысль о том, что человек и общество есть то, что они потребляют. Постепенно происходит замена категории «быть» категорией «иметь». Ценностным критерием этого мира становятся наслаждение и удовольствие [15, С. 125]. Таким образом, обществом принимается идея, в соответствии с которой отношения потребления превращаются в смысложизненную ценность, а потреби-

тельская способность становится главным критерием самоутверждения личности. Качество потребляемых вещей становятся нравственным критерием человеческого достоинства и престижа.

В-третьих. Расхождение современной морали с религиозными этическими принципами наиболее ярко представлено в сфере художественного творчества и области масс-медиа.

Для современной постмодернистской морали характерно отношение к миру как к шоу, в котором представления о реальности становятся производными от систем ее репрезентации. В подобной «картине жизни» все является лишь представлением о действительности. Моральные отношения и принципы лишаются сущностных доминант, они начинают представлять собой постоянно меняющуюся последовательность «точек зрения» и аспектов действительности, делающих её мозаичной и не дающих ей обрести свою сущность. В современном постмодернистском искусстве Бог действительно умирает. Смерть Бога в искусстве означает утверждение вседозволенности и безответственности человека.

Главным героем становится автор, который по существу становится уже не автором-творцом, он является автором-героем, выполняющим функцию интерпретатора, составителя, режиссера, субъективный взгляд которого становится основным сюжетом. В результате этого получается не имеющий никаких онтологических корней, симулякр, который не в состоянии быть реальностью.

В-четвертых, в современной прагматистской морали возникает новый духовный феномен, отсутствующий в сфере традиционных нравственных и религиозных отношений. Речь идет о формировании посредством знаковых систем новой реальности и их воздействии на моральную составляющую современного общества.

Отличительной чертой прагматистской морали является то обстоятельство, что нравственные потребности определяются модой или рекламой. Вещи приобретают сверхчувственные «знаковые» социальные качества, которые провоцируют потребителя стать их обладателем, чтобы тем самым приобщиться к некой социальной общности. Потребление становится доминирующим кодом постмодернистского морального сознания, критерием нравственности.

Поскольку знак обладает способностью к симуляции реальности, показателем постмодернистской мо-

рали является наделение знака своеобразной властью над этой реальностью. Вот почему можно говорить о попытках прагматизма превратить религию, политику, культуру в безличную знаковую систему.

Видимость реальности в современной релятивной морали скрывается за «новообразованием», которое несовместимо с религиозными способами воздействия на общественное сознание. Речь идет об имидже, который призван, прежде всего, скрыть настоящее лицо, поставить под сомнение и обесценить его подлинность обрекая его на анонимность. При этом границы нравственных устоев становятся зыбкими, отчуждающимися от своей сущности и поддающимися различным трансформациям.

В-пятых, образующийся под воздействием постмодернистских тенденций способ отношений формирует новое квазидуховное пространство — виртуальную реальность. Интернет формирует новый порядок ценностей, поскольку существующие ранее традиционные религиозные и нравственные отношения оказываются недостаточными. Для Сети нужен новый порядок идей и ценностей, которые могли бы стать технологиями производства искусственных систем и отношений, обладающих способностью воздействовать на внутренний мир человека. Подтверждением этому являются слова С. Леви, который считает, что основу современной реальности составляют информация и компьютеры, благодаря которым появляются новые «общественные организмы» как формы воздействия на человека и общество [16, С. 5]. Это дает не только принципиальную возможность симулирования социокультурной реальности, но и развития в ней процессов, имитирующих ее жизнь как нечто актуальное. Виртуальная реальность вытесняет духовную жизнь посредством новых технологий воздействия на сферу человеческого бессознательного. Исследуя роль масс-медиа в обществе, М. Маклюэн сравнивает их с «технологическим организмом», имеющим собственное сознание и нервную систему [17, С. 165]. Погружаясь в виртуальную реальность, человек приобщается к информационным системам, отдаляясь от реальной духовной жизни и заменяя ее закодированными информационными знаками.

Современная реальность предполагает исследование различий религиозной и безрелигиозной нравственности, а также их влияния на социальные и культурные процессы в современном обществе. В содержательном плане представляется важным ис-

следование особенностей различия нравственных и религиозных отношений и деятельности, проявляющихся в феномене прагматистской морали постмодерна, системе противоречий между традиционными и либеральными ценностями в современной духовной жизни общества.

Современное общество, являясь сложной открытой системой, вынуждено в изменившихся условиях выстраивать систему нравственных ориентиров, идеалов, принципов, установок, норм чтобы отвечать вызовам для сохранения своей жизнеспособности.

Актуальной проблемой различия между религиозной и безрелигиозной моралью является проблема разрыва нравственности с религией. Эта проблема исторически возникает в период формирования антропоцентрической парадигмы в эпоху Возрождения, как один из идейных инструментов полемики с социально-религиозными воззрениями.

История показывает, что мораль, основанная не на истинной религиозности, как правило, вырождается в стремление к гедонизму, что в конечном итоге ведет к потере нравственных ориентиров, к тому, что мы наблюдали в XX столетии, побившем все рекорды по жестокости, беззаконию, преступности и пр. *Гуманистическая мораль, освободившись от религии, не смогла избавить человека и общество в целом от безнравственности.* Безрелигиозная нравственность становится *релятивной*, поскольку нравственность может претендовать на абсолютность или безусловность своих требований лишь в том случае, если она заимствует трансцендентные критерии добра и зла у религии, которая формирует идеал духовной жизни.

Что касается «императивов» релятивной морали, то они, являясь продуктом социально-исторического развития, формируются и развиваются в границах социальной динамики, а, следовательно, являются доступными к различным формам управления, распоряжения, целенаправленного регулирования. В этом случае решение этических проблем начинает носить конкретно-ситуационный характер, то есть зависеть от конкретно-ценностного понимания добра и зла, форм их выражения, конкретном времени и пространстве.

Примером подобного могут служить конкретно-ситуационные изменения в мировоззренческих установках, нравственных принципах и ориентирах, что привело, например, российское общество в конце XX века к дезориентации в отношении моральных

и ценностных ориентаций в духовной жизни. Также можно упомянуть нормы современной морали, обусловленные динамикой развития культуры постмодерна, либеральной идеологии и религиозного синкретизма. Гносеологической основой *современной нравственной нормы* является не ценность или интуиция идеального духовного бытия, не религиозные заповеди, а рационально обоснованная и внедренная в сознание, например, либеральная идея о правах человека, или конкретный социальный феномен реификации этой идеи.

Современная релятивная мораль пытается сформировать так называемую «нерепрессивную» этику и синкретический тип религии, сочетающие между собой принятую в современном западном мире практику политической корректности, которая, в конечном счете, имеет своей целью сглаживание социальных противоречий и смешение религиозных и нравственных элементов в едином культурном пространстве. Что в свете религиозных догматов считается практически неосуществимым.

Несмотря на то, что принципы политической корректности призваны культивировать в социуме толерантность в отношении любого инакомыслия и любых религиозных различий, они, постепенно сами превращаются в орудие репрессий, становясь формой социального ритуала, дискриминируя тех, кто не имеет возможности или не желает его соблюдать.

Таким образом, в современной морали оформляется моральная диктатура плюрализма, в котором особый статус приобретают моральные ценности виртуальной реальности опирающейся на мысли Ницше о смерти Бога.

Различия между традиционными и либеральными ценностями как фактор противоречий между религией и современной нравственностью.

Одним из фундаментальных противоречий современного состояния духовной жизни является различие между либеральными этическими стандартами и ценностями традиционной культуры. На наш взгляд, принципиальное значение для анализа духовного состояния современности имеет изучение генезиса указанного выше противоречия и поиск способов его преодоления. Важно отметить, что постановка этой проблемы и стремление ее разрешить вызывает неоднозначные оценки.

Представители либерализма как политического и культурного феномена в силу идеологических со-

ображений отвергают саму идею постановки такой проблемы, опасаясь переоценки комплекса либеральных концепций, на которых сегодня основывается попытка формирования нового облика глобального человеческого сообщества.

В свою очередь представители религиозного фундаментализма, убежденные в том, что единственным способом спасения от культурно-идеологических и духовных вызовов современности является идеология и политика изоляционизма, пытаются уйти от обсуждения проблемы соотношения либеральных и религиозных ценностей, priority считая либеральные ценности порождением «греховного мира».

Бурное развитие коммуникаций и средств связи серьезно трансформировало не только образ современного мира, но и различные способы коммуникации. Практическое отсутствие в современном мире национально-культурных границ привело к колоссальным культурно-этническим сдвигам, последствия которых не всегда прогнозируемы. В культуре наблюдается пересмотр традиционных ценностей, которые составляли ее ядро. Особо ощутимы изменения в нравственности, которая под воздействием либеральных идей теряет свой первоначальный смысл. «Традиционные моральные ценности по своей природе связаны с нравственно-аскетическими и абсолютистскими идеями и принципами, тогда как ценностные установки трансформирующегося социума являются гедонистическими и релятивистскими...» [18, С. 49]. Эпоха моноэтнических и моноконфессиональных государств уходит в прошлое, духовная жизнь общества приобретает открытый характер.

Так, например, мусульманское присутствие на Европейском континенте стало привычным явлением. Поэтому одним из противоречий современной духовной жизни является противоречие между традиционными нормами, обуславливающими самобытность и духовную идентичность общества с одной стороны и экспансией социокультурных факторов, формирующихся под влиянием постмодернистской реальности.

Рассматривая генезис либеральных ценностей, отметим, что они соединяют в себе антропоцентризм эпохи Возрождения, протестантскую этику и рационалистическую философскую мысль. Эти ценности окончательно оформились в конце эпохи Нового времени в комплекс либерально-духовных

принципов. Французская революция явилась завершающим этапом в смене мировоззрений. Реформация отказалась от императивности христианских догм, выступающих критерием истины, их место занимает личное понимание изучающего Священное Писание и личный религиозный опыт. Поскольку протестантизм по существу является либеральным прочтением христианства, новый постмодернистский образ жизни основывается на индивидуальной свободе от каких бы то ни было ограничений и условностей, кроме ограничений, определяемых законодательством.

Важнейшая ценность либерализма заключена в идее утверждения безусловной ценности личного бытия, освобождения личности от различного рода ограничений ее прав и свобод.

Наоборот, религиозная ценность свободы заключается в понимании ее не как абсолютной, практически ничем не ограниченной свободы, а свободы как процесса освобождения от греха.

С точки зрения либерализма, свободная личность вправе не принимать все, что ее ограничивает, противостоит в способах утверждения собственного «Я». Все поступки человека рассматриваются как внутреннее дело самостоятельной, независимой личности. В данном контексте, либеральные идеи диаметрально противоположны, например, ценностям христианства.

Сложность анализируемой проблемы заключается в том, что современная концепция либерализма явилась логическим следствием философских идей об эмансипации человеческой личности. Впоследствии она получила свое дальнейшее продолжение и развитие во всех сферах социальной деятельности: экономике, политике, праве, морали, религии, общественных отношениях, социальном устройстве. Так, из либеральной идеи следует современное общепринятое понимание демократических институтов, гражданских свобод, свободной конкуренции, рыночной экономики, свободы слова, свободы совести, то есть всего, что входит в понятие современной цивилизации.

Вот почему, исследуя вопрос о различиях между моральными ценностями либерального мировоззрения и религиозными устоями традиционализма, нельзя не отметить существование, как минимум, двух достаточно распространенных точек зрения на проблему.

Первая точка зрения отражает изоляционистскую позицию, ее последователи выступают за формирование и функционирование духовной жизни современного общества, основанного на доминировании своей национальной и социокультурной идентичности.

Последователи второй точки зрения выступают за перенос западных либерально-цивилизационных основ на отечественную почву, укоренив их в духовной жизни. В отличие от аналогичных попыток, предпринимаемых в прошлом, сегодня совсем не требуется применять власть или административную силу. Будет вполне достаточным использование возможностей системы образования, силу СМИ и т. д., которые распространяют и утверждают идеи о том, что культурные и исторические традиции устарели, функции общечеловеческих ценностей состоят в поддержании либерального порядка в обществе, унификация культуры является неременным условием ее трансформации и интеграции.

Совершенно очевидно, что две эти модели взаимоисключают друг друга. Поскольку они имеют достаточное количество последователей на уровне общественного сознания и в области политики, противоречие и между ними неизбежно, что во многом обуславливает состояние напряженности в духовной жизни общества.

Разрешение этого противоречия видится при условии взаимопонимания и согласованных действий сторон. При этом открывается широкая возможность для взаимодействия традиционных и этнических религий, всех здоровых сил общества.

Важной социальной и духовной задачей здесь является обоснование значения традиции как нормообразующего фактора, который определяет всю систему ценностей духовной и нравственной ориентаций личности и общества. Либеральные ценности, такие как терпимость, плюрализм, по нашему мне-

нию, могут быть применимы для снятия напряженности в современном мире.

ВЫВОД

Взаимодействие религии и морали в духовной жизни приводит к систематизации и упрочению моральных норм и ценностей.

Основными результатами конструктивного взаимодействия являются следующие. Прежде всего, через актуализацию понятия религии как высшего блага и смысла жизни формируется способ общественного бытия, основанный на принципах общечеловеческой нравственности. Для этого необходимы ощутимые изменения в сфере духовности, связанные с трансцендентным основанием морали. «Там, где ослаблены универсалии культуры и морали, там у личности значительно меньше шансов устоять и перед внешними искушениями зазывал «морали успеха» и перед внутренним давлением собственных инстинктов» [19, С. 445].

Кроме этого, взаимосвязь религии и морали в современном обществе способствует мировоззренческому обоснованию превосходства нравственных поступков человека над безнравственными через идею воздаяния, а также преимущества духовных ценностей над материальными. Наконец, устанавливаются особые духовно-нравственные отношения между людьми, подкрепляемые религиозным пониманием человеческих качеств и поступков, что обуславливает процесс сакрализации морали в духовной жизни общества.

Достичь улучшения нравственного климата возможно только при условии, если современное человечество будет учитывать культурное наследие, в котором всегда доминировал принцип тесной взаимосвязи морали и религии. Отказ от влияния религии на мораль обуславливает появление нравственного релятивизма, а преуменьшение роли морали в религии приводит к замене истиной религии псевдоверой.

Список литературы:

1. Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 5. – С. 10–19.; Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция. – 2001. – 304 с.
2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль. – 2003. – 300 с.
3. Дугин А. Г. Постфилософия: три парадигмы истории. – М.: Евразийское движение. – 2009. – 703 с.
4. Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 59–71.
5. Скрипник А. П. Религия и мораль. // Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики. – 2001. – С. 407–410.

6. Майоров Г. Г. *Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические.* – М.: Едиториал УРСС. – 2004. – 416 с.
7. Гусейнов А. А. *Мораль. // Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова.* – М.: Гардарики. – 2001. – С. 275–276.
8. Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии.* – М. – 1998. – 423 с.
9. Элиаде М. *История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства.* – М.: АСТ. – 2002. – Т. 2. – 512 с.
10. Носков Ю. Т. *Религиозный фактор и духовная безопасность.* – М.: ВУ. – 2002. – 123 с.
11. Кант И. *Религия в пределах только нравственности // Кант И. Трактаты и письма.* – М.: Наука. – 1980. – С. 787–780.
12. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://chisineu.files.wordpress.com/2012/09/biblioteca_protetanskaaya_etiketa_weber.pdf*
13. Тиллих П. *Динамика веры // Тиллих П. Избр. Теология культуры.* М.: Юристъ. 1995. С. 69–75.
14. Курицын В. Н. *Русский литературный постмодернизм* М.: ОГИ. 2001. 288 с.
15. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика.* М.: Изд-во Группы «Прогресс», «Универс». 1995. 616 с.
16. Levy S. *Artificial Life: A report from the Frontier Where Computers Meet Biology.* NY. 1992. 390 p.
17. Маклюэн М. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека.* М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле». 2003. 464 с.
18. Черникова В. Е. *Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология».* 2014. Вып. 3. С. 45–50.
19. Панарин А. С. *Православная цивилизация в глобальном мире.* М.: Алгоритм. 2002. 496 с.

Информация об авторе

Черникова Валентина Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, Гуманитарный институт
Адрес: 355003, г. Ставрополь, ул. Л. Толстого, 2, кв. 41, тел.: 8988-754-17-57
E-mail: chervalen5@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8352-359X>

N. S. Chernyakova¹¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia

ABOUT CONTENT OF THE NOTIONS 'SOCIETY', 'CULTURE' AND 'CIVILIZATION'

Abstract

Objective: to demonstrate methodological importance for social and humanitarian studies to differentiate content of the notions "society", "culture" and "civilization".

Methods: content and logical analysis, interpretation, comparison, generalization, theoretical deduction.

Results: It is asserted that the notions "society", "culture" and "civilization" have different but connected contents. The notion "society" reflects sociality as the unity of universal attributes, such as producing activity, consciousness and social norms. Society is considered as the process and the result of joint activity of individuals engaged in socio-cultural mastering of the world. The notion "culture" distinguishes the abstract attributes of sociality from the concrete historical forms of their existence and manifestation in real space-time conditions. In the sense of "stage" the notion "civilization" refers to that period of human history when social structure, state and laws emerged. In the sense of "level" it marks different degrees in the universal process of improving the attributes of sociality, obtained by particular subject of culture. Civilization is considered as the actual level of development and the continuous process of improvement of the universal attributes of sociality in any particular form of cultural specificity.

Scientific novelty: for the first time content of the notions "society", "culture" and "civilization" is considered as different but linked together by the attributes of sociality.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in social and humanitarian studies of socio-cultural reality.

Keywords: Society; Culture; Civilization; Attributes of Sociality.

INTRODUCTION

Despite the intensive development of social and humanitarian knowledge in recent decades, neither objects nor fundamental notions of this knowledge obtain common interpretations.

Culture continues to be considered in the public consciousness, mass media, journalism and official documents as a "segment" or "sector" of society, which includes social institutions for creating, storing and broadcasting of art-works. Contrary to the intentions and expectations of those who identifies culture with art or opposes culture as a sphere of spiritual creativity to all the other human activities, culture appears to be in this interpretation not crucial and significant phenomenon, but some excess or addition to the "normal" social life.

Even an unacceptability of such views would be enough to encourage humanitarians to refer to theoretical and methodological issues of culturelogical knowledge. But taking into account the different interpreta-

tions of the terms "society" and "civilization" that exist in modern humanitarian literature, one cannot help to consider clarifying of the content of the notions "society", "culture" and "civilization" as an urgent matter.

It is obvious that we are in need of these different notions in order to describe different aspects of human life. Just the fact of the ambiguity of the terms reflects not only the difference between theoretical approaches and concepts, but the complexity of those social and cultural phenomena, which are tend to be reflected in the notions "society", "culture" and "civilization".

But what kind of phenomena do we really mean or ought to mean under the names of "society", "culture" and "civilization"? An attempt to answer this question is the objective of the article.

ATTRIBUTES OF SOCIALITY AS THE ESSENCE OF SOCIETY AND CULTURE

In the field of social and humanitarian knowledge the term "sociality" and definition "social" are referred to unbiological features of human activity exclusively — to

(social) norms, (social) quality, (social) relations, (social) institutions, etc. [1; 2]. But what exactly is meant by unbiological features? What is the nature of *sociality* as a special quality inherent in beings of the species *Homo sapiens*? What are the attributes of sociality or the properties that are inseparable from its nature? Without answering these questions it is impossible to create a solid basis of the entire socio-cultural knowledge.

Even after some attempts to interpret society on the base of the concept of information [3], most of humanitarians using the term “society” continue to mean that a group or community of human individuals form just a society but not herd, because they (1) have consciousness, can thinking and realize in their activities a certain sense; (2) can transform natural conditions in accordance with their objectives and create material and spiritual means of their own existence; (3) base their relationships not on instincts but on unbiological norms. It is these universal, invariant features inherent in the essence of people as social beings we call the *attributes of sociality*.

Producing activity as an attribute of sociality is inextricably linked to another attribute of sociality — consciousness, rationality of man. But today like a million years ago neither ability to producing activity nor consciousness by themselves give an individual any advantage in satisfaction of his/her biological instincts and ensure his/her survival in terms of natural selection and dominance [4–6]. The process of social evolution became possible only due to the shift from biological laws of survival to the relationships based on social norms. Adherence to social norms is a choice not between “good” and “bad” sociality, but between sociality and biological form of living, because social norms are the attribute of sociality without which the existence of producing activity or consciousness is impossible. It means that the emergence and development of social existence was possible only because unconditional biological instincts were restricted by social norms.

So the attributes of sociality distinguish human way of existence from natural, biological mode of being of all the other living organisms. Ultimately, society is the process and the result of joint activity of individuals engaged in socio-cultural mastering of the world.

However, the attributes of sociality do not imply and do not determine differences in worldview and value orientations, beliefs and customs, rules of etiquette and tastes, etc. If people differed from each other neither by their deeds and thoughts, nor by created things, it would

be quite enough to use only the notion “society” for describing human life and activity. But social life really exists in various forms generated by different subjects who are mastering the world by different ways in various natural and social conditions. All this differences are revealed in culture as a specific historical form of existence of sociality.

No matter how many new definitions of the term “culture” were added to the classical list of them [7; 8], the notion “culture” ought to be introduced in humanitarian knowledge to distinguish the abstract attributes of sociality from the concrete historical forms of their existence and manifestation in real space-time conditions. In other words, the notion “society” reflects sociality as a universal attribute, whenever the notion “culture” reflects sociality as a special historical type. The special function of the notion “culture” in ordinary consciousness as in humanitarian cognition is differentiation of individuals and human communities according to the special way of their existence [9].

As a system of relationships (economical, political, legal, moral, religious, etc.) between social places, roles and institutions, referred to as “class”, “urban population”, “farmer”, “worker”, or “state”, “science”, “religion”, “art”, etc., society exists and develops independently of the mind and the will of individuals that fill these places and perform corresponding social roles. Yet we can consider society as a special kind of subject, because the presence of many subjects of culture inside society does not destroy quality of society as a subject of a certain level of organization and type of culture. On the contrary, society may be treated as the subject of culture only as a system, whose way of existence is not a sum of those ways of existence that are characteristics of many subjects of culture included in its structure.

Particular attention should be paid to the fact that the identification of subjects of different types and levels of organization leads to representations that distort the essence of the culture, as there is no identity between culture of a person and culture of a group, between cultures of different social groups and culture of the society as a whole system, between cultures of different ethnic groups or different classes. The culture of a person, a group, or society is characterized by those and only those features which express the specificity of a subject of culture of a given level of organization in its unity and integrity, and the integrity of culture itself is derived from the integrity of its subject.

As for the culture of such a system-subject as a society, describing of it requires theoretical analysis of the peculiarities of this kind of material systems, because, on the one hand, culture as a way of existence of society is not reducible to cultures of different subjects coexisting in the framework of this society, and, on the other hand, — is not identical to the structure and functions of the components of the social structure of society. Speaking about the culture of society as an integrated subject, we mean not the identity of the cultures of the various subjects, but the common cultural paradigm that underlies all cultures included in this integrity.

It is just the society of a certain type creates objective conditions for the formation of the basic characteristics of culture of all the subjects included into the structure of this society as a single organism and makes all kinds of culture, the bearers of which these subjects are, the embodiments of a single culture of a given society, or cultural paradigm of this society. For arbitrarily large deviations of the culture of any subject from the basic paradigm, these deviations cannot cross the limits prescribed by the specificity of the cultural paradigm of the society. The lack of common cultural paradigm would mean that the society is not the particular subject of cultural and that the conversation about “culture of the society” is devoid of base.

Such concepts as “ancient culture”, “medieval culture”, “European culture”, etc. reflect cultural paradigms just of societies: ancient, medieval or European. Cultures of all the subjects, included into the structure of the respective societies as whole subjects of culture, are modifications of cultural paradigms of these societies. This means that, for example, individual performers of a social role “scientist” differ from each other by the fact that they are members of social groups within the structure of different societies: ancient, medieval or modern. The typological characteristic “ancient” or “medieval” indicates that the particular scientists are carriers not only of the same professional culture, if remain scientists, but also different cultural paradigms as they are the representatives of societies of different types.

It follows, that the distinction between notions “society” and “culture” lies in the plane of the relationship between essence and phenomenon which is fundamentally different than the relationship between the part and the whole, or between the ideal and the material. Sociality as the quality of belonging to society, or social form of existence, distinguishes man from animal absolutely,

while cultural differences distinguish one subject from another within the social world.

Civilization as the stage and the level of socio-cultural development

The term “civilization” was ambiguous from the very beginning of its introduction in historical studies in 18th century [10]. Nevertheless, it would be possible to say that two main tendencies in its interpretation were opposition of civilization and culture as material and spiritual sides of human live, on the one hand, and consideration of civilization as the universal stage of social development — on the other.

Understanding of civilization as the stage of history, following the primitive one and associated with the formation of the social structure, state and regulation by laws, urban environment, etc., although never being out of use in historical knowledge, now remains generally on the periphery of sociological and culturelogical studies of the relationship between culture and civilization. Not in the last turn this circumstance is due to the denial both of universal laws of social development and evolutionary theories as the methodological basis of the study of history as one of the main characteristics of the humanitarian knowledge of the 20th century [11–13]. The consequence of this attitude has become not only a productive study of cultural diversity of mankind, but detrimental to humanitarian knowledge the negligence to universal features of social and cultural life.

But even denying universal laws of social development historians never ceased to link civilization with technical and technological basis of society and to show the contradictory effect of continuously accelerating (from the industrial revolution of 18th century) scientific and technological progress on the development of culture, identified either solely with the spiritual side of human life [14], or with unique and inimitable features of the existence of separate human communities. The logical conclusion in the development of the opposition of culture and civilization was the interpretation of Spengler, who believed that civilization is the last stage of cultural development that marks degeneration, disappearance, dying of all genuine characteristics of any culture [15, P. 264–266].

Nonetheless, in the interpretation of Spengler as in the historical sense civilization is associated with the development of the universal features of the social system: productive forces ensuring human survival in any natural environment; social relationships connecting individu-

als in a social structure; political organization integrating all elements of the social structure within the state; regulation by laws giving the whole social system integrity, stability and handling.

So, strictly speaking, only that interpretation of the term “civilization”, which was given by Samuel P. Huntington [16], might be considered as nontraditional, since never before civilization had been considered as “the highest cultural grouping of people and the broadest level of cultural identity people have” [17, P. 23–24]. No matter how actual, relevant and heuristic ideas of Huntington would be the result of the wide spreading of his interpretation of civilization is immensely increased ambiguity of the term.

It is true, that in ordinary as in scientific language there is a tendency to use the terms “society”, “culture” and “civilization” as synonyms. But even now this tendency never goes beyond the boundaries of the main content of the notions: “unbiological way of living”, “particular form of development” and “stage of social progress” [18]. We can introduce any terms with any sense in our studies. But it is impotent to understand, what purpose are we doing this introduction for?

It is difficult to deny that from the interpretation of the term “civilization” as “the broadest level of cultural identity” it follows that men, women or football-fans are just “civilizations”, because for many people their self-identification as man, woman or football-fan is the broadest, highest and the most important. But what kind of information could we receive from such interpretation of civilization? It seems that two other senses of the term “civilization” are more useful, yet in need of some clarification.

In the first sense we speak about civilization as a stage of social progress and mean that period of human history when social structure, state and laws emerged [19; 20]. In the second sense we speak about civilization as a level of development of the attributes of sociality, the most significant features of which include: 1) high level of productive activity providing the basic material needs of all members of society; 2) developed social structure with a high level of integration and mobility; 3) highly developed and universal system of legislation serving as the guarantor of rights and freedoms of citizens on the entire territory of a state; 4) level of self-regulation of civil society so high as to ensure compliance with the universal norms of human coexistence.

The relationship between culture and civilization as different forms of sociality is complex. And those features

of this relationship that were disturbing Spengler will be disturbing any subject of a particular culture always. The basis of this disturbance is generated by the very essence of civilization as the progressive development of sociality as such.

Development of civilization itself is associated with a change of social relations and social places that form society as a whole system. Each subsequent stage of this development is an integrated social system different from the previous one. And it is just this system determines the list of real subjects of culture and the functions that they perform in this system. Culture as a real way of existence of a specific subject is determined, first of all, by the place that the subject occupies in the whole system of social relations. This means that universal features in the culture of subjects occupying some place remain as long as the place itself, so a farmer is always and everywhere a farmer, a doctor is always and everywhere a doctor, a teacher is always and everywhere a teacher, etc. It would be possible to say that civilization as the quality of the social system is an expression of abstract sociality that has reached the level of rational order and absolute impersonality. Moreover, knowledge and technology as the application of the laws of nature to socio-cultural activities are always universal. Their using always brings an element of unification in any activity. And any technology is improving to the complete exhaustion of its design and surely gives way to a more perfect.

The fact that civilization as the level of development of society is manifested primarily in the development of its material basis is due to the determining influence of the producing activity as an attribute of sociality. However, identification of civilization as the level of development of technological means of satisfying material needs inherent to a particular subject of culture with mass consumption should be considered as the fundamental misconception of the era of globalization. Even as the indicator of economic development consumption of anything could be considered only in its functions of the necessary biological condition of human existence and the factor of the development of productive forces of society. But the consumption of both material and spiritual products in itself, without association with the development of the ability to rational, creative and regulated by social norms activity cannot be considered as one of the socio-cultural characteristics of the subject of culture at all.

We could say that now mankind is more civilized than 500 years ago, since IT-technologies, Declaration of hu-

man rights and freedoms and developed system of legislation are the evidences of the higher level of development of human abilities to producing activity, thinking and regulation by unbiological norms. But simultaneously we ought to see that there are grate differences in the real level of the development of the attributes of sociality in cultures as special ways of existence of particular subjects — persons, groups, ethnos and communities. More over, it should be understood that the process of development includes in itself not only improvement of some social features but degradation of the others also. As a result some subjects of culture would be civilized in their ability to make material terms of live more comfortable and uncivilized in their ability to be aware of the ultimate objectives of human live and universality of normative regulation.

As the stage of social progress civilization cannot be reduced to the producing activity and modernization in economics and technology. There is indissoluble connection between the attributes of sociality. So without the high level of development of consciousness, awareness of the ultimate objectives of human existence and the normative regulation material production and technologies of any level could not be considered as indication of civilization unless in comparison with the primitive societies only. As the stage of progressive development and really achieved level of culture civilization will manifest itself in increasing of the awareness and meaningfulness of any kind of activity, improvement of methods

and means of practices, in the higher degree of moral responsibility and the level of fulfillment of persons or members of a social group as carriers of certain social roles and subjects of a given type of culture.

CONCLUSIONS

As it could be drawn from above reasoning, the notions “society”, “culture” and “civilization” have different but connected contents.

The notion “society” reflects the sociality as a unity of universal attributes, such as producing activity, consciousness and social norms. Society is considered as the process and the result of joint activity of individuals engaged in socio-cultural mastering of the world.

The notion “culture” reflects the sociality as a special way of existence of particular subject. The notion “culture” distinguishes the abstract attributes of sociality from the concrete historical forms of their existence and manifestation in real space-time conditions.

In the sense of “stage” the notion “civilization” refers to that period of human history when social structure, state and laws emerged. In the sense of “level” it marks different degrees in the universal process of improving the attributes of sociality, obtained by particular subject of culture.

It follows, that civilization is the actual level of development and the continuous process of improvement of the universal attributes of sociality in any particular form of cultural specificity.

References:

1. Monson P. *Sovremennaya zapadnaya sociologiya: teorii, tradicii, perspektiv* (Modern western sociology: theories, traditions, prospects). Saint Petersburg: Notabene, 1992. 445 s. (in Russian).
2. Kelle V.ZH., Koval'zon M.YA. *Teoriya i istoriya: (Problemy teorii istoricheskogo processa)* (Theory and history: (Problems of the theory of historical process). Moscow: Politizdat, 1981. 288 p. (in Russian).
3. Luman N. *Ponyatie obshchestva* (Concept of society). Sb.: *Problemy teoreticheskoy sociologii*. Saint Petersburg, 1994. P. 25–42. (in Russian).
4. Alekseev V. P. *Stanovlenie chelovechestva* (Formation of mankind). Moscow: Politizdat, 1984. 462 p. (in Russian).
5. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. EHpoha klassoobrazovaniya* (History of primitive society. Klassoobrazovaniye era). Moscow: Nauka, 1988. 568 p. (in Russian).
6. Semenov YU. I. *Na zare chelovecheskoj istorii* (At the beginning of human history). Moscow: Mysl', 1989. 320 p. (in Russian).
7. Kroeber A. L., Kluckhohn C. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. In: *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology*. V. 47 (1). Harvard: Harvard University, 1952.
8. Cafagna A. C. *A Formal Analysis of Definitions of «Culture»*. In Dole, G. E. & Carneiro R. L. (Eds.). *Essays in the Science of Culture*. In Honor Leslie A. White (Pp. 111–132). New York, N. Y.: Springer, 1960.
9. Chernyakova N. S. *The ordinary and scientific content of the notion culture*. *Advanced Studies in Science: Theory and Practice. The Collection of Scholarly Papers. Volume II*. P. 42–48. London, 2015.

10. Fevr L. *Civilizaciya: ehvolyuciya slova i gruppy idej*. Fevr L. *Boi za istoriyu* (Civilization: evolution of the word and group of the ideas. Fevre L. *Fights for history*). Moscow: Nauka, 1991. P. 239–281. (in Russian).
11. Tojnbi A. *Dzh. Postizhenie istorii* (A Study of History). Moscow: Progress, 1991. 736 p. (in Russian).
12. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost'* (Decline of Europe. Sketches of morphology of world history. 1. Gestalt and reality). Moscow: Mysl', 1993. 663 p. (in Russian).
13. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* (Decline of Europe. Sketches of morphology of world history. 2. World-wide and historical prospects). Moscow: Mysl', 1998. 606 p. (in Russian).
14. Zimmel' G. *Izbrannoe. Tom 1. Filosofiya kul'tury* (Philosophy of culture). Moscow: YUrist, 1996. 671p. (in Russian).
15. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost'* (Decline of Europe. Sketches of morphology of world history. 1. Gestalt and reality).
16. Huntington Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y.: Simon and Schuster, 1996. 410 p.
17. Huntington Samuel P. *The Clash of Civilizations?* URL: <http://users.metu.edu.tr/utuba/Huntington.pdf> (date of the address: 11.02.2017).
18. Avakyan L. A. «Mif o civilizacii» v polemike G.-P. Dyurra i N. EHliasa (“The myth about civilization” in polemic of G.-P. of Dyurr and N. Elias). *Vestnik of Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2016. No. 1. P. 85–92. (in Russian).
19. EHngel's F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* (Origin of a family, private property and state). Marks K., EHngel's F. *Izbrannye sochineniya. V 9-ti t. T.6*. Moscow: Politizdat, 1987. P. 105–243. (in Russian).
20. *Istoriya drevnego mira* (Ancient history). M.: Nauka: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izd-va, 1989. [Kn.1] *Rannaya drevnost'* (Early antiquity). 470 p. (in Russian).

Information about the author

Natalia S. Chernyakova, Doctor of philosophical sciences, Professor, Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, Northern People Institute

Address: Dresdenskaya Str., 6/2–26, 194017, Saint Petersburg, Russia,

tel.: +7 (921) 788-42-35

E-mail: Cherns2011@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6453-2418>

Economics

Экономика

UDC 519.857.3

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-98-106>O. B. Aleksandrova¹O. A. Tojsheva²¹ Branch of Samara state technical University in Syzran, Russia² Branch of military training scientific center air force «Air force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» in Syzran, Russia

ASSESSMENT OF THE MULTIPLIER EFFECT OF BUSINESS ACTIVITIES

Abstract

Objective: to develop a method to estimate the multiplier effect that occurs in the integration of business systems in conditions of instability, optimization of business process.

Methods: monographic, economic-statistical, system approach, synergetic approach, economic-mathematical modeling, method of analogies.

Results: to optimize the entrepreneurial process aimed at reducing the factors negatively affecting the result of the integration of entrepreneurial activities, applied dynamic programming method to determine the target function. The obtained objective function allows us to quantify in time and space in negative, as a separate party, and of the system as a whole. The results of the system are determined by the multiplicative effect.

Scientific novelty: the article proposes a model of dynamic programming to evaluate the result of the integration of entrepreneurship, allowing to determine the contribution of each participant of business process and distribution of negative result between the participants of economic activities.

Practical relevance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching when considering the management of complex business systems.

Keywords: enterprise integration, synergetic approach, dynamic entrepreneurship, multiplier effect, factor and effective signs.

References:

1. Aleksandrova, O.B. Entrepreneurship in the leasing sector of the national economy // *Economy and Entrepreneurship*, 2014, No. 7 (48). – Pp. 856–860 (in Russ.).
2. Aleksandrova, O.B. Method of estimation result of the leasing business on the basis of dynamic programming // *Economic Herald Republic Tatarstan*, 2015. No 1. – Pp. 31–34 (in Russ.).
3. Alyaev, Y. T. *SF Discrete mathematics and mathematical logic*. – M.: Finance and Statistics, 2006, 368 p. (in Russ.).
4. Algin, A. P. *Risk and its role in public life*. – M.: Thought 1989, 188 p. (in Russ.).
5. Asaul, A. N. *Patterns and trends in the development of modern business*. SPb: ANO IPEV, 2008, 250 p. (in Russ.).
6. Bellman, R., *Dynamic Programming*. – M.: Publishing House of Foreign. lit., 1960, 400 p. (in Russ.).
7. Borisov, A. B. *Great Dictionary of Economics. Edition 2 Revised. and ext.* – M.: Book World, 2004, 860 p. (in Russ.).
8. Greshilov, A. A. *Mathematical methods of decision-making: Proc. manual for schools*. – M.: Publishing House of the MSTU. Bauman, 2006, 584 p. (in Russ.).

9. Drogobytskaya, K. S., Drogobytsky, I. N. Architectural models of economic systems: Monograph. – M.: INFRA – M, 2014, 301 p. (in Russ.).
10. Kunitsyn, N. Economic dynamics and risks. – M.: The editorial staff of «Economics of agricultural and processing enterprises», 2002, 288 p. (in Russ.).
11. Mugafarov K. the uncertainty of the term «mechanism» in economic research. [Electronic resource]. The capital of the country. Federal Internet edition//URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/176697> (accessed 12.02.2017) (in Russ.).
12. Markin, Y. P. Mathematical methods and models in economics: Textbook. Benefit. – M.: Higher School, 2007, 422 p. (in Russ.).
13. Knight, F. H. Risk, Uncertainty and Profit/Per.s Eng. MJ Kazhdan. – Moscow: Delo, 2003, 259 p. (in Russ.).
14. Romanova, A. I., Mironova, D., Ilyin, E. V. Methodical approach to risk assessment and decision-making under conditions of uncertainty in the market.//«Management of economic systems» 2012, No. 3 (in Russ.).
15. Suprunovich, E. Fundamentals of Risk Management//Banking. 2001, No. 12. Pp. 9–10 (in Russ.).
16. Trofimova, L. A. Methodical features of managerial decision-making in enterprise structures Collection of Scientific Papers 1 (15) On the St. Petersburg Academy of Management and Economics/Ed. V. A. Gnevko. St. Petersburg St. Petersburg.: Publisher ETA, 2007, 180 p. (in Russ.).
17. Bachkai, T., Mesena, D., Miko, D., Sep, E., Hust, E. Economic risk and methods of its measurement lane. With Hung. – M., 1979, 184 p. (in Russ.).
18. Khokhlov, N. V. Risk management: Proc. manual for schools. – M.: UNITY – DANA, 1999, 239 p. (in Russ.).
19. Shapkin, A. S., Shapkin, V. A. The theory of risk modeling and risk situations: Textbook. – M.: Publishing and Trading Corporation «Dashkov and K», 2005, 880 p. (in Russ.).
20. Schumpeter, J. A. Theory of Economic Development. – M.: Economics, 2008, 400 p. (in Russ.).
21. Management of developing the leasing sector of entrepreneurial economy O. Aleksandrova, O. Burgonov, E. Ivleva, N. Shashina//Procedia Engineering – 165 (2016) 980–989. (in English).

Information about the authors

Olga B. Aleksandrova, Doctor of Economics, professor, associate Professor, associate Professor of the Chair of Economics, Branch of Samara state technical University in Syzran, Russia.

Address: 45 Sovetskaya Str., 446001, Syzran, Samara region, Russia, tel.: +7 (917)964-10-41

E-mail: alekcandrovaob@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1331-643X>

Olga A. Tojsheva, candidate of Economics, associate Professor, lecturer of the Chair of Mathematics and Natural Sciences post-graduate student of the Chair of Economics, Branch of military training scientific center air force «Air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin» in Syzran, Russia.

Address: 1 Marshala Zhukova Str., 446007, Syzran, Samara region, Russia, tel.: 8 (927)791-69-03

E-mail: Tojsheva@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2801-4362>

О. Б. Александрова¹**О. А. Тойшева**²¹ Филиал Самарского государственного технического университета в г. Сызрань, Россия² Филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрани, Россия

ОЦЕНКА МУЛЬТИПЛИКАТИВНОГО ЭФФЕКТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Цель: разработать метод оценки мультипликативного эффекта, возникающий в интеграционных предпринимательских системах в условиях нестабильности, для оптимизации предпринимательского процесса.

Методы: монографический, экономико-статистический, системный подход, синергетический подход, экономико-математическое моделирование, метод аналогий.

Результаты: для оптимизации предпринимательского процесса, направленного на снижения факторов негативно влияющих на результат интеграционной предпринимательской деятельности, применен метод динамического программирования для определения целевой функции. Полученная целевая функция позволяет определить количественно во времени и в пространстве негативный результат, как отдельного участника, так и системы в целом. Результаты системы определяются мультипликативным эффектом.

Научная новизна: в статье предлагается модель динамического программирования для оценки результата интеграционного предпринимательства, позволяющая определить вклад каждого участника предпринимательского процесса и распространения негативного результата между участниками хозяйственной деятельности.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов управления сложными предпринимательскими системами.

Ключевые слова: интеграционное предпринимательство, синергетический подход, динамическое предпринимательство, мультипликативный эффект, факторные и результативные признаки.

ВВЕДЕНИЕ

Функционирование предпринимательских структур в настоящее время происходит в условиях сотрудничества с многими рыночными и социальными — экономическими институтами. Растет степень кооперационных связей между экономическими субъектами. Ранее разрозненные предпринимательские структуры объединяются в целое. Предпринимательство для осуществления своих функций объединяет разнокачественные самостоятельные экономические агенты.

Предпринимательские структуры в своей деятельности стремятся к долгосрочному сотрудничеству [16]. Для этого необходимо осуществлять эффективное управление, что особо сложно при взаимодействии разнокачественных, автономных хозяйствующих субъектов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для эффективного функционирования необходимо выделить общую цель предпринимательской системы, а это возможно, если число требований определяющих цели системы не больше числа степеней свободы, т. е. не больше числа параметров состояния [11].

Совокупность связей между элементами образует структуру системы, что является гарантом ее устойчивости. Появление нового участника приводит к изменению структуры системы. При нарушении устойчивости предпринимательской системы появляются расходящиеся процессы, которые не поддаются управлению и приводят к дезинтеграции системы [9].

С развитием рыночной экономики предпринимательство ставится многофункциональным. Хозяйствующие субъекты стремятся не только к максимизации результата своей деятельности, но и к обеспечению долгосрочной устойчивости [1].

Особенности предпринимательства заключаются в осуществление непрерывного процесса обмена, однако сам обмен становится источником предпринимательства. Изменение условий обмена приводит к развитию предпринимательства [1].

А. Н. Асаул рассматривает «предпринимательство как процесс самообновления и самоорганизации индивидуумов и предприятий, осуществляемый во взаимодействии с внешней и внутренней средой. «Этот процесс преследует цель максимизации возможностей предпринимателя удовлетворить комплекс его социально-экономических потребностей (а не максимизация прибыли) в рамках неравновесного динамического баланса противоречивых социально-экономических интересов участников этого процесса» [5].

Такое представление предпринимательства возможно на основе синергетического подхода, который рассматривает цели предпринимательства шире, нежели получение прибыли. Прибыль в данном контексте рассматривается как результат обмена и является «побудительным мотивом предпринимательской деятельности».

Управление — сознательное целенаправленное воздействие со стороны государства, экономических субъектов на людей и экономические объекты, осуществляемое с целью направить их деятельность в нужное русло и получить желаемые результаты [7].

Суть управления отражается в двух основных подходах. Первый подход — рассматривает управленческую деятельность как специальную функцию общественного труда. С формированием кооперативного производства, управление представляется как самостоятельный вид деятельности. Управленческой деятельности отводится особая роль «координации» и «согласования», что и определяет целесообразность и многообразие ее функций. Согласно этому подходу, управленческая деятельность имеет системный характер, сложную структуру и зависит от воздействия внешней среды [19].

В основе второго подхода так же лежит трудовой, деятельный характер, включая согласование и координацию. Но в этом подходе управленческая деятельность рассматривается как целенаправленное воздействие на объект управления. Внимание уделяется не всей деятельности по управлению, а только завершающей ее части. В этом подходе не уделяется внимание целеполаганию, моделированию деятельности,

экспертному обоснованию. Такой анализ сущности управленческой деятельности характерен для командной, центрально-управляемой экономики [19].

Эти подходы имеют общий недостаток — управление рассматривается в рамках одной хозяйствующей единицы, элементы которой имеют единую цель и задачи, что не годится при рассмотрении интеграционного предпринимательства. Экономическая деятельность приобретает все больше интеграционный характер, упорядочивается функционирование частей целого. Отсутствие модели управления интеграционным предпринимательством сказывается на конечном результате.

Результат деятельности отдельной предпринимательской структуры, входящей в интеграционные взаимоотношения, зависит от результата деятельности участников интеграции, что приводит к мультипликативному эффекту. В интеграционных предпринимательских системах один состоявшийся процесс создает условия для запуска следующего, что приводит к распространению полученного результата (риска) в системе по цепочке от участника к участнику с нарастающим эффектом.

Мультипликативные эффекты в экономике в периоды нестабильности и замедления экономической динамики характеризуются падением показателей доходности. Труднопредсказуемость интеграционной предпринимательской деятельности и результатов сделок определяют выбор для исследования моделей стохастической неопределенности. Стохастическая неопределенность появляется из-за влияния большого числа разнообразных причин.

Экономических субъектов входящих в интеграционную систему можно условно разделить на две группы:

- первая группа — в нее входят экономические агенты, для которых результат их влияния зависит от принимаемого ими же решения;
- вторая группа — включает экономических агентов принимаемые решения, которых не относятся к конкретному субъекту (носят общий характер, не имеют адреса), но оказывают на него влияние.

В связи с эти все факторы способные оказывать влияние на результат участников интеграционной системы можно представить как:

1) факторные, т. е. те, которые возникают у конкретного участника системы под воздействием внеш-

них и внутренних факторов, и которые провоцируют появление других факторов у участников интеграционного процесса;

2) результативные — факторы, возникающие в результате воздействия на деятельность участников интеграционной системы других факторов.

Управление должно стремиться оптимизировать результат хозяйственной деятельности, но на пути к достижению поставленной цели сталкивается с факторами, приводящими к отклонению от желаемого результата. Риски, требуют различной работы в процессе управления [17].

Риск — это деятельность, связанная с преодолением неопределённости в ситуации неизбежного выбора, в процессе которого имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели» [4].

Любая форма предпринимательства не независимо от масштаба деятельности, от формы собственности сталкивается с рисками [10]. Риски интегрированного предпринимательства складываются из рисков его участников.

Так как предпринимательские структуры действуют в условиях неопределенности, что осложняет процесс принятия управленческого решений, то к факторам, оказывающим влияние на результат хозяйственной деятельности участников интеграционной системы, можно относиться двояко, как к шансу, дающему положительный результат, и как к риску, оказывающему отрицательное воздействие в виде потерь [15].

Прежде чем определять меры борьбы с рисками, следует определить число возможных комбинаций условий, приводящих к отрицательному отклонению от желаемого результата, которые должны учитывать экзогенный или эндогенный является риск по отношению к конкретному участнику.

Между внешними и внутренними факторами существует связь, как правило, внешние факторы оказывают влияние на внутренние факторы предпринимательства [20]. Но необходимо отметить, что и внутри групп также существует взаимодействие между факторами, что требует четкого представления схемы их взаимодействия и учета многовариантного характера их проявления при принятии решения.

По периоду воздействия, факторы, влияющие на предпринимательство можно разделить на две

группы: постоянные — действуют во время всего проекта на непрерывной основе и меняют степень влияния только при смене конкретной ситуации; временные, оказывают влияние на конкретном этапе проекта, оказывают действия на определенном временном интервале.

Для повышения эффективности интеграционных систем следует создать систему управления рисками, которая была бы направлена на рост финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов системы и гарантировала безопасное долгосрочное развитие, как отдельного участника системы, так и всего интеграционного предпринимательства.

В основе многих методов управления рисками лежит альтернативное принятие решения в условиях неопределенности, что приводит к неясности относительно наступления самого события и его влияния на результат хозяйственной деятельности субъекта [18]. Управление рисками требует рассмотрения с динамической точки зрения, которое позволит учитывать длительность проекта и сложную структуру участников предпринимательства, т. к. хозяйственные связи становятся более сложными, проекты более долгосрочными, среда обращения предпринимательских структур не стабильна.

Однако спектр рисков настолько широк, что в экономических исследованиях нет единства в подходах к их классификации [13]. Один и тот же фактор риска по отношению к разным участникам сопряженного предпринимательства можно рассматривать и как факторный, и как результативный.

Риски интеграционного предпринимательства состоят из различных объектов, воспринимающиеся как единое целое, но различны между собой, можно утверждать, что риски интеграционной системы являются множеством. Тогда риски каждого участника (направленности) будут в этом случае подмножествами. Конкретные риски, входящие в каждую направленность будут элементами множества. Так как риски не фиксированная величина, они могут возникать, а могут и не появиться, при конкретном сочетании нескольких рисков может возникнуть новый риск.

Управление рисками интеграционных предпринимательских систем — сложнейшая управленческая задача и предполагает определение методов и инструментария управления, методическое обеспечение этого процесса и разработку практических рекомендаций.

Управление рисками в интеграционном предпринимательстве заключается в принятии решения на всех уровнях ответственности, что требует четкого понимания степени риска, и своевременной оценки влияния угрозы на результат деятельности, как интеграционного предпринимательства в целом, так и его отдельных участников. И здесь важно знать цену риска, которая выражается в полученных убытках участников или в стоимости затрат направленных на снижение негативного эффекта.

Предпринимательская деятельность является динамическим процессом, которая находится в постоянном своем развитии, что и осложняет процесс учета всех факторов способных влиять на процесс и процедуры принятия решений.

Интеграционная предпринимательская система относится к динамической модели. Экономические процессы, протекают в ней не линейно. Сами динамические модели отличаются друг от друга и отражают конкретную специфику процесса. В такой модели выражена причинно-следственная связь между участниками системы.

Динамической системе присуще не только свойства системы в целом, но и характерные только для нее черты:

- стимулирование, на систему воздействует внешняя среда, т. е. на входе в систему происходят определенные процессы, которые воздействуют на нее и приводят к изменению поведения участников системы.
- функциональность влияние внешней среды и процессов, происходящие на выходе системы. Интеграционная предпринимательская система имеет несколько выходов, по числу участников, которые используют систему в своих интереса.
- изменчивость во времени, участники интеграционных систем стремятся к долгосрочным отношениям, поэтому необходимо учитывать возможные изменения, в период взаимодействия экономических субъектов, которые оказывают влияние на функционирование системы и своевременно реагировать на них.
- изменение среды, изменения затрагивают внутренние параметры системы, которые могут происходить с различной скоростью. Позитивные изменения вызывают развитие системы. Появление нового участника в ин-

теграционной предпринимательской системе приводит к изменению структуры системы, что сказывается на ее свойствах и ведет к росту системы.

Задача в управлении рисками — оптимизация предпринимательского процесса, устанавливается целевой функцией, которая должна стремиться к минимальному значению. Нахождения значения целевой функции необходимо для всех ее элементов, которые оказывают содействие ее уменьшению.

В реальности последовательность появления, влияния рисков не известна. Риски, из категории факторных, появляются в свободном порядке у участников предпринимательства, что не позволяет определить момент наступления нежелательного события. Однако, результативные риски, возникшие под воздействием рисков других участников предпринимательской системы и оказывающие влияние на результат других сопряженных с ним участников, относятся к разряду прогнозируемых. Следовательно, риски предпринимательской системы можно рассматривать как частично упорядоченное множество с повторяющимися элементами.

Результативные риски в предпринимательстве представляют наибольший интерес, т. к. именно эти риски имеют возможность перехода от участника к участнику, что порождает кумулятивный эффект. Появление результативных рисков в предпринимательской системе имеет определенную последовательность и изменяется во времени, требует поэтапного планирования многошагового процесса при нахождении оптимального решения при управлении рисками. Следует учесть моменты появления рисков и их параметры.

Метод динамического программирования дает возможность определить целевую функцию, которая удовлетворяет минимизации рисков в интеграционном предпринимательстве. Функция позволяет найти точки экстремума последовательным нахождением одной или нескольких переменных [12].

В динамическом программировании отсутствует общий алгоритм решения поставленной задачи. Каждая конкретная задача требует индивидуального подхода. Сложность состоит и в формулировке задач в терминах динамического программирования. Однако данный метод позволяет решить задачи, которые иначе решить нельзя или решение найти сложно [6].

Значение целевой функции при использовании метода динамического программирования определя-

ется путем сложения частных значений того же критерия, которые были получены на отдельных этапах вычисления [3]. Такие процессы называют аддитивными, т. е. значению целой величины соответствует сумма его частей.

Риски интеграционного предпринимательства складываются из рисков его участников, что означает — новое состояние зависит только от предшествующего состояния системы и управления на этом этапе и не зависит от того, каким образом система пришла в это состояние. В крайнем случае, это условие достигается увеличением числа состояний системы. «Состояние системы» характеризует только те результаты, от которых зависит будущий результат [2].

Согласно методу динамического программирования оптимальная стратегия зависит только от текущего состояния системы. Это сводится к следующему, каково бы ни было состояние системы, перед очередным шагом необходимо выбрать управление на этом шаге так, чтобы выигрыш на данном шаге и оптимальный выигрыш на всех последующих шагах были максимальными [8].

Из выше сказанного можно определить задачу, для решения которой будет использоваться динамическое программирование. Каково бы ни было состояние интеграционной предпринимательской системы при переходе к следующему звену необходимо выбрать управление этим звеном так, чтобы риски этого звена были наименьшими и риски всех последующих звеньев были минимальны.

При определении минимального значения риска последующего звена интеграционного предпринимательства будем учитывать только факторные риски данного участника. Результативные риски в данном случае должны быть просчитаны с помощью динамического программирования.

При анализе и выработки механизма управления необходимо учесть двухстороннее распространение рисков. Каждый участник интеграционного предпринимательства осуществляют управление своей деятельностью самостоятельно при этом предпринимательская система переходит из начального состояния в конечное. Участники системы осуществляют свои предпринимательские функции, и могут являться источником рисков, которые переходят на других участников.

Оптимизация управления рисками происходит последовательно, определяя одно решение за другим [14]. На предпринимательскую систему влияет время,

которое изменяет ее состояние. На различных этапах функционирования, которые представлены участниками хозяйственного процесса, система испытывает всевозможные способы воздействия — управления, цель которого уменьшение риска.

Результатом управления являются «приобретенные» риски, которые образуются в каждом году действия проекта. Риски каждого года складываются из рисков отдельных участников интеграционного предпринимательства и образуют риски системы. Именно управление, которое осуществляют участники предпринимательской деятельности, влияет на результаты их деятельности и системы в целом [2].

Объединение хозяйствующих субъектов для осуществления предпринимательской деятельности все чаще носит долгосрочный характер, поэтому возникает необходимость в пределе временных рамок, на действующем этапе, который представлен участником процесса, нейтрализовать риски и предотвратить возможность их распространения с целью сокращения совокупных рисков предпринимательской системы [21].

$$f(P_{u.n.c.}) = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m p_{mj} \rightarrow \min \quad (1)$$

где $P_{u.n.c.}$ — количество рисков полученных интеграционной предпринимательской системой за весь срок действия договора;

p_{mj} — риски предпринимательской системы полученные за год при поэтапном распространении участников.

n — срок проекта;

m — число участников в интеграционном предпринимательстве;

i — шаг, размером год (из года в год);

j — этапы прохождения рисков за год (от участника к участнику).

Внутри каждого года риски распространяются между участниками. Риски последнего в этой цепи будут максимальны, т. к. действует эффект накопления [2].

Совокупный риск интеграционной предпринимательской системы в год при поэтапном распределении (между участниками) рассчитывается следующим образом:

$$P_m = \sum_{j=1}^m (K + p_j) < P_{\text{общ}} \quad (2)$$

где $P_{\text{общ}}$ — общие риски интеграционной предпринимательской системы.

K — риски, сохранившиеся после $(j - 1)$ этапа;

P_j — риски данного звена (участника).

Условный оптимальный «выигрыш» на последнем шаге представлен функцией:

$$P_{m,n}(X_{n,u,c}) = \min_{P_{m,n}} \left\{ \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m [P_{m,n} + \sum_{j=1}^m (K + P_{m,n})] \right\} \quad (3)$$

Предложенная методика позволяет пошагово определить результат каждого участника сделки на конкретный ее период с учетом мультипликативного эффекта распространения результата, как на участников, так и на результат интеграционного предпринимательства [21].

ВЫВОДЫ

Под влиянием управления, у каждого участника оно свое, система переходит в новое состояние. Новое состояние приводит к тому, что риски распространяются на других участников. Поэтому важно своевременно обнаружит отклонение от желаемого результата и предотвратить распространение на других участников системы. Предложенный метод на основе динамического программирования позволяет последовательно определить риски участников интеграционного предпринимательства и совокупные риски системы на определенную дату, в зависимости от выбранного шага.

Список литературы:

1. Александрова О. Б. Предпринимательство в лизинговом секторе национальной экономике // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 7 (48). – С. 856–860.
2. Александрова О. Б. Метод оценки результата лизингового предпринимательства на основе динамического программирования // Экономический вестник республики Татарстан. – 2015. – № 1. – С. 31–34.
3. Аляев Ю. А., Тюрин С. Ф. Дискретная математика и математическая логика. – М.: Финансы и статистика, – 2006. – 368 с.
4. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, – 1989. – 188 с.
5. Асаул, А. Н. Закономерности и тенденции развития современного предпринимательства. – СПб: АНО ИПЭВ, – 2008. – 250 с.
6. Беллман Р. Динамическое программирование. – М.: Изд-во иностр. лит., – 1960. – 400 с.
7. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. Издание 2-е перераб. и доп. – М.: Книжный мир, – 2004. – 860 с.
8. Грешилов А. А. Математические методы принятия решений: Учеб. пособие для вузов. – М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2006. – 584 с.
9. Дрогобыцкая К. С., Дрогобыцкий И. Н. Архитектурные модели экономических систем: Монография. – М.: ИНФРА – М, 2014. – 301 с.
10. Куницына Н. Н. Экономическая динамика и риски. – М.: Редакция журнала «Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий», 2002. – 288 с.
11. Магафуров К. О неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях. [Электронный ресурс]. Капитал страны. Федеральное интернет издание // URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/176697> (Дата обращения 12.02.2017).
12. Математические методы и модели в экономике: Учеб. пособие / Ю. П. Маркин. – М.: Высшая школа, – 2007. – 422 с.
13. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. М. Я. Каждана. – М.: Дело, 2003. – 259 с.
14. Романова А. И., Миронова М. Д., Ильина Е. В. Методический подход к оценке рисков и принятию решений в условиях неопределенности на рынке услуг // «Управление экономическими системами» 2012. № 3.
15. Супрунович Е. Основы управления рисками // Банковское дело. 2001. № 12. С. 10.
16. Трофимова Л. А. Методические особенности принятия управленческих решений в предпринимательских структурах Сборник научных трудов 1 (15) С Петербургской академии управления и экономики / Под ред. В. А. Гневно. СПб.: Издательство СПб АУЭ, – 2007. – 180 с.
17. Хозяйственный риск и методы его измерения / Т. Бачкаи, Д. Месена, Д. Мико, Е. Сеп, Э. Хусти пер. с венг. – М., – 1979. – 184 с.

18. Хохлов Н. В. Управление рисками: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 1999. – 239 с.
19. Шапкин А. С., Шапкин В. А. Теория риска и моделирование рискованных ситуаций: Учебник. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2005. – 880 с.
20. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. – М.: Экономика, 2008. – 400 с.
21. Management of developing the leasing sector of entrepreneurial economy O. Aleksandrova, O. Burgonov, E. Ivleva, N. Shashina//Procedia Engineering – 165 (2016) 980–989.

Информация об авторах

Александрова Ольга Борисовна, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, Филиал Самарского государственного технического университета в г. Сызрань.

Адрес: 446001 Самарская обл., г. Сызрань, ул. Советская д. 45, тел.: +7 (917) 964-10-41

E-mail: alekandrovaob@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1331-643X>

Тойшева Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, преподаватель кафедры математики и естественнонаучных дисциплин,

Филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрани.

Адрес: 446007, Самарская область, Сызрань, ул. Маршала Жукова, 1, тел.: 8(927) 791-69-03

E-mail: Tojsheva@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2801-4362>

O. N. Baburina¹¹Admiral F. F. Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia

WORLD ECONOMIC ORDER: ALTERNATIVE TRANSFORMATION MODELS

Abstract

Objective: to determine changes in the positions of leading countries in the modern global economy and to compare alternative models of transformation of the world economic order (WEO).

Methods: modeling and system (world system) approach, analysis and synthesis, dialectical, historical, logical and statistical methods.

Results: based on the analysis of the scientific literature, the definition of the WEO concept and evolution of theoretic approaches to its formation are revealed. It is justified that the theory of hegemonic stability whose main idea states that the world community needs a centre of power for stability became the reason for the global instability. With the use of statistical data the positions of leading countries in the world economy are analysed, it is proven that currently China is the leader of the global economy in terms of growth rate and share in the world GDP and world export as well as research and development (R&D) expenditures. The basis of the Chinese technological leadership is the successful implementation of the costs innovations strategy.

Based on the conducted analysis of economic indicators of the leading countries of the world it is stated that two models of the future world order are most probable. The first model implies maintenance of the monocentric world while replacing the USA as a centre of power with China. The second model involves the formation of the two-polar system: the USA — China. The model of balance of power has a low degree of probability due to a significant difference in the level of development of the five leading economies of the world.

Scientific novelty: acceleration of transformation of the WEO is justified and alternative models of the world are compared for the first time with the use of the described methods and concepts.

Practical significance: the main arguments and conclusions of the article can be used by the public authorities of the Russian Federation when updating the Russian foreign economic strategy, as well as in the activities of international summits.

Keywords: world order, world economic order, World-systems Analysis, Theory of Hegemonic Stability.

References:

1. Fukuyama F. Konets istorii i posledniy chelovek/Frenzis Fukuyama/Per. s angl. M. B. Levina. – M.: AST MOSKVA: KHRANITEL', 2007. 588 s.
2. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy/Samyuel' Khantington/Per. s angl. T. Velimeyeva. M.: AST: AST MOSKVA, 2007. 571s.
3. Global'naya sistema na perelome: puti k novoy normal'nosti. Per. s angl./Pod red. A. Dynkina, M. Barrouza. – M.: IMEMO RAN, 2016. – 32 s.
4. Baburina O. N. Variatsii predstavleniy o mirovom poryadke i novyy mirovoy ekonomicheskii besporyadok//Finansy i kredit. 2008. № 37 (325). S. 20–27.
5. Batalov E.YA. Mirovoye razvitiye i mirovoy poryadok (analiz sovremennykh amerikanskikh kontseptsiy). M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2005. 376 s.
6. Zagladin N. V. Perekhodnyye periody v mirovoy politike//Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. 2017. 60. Tom № 12. S. 27–39.
7. Pestsov S. K. Sovremennyy mezhdunarodnyy regionalizm: teorii i kontseptsii regional'nogo sotrudnichestva i kooperatsii.- Vladivostok: DVO RAN, Mor. gos. un-t., 2002. 284 s.
8. Utkin A. I. Novyy mirovoy poryadok/A. I. Utkin. M.: Algoritm, Eksmo. – 2006. 640 s.

9. Bzhezinskiy Zb. Vybor. Global'noye gospodstvo ili global'noye liderstvo/Per. s angl. – M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2010. 264 s.
10. Prebish R. Periferiyunny kapitalizm: yest' li yemu al'ternativa. – M.: ILA RAN, 1992. 337 s.
11. Soros Dzh. Myl'nyy puzyr' amerikanskogo prevoskhodstva. Na chto sleduyet napravit' amerikanskuyu moshch'/Per. s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2004. 192 s.
12. Tinbergen YA. Peresmotr mezhdunarodnogo poryadka. Per. s angl. M.: Izd-vo «Progress». 1980. 416 s.
13. Forrester D. Mirovaya dinamika: Per. s angl./D. Forrester. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST; Spb.: «Terra Fantastica, 2003. 379 s.
14. Etsioni A. Ot imperii k soobshchestvu: novyy podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam/Per. s angl. pod red. V.L. Inozemtseva. M.: Ladomir, 2004. 384 s.
15. Kaplan M. Sistema i protsess v mezhdunarodnoy politike. N. Y., John Wiley i Sons, Inc., L., 1962.
16. Keokheyn R. Teoriya gegemonistskoy stabil'nosti i izmeneniya v mezhdunarodnykh ekonomicheskikh rezhimov, 1968–1977. V Kholsti O., Siverson R. Izmeneniya v mezhdunarodnoy sisteme. Izdaniye Dzhordzh A. Boulder, 1980.
17. Kindlberger Ch. Mir v depressii, 1929–1939. Berkli, 1979.
18. Krasner S. Strukturnyye prichiny i rezhima Posledstviya REZHIMY kak vmeshivayas' Variables.-mezhdunarodnyye rezhimy. Izdaniye Po S. Krasner. Itaka, Kornel University Press, 1983.
19. Brodel' F. Dinamika kapitalizma: [Per. s fr]/Fernan Brodel'.-Smolensk.: TOO «Poligramma», 1993. 123 s.
20. Vallersteyn I. Mirosystemnyy analiz: Vvedeniye/per. N. Tyukinoy. M.: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2006. 248 s.
21. Baburina O. N. Regional'nyye rezervnyye valyuty kak al'ternativa gegemonii i ekspansii dollara//Finansy i kredit. 2008. № 24 (312). S. 48–54.

Information about the authors

Olga N. Baburina, doctor of Economic Sciences, associate professor, the professor of «Economics and management Department», Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk)

Address: Dzerzhinsky Avenue 230, Apartment 60, 353925, Novorossiysk, Russia, tel.: +7 (905) 475-78-51

E-mail: olgababurina@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1618-0483>

О. Н. Бабурина¹

¹ ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. адм. Ф. Ф. Ушакова», Новороссийск,
Россия мировой экономической порядок: альтернативные модели трансформации

Аннотация

Цель: – определить изменения позиций ведущих стран в современной глобальной экономике и сопоставить альтернативные модели трансформации мирового экономического порядка (МЭП).

Методы: моделирование и системный (миросистемный) подход, анализ и синтез, диалектический, исторический, логический и статистический методы.

Результаты: на основе анализа научной литературы раскрывается содержание концепта МЭП и эволюция теоретических подходов к его формированию. Обосновывается, что концепция гегемонистской стабильности, главная идея которой заключается в том, что мировому сообществу для стабильности нужен центр силы, стала причиной глобальной нестабильности. С использованием статистических данных анализируются позиции ведущих стран в мировой экономике, доказываемая, что в настоящее время лидером глобальной экономики по темпам роста и доле в мировом ВВП и мировом экспорте и затратам на научные разработки является Китай. Основой китайского технологического лидерства является успешная реализация стратегии стоимостных инноваций.

На основе проведенного анализа экономических показателей ведущих стран мира обосновывается, что наиболее вероятны две модели будущего мирового порядка. Первая модель — сохранение моноцентричного мира при замене США как центра силы Китаем. Вторая — формирование двухполюсной системы: США — Китай. Модель баланса сил имеет низкую степень вероятности в силу существенного разрыва уровня развития пяти ведущих экономик мира.

Научная новизна: впервые с использованием представленных методов и концепций обосновывается ускорение трансформации МЭП и сопоставляются альтернативные модели мироустройства.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы государственными структурами Российской Федерации при актуализации внешнеэкономической стратегии России и в деятельности международных саммитов.

Ключевые слова: мировой порядок, мировой экономический порядок, миросистемный анализ, теория гегемонистской стабильности.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Окончание «холодной войны» породило различные альтернативы мироустройства. В период краха социализма предполагалось, что новый мир утратит идеологическую конфликтность и будет характеризоваться международным сотрудничеством. Эта идея нашла в знаменитой статье Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек», опубликованной в 1989 г. [1]. Однако уже через несколько лет, в 1993 г., с противоположной концепцией в статье «Столкновение цивилизаций?» выступил С. Хантингтон. [2]. Ни первая, ни вторая концепция не нашла практического подтверждения.

После распада системы социализма прошло более четверти столетия, вопреки ожиданиям события последних лет показали углубление и рост числа планетарных конфликтов. Глобальный терроризм, религиозный экстремизм, наркоторговля, киберпреступность, изменение климата, разрушительные экономические и финансовые кризисы — главные характеристики современного мира. Сложившийся ранее в рамках каждой из подсистем (капиталистической и социалистической) экономический порядок нарушился, а новый мировой порядок не сформировался, что привело к глобальному геополитическому беспорядку. В настоящее время обостряется конкуренция не только между государственными, но и негосударственными акторами, что усиливает «нестабильность мирового порядка, фрагментирует его» [3]. На протяжении всей истории Вестфальской системы мира принимаются усилия по построению мирового порядка. Разработка моделей мироустройства и поиск альтернатив реформирования МЭП является одной из наиболее актуальных проблем современного общества.

КОНЦЕПТ «МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК»

Термин «мировой порядок» нашел широкое использование в современной научной литературе и общественной жизни. Анализу проблем мироустройства уделяют внимание российские ученые [4–8] и зарубежные исследователи [9–20]. Очевидно, что такой интерес связан с тем, что большая часть мирового сообщества устала от неопределенности, резких перемен и хочет жить в условиях порядка. При этом нет четкого определения, что такое МЭП, каким он может или должен быть.

Содержание дефиниции МЭП рассмотрим через последовательность понятий: порядок — общественный порядок — международный (межгосударственный) порядок — мировой порядок — мировой экономический порядок.

В самом общем виде, «порядок» или как его еще называли в античности «космос» — гармоничное, ожидаемое, предсказуемое состояние или расположение чего-либо; организация или наличие целенаправленной взаимосвязи элементов, составляющих данную систему. На наш взгляд, позитивное понятие «порядок» хорошо раскрывает содержащий множество негативных ассоциаций антоним «беспорядок» [4, С. 21]. Общественный порядок — это комплекс характеристик состояния социально-экономической системы с точки зрения правовых и морально-этических норм.

Систему отношений между государствами характеризует выражение «международный» или «межгосударственный порядок». С изменением структуры акторов мирового сообщества, усилением роли международных организаций, региональных объединений, транснациональных корпораций и банков был введен в оборот термин «мировой порядок».

Несмотря на появление новых акторов в мировом сообществе, ядром мирового порядка остается межгосударственный порядок.

Мировой порядок имеет различные составляющие: политические, экономические, культурные, информационные и др. Обычно, говоря о мировом порядке, если это не оговаривается особо, имеется в виду мировой политический порядок [5, С. 4]. Различным составляющим мирового порядка, которые являются гранями единого порядка, присущи свои специфические особенности. Особенностью МЭП является то, что не только государство воздействует на негосударственные акторы, но и они на государство. Результатом таких взаимодействий становится формирование системы регулирования международных экономических отношений (МЭО), отвечающих интересам наиболее сильных субъектов глобальной экономики. МЭП не является тождественным понятию система регулирования МЭО. МЭП — это интегральный концепт, отражающий, во-первых, комплекс характеристик субъектов мирового хозяйства, во-вторых, способ регулирования системы МЭО, в-третьих, качественное состояние системы глобальной экономики.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ МЭП

Исторически к первым теориям формирования идеального международного (межгосударственного) порядка относятся концепции федерализма и функционализма. Сутью федерализма является независимость государства в международных отношениях, а главная идея функционализма заключалась в передаче функций от государств к международным техническим организациям. Представители и той и другой школы в основе модели мирового устройства закладывали не соперничество, а интеграцию и сотрудничество [7, С. 55].

Распад колониальной системы мира дал толчок новому направлению — глобальному подходу к моделированию процессов мирового развития. Из наиболее крупных работ можно отметить доклады Римского клуба, среди которых наибольшую известность получил проект Я. Тинбергена «Пересмотр международного порядка» [12]. Главная идея проекта, суть которой заключалась в принятии концепции функциональных суверенитетов международных институтов, также оказалась утопичной.

Развитие процессов региональной интеграции в Западной Европе дало толчок развитию региональ-

ного подхода. А. Этциони предложил использовать в качестве блоков мирового сообщества региональные объединения [14]. По его мнению, нескольким региональным сообществам легче выбрать общий политический курс, чем 200 государствам, что позволило бы «создать более широкое объединение — всемирное сообщество сообществ» [14, С. 263].

Интерес многих исследователей вот уже длительное время вызывает концепция структуры мирового порядка. Подобно тому, как состояние рынка зависит от поведения крупнейших фирм, так и состояние мирового сообщества, международно-политическая структура определяется взаимодействием великих держав. М. Каплан выделил шесть международных систем, две из которых система «баланса сил» и гибкая биполярная система нашли свое отражение в истории [15]. Система «баланса сил», предложенная М. Капланом, основана на допущении, что в международной системе должно быть не менее пяти государств, если их будет меньше, то она трансформируется в биполярную.

Говоря о структуре мирового порядка уточним, что понятия «полюс» и «центр» силы имеют разное содержание. Полюс — это что-то диаметрально противоположное другому. Если рассматривать полюса в мировом сообществе — то это соизмеримые по потенциалу (военному, экономическому, политическому, научно-техническому) центры силы. Только при таком условии международные системы могут быть полюсными или биполярными. Особенностью полюсных систем является повышенный уровень конкуренции и борьбы за выживание, что требует высокого уровня ресурсной мобилизации каждого из полюсов. Принимая такое содержание термина «полюс», к системам с одним или несколькими центрами силы логичнее применять термин «моноцентричная» либо «полицентричная» системы.

В 70-х гг. XX столетия, когда экономическая мощь США стала ослабевать, возродился интерес к теории гегемонистской стабильности, суть которой заключается в том, что только держава-гегемон способна стать системообразующим государством и поддерживать экономическую стабильность [16–18].

Адепты миросистемного анализа (МСА), в частности Ф. Бродель и И. Валлерстайн, также поддерживают идею о необходимости государства-центра. [19–20]. Ф. Бродель подчеркивает, что «каждый раз при утрате прежнего центра происходит возвышение нового, как если бы мир-экономика не смог существо-

вать без центра тяжести» [19, С. 90]. Тот факт, что эта смена центра происходит редко, только подчеркивает важность такого события. И. Валлерстайн обосновывает необходимость наличия государства-центра силы по двум причинам. Первая — связана с тем, что государство-лидер за счет наличия передовых, конкурентоспособных отраслей способно получать сверхприбыли и накапливать капитал. Вторая — обязательным условием накопления капитала является наличие мирового порядка, стабильности, которое дает эту возможность получения прибыли. Это состояние относительной стабильности может обеспечить только государство-центр силы [20].

За последнее столетие только два государства стали центрами силы — Соединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки. Государство-гегемон диктует правила функционирования межгосударственной системы и старается увеличить объемы накопленного капитала. Примером являются США, создавшие систему Бреттон-Вудских институтов и определившие правила их функционирования. Со временем государство-гегемон теряет свои преимущества по причине того, что концентрирует свое внимание не только на эффективности производства, но и на сохранении

своей гегемонии, что требует значительных расходов в политической и военной сферах.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЭП

С целью выбора возможных альтернатив реформирования МЭП воспользуемся статистическими данными экономического развития ведущих стран мира с 2005 по 2015 гг. Для определения позиций страны в глобальной экономике и оценки уровня ее конкурентоспособности используются различные количественные и качественные показатели. Остановимся на трех из них: объем и динамика ВВП, участие страны в мировой торговле, финансирование и развитие науки и технологий.

С 2005 по 2015 гг. доля Китая в мировом ВВП выросла в 1,8 раз, а США снизилась в 1,4 раз. Индия обогнала Японию и Германию оказалась на третьем месте. Россия поднялась с восьмого на шестое место, а Великобритания сместилась с шестого на девятое. Индонезия заняла место Франции и оказалась на восьмом месте, а Франция — на десятом. Италия покинула первую десятку стран и оказалась на 12-м месте (1,91%). Канада занимает 15-е место (1,44%).

Таблица 1. – ВВП по ППС национальных валют ведущих стран мира в 2005 г., 2007 г. и 2015 г. в %

2005 г.			2007 г.			2015 г.		
Страна	Место в мире	Уд. вес, %	Страна	Место в мире	Уд. вес, %	Страна	Место в мире	Уд. вес, %
США	1	22,51	США	1	21,33	Китай	1	17,08
Китай	2	9,70	Китай	2	10,77	США	2	15,81
Япония	3	7,04	Япония	3	6,60	Индия	3	7,02
Германия	4	4,57	Индия	4	4,60	Япония	4	4,26
Индия	5	4,26	Германия	5	4,33	Германия	5	3,38
Великобритания	6	3,46	Великобритания	6	3,29	Россия	6	3,28
Франция	7	3,39	Россия	7	3,22	Бразилия	7	2,81
Россия	8	3,09	Франция	8	3,15	Индонезия	8	2,51
Италия	9	2,96	Бразилия	9	2,84	Великобритания	9	2,36
Бразилия	10	2,88	Италия	10	2,75	Франция	10	2,33
10 стран		63,86	10 стран		62,88	10 стран		60,84
Мир в целом		100	Мир в целом		100	Мир в целом		100

Источник: Россия и страны мира — 2008 г. // Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru>; IMF. GDP based on PPP share of world total // <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata>.

Прслеживается тенденция к снижению совокупной доли 10 крупнейших стран в мировом ВВП, в 2005 г. она составила 63,86%, в 2007–62,88%, в 2015–60,84%, что на наш взгляд, объясняется падением темпов роста ведущих экономик развитых

стран. За период с 2010 по 2015 гг. среднегодовые темпы роста китайской экономики превышают 8%, а США — лишь 2%. В 2015 г. темпы роста ВВП Китая составили 6,9%, а США — 2,6% (табл. 3).

Важным показателем экономического развития страны является ее участие в мировой торговле (табл. 2). В 2015 г. наибольшая доля в мировом экспорте принадлежит Китаю (13,8%), второе и третье

место занимают США (9,1%) и Германия (8,0%) соответственно. В мировом импорте первенство принадлежит США (14,0%), Китай занимает второе (10,2%), Германия — третье место (6,4%).

Таблица 2. – Доля 10 ведущих стран в мировом экспорте и импорте, в %

Страны	Экспорт					Импорт				
	2005	2010	2013	2014	2015	2005	2010	2013	2014	2015
Бразилия	1,1	1,3	1,3	1,2	1,2	0,7	1,3	1,3	1,3	1,1
Германия	9,4	8,4	7,9	8,0	8,0	7,4	7,0	6,5	6,5	6,4
Индия	1,0	1,5	1,7	1,7	1,6	1,3	2,3	2,5	2,5	2,4
Италия	3,6	3,0	2,8	2,8	2,8	3,6	3,2	2,6	2,5	2,5
Канада	3,5	2,6	2,5	2,5	2,5	3,0	2,6	2,5	2,5	2,6
Китай	7,4	10,4	12,0	12,6	13,8	6,2	9,2	10,6	10,6	10,2
Россия	2,3	2,6	2,9	2,7	2,1	0,9	1,5	1,7	1,5	1,1
Великобритания	3,7	2,7	2,6	2,6	...	4,8	3,7	3,5	3,6	...
США	8,8	8,5	8,6	8,7	9,1	16,4	13,0	12,6	13,0	14,0
Франция	4,3	3,4	3,1	3,0	3,0	4,6	4,0	3,7	3,6	3,4
Япония	5,7	5,1	3,9	3,7	3,8	4,9	4,6	4,5	4,4	3,9

Источник: Россия и страны мира. 2016: Стат.сб./Росстат. — М., 2016. с. 362–363 http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/world16.pdf

В 2015 г. объем китайского экспорта достиг 2,28 трлн. долл., что в 1,5 раза выше американского — 1,5 трлн. долл. Сальдо внешней торговли Китая (разность между экспортом и импортом) стабильно положительное, с 2010 по 2015 гг. оно возросло более чем в три раза, со 182,1 до 603,7 млрд. долл. (табл. 3). В США на протяжении многих десятилетий сальдо внешней торговли отрицательное. В 2011–2015 гг.

импорт превышает экспорт в диапазоне 800 млрд. долл.

Показателем сбалансированности внешней торговли является коэффициент покрытия импорта товаров экспортом (отношение стоимостных объемов экспорта и импорта, измеряется в%), В 2015 г. в США коэффициент покрытия импорта товаров экспортом снизился до 65%, а в Китае достиг 136% (табл. 3).

Таблица 3. – Динамика основных показателей экономического развития США и Китая

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Темпы роста ВВП, в% относительно предыдущего года							
США	3,0	1,6	2,3	1,7	2,4	2,6	
Китай	10,4	9,3	7,7	7,7	7,3	6,9	
Темпы роста физического объема экспорта, в% относительно предыдущего года							
США	15,4	7,2	4,0	2,8	4,4	-0,2	
Китай	29,5	13,4	7,4	7,7	6,8	-0,9	
Темпы роста физического объема импорта в% относительно предыдущего года							
США	14,8	3,8	2,8	1,0	4,3	4,8	
Китай	25,0	10,7	6,1	9,9	3,9	-2,2	
Коэффициент покрытия импорта экспортом, %							
США	64,9	65,3	66,2	67,8	67,3	65,2	
Китай	113,0	109,0	112,7	113,4	119,4	135,9	
Внешнеторговый баланс, млрд. долл. США							
США	Сальдо	-690,7	-785,6	-790,8	-750,0	-789,1	-803,4
	Экспорт	1278,5	1480,3	1545,7	1579,1	1623,4	1504,6
	Импорт	1969,2	2265,9	2336,5	2329,1	2412,6	2308,0
Китай	Сальдо	182,1	156,3	230,8	261,0	380,1	603,7
	Экспорт	1578,3	1899,2	2048,9	2210,3	2343,2	2284,5
	Импорт	1396,2	1742,9	1818,2	1949,3	1963,1	1681,0

Источник: ЮНКТАД, «Доклад о торговле и развитии, 2014; UNCTAD, 2016; Россия и страны мира. 2016: Стат.сб./Росстат. — М., 2016. с. 357–361; с. 364–365 http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/world16.pdf

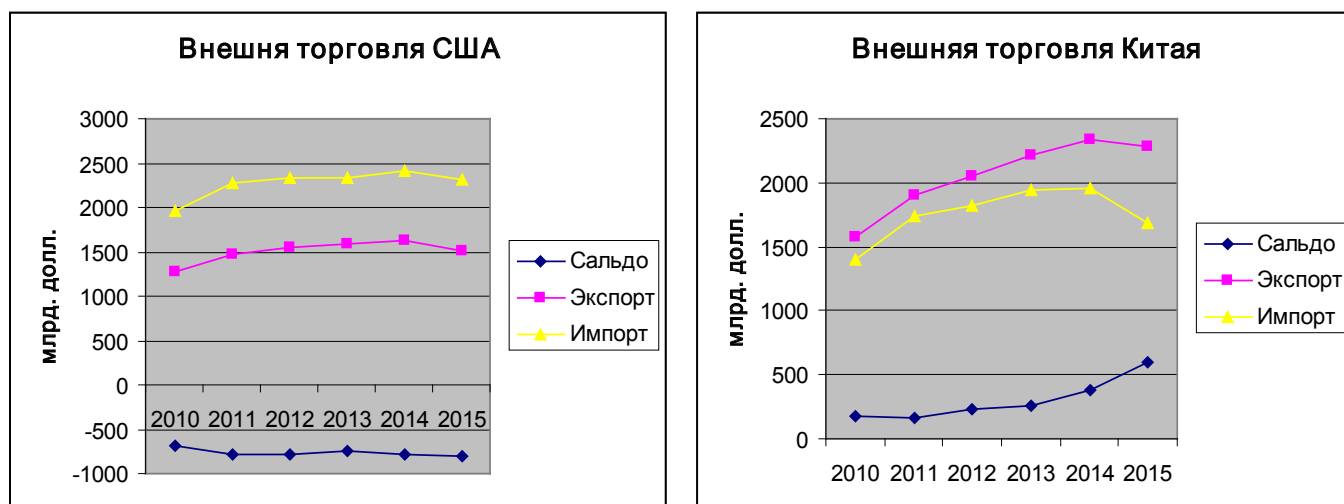

Рисунок 1. Динамика внешней торговли США и Китая в 2010–2015 гг., млрд. долл. США

Проблема дефицита торгового баланса США усугубляется тем, что американская национальная валюта имеет статус мировой резервной валюты. Впервые дефицит торгового баланса США появился в 1973 г. и составил 2,3 млрд. долл. [21, с. 48]. С тех пор дефицит возрос почти в 350 раз и в 2015 г. превысил 800 млн. долл. Устойчивой тенденцией межгосударственных отношений является несбалансированность внешне-торговых отношений США и Китая. Дефицит внешней торговли США и профицит внешней торговли Китая — одна из основных проблем современного мира. Высокий уровень несбалансированности внешней торговли США является причиной зарождения планетарных экономических и финансовых кризисов. Вопреки теоретическим разработкам практика показала, что теория гегемонистской стабильности стала основой глобальной нестабильности.

Анализ финансирования затрат на научные исследования показал, что в 2014 г. в США они составили 2,74%, в Китае — 2,01% от соответствующего показателя ВВП. С 2005 по 2014 гг. доля затрат на научные разработки в КНР возросла с 1,32% до 2,05%, в США — с 2,51% до 2,74%. Объемы затрат за этот период в Китае увеличились более чем в четыре раза, с 87 до 369 млрд. долл., в США — в 1,4 раза, с 328 до 457 млрд. долл.¹

В Китае численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в 2014 г. достигла 3,71 млн. чел., что в 2,7 раз больше показателя 2005 г.

(1,36 млн. чел.) Если просуммировать численность научных работников в России (829,2 тыс. чел.), Соединенном Королевстве (387,9 тыс. чел.), Японии (895,3 тыс. чел.), Канаде (226,6 тыс. чел.), Германии (603,9 тыс. чел.), Италии (246,4 тыс. чел.), то этот совокупный показатель будет ниже (3,19 млн. чел.), чем численность китайских научных работников.

Анализ динамики экономических показателей показывают, что темпы роста экономики Китая существенно превышают темпы роста показателей США. Основой эффективного производственного механизма КНР является стратегия стоимостных инноваций. Стоимостные инновации китайских компаний позволяют предложить потребителям всего мира больше товаров по более низкой цене и лишают традиционных крупных игроков возможности «снимать сливки» с высоких технологий. «Эффект масштаба» дает возможность китайским производителям производить широкий ассортимент стандартных и узкоспециализированных товаров по низким ценам, делая их доступными для массовых покупателей. Стратегия стоимостных инноваций основана на бенчмаркинге (изучении лучших практик мира), поддержке государства и доступе к государственной и интеллектуальной собственности по низкой цене. Такая стратегия делает Китай технологическим лидером мира.

Сторонники МСА связывают смену центра мира с глубоким экономическим кризисом. Не исключено, что глобальный экономический кризис 2007–2009 гг. стал именно таким кризисом. Смена центра силы приводит к трансформации МЭП. Эта трансформация уже происходит в настоящее время, причем с бо-

¹ Россия и страны мира. – 2016: Стат. сб./Росстат. – М., – 2016. – С. 324–325//URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/world16.pdf

лее высокими темпами, чем в предыдущие периоды. К основным факторам ускорения смены МЭП можно отнести: ускоренное развитие научно-технического прогресса и информационно-коммуникационных технологий, появление новых видов психологического воздействия на многомиллионные сообщества, зарождение нового технологического уклада, рост количества переменных, определяющих траекторию мирового экономического развития и усложнение их взаимосвязи.

Результаты исследования. МЭП — интегральный концепт, включающий комплекс характеристик субъектов мирового хозяйства, способа регулирования системы МЭО и качественного состояния системы глобальной экономики. МЭП можно рассматривать как достигнутое состояние и процесс перехода к новому состоянию, иными словами, это и статика и динамика одновременно.

На основе анализа динамики экономических показателей ведущих стран мира обосновано, что США являются источником глобальной экономической и финансовой нестабильности. Дефицит внешней торговли США превышает 800 млрд. долл. У Китая, напротив, устойчивый профицит, экспорт превышает импорт более чем на 600 млрд. долл. Такая ситуация во многом стала результатом успешной реализации китайскими компаниями стратегии стоимостных инноваций, что делает Китай технологическим лидером глобальной экономики.

Исходя из проведенного анализа подходов к построению МЭП, можно предложить следующие варианты развития событий. В рамках концепции МСА и необходимости наличия одного государства центра-силы для существования капиталистической системы возможны два варианта. Первый — США сохраняют

свои позиции в качестве центра-силы мирового сообщества. Второй — на смену США приходит новый центр силы.

Анализ альтернатив трансформации МЭП с позиции концепции структуры международных отношений позволяет сделать вывод, что показатели Китая и США находятся в большом отрыве от экономических показателей других ведущих государств, что не создает предпосылки для формирования многоцентричного мира.

Выводы. Альтернативы трансформации МЭП определяются изменением структуры современного мира. После стремительного распада системы социализма мировое сообщество живет в условиях организации порядка, но не самого порядка. Принципы теории гегемостской стабильности стали основой глобальной нестабильности. США, как страна, национальная валюта которой является мировой резервной валютой, имеет хронический дефицит торгового баланса, что создает предпосылки для возникновения глобальных кризисных явлений.

Современный мир состоит из неравных по экономической мощи государств, что дает основания предполагать, что модель баланса сил имеет низкую степень вероятности. Более высокую степень вероятности имеет модель моноцентричного или биполярного мир. Если сохраняется современная капиталистическая миротворческая система, то согласно постулатам МСА, в мире должен быть один центр силы. Китай, умело используя стратегию стоимостных инноваций, имеет все предпосылки стать технологическим лидером современного мира. Модель биполярного мира с двумя центрами: США и Китай вероятнее всего будет представлять собой не идеологическую, а цивилизационную дихотомию.

Список литературы:

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек/Фрэнсис Фукуяма/Пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 588 с.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/Самюэль Хантингтон/Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 571 с.
3. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Пер. с англ./Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 32 с.
4. Бабурина О. Н. Вариации представлений о мировом порядке и новый мировой экономический беспорядок//Финансы и кредит. 2008. № 37 (325). С. 20–27
5. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 376 с.

6. Загладин Н. В. Переходные периоды в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 2017. том 60. № 12. С. 27–39.
7. Песцов С. К. Современный международный регионализм: теории и концепции регионального сотрудничества и кооперации.- Владивосток: ДВО РАН, Мор. гос. ун-т, 2002. 284 с.
8. Уткин А. И. Новый мировой порядок / А. И. Уткин. М.: Алгоритм, Эксмо.-2006. 640 с.
9. Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2010. 264 с.
10. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. – М.: ИЛА РАН, 1992. 337 с.
11. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 192 с.
12. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. Пер. с англ. М.: Изд-во «Прогресс». 1980. 416 с.
13. Форрестер Д. Мировая динамика: Пер. с англ. / Д. Форрестер. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Спб.: «Terra Fantastica», 2003. 379 с.
14. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 384 с.
15. Kaplan M. System and Process in International Politics. N. Y. John Wiley and Sons, Inc., L., 1962.
16. Keohane R. The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1968–1977. In Holsti O., Siverson R. Change in the International System. Ed. By George A. Boulder, 1980.
17. Kindleberger Ch. The World in Depression, 1929–1939. Berkeley, 1979.
18. Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences Regimes as Intervening Variables.-International Regimes. Ed. By S. Krasner. Ithaca, Cornell University Press, 1983.
19. Бродель Ф. Динамика капитализма: [Пер. с фр.] / Фернан Бродель.- Смоленск: ТОО «Полиграмма», 1993. 123 с.
20. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
21. Бабурина О. Н. Региональные резервные валюты как альтернатива гегемонии и экспансии доллара // Финансы и кредит. 2008. № 24 (312). С. 48–54.

Информация об авторе

Бабурина Ольга Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры “Экономика и управление”, Государственный морской Университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Адрес: пр. Дзержинского 230, кв. 60, 353925, Новороссийск, Россия, тел.: +7 (905) 475-78-51
E-mail: olgababurina@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1618-0483>

R. I. Balashova¹¹Donetsk National Technical University, Donetsk, Ukraine

THE ECONOMIC IMPACT OF THE NEW INDUSTRIALIZATION ON THE FINANCIAL SECURITY OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

Abstract

Objective: to consider the impact of the processes of new industrialization financial support for industrial enterprises.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: basing on the analysis of scientific economic literature the main problem of financial support of innovative processes have been investigated, the feasibilities of new industrialization policy in modern conditions have been identified. It has been determined that under the conditions of new industrial policy, the financial support of activity with a view to achieving a competitive development of the industrial enterprise is based on the integrated use of innovative, technological, financial and organizational components. It has been shown that innovative projects can be carried out in the form of recovery of rational relations within production chains, the introduction of new industries, communications and technologies. It has been proposed to consider financial support policy of the new industrialization of the economy as a process of provision and use of funds allocated for the design, development and organization of new products production, introduction of new equipment or technology, the development and introduction of new organizational forms and methods of management. It has been proved that significant failures in the area of cost management create the necessity to find innovative methods and management techniques that could provide competent accumulation and allocation of capital, the target allocation of resources, preventing unjustified cost increases. The effective cost planning, the establishment of standards at the time of a new product designing, the introduction of equipment that is not used in the operating activities of the enterprise, diversification of production, the availability and assessment of the necessary financial resources have been recommended.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, the article studies the ways of realization of this problem at the level of the industrial enterprise.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and teaching when considering the economic impact of the processes of new industrialization financial support for industrial enterprises.

Keywords: Economic impact; New industrialization; Financial support; Innovation and economic development; Industrial enterprises.

INTRODUCTION

In modern conditions of the new industrial policy financial support of activities with a view to achieving a competitive development of the industrial enterprise is based on the integrated use of innovative, technological, financial and organizational components. This requires the setting and alignment of interests, concentration of efforts of financial management on resource conservation and innovative development.

Innovation and technology direction of the new industrial policy, forming the corresponding potential and the necessary mechanisms for its implementation,

makes it possible to increase the rate of competitive advantages on the industrial enterprises. Economic and organizational direction of mechanism for the implementation of the new industrial policy is a specific action on the accumulation and the formation of the economic and financial potential.

Technological development demonstrates the growing influence of the technological component the structure of financial support. This technological development makes it possible to create a unified financial network, which leading centers are London, Paris, Zurich, New York, Tokyo, Singapore, Hong Kong, Shanghai and Dubai.

Modern globalization provides regulation of financial resources not only in the domestic but also in foreign markets. [1] Investors have access to domestic and foreign markets, which can provide a high rate of return or risk reduction. That is why the technological component is an important part of the innovation potential.

The study relevance of the problem is confirmed by the necessity of the timely transformation of production lines of industrial enterprises. The role of the financial component in ensuring of the innovation potential can be estimated on the basis of the dynamics of the number of financial intermediaries, asset growth, as well as their financial depth (the share of the volume of loans, financial assets and capitalization of the financial market).

Equally important in the development of financial security of innovation potential is the organizational component of the enterprise. It determines the contractual and financial intermediaries, which accumulate financial resources and redistribute them among the economic agents with the help of financial instruments. Such participants of financial support form the resource component of the new industrialization policy, since the concentration of financial resources has a functional purpose, aimed at accumulation with the view of their augmenting or for specific programs.

Scientific and theoretical frameworks of the development of financial relations, their influence the formation of the industrial policy of the enterprise have been established in the works of such classical economists like Adam Smith, John Keynes, Marx, Jean-Baptiste Say, F. Quesnay, F. Bastiat, Schumpeter [2–8]. Significant contribution into the development of the theory of financial support has been made by such scientists as Yu Kovalenko [9] V. Savchuk [10], M. Dudin [11], P. Egorushkin [11].

Analysis of scientific and practical results of these authors allows us to emphasize that, despite the usefulness and timeliness of the findings, studies have been carried out taking into account the impact of the socio-political and economic factors, the theoretical approaches to the formation of financial support systems require the examination and perfection.

RESULTS OF INVESTIGATION

Problems of renovation and modernization of production, their financial security has repeatedly attracted the attention of researchers and specialists in order to solve them. Thus, the theorist of the classical scientific school Marx in his paper [4], stressing the importance

of technological development, said that “as long as the craft and manufacture create the universal basis of social production, the manufacturer’s submission for only one branch of production, the destruction of the original diversity of its activities are an essential development point. On this basis, each branch of production finds the corresponding technical system empirically and improves slowly. From time to time there are changes that are caused by the gradual change of the working tool besides the new labor material”.

Developing these foundations and considering the economic processes of new industrialization as the “most appropriate, realistic and promising trend in modern Russia, which is capable of providing advanced economic development of the country at a crucial time for it,” the author V. Kul’kov [12] characterizes the reindustrialization, and super-industrialization neo-industrialization or advanced development, as the processes for the designation of the overall guide of development. Therefore it is necessary to have a reliable logistical base of the national economy for the framework of the sovereignty of the country, which is associated with an industrial power, ensured the sovereign expansion of national reproduction.

This author [12] also notes that the “re-industrialization appears as a set of specific measures needed to overcome (as far as possible and appropriate) of consequences of a devastating de-industrialization of the Russian economy in the period of its market transformation. Neoindustrialism is characterized by the transition to automation, computerization, greening of industrial production, as well as to the formation of a new type of reproduction — high-tech, labor replacing and ecologically effective, expressing an advanced stage of intensive type of reproduction. Super industrialization, as the line of development, should be associated primarily with the new technological order, the formation of which begins in the world. Its most important elements will be biotechnology, nanotechnology, artificial intelligence systems with the active continuation of the development of space technologies, global information networks, nuclear energy “.

Such projects may take the form of restoration of rational relations within production chains, expressed in the revival production, which has not lost its importance yet, introduction of new production facilities, communications and technology.

Financial support of new industrialization policy of the economy in all its manifestations, “on the level

of an industrial enterprise is considered as the process of providing and utilization of funds allocated for the design, development and organization of production of new products, introduction of new equipment or technology, the development and introduction of new organizational forms and management practices" [13].

Thus, the scientist A. Dolzhikov [14] states that "the effective improvement of production is possible only if company's management has accurate and updated information on the production costs. This will allow making informed decisions both at the operational and strategic levels." A similar view is expressed by Russian scientist V. Savchuk [10], who notes that "the mentioned issues are very relevant in the current economic conditions as the basis of competitiveness is put at the strategic level. Therefore, in modern enterprises of consumer industry, where there are problems of maintenance of competitiveness of products on the market, the overall level of profitability should be raised from the operational to the strategic".

Significant failures in the field of cost management form the need to find innovative methods and management techniques that could provide competent accumulation and allocation of capital, the target allocation of resources, preventing unjustified cost increases. Improving the situation of solvency will have a positive impact on the financial result and balance sheet structure. Cost management should be systematic, each control element must be part of the system and meet the common goal — optimization of production costs. [15] Production costs should be determined taking into account existing enterprise technology and available equipment, as well as taking into account the requirements of quality specified by the customer of the future products.

Formation of financial support for industrial enterprises in the terms of new industrialization should be based on the principles of effectiveness of such policy. These principles take into account the multiplicity of products, multi-vector functions within various forms of ownership, direction of innovations and their financial coverage, economic feasibility of attracting of financial resources, timely and adequate financial support.

Supporting the theme of domestic policy of rational use of resources and optimum cost, scientist K Stryzhychenko [16] as a result of his study of industrial activity of the enterprise, its pricing and marketing policy, recommends ways to reduce costs across the enterprise. The form of such recommendations includes effective cost

planning, for example, the establishment of standards at the time of the design of a new product; the introduction of the equipment, which is not involved in the operations of production, diversification of production, and others.

At an industrial scale it is recommended to conduct measures that will explore the reasons of defect and identify the ways to reduce costs by means of reducing of losses from defect. This would give the opportunity to reduce waste and its better management. The elimination of unproductive costs and losses requires a separate study for the analysis of which it is necessary to make separate estimates (cost overruns and corruption of raw materials, violation of financial, settlement and contract enforcement). The introduction of effective systems of productive and economic relations conducive to saving resources, product quality improving, labor costs reducing by engaging employees to innovation and investment policy of the enterprise, perfection of the dividend policy should be the final measures on the improvement of internal financial policy.

The traditional presentation of the financial parameters, that are informational base for decision-making on financial security, is based on the financial analysis of the enterprise model. Such approach makes it impossible to account the investment risks and the required rate of return.

Authors E. Molchanova, A. Puzenko [17] emphasize that it is quite difficult to assess the current state of such a complex techno-economic system, which a modern industrial enterprise is in the conditions of interaction of internal and external factors. Evaluation of its activity only on the basis of formalized calculation parameters may cause actual results to be inadequate to the real condition of the enterprise.

Therefore, considering the free cash flow (FCF), which is one of the main financial operating results, the authors M. Dudin, P. Egorushkin, N. Lyasnikov, F. Safin [11] give an appropriate assessment of the values of this index: its negative meanings not always inform investors negatively. This may indicate about growing investment opportunities of companies and about the need to invest in projects that will bring profits to shareholders in the future.

The abovementioned gives grounds to confirm that the argumentation of key parameters of economic stability of the enterprise is impossible out the context of the obvious, but not taken into account situations in the modern format of assessment:

- maintenance of the parameters that form the stable position of the enterprise in the current period does not guarantee the stable position in the future, even while maintaining the key indicators of its security;
- long stay in the zone of unstable condition makes it impossible to return to a stable state based on quantitative and qualitative values of the current (last) parameters [18].

In order to implement the industrial and technological policy in the coming period such priorities should be taken:

- technological restructuring of the industrial sector on the basis of advanced technology, improving the quality and competitiveness of products; the development of domestic, inter-sectoral, trans-regional and international economic links and cooperation. Formation of transparent technological cycles from raw material extraction to the production of high commodity readiness;
- formation of corporate structures that are effective in terms of production development, innovations, and management, the expansion of the domestic and foreign markets; large-scale introduction of information engineering and technology, building interconnected markets of goods and services on this basis;
- commercialization of scientific and technical sphere: development encouragement and commercialization of new technologies [9, p. 134].

These situations determine the fundamental methodological stance on the nature of financial stability. Thus, the preservation of the enterprise in times of global economic crisis or a recession, even with a minimum yield can be considered a stable state. That relative character of financial stability defines the objective necessity of the quantitative and qualitative changes in its key parameters, due to changes in the conditions of functioning of the enterprise, the dynamism of the market, active actions of competitors and the transformation targets. The specific of the environment affects the quality of life aspects of the enterprise, enhancing its commitment to the most favorable condition available in this period.

Combinations of parametric changes lead to the need for objective response, which may be accompanied by a temporary loss of financial support in the current period and its compensation in the long run.

According to the authors M. Jenike, K. Jakob [19], the development of a new industrial economy requires presence and evaluation of the necessary financial resources. A standard set of “long” resources includes funds of institutional investors, funds of enterprises, funds of the population, budgetary funds, as well as foreign investment. These funding sources are usually given in a variety of programs for socio-economic development. The potential of these sources is economically dependent on the existing conditions for the functioning of the economy and the sustainability of its businesses. In developed economies the greatest volumes of long-term investment resources are concentrated in the insurance companies and pension funds.

The Russian economy has the greatest volume of financial resources accumulated by commercial banks. Credit resources are the second-largest (after payables) sources of funding for enterprises now. There are two main causes of the situation which exists with lending to the real sector of the economy. First reason is extremely high interest rates on long-term loans which exceed the investment returns for the majority of Russian enterprises. The second reason is the high risks of long-term loans to businesses that are willing to borrow at high interest rates. An important role in increasing of the resource base of commercial banks is played by central banks.

Among the sources of long-term funds for the modernization of the national economy an important place is occupied by foreign investment: direct and portfolio long term. The main source of funding for the development of enterprises is their own money. In the overwhelming majority of enterprises the share of own funds in the amount of investment is a significant part [20]. In countries that are leaders in terms of industrialization and modernization of national economies, the main source of long-term loans is the savings of the population. An important source of financing investment in the Russian Federation is the budget. At the same time, many questions arise when assessing the efficiency of use of budgetary funds.

The probability of introduction of new technologies, business processes and higher level of innovative activity characterize large companies, where most of the innovations is developed inside the enterprises without the involvement of intellectual and financial resources from outside.

Conclusions

Traditionally, the lack of financial support is considered in economic literature as a result of stable devia-

tions in the implementation of agreements and contracts, exceeding the set cost budgets, violation of movement of material and financial flows, the reduction in sales volume, unevenness of supply, increase the level of financial dependence.

Given that the argumentation of the relative character of financial stability makes it possible to state that the indicators which characterize the quality of functioning of the enterprise may keep at a basic level. However, changes in environmental conditions, actions of competitors, targets do not give an opportunity to identify an aggregate state of the enterprise in the current period as stable.

New industrialization is considered as a process that has an integral character, carrying out of which includes adherence to the following line: simple, modern and post-modern industrialization. In another perspective, reflecting the types of long-term economic policy, new industrialization involves a combination of three strategies: recovery, dynamic catch-up and advanced development. Such structuring makes it possible not to mix different directions of multidimensional and scale economic development. It is also important that such an interpretation of the new industrialization gets wide

time coordinates.

Accepted objectives of the new industrialization strategy should be transformed into an appropriate industrial policy, supported and guided by the state system institutions. To perform the tasks of legislative, financial and human resources ensuring of this process it is necessary to identify such priority measures:

- achieving and maintaining or financial stability as the basic premise of the structural financial and industrial policy; adaptation to conditions that have been formed in terms of monetary policy, the optimization of the level of economy monetization; regulation of the tax burden on enterprise and the level of bank interest;
- development of legal conditions and securing of economic conditions for inflow of foreign investments; creation of equal conditions for the activities of the different investors;
- programming and improving the principles of attracting of long-term household savings and the temporarily free funds of enterprises in the financial sector for the future financial security of the new processes of industrialization.

References:

1. Kovalenko, Yu. Instytucionalizacija finansovogo sektoru ekonomiky (Institutionalization of the financial sector of the economy), Irpin: Nacional'nyj universytet derzhavnoi' podatkovoi' sluzhby Ukrainy, 2013, 608 p. (in Ukr.).
2. Smith, A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov (An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations), Moscow: Socjkgiz, 1962, 684 p. (in Russ.).
3. Keynes, Dzh. M. Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg (The General Theory of Employment, Interest and Money), Moscow: Jeksmo, 2007, 960 p. (in Russ.).
4. Marx, K. Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii (Capital: Critique of Political Economy), Moscow: Politizdat, 1983, 3883 p. (in Russ.).
5. Say, J.-B. Traktat po politicheskoy jekonomii. Jekonomicheskie sofizmy; Jekonomicheskie garmonii (A treatise on political economy. Economic sophistry; Economic harmony), Moscow: Direktmedia Publishing, 2008, 68 p. (in Russ.).
6. Quesnay, F. Izbrannye jekonomicheskie proizvedenija (Selected economic works), Moscow: Socjkgiz, 1960, 1200 p. (in Russ.).
7. Bastia, F. Jekonomicheskie sofizmy (Sophismes Economique), Moscow: Socium, 2001, 304 p. (in Russ.).
8. Schumpeter, J. Teorija jekonomicheskogo razvitija. Kapitalizm, socializm i demokratija (The theory of economic development. Capitalism, Socialism and Democracy), Moscow: Jeksmo, 2007, 335 p. (in Russ.).
9. Gavrilova, Zh. L. Novaja industrializacija Rossii. Teoreticheskie i upravlencheskie aspekty (The new industrialization of Russia. Theoretical and managerial aspects), St. Petersburg: NPK «ROST», 2014, 237 p. (in Russ.).
10. Savchuk, V. Strategicheskoe upravlenie izderzhkami (Strategic cost management), Strategii, 2004, No. 11, pp. 28–40 (in Russ.).
11. Dudin, M. N., Egorushkin, P. A., Lesnikov, N. In., Safin F. M. Informacionnyj forsajt kak instrument konkurentosposobnogo razvitija predprinimatel'skih struktur (Innovative foresight as a tool of competitive development of business structures), Moscow: Publishing house «Science», 2013, 216 p. (in Russ.).

12. Kulkov, V. O pozicionirovanii novej industrializacii (On the positioning of the new industrialization), *Economist*, 2014, No. 10, p. 49 (in Russ.).
13. Balashova, R. I. Finansovoe obespechenie predpriyatij kak jelement ih geoprostranstva (Financial support of enterprises as an element of geospace), *Geokontekst*, 2016, No. 3, pp. 5–12 (in Russ.).
14. Dolzhik, A., Garkusha, S. Upravlinnja vitratami jak chinnik pidvishhennja pributkovosti i rentabel'nosti sil's'kogospodars'kih pidpriemstv (Costs management as a factor of increasing of the yield and profitability of agricultural enterprises), *Ekonomichnij analiz*, 2016, No. 2, pp. 37–44.
15. Suslenko, V. T. Oblik i analiz system Finansovoy bezpeky tovgovelnogo pidpriemstva (Accounting and Analysis of Financial Security of commercial enterprise), *Crimean economic Bulletin*, 2015, No. 4, pp. 77–81 (in Russ.).
16. Stryzhychenko, K. Derzhavne reguljuvannja finansovogo rynku v umovah novoi' ekonomiky (State financial market regulation in the new economy), Berdyansk: FOP Tkachuk A. V., 2013, 352 p. (in Ukr.).
17. Molchanova, E., Puzenko, A. Sovremennaja struktura mirovogo finansovogo rynku (The Modern structure of financial markets), *Foreign trade: Economics, Finance, and law*, 2013, No. 3, pp. 188–195 (in Russ.).
18. Inozemtsev, V. Vossozdanie industrial'nogo mira (Reconstruction of the industrialized world), *Rossia v globalnoy politike*, 2011, No. 6, p. 98 (in Russ.).
19. Jenike, M., Jakob, K. Tret'ja promyshlennaja revoljucija (Dritte industrielle Revolution), *Internationale Politilk*, 2008, No. 5, pp. 38–39 (in Russ.).
20. Aganbegjan, A. G. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Rossii: finansovo-kreditnye aspekty (Socio-economic development of Russia: the financial and credit aspects), *Den'gi i kredit*, 2013, No. 1, p. 9 (in Russ.).

Information about the autor

Balashova Raisa Ivanovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Enterprise Economics; Donetsk National Technical University;

Address: 61103, Kharkov, Ukraine, 23 August, house number 43, apt. 16, tel.: +38 050 347 05 70; +79 780 859 469

Address (including the index) and the telephone number of the organization: 283000 Donetsk, ul. Artema, 58, phone: 062 3010326

E-mail: stalkraysa@yandex.ua

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5688-7032>

A. G. Butrin¹Z. S. Gelmanova²A. A. Smailova²¹ South Ural State University, (National Research University), Chelyabinsk, Russia² Karaganda State Industrial University, Temirtau, Kazakhstan

METHOD OF FORMATION OF OPTIMAL CHAIN COSTS OF METALLURGICAL ENTERPRISE IN THE CONCEPT OF ADDED VALUE

Abstract

Objective: to determine the method of formation of optimal chain costs of metallurgical enterprise in the concept of added value.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition.

Results: the author suggests a method of constructing an effective value chain for an industrial enterprise, based on the widely known concept of value creation porter and other members of the Harvard business school.

Scientific novelty: the novelty is that, first, the count operation is still poorly known cash flow; secondly, extended the boundaries of the value chain by incorporating all the participants of value creation in the framework of the concept of supply chain management.

Practical significance: will speed up capital turnover and to reduce costs in terms of integration of all participants in the value chain.

Keywords: the value chain; supply chain; costs; cash flow; optimization.

References:

1. Andrews K. R. The Concept of Corporate Strategy. Dow Jones-Irwin: Homewood, IL, 1971.
2. McPhee W. and Wheeler, D. Making the case for the added-value chain. Strategy & Leadership. Vol. 34 No. 4, 2006, pp. 39–46.
3. Hamel G., Prahalad C. K. Competing for the Future: Breakthrough Strategies for Seizing Control of Your Industry and Creating Markets of Tomorrow. Boston: Harvard Business School Press, 1994. –p. 197–220.
4. Chandler A.D., Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of American Enterprise. MIT Press: Cambridge, MA, 1962.
5. Chandler A.D., Jr. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Belknap press: Cambridge, MA, 1977.
6. Porter M. E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. Free press: N. Y. 1980.
7. Porter, M. Mezhdunarodnaya konkurentsia/M. Porter. – M.: Mezhdunarodniye otnosheniya, 1993. – 435 p. (in Russ.)
8. Oliver R. K., Webber M. D. 1982. Supply chain management: Logistics catches up with strategy. Christopher M. 1992. Logistics: The Strategic Issues. 63–75.
9. Pitta, D. A., and Laric, M. V., 2004, Value chains in health care, Journal of Consumer Marketing, 2004.– N 21 (7), pp. 451–464.
10. Walters, D. and Lancaster, G., 2000, Implementing value strategy through the value chain, Management Decision, 2000. – N 38 (3), pp. 160–178.
11. Avdasheva, S. Aktsionerniye i neimushchestvenniye mehanizmi integratsii v rossiyskikh biznes-strukturah/S. Avdasheva, V. Dementiev// Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=9065>. –2000. – № 1. – P. 13. (in Russ.)

12. Badjo, R. Setevoi podhod v ekonomike i upravlении: mejdisciplinarnii karakter//R. Badjo, M. Sheresheva/Vestnik Moskovskogo universiteta, 6: Ekonomika. –2014. – № 2. – p. 3–21. (in Russ.)
13. Butrin A. G. Effective management models and methods of economic educations in regional industrial complexes/Economy of Region. –2014. – № 2. – C. 130–140.
14. Butrin A.G, Gelmanova Z.S, Yaruchin D. L. Risk–Assessment Practices of Companies in Ferrous Metallurgy//Metallurgist. – 2015. – Vol. 59, Nos. 1–2. – P. 99–103.
15. Butrin, A. G. Logistika dlya finansovogo direktora: uchebnoye posobiye/A. G. Butrin.– Chelyabinsk: «Abris–Print», 2009.– 180 p. (in Russ.)
16. Buhvalov, A. V. Evolutsiya teorii firmi i eyo znachenie dlya issledovaniy menedjmenta//A. V. Buhvalov, V. S. Katkalo. – Rossiyskiy jurnal menedjmenta. – 2005. – T. 3. – № 1. – P. 75–84. (in Russ.)
17. Katkalo, V. S. Evolutsiya teorii strategicheskogo upravleniya: monografiya/V. S. Katkalo.– St. Petersburg: St. Petersburg State University, Management Higher School, 2008. – 546 p. (in Russ.)
18. Golovanova, S. V. Mejfirmennaya kooperatsiya: analiz razvitiya klasterov v Rossii/S. V. Golovanova, S.B Avdashева, S.M. Kadochnikov//Rossiyskiy jurnal menedjmenta. –2010. – T. 8. № 1.– P. 41–66. (in Russ.)
19. Kleiner, G. Ekonomicheskoye sostoyaniye I institutsionalnoye okrujenie rossiyskih promishlennih predpriyatii: empiricheskii analiz vzaimosvyazei/G. Kleiner. R. Kachalov, Y. Sushko//Voprosi ekonomiki URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=869725>. – 2005. – № 9. – P. 67–86. (in Russ.)
20. Waters D. Upravleniye tsepiyu postavok. – M.: UNITI–DANA, 2003. –503 p. (in Russ.)
21. Yudayev, A. V. Tsepochka sozdaniya tsennosti I upravleniye tsepochkoi postavok: otlichiya I shodstva/A. V. Yudayev//Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: digital scientific journal. – 2011. – № 29 (5). – P. 36. (in Russ.)

Information about the authors

Andrei G. Butrin, Doctor of Economics, Professor of South Ural State University (National Research University)

Address: Lenina ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia, tel.: +7 (351) 267-99-00

E-mail: info@susu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4074-4330>

Zoya S. Gelmanova, Candidate of Economic Sciences, Professor of the Karaganda State Industrial University

Address: Respubliki ave. 30, 101400, Temirtau, Kazakhstan, tel.: +7 (705) 672-07-00

E-mail: zoyakgiu@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7123-3459>

Aizhan A. Smailova, Master of the Karaganda State Industrial University

Address: Respubliki ave. 30, 101400, Temirtau, Kazakhstan, tel.: +7 (700) 352-75-33

E-mail: ayzhana.smailova@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0893-349X>

А. Г. Бутрин¹**З. С. Гельманова**²**А. А. Смаилова**²¹ ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), г. Челябинск, Российская Федерация² Карагандинский государственный индустриальный университет, г. Темиртау, Республика Казахстан

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОЙ ЦЕПИ ИЗДЕРЖЕК МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНЦЕПЦИИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Аннотация

Цель: определить методику формирования оптимальной цепи издержек металлургического предприятия в концепции добавленной стоимости.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных, теоретического познания.

Результаты: в статье предложен авторский метод построения эффективной цепочки создания ценности на промышленном предприятии, базирующийся на широко известной концепции создания ценности М. Портера и других представителей Гарвардской школы бизнеса.

Научная новизна: новизна заключается в том, что, во-первых, учитываются операции до сих пор малоизученного финансового потока; во-вторых, расширены границы цепочки ценности за счет включения в нее всех участников создания ценности в рамках концепции управления цепями поставок.

Практическая значимость: позволит ускорить оборачиваемость капитала и сократить издержки в условиях интеграции всех участников цепочки создания ценности.

Ключевые слова: цепочка создания ценности; логистическая цепь; цепь поставок; издержки; финансовый поток; оптимизация.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях экономического спада, протекания одновременно интеграционных и дезинтеграционных процессов, высокой конкуренции, значительных рисков, переориентации товарных потоков на импортозамещение существенным резервом обеспечения выживания промышленных предприятий, интегрированных хозяйственных образований с последующим их выходом на траекторию устойчивого развития является разработка и внедрение в практику антикризисных методов управления, направленных на эффективную адаптацию ко внешней среде, снижение затрат, поддержание хозяйственных связей. В этих условиях актуальным становится поиск и совершенствование методологической основы, на которой возможно построение такой антикризисной системы управления интегрированными субъектами в промышленном комплексе. Такой надежной основой, на наш взгляд, могут стать концепции логистики и управления цепями поставок.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на уже достаточное развитие методологии и практики логистики, в условиях кризиса в промышленном секторе острым является вопрос выбора адекватной методологической базы для построения экономических цепей издержек и создания ценности в условиях интеграции производителя и его контрагентов в цепь поставок в функционалах снабжения материальными ресурсами и реализации готовой продукции. Одним из базовых подходов является известная концепция организации цепочки создания ценности, изложенная в трудах М. Портера [6; 7] и его коллег по Гарвардской школе бизнеса [1; 2; 3; 4; 5; 8; 9; 10]. Теоретические и методические основы функционирования интегрированных бизнес-структур отражены в работах российских ученых С. Б. Авдашевой [11; 17], В. С. Катькало [16; 17], Г. Клейнера [19], М. Ю. Шерешевой [12], А. В. Юдаева [21] и др.; в концепции логистики — М. Кристофера, Д. Уотерса [20], В. И. Сергеева, В. Н. Дыбской, Д. А. Иванова,

В. С. Лукинского. Вместе с тем, методология построения цепи создания ценности интегрированных промышленных предприятий и оценки ее эффективности требуют дальнейшей разработки с учетом отраслевой специфики бизнес-процессов. Анализ текущего состояния управления показал следующее. Во-первых, классический подход ограничивает цепочку ценности процессами одного предприятия и не в полной мере учитывает значительную интеграцию с контрагентами по цепочке. Во-вторых, в классическом подходе создание ценности направлено только интересы потребителя, что может привести к росту затрат производителя, снижению его конечных финансовых показателей и к конфликту участников цепи. В-третьих, в базовой концепции цепочка ценности формируется только из операций материального потока при физическом продвижении товара от точки зарождения до конечного потребления, что не учитывает ключевые сегодня ограничения по финансовым ресурсам. В — четвертых, в базовой концепции ставится задача сокращать потери от бесполезных операций, не приводящих к созданию ценности. Однако это может потребовать увеличения традиционных затрат на большую величину, чем экономия на потерях.

В-пятых, оценка эффективности цепи основывается только на временном подходе (как отношение длительности полезных операций к длительности всего логистического цикла). Однако непонятно, приведет ли достижение максимального значения данного отношения к максимальной рентабельности предприятия в классической общепринятой трактовке. Актуальность и практическая значимость указанных проблем определили выбор темы исследования, научные задачи, объект и предмет.

Таким образом, признавая фундаментальность классической концепции М. Портера, мы считаем необходимым поставить и решить задачу — модифицировать классический подход к построению цепочки ценности для эффективного применения в российской практике в металлургическом комплексе. Объект исследования — цепочка создания ценности промышленного предприятия, интегрированного с поставщиками ресурсов и потребителями продукции. Предмет исследования — организационно-экономические отношения, складывающиеся в процессе поставок в функционалах снабжения и сбыта.

Предлагаемые направления модификации представлены в табл. 1.

Таблица 1. – Сравнительный анализ подходов к организации цепочки ценности

№	Критерий сравнения	Традиционный подход	Предлагаемый подход
1	Методологическая основа	Системный подход	Межсистемный подход (модифицированный системный подход за счет расширения его границ)
2	Объект исследования	Отдельное предприятие	Цепь поставок «поставщик-производитель-покупатель»
3	Предмет исследования	Организационно-экономические отношения в процессе создания ценности внутри одного предприятия	Организационно-экономические отношения в цепи поставок интегрированных участников создания ценности
4	Логистическая концепция	Концепция логистики	Концепция управления цепями поставок
5	Акцент при построении цепи	На потребителя	Баланс интересов участников цепи (по критериям времени и затрат)
6	Учитываемые виды потоков	Материальный поток	Материальный, финансовый и информационный поток в триединстве
7	Модель цепи	Выталкивающая	Выталкивающая, вытягивающая, гибридная
8	Подход к оценке эффективности	Временной подход (как отношение полезного времени к общему времени)	Синтез временного подхода, классического экономического (как отношение прибыли к капиталу) и целевого (как отношение фактического значения к целевому значению показателя)

Таким образом, выделим два основных направления модификации классического метода. Во-первых, расширение цепи за счет включения в нее финансового потока (дебиторская, кредиторская задолженность) и определения его оптимальных параметров с привлечением финансовой инфраструктуры (банк, факторинговая компания). Например, предприятие поставляет товар с отсрочкой оплаты (выталкивающая модель цепи). В этом случае очевиден конфликт интересов, не рассматриваемый в классической концепции: для потребителя ценность — это немедленное получение товара, а для производителя — получение денег с временным запаздыванием. Но последнего может и не произойти, возможна отсрочка, просрочка оплаты и др. При втором способе реализации — по предоплате (вытягивающая модель цепи) конфликт также налицо, так как ценности меняются местами и между ними также временное запаздывание.

Во-вторых, построение цепочки ценности в зависимости от способа организации цепи поставок («вытягивания», «выталкивания» и их сочетания) и использование аппарата финансовой логистики (ресурсное регулирование параметров финансового потока по параметрам материального, дешевый поток-«инъекция» в виде вексельного кредита, факторинг для ускорения платежей в сбыте и замедления в оплате материальных ресурсов, секьюритизация

посредством структурирования финансовых потоков векселем и складским свидетельством и др.) для ликвидации «узких» звеньев в цепи поставок [15].

На одном из крупных металлургических предприятий Челябинской области и ТНК АО «АрселорМиттал Темиртау» была разработана модель наиболее востребованной на практике гибридной цепи создания ценности, сочетающая элементы «вытягивания» и «выталкивания» поставки: металлургическое предприятие-производитель получает от заказчика предоплату 50%, отсрочку на изготовление продукции (вытягивающая часть цепи), после отгрузки предоставляет заказчику отсрочку на вторую половину денег на срок, равный сроку изготовления (выталкивающая часть). Сочетание обеих частей в единой цепи позволяет достичь баланса производителя и потребителя по сроку, финансовым потокам и рискам. Полученную от заказчика предоплату (1 операция) производитель направляет на оплату материальных ресурсов (2) и получает их (3). Технологический цикл включает складирование полученного сырья (4), производство (5) и складирование готовой продукции (6). После отгрузки покупателю (7) последний через 30 дней оплачивает заказ полностью (8). Цепочка ценности представлена на рис. 1, сопутствующая ей цепь затрат — на рис. 2. По вертикали учитываются операции, приносящие ценность; по горизонтали — не приносящие (бесполезные операции).

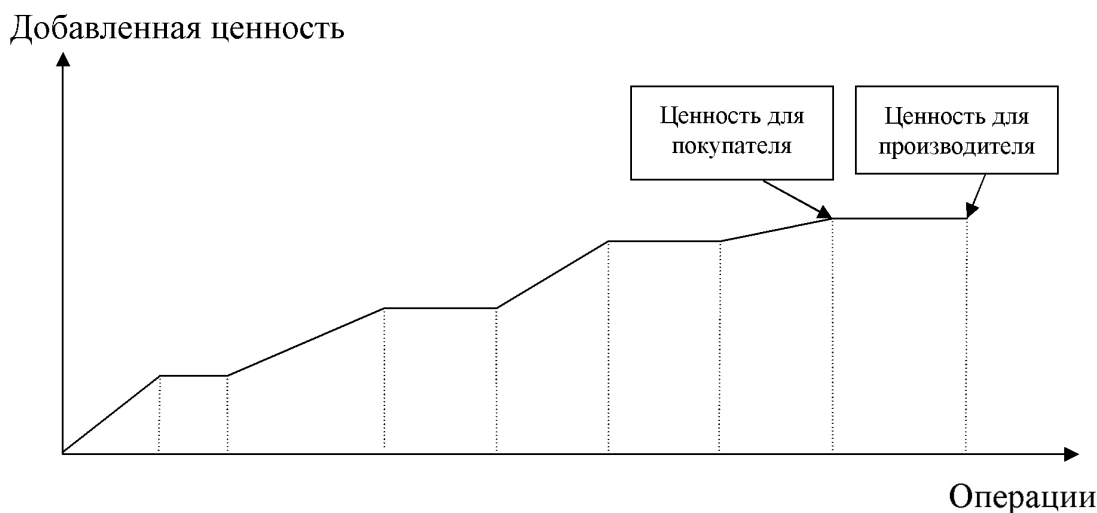

Рис. 1. Цепочка ценности в рамках гибридной цепи поставок

Условные обозначения: 1 — предоплата продукции в размере 50%, 2 — оплата сырья, 3 — транспортировка сырья, 4 — складирование сырья, 5 — производство готовой продукции, 6 — складирование готовой продукции, 7 — транспортировка готовой продукции, 8 — оплата продукции с запаздыванием относительно отгрузки.

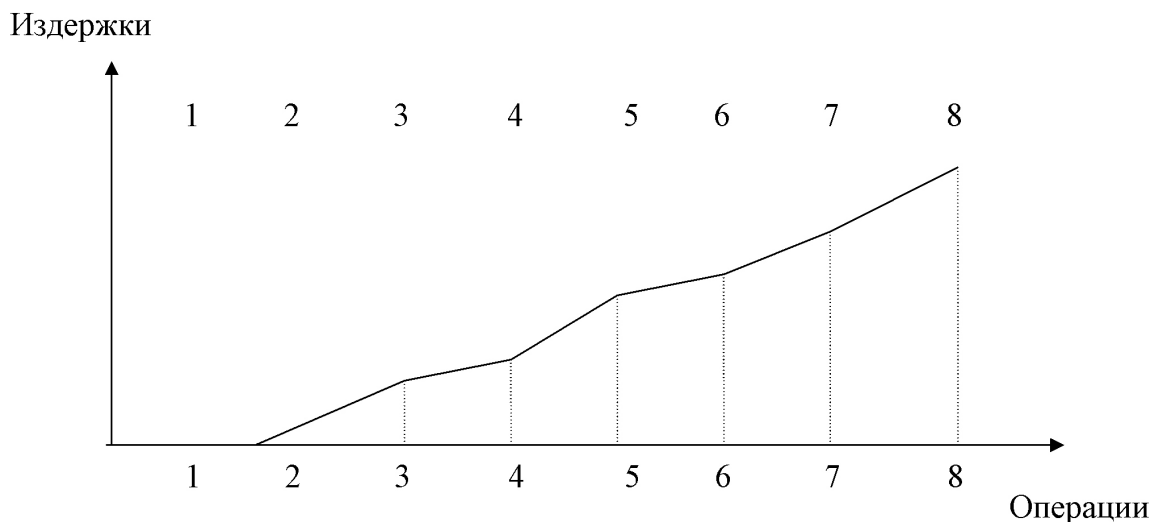

Рис. 2. Цепь издержек в рамках гибридной цепи поставок

Моделирование произведено в трехмерном пространстве и позволило получить наилучшие значения времени оплаты за материальные ресурсы (протяженность цепочки создания ценности «поставщик-производитель»), реализованной продукции (протяженность цепочки «производитель-потребитель»), суммарные затраты и потери (величина цепи издержек, сопутствующих цепи создания ценности), и параметров задействованного аппарата финансовой логистики — размера предоплаты 50%, величины учетной ставки факторинга 10% и скидки 3% (рис. 3).

Моделирование произведено в трехмерном пространстве и позволило получить наилучшие значения времени оплаты за материальные ресурсы (протяженность цепочки создания ценности «поставщик-производитель»), реализованной продукции (протяженность цепочки «производитель-потребитель»), суммарные затраты и потери (величина цепи издержек, сопутствующих цепи создания ценности), и параметров задействованного аппарата финансовой логистики — размера предоплаты 50%, величины учетной ставки факторинга 10% и скидки 3% (рис. 3).

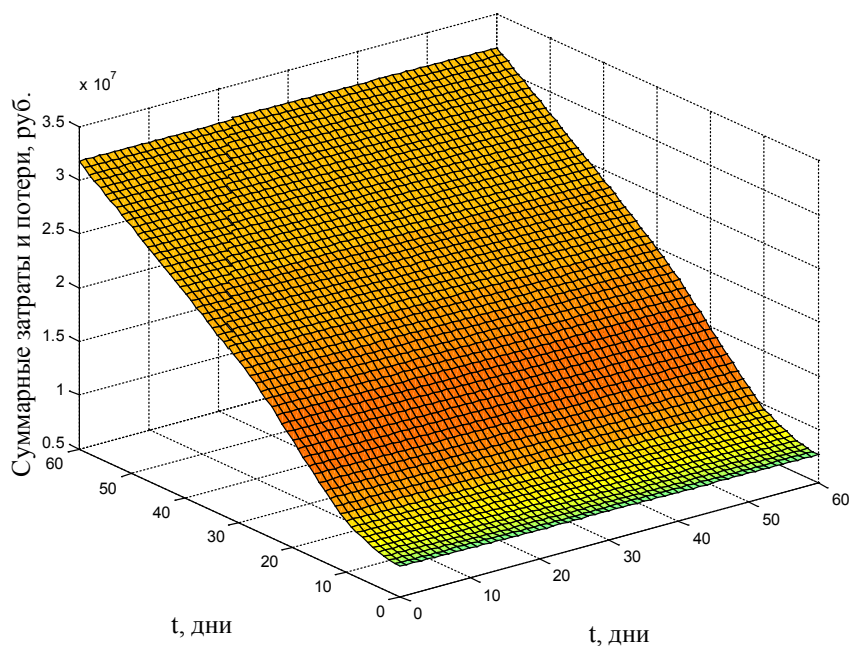

Рис. 3. Цепочки создания ценности «поставщик-производитель» и «производитель-потребитель» (две оси в горизонтальной плоскости) по критерию интегральных затрат

ВЫВОДЫ

Таким образом, авторами сделана попытка модифицировать базовую концепцию М. Портера за счет включения в объект анализа ключевого финансового потока и предложении конкретного инструментария для достижения баланса интересов участников создания ценности с учетом специфики организации

поточковых процессов в металлургическом комплексе. Значимость на практике заключается в том, что предложенный метод позволяет наиболее полно определить и задействовать резервы сокращения операционного цикла металлургического предприятия и соответствующие издержки в тесной связи с параметрами поставщиков и потребителей в цепи поставок.

Список литературы:

1. Andrews K. R. The Concept of Corporate Strategy. Dow Jones–Irwin: Homewood, IL, 1971.
2. McPhee W. and Wheeler, D. Making the case for the added–value chain. *Strategy & Leadership*. Vol. 34 No. 4, 2006, pp. 39–46.
3. Hamel G., Prahalad C. K. *Competing for the Future: Breakthrough Strategies for Seizing Control of Your Industry and Creating Markets of Tomorrow*. Boston: Harvard Business School Press, 1994. – p. 197–220.
4. Chandler A. D., Jr. *Strategy and Structure: Chapters in the History of American Enterprise*. MIT Press: Cambridge, MA, 1962.
5. Chandler A. D., Jr. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Belknap press: Cambridge, MA, 1977.
6. Porter M. E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. Free press: N. Y. 1980.
7. Портер, М. *Международная конкуренция*/М. Портер. – М.: Международные отношения, 1993. – 435 с
8. Oliver R. K., Webber M. D. 1982. Supply chain management: Logistics catches up with strategy. *Christopher M. 1992. Logistics: The Strategic Issues*. 63–75.
9. Pitta, D. A., and Laric, M. V., 2004, Value chains in health care, *Journal of Consumer Marketing*, 2004. – N 21 (7), pp. 451–464.
10. Walters, D. and Lancaster, G., 2000, Implementing value strategy through the value chain, *Management Decision*, 2000.– N 38 (3), pp. 160–178.
11. Авдашева, С. Акционерные и неимущественные механизмы интеграции в российских бизнес-структурах/С. Авдашева, В. Дементьев///Российский экономический журнал. –2000. – № 1. –С. 13.
12. Баджо, Р. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер//Р. Баджо, М. Ю. Шерешева/Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. –2014. – № 2. – С. 3–21.
13. Butrin A. G. Effective management models and methods of economic educations in regional industrial complexes/*Economy of Region*. –2014. –№ 2. – С. 130–140.
14. Butrin A.G, Gelmanova Z.S, Yaruchin D. L. Risk–Assessment Practices of Companies in Ferrous Metallurgy//*Metallurgist*. – 2015. – Vol. 59, Nos.1–2.– P. 99–103.
15. Бутрин, А. Г. *Логистика для финансового директора: учебное пособие*/А. Г. Бутрин.– Челябинск: изд-во «Абрис–Принт», 2009. – 180 с.
16. Бухвалов, А.В *Эволюция теории фирмы и ее значение для исследований менеджмента*//А. В. Бухвалов, В. С. Катькало.– Российский журнал менеджмента. – 2005. – Т. 3. –№ 1. – С. 75–84.
17. Катькало, В. С. *Эволюция теории стратегического управления: монография*/В. С. Катькало.– Санкт–Петербург: Санкт–Петербургский гос. ун–т, Высш. шк. менеджмента, 2008.– 546 с.
18. Голованова, С. В. *Межфирменная кооперация: анализ развития кластеров в России*/С. В. Голованова, С.Б Авдашева, С. М. Кадочников//Российский журнал менеджмента. –2010. – Т. 8. № 1. – С. 41–66.
19. Клейнер, Г. *Экономическое состояние и институциональное окружение российских промышленных предприятий: эмпирический анализ взаимосвязей*/Г. Клейнер. Р. Качалов, Е. Сушко//*Вопросы экономики*. – 2005. – № 9. – С. 67–86.
20. Уотерс Д. *Управление цепью поставок*. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2003. – 503 с.
21. Юдаев, А. В. *Цепочка создания ценности и управление цепочкой поставок: отличия и сходства* /А. В. Юдаев//*Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. – 2011.– № 29 (5). – С. 36.

Информация об авторах

Андрей Геннадьевич Бутрин, доктор экономических наук,
 профессор ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ)
 Адрес: 454080, г. Челябинск, пр-кт Ленина, 76, тел.: +7 (351) 267-99-00
 E-mail: info@susu.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4074-4330>

Зоя Салиховна Гельманова, кандидат экономических наук,
профессор Карагандинского государственного индустриального университета

Адрес: 101400, г. Темиртау, пр. Республики, 30, тел.: +7 (705) 672-07-00

E-mail: zoyakgiu@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7123-3459>

Айжан Ашимхановна Смаилова, магистр Карагандинского государственного индустриального университета

Адрес: 101400, г. Темиртау, пр. Республики, 30, тел.: +7 (700) 352-75-33

E-mail: ayzhana.smailova@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0893-349X>

O. G. Goncharenko¹¹ *Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Academy of State Prison Service, Chernigov, Ukraine*

PUBLIC GOVERNMENT PRODUCTION: CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM BASES

Abstract

Objective: writing scientific work is to study the problems of formation of the public good in the penal system through the adaptation of the classical theories to study the system.

Methods: To conduct scientific researchers have been used methods such as empirical and theoretical studies. So, for the study of the evolutionary development of scientific methods of observation categories were used, the comparison; to derive the regularities of formation of state expenditures on public goods modeling; to consider the essence of the social, economic, financial, social benefits were applied methods of analysis and synthesis.

Results: can be used in the formation of the legal framework for the functioning of public enterprises of an industrial complex of the correctional system to determine their economic and social efficiency.

Scientific novelty: it consists in the allocation of specific categories of the formation of the common good of the correctional system, as a socio-economic system that insulates against the criminals of society, thereby producing a public good of general use.

Practical significance: is formed in positions that enable to define approaches to the solution of theoretical and practical problems of social and economic efficiency of the penal system for the provision of public goods.

Keywords: public goods, the correctional system, the price of crime, social and economic efficiency.

References:

1. Bekker G. Prestuplenie i nakazanie: ekonomicheskij podkhod [Crime and Punishment: An Economic Approach] Ekonomicheskaya teoriya prestupleniy i nakazaniy. Available at: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/1/n1-03.shtml.23/01/2010>. (accessed 24.02.2015).
2. Gilinskiy Ya. Predislovie Borba s prestupnostyu kak industriya. Vpered k GULAGU zapadnogo obraztsa [Preface The fight against crime as an industry. Next to the Western model of the Gulag], Moscow: ROO «Tsentr sodeystviya reforme ugolovnogo pravosudiya», 2001, 224 p.
3. Dombrovski M. Rol gosudarstva v postindustrialnoy ekonomike [The state's role in the post-industrial economy] Obshchestvo i ekonomika, 2006, no.5, pp. 115–121.
4. Zhiltsov Ye. N. Ekonomika obshchestvennogo sektora i nekommercheskikh organizatsiy: ucheb. posobie [Public Economics and non-profit organizations], Moscow: Izd-vo MGU, 1995, 127 p.
5. Zer Kh. Vosstanovitelnoe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie [Restorative justice: a new perspective on crime and punishment], Moscow: Tsentr «Sudebno-pravovaya reforma», 2002, 324 p.
6. Zulkarnay I. Gosudarstvo kak firma po predostavleniyu obshchestvennykh uslug [The State as a company for the provision of public services] Obshchestvo i ekonomika, 2006, no.5, pp. 110–115.
7. Kvashis V. «Tsena» prestupnosti kak kriminologicheskaya problema [“Price” of crime as criminological problem] Ugolovnoe pravo, 2008, no.6, pp. 94–102.
8. Kondratyuk L. V. Kriminologicheskoe izmerenie [Criminological measurement], Moscow: Norma, 2008, 272 p.
9. Kristi N. Borba s prestupnostyu kak industriya, vpered k GULAGU zapadnogo obraztsa [Preface The fight against crime as an industry. Next to the Western model of the Gulag]
10. Latov Yu. V. Ekonomika prestupleniy i nakazaniy: tridtsatiletniy yubiley. Istoki [Economics of Crime and Punishment: thirtieth anniversary. headwaters], Moscow: GU VShE, 2000, pp. 28–90.
11. Marshal A. Printsipy ekonomicheskoy nauki [The principles of economics], Moscow: Progress, 1993, 594 p.

12. Mill Dzh. S. Osnovy politicheskoy ekonomii [Principles of Political Economy], Moscow: Izdatelstvo Progress, 1980, 56 p.
13. Naumov A. Ugolovnaya statistika: prestupnost i ee stabilnost [Criminal statistics: crime and its stability] Ugolovnoe pravo, 2008, no.4, pp. 134–137.
14. Nort D. Institutsii, institutsiyna zmina ta funktsionuvannya ekonomiki [Institutions, institutional change and the economy], Kiev: Osnovi, 2000, 198 p.
15. Nuriev R. M. Novaya politicheskaya ekonomiya: stanovlenie i razvitie [The new political economy: the formation and development] Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: Ekonomicheskaya, Donetsk, 2011, no.40 (1), pp. 5–15.
16. Pogudaeva M.Yu. Razvitie predprinimatelstva v sisteme organizatsionno-ekonomicheskogo funktsionirovaniya obektov gosudarstvennogo sektora [Development of business in the system of organizational and economic functioning of the public sector facilities]//Ekonomicheskie nauki, 2008, no.2, pp. 129–131.
17. Samyuelson P. A. Makroekonomika [Macroeconomics], Kiev: Osnovi, 1995, 544 p.
18. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Antologiya ekonomicheskoy mysli [The Wealth of Nations. Anthology of economic thought] Moscow: Eksmo, 2009, 956 p.
19. Stern V. Grekh protiv budushchego. Tyuremnoe zaklyuchenie v mire [The sin against the future. Imprisonment in the world] Moscow: PRI, 2000, 130 p.
20. Miller T. Victim Cost and Constquences: a new Look. Final/T. Miller, M. Kohen, B. Witrsema. Washington D. C.: National Institute of Justice, 1969, 312 p.
21. Sinclair M. Cost of Crime – 2008. – Available at: <http://www.taxpayersalliance.com>. (accessed 24.02.2015).
22. Wicksell K. A. New Principle of Just Taxation/K. A. Wicksell//Cloddics in tne Theory of Public Finance. N. Y.: St. Martins Press, 1967, 101 p.

Information about the authors

Oksana G. Goncharenko, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the department of humanitarian and socio-economic subject, Academy of State Penitentiary Service, Chernigov, Ukraine
Address: 7 Savchuka Str., 14013, Chernigiv, Ukraine, tel.: +3 (097) 535-08-91
E-mail: gusochka2004@mail.ru
ORCID: orcid.org/0000-0002-4485-0846

О. Г. Гончаренко ¹

¹ Академия Государственной пенитенциарной службы г. Чернигов, Украина

ПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА: БАЗИСЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация

Цель: написания данного научного труда является изучение проблематики формирования общественного блага в уголовно-исполнительной системе через адаптацию классических теорий к исследуемой системе.

Методы: Для проведения научного исследования были использованы методы как эмпирического, так и теоретического исследования. Так, для исследования эволюционного развития научных категорий были использованы методы наблюдения, сравнения; для выведения закономерного формирования затрат государства на общественные блага было использовано моделирование; для рассмотрения сущности общественного, экономического, материального, социального блага применялись методы анализа и синтеза.

Результаты: могут применяться при формировании законодательной базы функционирования государственных предприятий производственного комплекса уголовно-исполнительной системы для определения их экономической и социальной эффективности.

Научная новизна: заключается в выделении специфических категорий формирования общественного блага уголовно-исполнительной системой, как социо-экономической системой, которая изолирует от общества преступников, тем самым производит общественное благо общего пользования.

Практическая значимость: лежит в сформированных положениях, которые дают возможность определить подходы к решению теоретических и практических проблем социальной и экономической эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы по предоставлению общественных благ.

Ключевые слова: общественные блага, уголовно-исполнительная система, цена преступления, социальная и экономическая эффективность.

Введение

На современном этапе развития социально-экономических процессов, возникает ряд вопросов, связанных с решением задач формирования комплекса научно обоснованных подходов к расширению спектра предоставления государством общественных благ. Поскольку главным направлением в формировании материальных благ является производственный процесс, необходимым элементом изучения данного направления становится сам производитель. Долгое время производственная система и производители, как главные элементы данной цепи рассматривались исключительно по двум направлениям: государственные и частные предприятия, которые занимаются производством именно материальных благ. Изначально деятельность государственных предприятий ассоциируется с высокорентабельными отраслями экономики и направлениями в производстве. Анализируя структуру государственных предприятий, следует отметить такой важный структурный элемент как предприятия исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, которые относятся к сфере производства материальных благ, а сама уголовно исполнительная система производит общественные блага, изолируя преступников от общества. Тенденции глобализации и смещение акцентов в функционировании уголовно-исполнительной системы предполагает проведения комплексных научных исследований, как в категориальном аппарате, так и в процессуальном подходе.

Учитывая, то, что предприятия уголовно-исполнительной системы созданы с целью привлечения осуждённых в трудовой процесс, занимаются производством материальных благ в широком понимании этой научной категории. Рассматривая сущность материальных благ как категории, по мнению автора, важность научной проблемы необходимо акцентировать на процессе метаболизации категории «материальные блага» как на макроуровне, так и микро-

уровне, что позволит извлечь главные составляющие материального блага производимого предприятиями уголовно-исполнительной системы и их взаимодействии с другими видами благ, такими как: социальные, экономические, общественные.

Учитывая ограниченность информационной базы и закрытость к исследованиям уголовно-исполнительной системы, довольно ограниченное количество исследований проводится в данном направлении, однако, концептуализация вопросов формирования общественного блага базируется на трудах известных зарубежных ученых, основоположников теории блага, таких как П. Самуэльсон, А. Смит, Дж. С. Милль, У. Мацолла, К. Виксель, Д. Норт. На современном этапе развитие теории общественного блага в концептуальном аспекте уголовно-исполнительной системы посвящены труды Е. Жильцова, М. Погудаева, И. Зулькарнай, М. Домбровського.

Изучив существующие научные подходы к формированию сущности дефиниции «материальное благо» и инновационные подходы к сублимации данной дефиниции к уголовно-исполнительной системе, было доказано отсутствие исследований в разрезе макро и микроэкономической составляющей уголовно-исполнительной системы как производителя общественного блага с выражением структурных связей между этими экономическими категориями. Поэтому целью написания статьи является исследования специфики формирования общественного блага в уголовно-исполнительной системе через его адаптивность в социальные и экономические блага.

Результаты исследования

Для выделения сущности производства материального блага уголовно-исполнительной системой из общественного блага необходимо определить задания политики уголовного наказания, не только с юридической точки зрения, но и с социальной, политической и экономической. Исполнение наказания, как системообразующий инструмент в производстве

материального блага может трактоваться дуалистично. Дуализм трактования данной категории связан с его определением как функции уголовно-исполнительной системы и как института борьбы с преступностью, в плоскости одной из сторон жизни общества. Именно дуализация данной категории позволяет определить, что продуктом производства уголовно-исполнительной системы будет возвращение в общество лиц, которые осознали свою вину и стали законопослушными членами социума. Исходя из этого, только эффективная деятельность уголовно-

исполнительной системы может позитивно повлиять на развитие человеческого капитала. Изучая труды ведущих ученых по производству общественного блага, хочется отметить, что высшее общественное благо общественного пользования предоставляется государством. А. Маршалл характеризуя особенности предоставления государством общественных благ отмечал, что упорядоченное государство «можно считать элементом национального богатства» [11]. В таблице 1 приведены трактования исследуемой категории известными учеными.

Таблица 1. – Систематизация категории «общественное благо»

Автор	Трактовка
П. Самуэльсон [17]	Общественное благо — это такое благо, которое потребляется коллективно всеми гражданами независимо от того, платят люди за него или нет.
А. Смит [18]	По мнению ученого необходимо создавать учреждения, «содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе».
Дж. С. Милль [12]	Предоставление обществу важных услуг, является задачей государства, потому, что нет того, кто был бы особенно заинтересован в осуществлении этих услуг, да и само их выполнение не сопровождается при естественном или стихийном течении дел надлежащим вознаграждением.
К. Виксель [22]	Потребности в общественных товарах исключительно с индивидуальными предпочтениями, объем их предложения должен определяться путем голосования, а также по принципу равенства цены предельной полезности блага.

Оценивая категорию общественного блага, основанную на том, что все блага имеют свою цену, следует выделить, что из-за специфических характеристик неконкурентности и исключительности в отраслях производства и потребления общественных благ, не действует обыкновенный рыночный механизм ценообразования, что приводит к определению пропорций между спросом и предложением под влиянием общественного выбора. Поскольку современный рынок не в состоянии удовлетворить все потребности, государство частично берет на себя функции производителя или заказчика, оптимизируя факторы затрат и количества, произведенных общественных благ.

Согласно теории общественного блага, если на рынке функционирует один субъект хозяйствования, то такая деятельность относится к сфере природной монополии. Специфика определения границ функционирования природных монополий подразумевает вмешательство государства в данный процесс, поскольку необходимо наличие регулятора процессов производства и ценообразования на рынке.

Необходимость предоставления государством общественных благ описана в трудах знаменитых ученых-экономистов А. Смита [18] и Дж. С. Милля [12]. У. Мацолла в 1890 году доказал необходимость и важность формирования общественных благ в контексте главенства роли государственных финансов.

Последователь У. Мацоллы, К. Виксель акцентировал внимание на существующем разрыве между граничным капиталом и социальными затратами, которые покрываются за счет налогоплательщиков, как производителей продукции, так и ее потребителей. При этом, важно отметить, что затраты по предоставлению общественных благ относятся к затратам государства, а их размер, который покрывается за счет государственных средств определяется политическими партиями путем голосования [22].

Д. Норт акцентирует внимание на том, что «государство — это организация с предоставленными ей правами, которые распространяются на территории и определяются властью над налогоплательщиками» [14]. Представитель современных подходов фор-

мирования теории общественных благ Е. Жильцов, дает такое определение отличия общественных благ от частных: «общественно-обязательный подход к формированию средств на их производство при помощи принудительного, государственного налогообложения, объединенного государственной и общественной формами организации, предоставления и использования» [4].

Акцентом в деятельности государства, по мнению М. Погудаевой, является формирования векторной особенности создания общественных благ через определение системы внутренней и внешней безопасности; законодательную деятельности; систему государственного управления; социального обеспечения; предоставления объектов инфраструктуры [16].

В тоже время в работах И. Зилькарнай, государство рассматривается как фирма по предоставлению общественных услуг, которая устанавливает возможность потребителя влиять на цену этих услуг [6].

Парадокс незавершенной трансформации, то есть невозможности государства эффективно предоставлять общественные блага по причине «спонтанной приватизации общественных благ» был доказан в научных трудах М. Домбровского [3].

Учитывая особенности производства общественных благ в системе правоохранительных органов, исследования зарубежных ученых в этом направлении позволяет расширить и углубить результативность понимания деятельности системы криминальной юстиции и выделить приоритетные направления. К приоритетным направлениям в исследовании специфики деятельности уголовно-исполнительной системы относятся два кластера, такие как социально-экономический и экономико-криминалистический.

Решением задач первого кластера были посвящены работы Н. Кристи [9], В. Стерна [19], Х. Зера [5], Я. Гилинского [2]. Главным результатом их научных исследований, стало определение результативности деятельности тюремной системы. Изолирование преступника не защищает общество от преступности, что, по мнению В. Стерна, формирует три базиса не решенных проблем векторно направленных на слабую информированность общества; ограниченность экономических возможностей государства; отсутствие четко установленных государством социальных целей и предсказуемых социальных последствий тюремного заключения [19]. Переводя эти нерешенные проблемы в направлении кластеров, следует отметить,

что первая проблема относится к первому кластеру, а вторая и третья ко второму.

Если выделить из категории тюремного заключения экономическую часть, то по мнению Н. Кристи, проблему борьбы с преступностью можно рассматривать как «индустрию», то есть перевести все аспекты в плоскость экономических взаимоотношений. Н. Кристи считает, что борьба с преступностью — это постоянный процесс в экономике, который формируется на основе спроса со стороны общества и желание платить за него, поскольку он связан с безопасностью [9].

Х. Зер поддерживая теорию Н. Кристи, считает, что главная угроза обществу исходит не от преступлений, как таковых, а от тех личностей, которые их совершили. Изолируя их от общества, они теряют социальные связи, не могут адаптироваться после освобождения, поэтому снова возвращаются в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы, обеспечивая спрос на общественное благо, предоставляемое государством [5]. Именно этот процесс возвратности натолкнул Н. Кристи на мысль о заинтересованности государства в развитии системы уголовных наказаний.

Второму кластеру данной проблемы посвящены труды таких ученых как В. Квашиса [7], А. Наумова [13], Л. Кондратюка, В. Овчинского [8], Ю. Латова [10], Г. Беккера [1], М. Коена, Т. Миллера [20], М. Синеклера, К. Тейлора [21] и других, которые в своих работах рассматривали проблему «цены» преступности.

Когда заходит речь о «цене» преступности возникает вопрос о достаточном количестве ресурсов, которые могут обеспечить безопасность и защитить задекларированные интересы общества. В тоже время потери общества, экономики, государства от преступности достаточно значимы.

Для подтверждения выше обозначенного можно привести цитату В. Квашиса об уровне преступности «с одной стороны он (уровень преступности) показывает уровень экономического влияния преступности на государство и общество, а с другой обоснованность политических и управленческих решений, которые принимаются на основе такой информации. Прямые убытки преступности состоят из потерь одноразового или долгосрочного характера» [7]. В тоже время М. Коена и Т. Миллер [20], утверждают, что для определения «цены» преступления необхо-

димо использовать три категории убытков: прямые, производственные и немонетарные, которые в разные периоды времени и в разных странах по разному оцениваются и измеряются.

ВЫВОДЫ

Уголовно-исполнительная система, как социоэкономическая система, которая производит и предоставляет обществу общественные блага, имеет специфические особенности. Рассматривая ее значение по предоставлению этих благ обществу на двух уровнях: макроэкономический — как деятельность исправительных учреждений, которые предоставляют весь комплекс услуг, связанных с исполнением уголовных наказаний, содержанием под стражей лиц, осужденных приговором суда и тех, которые подозреваются; микроэкономическом — как деятельность государственных предприятий производственного комплекса, которые созданы в уголовно-исполнительной системе в организационно-правовых формах, которые имеют разную экономическую базу и осуществляют производственную деятельность по производству

продукции и предоставлению услуг, исполнению работ с обязательным привлечением осужденных к оплачиваемому общественно полезному труду.

Результатом проведенного исследования можно выделить также понятие «цены» преступления. «Цена» преступления характеризует не только социальные последствия, но и приносит значительные потери обществу, что есть следствием противоправных действий и оказывает негативное влияние на процессы экономического развития отдельно взятой страны. Все это обозначает необходимость постоянного контроля государства над деятельностью правоохранительных органов, и в том числе уголовно-исполнительной системы.

Исходя из этого уголовно-исполнительная система Украины, обеспечивает реализацию правоохранительных и социально-экономических функций, а так же выступает важной государственной социально-экономической институцией, что дает полное право рассматривать ее деятельность на макро-, микро- и мезо- экономическом уровне.

Список литературы:

1. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход [Электронный ресурс]/Г. Беккер//Экономическая теория преступлений и наказаний. – № 1. – Режим доступа: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/1/n1-03.shtml.23/01/2010>. – Назва з екрана. – Доступно на 24.02.2015.
2. Гишинский Я. Предисловие Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГУ западного образца/Я. Гишинский, Н. Кристи; [пер. с англ. А. Петрова, В. Проклова]. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – 224 с.
3. Домбровски М. Роль государства в постиндустриальной экономике/М. Домбровски//Общество и экономика. – 2006. – № 5. – С. 115–121.
4. Жильцов Е. Н. Экономика общественного сектора и некоммерческих организаций: учеб. пособие/Е. Н. Жильцов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 127 с.
5. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание/Х. Зер; [пер. с англ., под ред. Л. Карнозовой и С. Пашина]. – М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 324 с.
6. Зилькарнай И. Государство как фирма по предоставлению общественных услуг/И. Зилькарнай//Общество и экономика. – 2006. – № 5. – С. 110–115.
7. Квашиш В. «Цена» преступности как криминологическая проблема/В. Квашиш//Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 94–102.
8. Кондратюк Л. В. Криминологическое измерение/Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский. – М.: Норма, 2008. – 272 с.
9. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия, вперед к ГУЛАГУ западного образца/Н. Кристи; [пер. с англ. А. Петрова, В. Проклова]. – [2-е изд.].
10. Латов Ю. В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей. Истоки/Ю. В. Латов; [ред. Я. И. Кузьминов]. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 28–90.
11. Маршал А. Принципы экономической науки/А. Маршал. – М.: Прогресс, 1993. – 594 с.
12. Милль Дж. С. Основы политической экономии/Милль Дж. С.; [пер. с англ. А. Г. Милейковского]. – М.: Издательство Прогресс, 1980. – 56 с.

13. Наумов А. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность/А. Наумов.//Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 134–137.
14. Норт Д. Институції, інституційна зміна та функціонування економіки/Д. Норт. – К.: Основи, 2000. – 198 с.
15. Нуриев Р.М. Новая политическая экономия: становление и развитие/Р.М. Нуриев//Научные труды ДОННТУ. Серия: Экономическая: 36. науч. праць. – Донецьк, 2011. – Вып. 40, (1). – С. 5–15.
16. Погудаева М. Ю. Развитие предпринимательства в системе организационно-экономического функционирования объектов государственного сектора/М. Ю. Погудаева//Экономические науки. – 2008. – № 2. – С. 129–131.
17. Самюельсон П. А. Макроэкономика/П. А. Самюельсон, В. Д. Нордгауз; [пер. з англ.]. – К.: Основи, 1995. – 544 с.
18. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Антология экономической мысли/А. Смит. – Москва: Эксмо, 2009. – 956 с.
19. Стерн В. Грех против будущего. Тюремное заключение в мире/В. Стерн. – М.: PRI, 2000. – 130 с.
20. Miller T. Victim Cost and Consequences: a new Look. Final/T. Miller, M. Kohen, B. Witrsema. Washington D. C.: National Institute of Justice, 1969. – 312 p
21. Sinclair M. Cost of Crime [Электронный ресурс]/M. Sinclair, C. Taylor. – 2008. – Режим доступа: [http://www taxpayersalliance.com](http://www.taxpayersalliance.com). – Назва з екрана. – Доступно на 24.02.2015.
22. Wicksell K. A. New Principle of Just Taxation/К. А. Wicksell//Clocics in tne Theory of Public Finance. – N. Y.: St. Martins Press, 1967. – p. 101.

Сведения об авторе:

Оксана Григорьевна Гончаренко, докторе экономических наук, доцент,
начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Академия Государственной
пенитенциарной службы, г. Чернигов, Украина
Адресс: 14013, г. Чернигов улица Савчука д.7, кв. 176 Украина, тел: 097 535 08 91
E-mail: gusochka2004@mail.ru
ORCID: orcid.org/0000-0002-4485-0846

P. H. Ilchuk¹¹ Lviv Polytechnic National University, Lviv, Ukraine

BENEFITS, DISADVANTAGES AND COSTS OF ENTERPRISES INTERNATIONALIZATION

Abstract

Objective: research of additional costs caused by internationalization, classification and rationale of such costs, and formation the mechanism for cost management within the adaptation, standardization and situational approaches to marketing activities in foreign markets.

Methods: generalization, data grouping, deduction, systematization, analysis.

Results: Based on the review of the literature demonstrated that doing business in foreign markets is accompanied by the need to carry additional costs. Developed author's classification costs of enterprises on internationalization into 3 groups: initial (creation costs), costs of forming and operating market position (current) costs. Determined costs, which make within standardization and adaptation of marketing activities in foreign markets.

Scientific novelty: improved the mechanism of cost management enterprises, developed a typology costs of enterprises for internationalization, through which improved information base for decision-making on the internationalization of enterprises.

Practical significance: identified the group of costs and justified certain costs, which made within the internationalization of enterprises, identified the strengths and weaknesses of using standardization and adaptation of marketing activities within the policy control costs. The advantages of applying the situational approach to the formation of marketing activities in foreign markets are substantiated, allowing enterprises to optimize the cost of internationalization. Advantages of entry into foreign markets in the organizing of the value chain are determined so as to make optimal use of the difference between costs and outcomes (effectiveness) using resources in different countries.

Keywords: internationalization, costs, foreign markets, enterprise.

INTRODUCTION

The modern economy based on the principles of free entrepreneurship, one of which is the freedom of choice of volumes and market management. For countries with a market economy, there are no restrictions on doing business only within single regional market-based countries.

Economists actively investigate the influence of forms of penetration and presence in foreign markets for enterprises. So, I. Drabik analyses the impact of forms of penetration and presence in foreign markets, the competitiveness of enterprises [1, P. 592]. V. Kokorina considers the impact of forms of penetration and presence in foreign markets on the possibility of further internationalization of enterprises [2, P. 69]. T. Stahl analyses the impact of marketing strategies to penetrate the enterprise market position [3, P. 614], and the impact penetration into foreign markets at risk of enterprises was explored by O. Pasenchenko [4, P. 39].

Economists differently defined and classified forms of enterprise penetration and presence in foreign markets. Today the basic classification of forms of penetration and presence in foreign markets is the classification proposed by F. Root [5, P. 6]. According to this classification, forms of penetration and presence are divided into: exports (exports through resellers, direct exports through agents/distributors, direct exports through the establishment of department/branches abroad, etc.), contract (licensing, franchising, management contracts, contracts for production contracts for investment "turnkey", etc.) and investment (joint ventures, direct investments in acquisitions or new businesses "from scratch", etc.).

Choosing a strategy of internationalization, the enterprise must weigh all the advantages and disadvantages of a particular activity and make a comparative analysis of alternative types of economic agents in foreign markets. Y. Persky and P. Novikova [6, P. 39–42] consider only individual benefits achieved by enterprises in terms

of internationalization. However, such benefits are treated only as a proactive internationalization motives. Depth study of the internationalization of enterprises Y. Persky and P. Novikova did not commit. Du Chunbu has a similar position, considering the possibility of achieving certain advantages internationalization of enterprises solely as internationalization factors, but not directly investigating the benefits of internationalization of enterprises and the impact of their achievements on enterprises [7, P. 58–63]. Y. Shmalenko is exploring development goals of the principles of internationalization. She has developed the group of criteria in formulating goals and objectives classified internationalization, the achievement of which there are also benefits of enterprises internationalization. However, she does not indicate the benefits of internationalization and their impact on the effectiveness of the enterprises in case of their achievement [8].

However, one of the least researched aspects of enterprises internationalization is cost management. Basic research focuses on coverage of transaction cost management. In particular Lee S.K. et al. examine the internationalization of US publicly traded restaurant companies through transaction cost economics [9]. Also, Zhao D. and He X.M. explore factors, which gave preference to foreign markets in order to exploit market imperfections that can provide greater revenues at lower costs [10]. As a kind of internationalization costs, Fisch J. considers information costs [11]. Very important is the study of financial costs which are associated with internationalization and relation between the level of firm international activity and the cost of debt financing [12]. Equally important is studies of sunk costs in firm-specific assets, such as R&D and marketing, are necessary in order to grow and gain market shares [13]. But there is no holistic approach to classification costs for the internationalization of enterprises and also wasn't developed a management mechanism the additional costs of internationalization. It proves the relevance of this research.

RESEARCH RESULTS

Selecting a target market based on the assessment of the attractiveness of certain market segments (global, regional or national level). This assessment can be carried out by using the following criteria:

- profitability (evaluating the expected performance product sales in some segments);
- matches consumer needs and preferences of specific segments of the range of products the company and its strengths;

- competition level (the lower the level of competition, the more attractive is the segment);
- operating costs for separate segments, which include marketing costs (marketing, advertising), the costs of communication with the target consumers (lower cost, the segment is attractive).

Note that doing business in foreign markets is accompanied by the need to carry additional costs. This fact was noted in the studies of S. Hymer already in 1960 [14, P. 34], but further studies began only in the 90's. [15, P. 64–81; 16, P. 229–244; 17, P. 339–350; 18, P. 341–363].

Singles out a number of components such costs — not only economic [14, P. 34], but also social, political and legal. Studies need additional costs for the internationalization of enterprises and its management in the studies of S. Zaheer [18, P. 341–363] called “theory of limits foreign companies”. This theory explores the sources of additional costs companies operating in foreign markets, compared with companies that operate only in the domestic market. The prerequisites that determine the supplementary costs of internationalization are: 1) lack of knowledge of the market environment in a foreign country, 2) geographic, cultural, psychological, political, legal and economic differences between the activities of the domestic and foreign markets, 3) discrimination against foreigners, 4) conduct foreign economic activity mainly in the country's domestic market-based, 5) the risk of exchange rate changes [18, P. 343].

The emergence of additional costs for an activity outside the home country linked to three types of costs: initial (creation costs), costs of forming and operating market position (current) costs (Fig. 1).

Initial costs arising as to the beginning activity of the enterprise in foreign markets, and subject to expansion activity into other new foreign markets. Each foreign market, in addition to various levels of globalization and the availability of various types of economic activity, is also characterized by other differences.

This necessitates a thorough collection and analysis of information for the study of its specificity. Otherwise, the lack of knowledge about foreign markets or incorrect interpretation of the collected data can be a cause of wrong management decisions.

The level of initial cost depends on several factors: 1) the level of similarity (closeness) foreign to domestic market, 2) the value of the foreign market and its internal

configuration, 3) the level of globalization of the sector (economic activity), 4) development of market infra-

structure, 5) form of penetration and presence in the foreign market.

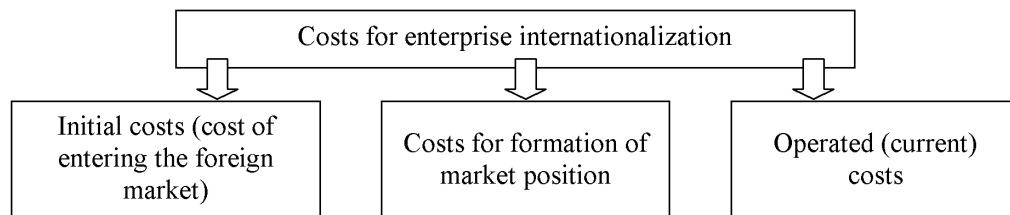

Fig. 1. Classification costs of enterprises for internationalization

Source: author proposed

The specific foreign markets can lead to additional costs arising from the need for cooperation with foreign partners, buying foreign assets (companies, local brands) and adaptation of products offered to the local market.

The costs of forming the company's market position relate to the relationship with the subjects of the foreign market: customers, resellers, suppliers and state authorities. Costs the formation of market position on the foreign market are higher if ethnocentric relationship is stronger in this market. Ethnocentric relationship characterized by the presence of market conditions:

- 1) consumer (consumer groups) prefers products produced by local manufacturers,
- 2) government creates many obstacles to market access (especially true in the case of imports),
- 3) the legislation gives priority to local entities,
- 4) retailers form entry barriers for foreign suppliers.

Costs the formation of the market position of the company can be significantly reduced if work under the brand name of the foreign market by cooperating with foreign partners, or sign in a foreign market that is most similar in characteristics to the domestic market (or other foreign markets, which already operates the company).

Operating costs for ongoing activities in foreign markets may include transaction costs (fixed operating costs, transactions), the cost of monitoring and coordination. Companies engaged largest operating costs while doing business in foreign markets as exports.

Application of the marketing strategy of internationalization in order to increase activity on the one side reduces operating costs, and the other — increases the value of the initial costs (associated with investing in foreign assets). At the level of operating costs also affect currency fluctuations, as significant currency fluctuations increase the level of risk associated with internal and external operating activities in several geographic markets.

The costs of monitoring and coordination related to the increasing complexity of organizational structure that works in foreign markets. Increasing the number of geographic markets in which the company operates increases those costs. The costs of monitoring and coordination also depend on the level of diversification of geographic markets, a variety of forms of penetration and presence on foreign markets and control relationship between the head office company and its subsidiaries (foreign missions).

Based on the researches [19] it is possible to determine the role of specific approaches to standardization and adaptation of marketing activities in foreign markets. The dominant role belongs to the situational approach (the theoretical basis of 40% of reviewed publications) less important role belongs to the adaptive approach (34%) and least common is standardizing an approach (only 23%).

Marketing activities in foreign markets are characterized by a high level of standardization and provide many benefits to enterprises, including reduction of production costs, the formation of a single image, sharing experiences and information, improving the management of strategic marketing management.

Reducing production costs is the strength of standardization of marketing activities internationally. Standardization leads to lower production costs due to economies of scale and range of activities, reduction of supply, research and marketing costs. The standardized product provides the ability to carry out large-scale production (in several production units located in different regions or at a production unit in the world), to achieve better positions in the contracts for the supply and reduce the cost of R & D through a limited number of versions of the products (no need to make changes to the product to adapt to local preferences). Unification promotion of measures reduces expenses on production of promotional materials, ensures

the accumulation of experience and reduces the likelihood of errors.

The enterprise can create a single image of the trademark in various countries through high standardization of promotional activities (including through measures of marketing positioning).

Standardization marketing activities promote the transfer of experience and information between employees of different branches/subsidiaries located in different countries. Heads develop optimal marketing activities and seek to implement them in all countries where the enterprise operates. An important task is to create not only the channels of experience and information exchanging but also a motivation system for the exchange of experience and information, procedures for their use. For example, the advantage of global consulting companies is a database that consists of previous researches carried out in different countries. For such enterprises, the initial step is analyzing this database. This information speeds up decision making and allows to choose the best options.

The standardization of marketing activities and presence in many geographic markets involves being the best strategic assumptions: creating competitive advantages, the possibility of taking action in response to attacks from competitors, faster entry into new foreign markets.

However, standardization of marketing activities is accompanied by centralization of decision-making. In this situation, a unit of the company (or more units) becomes the leader (by the criterion of the share sales, product brand (product line)) in the promotion of a particular brand (product line), serving large customers struggle with competitors or research and development. This unit controls and coordinates the analytical work, planning and marketing activities in the markets in which an enterprise operates. It reduces marketing and

other costs (for analysis, planning and monitoring) and facilitating the transfer of best practices and information.

The adaptive approach consists in adapting to the specific marketing activities of foreign markets. Adaptation emphasizes the difference between different geographical markets. Consequence take account of changes in different geographic markets is the low level of standardization of marketing activities. The adaptable approach is based on providing basic priority needs of clients and requires adapting marketing activities to the expectations and preferences of consumers, which belonging to the target market in a specific geographic market. The advantages of adaptive approaches are: adapting products to the expectations and preferences of target customers from different countries and decentralized marketing in geographical terms.

The adaptive approach enables enterprises to increase sales volumes through the use of differential pricing in different countries. In addition, greater needs and customer loyalty, so an enterprise can increase revenue from product sales through repeat purchase products and lower marketing costs. Decentralization of marketing activities in geographical terms entails increase results from: 1) lower costs for coordination of marketing activities and internal reporting; 2) increasing the speed of decision-making: branch/subsidiary can quickly adapt to the specific market and the changes taking place in it; 3) limiting the number of conflicts between the main units and branches in foreign markets; 4) to motivate managers and employees of foreign affiliates (foreign partners), allowing the implementation of a large number of local initiatives; 5) no need for the loss of market position by achieving the global goals of the company.

Strengths and weaknesses of using standardization and adaptation of marketing activities are systematized in the Table 1.

Table 1. – Strengths and weaknesses of standardization/adapting marketing activities

Indexes	Standardization	Adaptation
Increase profits	After achieving economies of scale and range of activities	Because of the increase in income from sales due to increased product matches the characteristics and expectations of consumers in local markets and reduce the cost of coordination
Economies of scale and range of activities	The ability to achieve both effects	Limited opportunities to achieve both effects
The image of the brand/company	The ability to create a single image on a global level	The ability to create a differentiated image on a global level

The transfer of experience and information	The ability to use best practice in many countries and the transfer of experience and information from one country to another	Limited opportunities — because of the high level of independence of foreign affiliates
Strategic opportunities	The higher possibility of creating competitive advantages, the possibility of taking action in response to attacks from competitors	Limited opportunities due to the high level of independence branches/subsidiaries in different countries
«Proximity to the customer»	Limited (excluding global clients)	Max — by adapting to the specific target market in the country
Costs for coordination	High — because of the high level of coordination of marketing activities (regional and/or global level)	Low — because of poor coordination of marketing activities (regional and/or global level)
Speed of management decisions	Low — because of the high level of centralization	High — because of the low level of centralization
Relations between main offices and branches in foreign markets	Many conflicts — because of the introduction of centralized management solutions and marketing programs	A small number of conflicts — by providing affiliates or partners of Foreign pop-up waste, significant rights in decision-making and implementation of marketing programs

Source: author systematized

Benefits adaptive approach is both shortcoming standardization approachable.

We recommend using a situational approach based on organizing, marketing activities so as to ensure the highest possible level of standardization and maximum the required level of adaptation. The situational approach to adaptation and standardization of marketing activities in foreign markets based on the following assumptions: 1) There is no complete standardization and adaptation of marketing activities; 2) the decision to standardize or adapting marketing activities determined by external and internal factors; 3) various marketing activities have different levels of standardization; 4) choice of standardization and adaptation of marketing activities should be carried out only based on the impact on financial performance.

It should be noted that standardization and adaptation should not be considered alternatives to the two opposing marketing activities; on the contrary, they should only be seen as two possibilities of action. This means that companies form the marketing mix activities in foreign markets with varying levels of standardization (adaptation), while the absolute Standardization (adaptation) cannot reach. The decision on the level of standardization/adapting depends on the market situation for a certain period.

Developing a common approach to determine the optimal level of standardization of marketing activities in foreign markets are focused mainly on finding answers to questions of marketing tools easier or harder amenable to standardization Basic research into this issue carried M. Theodosiou and L. Leonidou [20, P. 141–171]. Based on these researches, it was determined the level of standardization of various marketing tools at the global level. In particular, it was found that the easiest way to standardize the product, causing: 1) obtain substantial price advantages as a result of economies of achieving economies of scale, characteristic products and scientific research; 2) a short product life cycle; 3) centralized quality control procedures. Among the characteristics of the product with the highest level of standardization can be achieved for quality and performance, while the lowest — for the number of models.

Price and promotion have the similar level of standardization in foreign markets. Among the characteristics of the price element with the highest level of standardization is a margin for end consumers the lowest — margin reseller. It happens because of the first element typical mainly for the B2B market where a high level of globalization, while the second element is associated with B2C market, which not only lower the level of globalization but also in different countries vary greatly distribution channels.

The reluctance of companies to standardize the prices in international markets can be explained by an attempt to maximize profits. Because enterprises try to use any situation in which market conditions (particularly competitive situation) allows the use of higher prices. Only reap the benefits associated with the creation of a single image in foreign markets can be a prerequisite for the standardization of prices.

Eligibility of standardization/adapting is necessary to assess the results of the company in foreign markets. A. Shoham [21, P. 97–120] made a study whose purpose was to determine the relationship between the level of standardization of individual marketing tools and financial performance and customer feedback. The conclusions of this study are:

- high level of product standardization negative impact on financial results (the result was statistically significant);
- a high level of standardization of the product does not affect the subjective impression on consumers (results obtained from the survey respondents, the result was not statistically significant);
- a high level of standardization of prices has a positive effect on financial performance and subjective impression of consumers (the result was not statistically significant);
- a high level of standardization of distribution negative impact on financial performance and subjective impression of consumers (the result was statistically significant);
- a high level of standardization promotes a positive impact on financial performance and adversely affect the subjective impression of consumers (the result was not statistically significant) [21, P. 104–111].

Based on studies of A. Shoham [21] we can conclude that the best results are achieved activities now provided the average level of standardization (adaptation) marketing activities with regard to external and internal factors.

Conclusions

Entering foreign markets, the enterprise automatically reduces dependence on the performance of both the domestic market and on the performance of other foreign markets (provided that the measures previously carried internationalization). This allows the enterprise to provide a stable market position already on the international market.

Also, working in various foreign markets, the company improves its business relations with suppliers, distributors, customers and state authorities, leading to the strengthening of its market position. Entities that have a strong position on the world market are not only opportunities in the choice of suppliers and are able to agree on more favorable terms of cooperation with them. At the same time suppliers willing to cooperate with enterprises in terms of scale (size of orders) and the prestige of cooperation. On a similar basis formed relationships with resellers. Enterprises are able to negotiate lower trading margins for their products and gain for themselves a larger share of the price of the final product or capture more market share through the use of price competitive advantage.

End consumers (in certain segments) are less sensitive to the price of products offered by large international enterprises, and such products are more consumer confidence. The result is higher prices compared to global companies with local competitors. International businesses also have a strong position in negotiations with the national public administrations. Governments in order to attract foreign direct investment often practiced for proposals for creating attractive business environments, such as tax breaks, the ability to purchase real estate (land) at attractive prices, the possibility of investment in highly profitable economic activities and infrastructure (telecommunications, road).

Using by enterprises of differences and common characteristics of the domestic market compared with foreign markets, provided their activity in many foreign markets leads to: 1) increase sales, 2) reduce costs, 3) improving the elasticity, 4) ability to reduce risk. It will help to benefit businesses as at the entrance to foreign markets, and at the exit of the foreign markets and, above all, and financial advantages.

Advantages of the entrance to foreign markets are organizing a chain of value so as to make optimal use of the difference between costs and outcomes (effectiveness) using resources in different countries, i. e. the circuit layout is the cost to those foreign markets, where spending on the implementation of specific activities are minimal compared with the domestic, as well as other foreign markets. Benefits from the exit of foreign markets include the use of common features and differences in the situation of demand for products and competition in the markets of different countries, ie is able to get out of a particular foreign market by switching to another foreign market without reducing the overall performance of a critical de-

cline in demand for products or significantly increasing the level of competition in the separate market. Getting advantage now out of the market as possible and in the case where the activity on other foreign markets are more efficient, but an enterprise is unable (enough resources, etc.) to log on to a foreign market.

Financial benefits of internationalization are to optimize the tax burden on enterprises through international pricing, license fees (from affiliates in foreign markets) and placement offices (branches) in countries with low taxes.

References:

1. Drabik, I. Kryterii' klasyfikacii'. Vydy strategii' rozvytku pidpryjemstva na zakordonnyh rynkah (The criteria for classification. Skills development strategy in foreign markets), *Visnyk Nacional'nogo universytetu «L'vivs'ka politehnika»: Logistyka*, 2010, No. 690, pp. 587–593 (in Ukr.).
2. Kokorina, V. I. Imperatyvy rozvytku mizhnarodnogo biznesu v umovah globalizacii' (The imperative of international business in the conditions of globalization), *Derzhava ta regiony. Serija: Ekonomika ta pidpryjemnyctvo*, 2010, No. 3, pp. 67–73 (in Ukr.).
3. Shtal, T. V. Marketyngova strategija pronyknennja pidpryjemstva restorannogo gospodarstva v sumizhni sfery dijial'nosti (The marketing strategy of penetration of enterprise restaurant management in related areas of activity), *Ekonomichna strategija i perspektyvy rozvytku sfery torgivli ta poslug*, 2011, No. 1, pp. 608–617 (in Ukr.).
4. Pasenchenko, O. Ju. Marketyngovi ryzyky pronyknennja pidpryjemstv na mizhnarodni rynky (Market penetration risks companies on international markets), *Visnyk KNU im. T. Shevchenka*, 2005, No. 73, pp. 37–39 (in Ukr.).
5. Root, F. R. *Entry strategies for international markets*, NY: Lexington Books, 1987, 269 p.
6. Perskij, Y., Novikova P. Internacionalizacija rossijskoj kompanii: rol' i zadachi menedzherov (The internationalization of Russian companies: the role and task managers), *Vestnik PNIPU. Social'no-jekonomicheskie nauki*, 2012, No 16 (41), pp. 36–47 (in Russ.).
7. Du, Chun'bu. Chynnyky internacionalizacii' dijial'nosti malyh i serednih pidpryjemstv v umovah globalizacii' (Factors internationalization of SMEs in the context of globalization), *Visnyk Odes'kogo nacional'nogo universytetu. Ekonomika*, 2010, No 20, pp. 58–69 (in Ukr.).
8. Shmalenko, Y. V. Postanovka cilej rozvytku pidpryjemstva na pryncypah internacionalizacii' (Setting goals of internationalization principles), *Instytucional'nyj vektor ekonomichnogo rozvytku*, 2008, No 1 (2), Available at: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/iver/2008_1_2/index.html (in Ukr.).
9. Lee, S. K., Koh, Y., Heo, C. Y. Research note: Internationalization of US publicly traded restaurant companies — a transaction cost economics perspective, *Tourism Economics*, 2011, Volume 17, Issue 2, pp. 465–471.
10. Zhao, D., He, X. M. The Influence of Capital Structure and Internationalization on Chinese Multinationals: A Transaction Cost Perspective, *Proceedings of the Second International Symposium — Management, Innovation and Development*, 2015, pp. 674–680.
11. Fisch, J. H. Information costs and internationalization performance, *Global Strategy Journal*, 2012, Volume 2 Issue 4, pp. 296–312.
12. Reeb, D. M., Mansi, S. A., Allee, J. M. Firm internationalization and the cost of debt financing: Evidence from non-provisional publicly traded debt, *Journal of financial and quantitative analysis*, 2001, Volume 36, Issue 3, pp. 395–414.
13. Braunerhjelm, P. Sunk costs, firm size, and internationalization, *Weltwirtschaftliches archiv-review of world economics*, 1999, Volume 135, Issue 4, pp. 657–674.
14. Hymer, S. *The International Operations of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment*, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1960, 198 p.
15. Kostova, T. Organizational legitimacy dunder conditions of complexity: the case of the Multinational enterprise, *Academy of Management review*, 1999, Volume 24, Issue 1, pp. 64–81.
16. Mezas, J. M. Identifying liabilities of foreignness and strategies to minimize their effects: The case of labour-law-suite judgment In the US, *Strategic Management Journal*, 2002, Volume 23, Issue 3, pp. 229–244.

17. Petersen, B., Pedersen, T. Copying with liabilities of foreignness: different learning engagement of entrant firms, *Journal of International Management*, 2002, Volume 8, Issue 3, pp. 339–350.
18. Zaheer, S. Overcoming the liability of foreignness, *Academy of Management Journal*, 1995, Volume 38, Issue 2, pp. 341–363.
19. Ilchuk, P. G. Problemy formuvannja ta ocinjuvannja marketyngovyh strategij internacionalizacii' ukrai'ns'kyh pidpryjemstv: monografija (Problems of and evaluating marketing strategies of internationalization of Ukrainian enterprises: Monograph), L'viv: Novyj svit-2000, 2015, 464 p. (in Ukr.).
20. Theodosiou, M., Leonidou, L. Standardization versus adaptation of international marketing strategy: an integrative assessment of the empirical research, *International Business Review*, 2003, No 12 (2), pp. 141–171.
21. Shoham, A. Standardization of international strategy and export performance: a meta-analysis, *Journal of global marketing*, 2002, Volume 16, Issue 1/2, pp. 97–120.

Information about the author

Pavlo H. Ilchuk, Doctor of Economics, Docent, Head at Department of Management Technology, Institute of Administration and Postgraduate Education, Lviv Polytechnic National University
Address: 63/50 Knyagyni Olgy Str., 79053, Lviv, Ukraine, tel.: +38 (097) 942-83-25
E-mail: pavlo.g.ilchuk@lpnu.ua
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4636-230>

R. S. Kvasnitskaya¹¹ Khmelnytsky national university, Khmelnytsky, Ukraine

TYOLOGY OF INSTITUTIONS OF THE FINANCIAL MARKET

Abstract

Objective: define the essence of the concept of «institute of the financial market» and justification of the institutional structure of the financial market in the modern conditions of its functioning.

Methods: historical, theoretical generalization, analysis, induction, deduction, comparison.

Results: based on the analysis of legislative and normative-legal acts regulating the functioning of the financial market of Ukraine, scientific literature deepened the economic definition of the essence of the concept of «institute of the financial market»; justify the composition of institutions of the financial market, revealed their hierarchical subordination and functional connections.

Scientific novelty: in an article for the first time on the basis of the methods of grounded principles of subjective representation of the financial market through the positioning of any of its participants as an institution as well as to identify a single sector-level system of institutions of the financial market, which provides a distribution: the first level — institutions-sellers and institutions-buyers of financial resources; the second level — the institutions of the regulatory and supervision activities on the financial market; inter-layer sphere (area) — institutions of infrastructure of the financial market (the institutions of financial intermediation and the institutions of accounting, technical, informational, organizational security and insurance). This has allowed to specify, according to the classification of institutional sectors of the economy, the composition of institutions of the financial market, their sector-tier place, role and relationship.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and teaching at the consideration of the efficiency of functioning of the financial market and its institutions.

Keywords: Financial market; institutionalism; Institute; Institute of the financial market; Institutional structure of the financial market.

References:

1. Gonta, O. I. *Institutsionalnyy podhod k funktsionalno-tselevogo soglasovaniya interesov sub'ektov transnatsionalizatsii ekonomiki regionov Ukrainyi*//Vestnik Chernigovskogo gos. tehnolog. un-ta. – Chernigov: ChGTU, 2009, № 38, pp.76–90. – [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Vcndtu/2009_38/9.htm (in Ukr.).
2. Virchenko V. *Issledovanie suschnosti finansovyih institutov v kontekste novoy institutsionalnoy ekonomicheskoy teorii*//Vestnik Kievskogo natsionalnogo universiteta im. T. Shevchenko. Ser. Ekonomika, 2005, № 75–76, pp. 77–81 (in Ukr.).
3. *Institutsionalnyie osnovyi formirovaniya ekonomicheskoy sistemyi Ukrainyi: teoriya i praktika*/Pod red. S. Vatamanyuka. – Lvov: Novyy Svet-2000, 2005. – 648 p. (in Ukr.).
4. Commons J. R. *Institutional Economics*//American Economic Review, 1931, Vol. 21, P.648–657.
5. Novitskiy A. M. *Pravovoe regulirovanie institutsionalizatsii informatsionnogo obschestva v Ukraine: monografiya*/A. M. Novitskiy. – Irpen: NU GNS Ukrainyi, 2011, 444 p. (in Ukr.).
6. *O reestre statisticheskikh edinit i formirovaniya osnov vyiborki sovokupnostey edinit statisticheskikh nablyudeniya za deyatelnyu predpriyatiy: polozenie: ofits. tekst: utverzhdennoe prikazom Gossluzhbyi statistiki Ukrainyi # 481 ot 16.12.2009 g.* – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ukrstat.org/uk/edrpoj/prso.htm>. (in Ukr.).
7. *Klassifikatsiya institutsionalnyih sektorov ekonomiki Ukrainyi.: Prinyata prikazom Gossluzhbyi statistiki Ukrainyi # 378 ot 03.12.2014 g.: Ofits. tekst: po sostoyaniyu 30.01.2015 g.* – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: buhgalter911.com/Res/Other/KICE_378.rtf. (in Ukr.).

8. O finansovyih uslugah i gosudarstvennom regulirovanii ryinkov finansovyih uslug: zakon: po sostoyaniyu na 6 fevralya 2015 g. – [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2664-14>. (in Ukr.).
9. O Natsionalnom banke Ukrainyi: zakon: po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2017 g. – [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/679-14>. (in Ukr.).
10. Ob institutah sovместnogo investirovaniya: zakon: ofits. tekst: po sostoyaniyu na 9 dekabrya 2015 g. – [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5080-17>.
11. O strahovanii: zakon: ofits. tekst: po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2017 g. – [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/85/96>. (in Ukr.).
12. O negosudarstvennom pensionnom obespechenii: zakon: ofits. tekst.: po sostoyaniyu na 20 iyulya 2014 g. – [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1057-15>. (in Ukr.).
13. Kizima, T. A. Finansyi domohozyaystv: sovremennaya paradigma i dominantyi razvitiya: monografiya. – K.: Znanie, 2010, 431 p. (in Ukr.).
14. Rekunenko, I. I., Bondarenko, E. P. Osobennosti deyatel'nosti samoreguliruemyykh organizatsiy na rynke finansovyih uslug. – [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/pprb-su/2010_29/10_29_44.pdf (in Ukr.).
15. Smagin, V. L. Formirovanie i razvitie finansovogo ryinka v usloviyah transformatsionnoy ekonomiki: monografiya. – K.: KNEU, 2008, 232 p. (in Ukr.).
16. Kravets, I. Institutionalnaya struktura ryinka: dis. ... Kand. ekon. nauk: 08.00.08/Kravets Vyacheslav Ivanovich. – K., 2011. – 215 p. (in Ukr.).
17. Yuriy, S. M., Shtefanovich, A. N. Vliyanie finansovogo ryinka na razvitie natsionalnoy ekonomiki. [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vchetei_2009_2_45 (in Ukr.).
18. Finansovyy ryinok: ucheb.-metod. posobie/N. S. Nedashkovskaya, L. V. Fomenkova, V. A. Shamov. – Minsk: BGEU, 2010, 95 p. (in Russ.).
19. Sheludko, V. M. Finansovyy ryinok: uchebnik. – K.: Znanie, 2008, 535 p. (in Ukr.).
20. Esh, S. M. Finansovyy ryinok: ucheb. posobie. – K.: TsUL, 2009. – [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://dspace.nuft.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/11025/1/ST2.pdf>. (154) (in Ukr.).
21. Moshenskiy, S. Z. Ryinok tsennykh bumag: transformatsionnyye protsessyi. – M.: Ekonomika, 2010, 240 p. (in Russ.).

Information about the author

Kvasnitskaya R., PhD (Economics), Associated Professor, Professor of the Department of Finance, Banking and Insurance, Khmel'nitsky national university.

Address: 11 Institut'skaya Str., 29016, Khmel'nitsky, Ukraine, tel.: +38067-99-113-20

E-mail: kvasnitska@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0443-9390>

Р. С. Квасницкая¹

¹Хмельницький національний університет, г. Хмельницький, Україна

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Аннотация

Цель: определение сущности понятия «институт финансового рынка» и обоснование институциональной структуры финансового рынка в современных условиях его функционирования.

Методы: исторический, теоретического обобщения, анализа, индукции, дедукции, сравнения.

Результаты: на основе анализа законодательных и нормативно-правовых актов, регламентирующих функционирование финансового рынка Украины, научной экономической литературы углублено определение сущности понятия «институт финансового рынка»; обосновать состав институтов финансового рынка, раскрыта их иерархическая подчиненность и функциональные связи.

Научная новизна: в статье впервые, на основе представленных методов, обоснованы принципы субъектного представления финансового рынка через позиционирование любого из его участников как института, а также определена единая секторно-уровневая система институтов финансового рынка, которая предусматривает такое их распределение: первый уровень — институты-продавцы и институты-покупатели финансовых ресурсов; второй уровень — институты регулирования и надзора деятельности на финансовом рынке; межуровневой сфера (зона) — институты инфраструктуры финансового рынка (институты финансового посредничества и институты учетно-технического, информационного, организационного обеспечения и страхования). Это позволило конкретизировать, согласно классификации институциональных секторов экономики, состав институтов финансового рынка, их секторно-уровневое место, роль и взаимосвязи.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов эффективности функционирования как финансового рынка в целом, так и отдельных его институтов.

Ключевые слова: финансовый рынок; институционализм; институт; институт финансового рынка; институциональная структура финансового рынка.

ВВЕДЕНИЕ

Мировой опыт развития экономики показывает, что наиболее эффективной формой организации экономической жизни общества выступает рыночная экономика, которая является сложным организмом, включая различные производственные, коммерческие, финансовые и информационные структуры, взаимодействие между которыми основывается на соответствующих отношениях и связях. И именно рыночные отношения выступают определенным стимулятором достижений в различных сферах экономики. Отражателем гибкости финансовой системы и ее мобильности относительно изменений в экономическом и политическом положении государства выступает финансовый рынок. Вместе с тем, успешное функционирование финансового рынка требует слаженной работы его субъектов, то есть различных институтов этого рынка.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из направлений современной экономической мысли, объектами исследования которого выступают определенные институты (корпорации, государство, профсоюзы), а также правовые, психологические и морально-этические аспекты их функционирования (обычаи, навыки, инстинкты и т. д.) является институционализм. Он зародился как протестная форма постулатов классической и неоклассической теорий рыночной экономики, которая царила на рубеже XIX–XX веков. Институционализм возник

как оппозиционное учение в политической экономике, а его сторонники пытались отразить в экономической схеме не только формальные модели и строгие логические схемы, но жизнь во всем ее многообразии. Сущность институционального подхода заключается в том, что общество рассматривается как целостная система, механизмы и связи субъектов рыночных отношений исследуются в неразрывной взаимосвязи с социальными, политическими, правовыми, организационными, психологическими явлениями, которые характерны для данного общества в конкретно-исторический момент развития [1].

Институциональное направление в экономической науке исследовалось в трудах таких известных ученых, как Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, В. Митчелл, Д. Норт, Дж. Сэмюэльсон, Дж. Хикс, М. Туган-Барановский, С. Ватаманюк, В. Дементьев Т. Гайдай и других. Ими определено место и роль институциональной среды в экономической жизни, разработан понятийный аппарат институциональной теории, который обобщает такие категории, как институция, институт, институциональная структура, институционализация и другие, выявлены причины трансформации различных институтов, основные векторы их изменений, определены критерии оценки эффективности институтов и их влияние на национальное хозяйство в целом. Однако, наработки институциональной теории все же недостаточно используются при исследовании понятия и характеристики именно

институтов финансового рынка, то есть его конкретных субъектов.

Поэтому, исследование сущности субъектов финансового рынка целесообразно осуществлять именно с помощью институционального подхода. Ведь сегодня для характеристики понятия «субъект финансового рынка» в научной литературе и на практике применяют ряд терминов: «финансовый институт», «финансовая организация», «финансовое учреждение», «финансовый посредник», «финансово-кредитный институт», «институциональный инвестор» и другие. Такая широкая спектральность толкований искажает общеэкономическую природу субъектов рынка и не учитывает всю их множественность. На наш взгляд, целесообразным есть рассмотрение субъекта финансового рынка именно с точки зрения его обобщения в таком понятии, как «институт», поскольку само это понятие олицетворяет собой определенную организационную структуру, которая создает организационно-регулятивные условия функционирования рынка, аккумулирует финансовые ресурсы и осуществляет их перераспределение.

Отметим, что слово «институт» (*institute*) возникло еще в 1325 г. и происходит от латинского слова *institutum* — обычай, установка. Сначала оно употреблялось как глагол («создать или начать»). Лишь начиная с 1828 это слово стало использоваться как существительное, которое означает «организация или общество» [2, С. 78]. Исходным для понимания сущности института являются отношения согласия, устанавливаемые между субъектами в процессе их жизнедеятельности. Привычки и обычаи только тогда будут объединять людей, если их поддерживают, признают большинство из них, то есть когда их использование согласовано между определенным количеством субъектов отношений [3, С. 18]. Так, Дж. Р. Комонс отмечает, что «институт — это организованная форма или воплощение коллективного действия» [4, с. 649].

Таким образом, институт является моделью конкретных организаций, задавая структурно-функциональные рамки формирования устойчивых связей и отношений между их агентами и клиентами [5, с. 82]. Заметим, что экономика страны складывается из совокупности институтов или, другими словами, институциональных единиц, которые самостоятельно распоряжаются активами, берут на себя обязательства, от собственного имени вступают в имущественные и неимущественные права и в полной мере

отвечают за принятые решения и их исполнение [6].

Признаками институциональной единицы являются:

- право самостоятельного владения товарами и активами от собственного имени, которое дает возможность обмениваться правами собственности на эти товары и активы при операциях с другими единицами;
- способность принимать самостоятельные экономические решения и осуществлять хозяйственную деятельность, за которую она сама несет прямую ответственность и отвечает перед законом;
- способность принимать финансовые и другие обязательства от своего имени, а также заключать договоры;
- наличие для нее полного набора счетов, включая баланс активов и пассивов, или практической возможности — как с экономической, так и с юридической точки зрения — по подготовке полного набора счетов, а также статистической отчетности в случае необходимости [7].

Таким образом, все институты делятся на такие две большие группы:

1) юридические лица, созданные и осуществляющие свою деятельность в соответствии с законодательством, независимо от того, какие лица или субъекты могут обладать ими или контролировать их деятельность;

2) физические лица или группы лиц в форме домашних хозяйств.

В соответствии со своими функциями и со структурой экономики государства институты группируются в пять институциональных секторов экономики [7], представление которых подадим с авторскими дополнениями, сделанными на основе законодательных трактовок тех или иных по-секторных составляющих:

1) нефинансовые корпорации — это институциональные единицы, основной деятельностью которых является производство рыночных товаров или предоставления нефинансовых услуг;

2) финансовые корпорации (учреждения), являющиеся юридическими лицами, которые предоставляют одну или несколько финансовых услуг, а также другие услуги (операции), связанные с предоставлением финансовых услуг, в случаях, прямо определенных законодательно, и внесено в соответствующий реестр в установленном порядке [8]. В свою очередь сектор

«Финансовые корпорации» ранжируется на такие подсектора:

2.1) Национальный банк Украины (НБУ), который является центральным банком страны, основным центральным органом государственного управления, юридический статус, задачи, функции, полномочия и принципы организации которого определяются Конституцией Украины [9];

2.2) корпорации, принимающих депозиты, которые включают все финансовые корпорации (за исключением НБУ), основным видом деятельности которых является финансовое посредничество и обязательства которых имеют форму депозитов или таких финансовых инструментов, как краткосрочные депозитные сертификаты, выступающие как близкие заменители депозитов при мобилизации финансовых ресурсов и включаются в показатель денег в широком смысле. К ним относятся банки, кредитные союзы и тому подобное;

2.3) фонды денежного рынка, представляющие институциональные единицы, которые аккумулируют средства путем продажи акций, паев или сертификатов юридическим лицам или населению. К таким фондам относятся корпоративные инвестиционные фонды, то есть юридические лица, которые образуются в форме акционерного общества и проводят исключительно деятельность по совместному инвестированию [10]; паевые инвестиционные фонды, то есть фонды, которые не являются юридическим лицом, представляющие собой совокупность активов, принадлежащих участникам таких фондов на праве общей долевой собственности, находятся в управлении компании по управлению активами и учитываются ней отдельно от результатов ее хозяйственной деятельности; другие коллективные инвестиционные схемы, акции или паи которых есть близкими заменителями депозитов;

2.4) инвестиционные фонды неденежного рынка, представляющие собой институциональные единицы, которые привлекают средства населения, инвестируемых в основном в недвижимость или другие нефинансовые активы. К таким фондам относятся фонды финансирования строительства и фонды операций с недвижимостью;

2.5) другие финансовые посредники, кроме страховых корпораций и пенсионных фондов, которые охватывают финансовые корпорации, занятые оказанием финансовых услуг от своего имени путем принятия

обязательств в форме, отличной от денежной, депозитов или близких аналогов депозитов, с целью приобретения финансовых активов, участвуя в финансовых операциях на рынке. Они включают: финансовые корпорации, которые занимаются трансформацией активов в ценные бумаги; дилеров, которые занимаются ценными бумагами и производными финансовыми активами; финансовые корпорации, занимающиеся кредитованием; финансовые корпорации, обеспечивают клиринг и урегулирование расчетов по операциям с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами; специализированные финансовые корпорации, которые предоставляют краткосрочное финансирование для слияний и поглощений компаний, финансирование экспорта и импорта, факторинговые услуги, венчурный капитал и капитал для развития;

2.6) вспомогательные финансовые корпорации, которые, в основном, связанные с операциями с финансовыми активами и обязательствами, которые не предусматривают, что вспомогательная корпорация становится собственником финансовых активов и обязательств, являющихся предметами операций. К вспомогательным финансовым корпорациям относятся: страховые брокеры, оценщики ущерба и требований, консультанты по вопросам страхования; брокеры по операциям с кредитами и ценными бумагами, консультанты по вопросам инвестирования; корпорации, размещающие займы, которые управляют выпуском ценных бумаг; корпорации, основной функцией которых является обеспечение путем индоссаментов векселей или аналогичных инструментов; корпорации, занимающиеся производными финансовыми инструментами и инструментами хеджирования, такими как свопы, опционы и фьючерсы (без их выпуска); корпорации, обеспечивающие инфраструктуру финансовых рынков; фондовые биржи; пункты обмена иностранной валюты; некоммерческие организации, обслуживающие финансовые корпорации; главные офисы финансовых компаний, которые в основном занимаются контролем финансовых корпораций или групп финансовых корпораций, но сами не осуществляют операций финансовых корпораций;

2.7) кэптивные финансовые корпорации, которые включают институциональные единицы, предоставляющие финансовые услуги на открытых финансовых рынках относительно активов или обязательств. К их числу относятся единицы, осуществляющие операции

только в рамках ограниченной группы единиц (таких, как дочерние финансовые компании), или дочерние компании, принадлежащие одной и той же холдинговой компании, или единицы, которые предоставляют заем из собственных средств, предоставленных только одним спонсором. Кэптивные финансовые корпорации включают кредитные организации, созданные финансово-промышленной группой или частными лицами для обслуживания своих интересов;

2.8) страховые компании (финансовые учреждения, которые созданы для защиты имущественных интересов физических лиц и юридических лиц в случае наступления определенных событий (страховых случаев), определенных договором страхования или действующим законодательством, за счет денежных фондов, формируемых из уплачиваемых физическими лицами и юридическими лицами страховых платежей (страховых взносов, страховых премий) и доходов от размещения средств этих фондов) [11]. Страховые компании предоставляют услуги по страхованию жизни, страхование от несчастных случаев, болезни, пожаров или любыми формами страхования иным институциональным единицам или группам институциональных единиц, а также услуги по перестрахованию другим страховым корпорациям. К ним также относятся: кэптивные страховые компании, то есть страховые компании, которые обслуживают только их владельцев; компании, предоставляющие гарантии по депозитам; другие компании, предоставляющие стандартизированные гарантии, действуют как страховщики, получая страховые премии и имеют резервы;

2.9) пенсионные фонды, являющиеся юридическими лицами, имеющими статус неприбыльной организации (непредпринимательского общества), функционирующие и осуществляющие деятельность исключительно с целью накопления пенсионных взносов в пользу участников пенсионного фонда с последующим управлением пенсионными активами, а также осуществляющие пенсионные выплаты участникам указанного фонда в определенном порядке [12];

3) сектор общего государственного управления объединяет юридических лиц, для которых основной деятельностью которых есть выполнение функций законодательной, исполнительной или судебной власти в отношении других институциональных единиц в пределах определенной территории. Они имеют полномочия собирать налоги и другие обязательные

платежи, а также тратить их в соответствии с политической политикой. Распределение институтов этого сектора осуществляется по следующим подсекторам: центральные органы государственного управления; региональные и местные органы управления; фонды социального страхования;

4) домашние хозяйства, которые являются экономическими единицами, выполняют важную роль в круговороте ресурсов, состоят из одного или нескольких лиц, поставляющих экономическим субъектам разнообразные ресурсы и используют полученные средства для удовлетворения материальных и иных потребностей [13, С. 46];

5) некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства, которые предоставляют нерыночные товары и услуги домашним хозяйствам без оплаты или по ценам, не имеющим экономического значения. Эти институты, создаются для предоставления услуг главным образом их членам и для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей граждан, а также институты, финансируемые в основном за счет членских взносов.

Отметим, что не все охарактеризованные секторные группы институтов являются институтами финансового рынка. Так, нами сразу исключаются институты, входящие в пятую группу — некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства, которые не выполняют ни основных, ни вспомогательных функций, которые были бы присущи отношениям субъектов именно финансового рынка.

В то же время, акцентируем внимание на том, что среди классификационно выделенных по секторам экономики институтов не нашел своего места такой институт финансового рынка, как саморегулируемая организация (СРО), которая является неприбыльным объединением финансовых учреждений, созданным с целью защиты интересов своих членов и других участников рынков финансовых услуг и которому делегируются соответствующими государственными органами, осуществляющими регулирование рынков финансовых услуг, полномочия по разработке и внедрению правил поведения на рынках финансовых услуг и/или сертификации специалистов рынка финансовых услуг [8].

Целью деятельности СРО финансового рынка является обеспечение эффективной деятельности профессиональных участников этого рынка, которые являются их членами, разработка и принятие

правил, стандартов профессионального поведения и осуществления соответствующего вида профессиональной деятельности [14].

Заметим, что к основным функциям СРО относятся:

- нормотворческая, которая реализуется путем принятия внутренних нормативных актов, регулирующих порядок осуществления профессиональной деятельности и проведения операций на рынке, а также путем участия в законотворческой деятельности, осуществление профессиональной экспертизы законопроектов и проектов нормативных актов;
- контрольная, которая заключается в организации надзора за соблюдением участниками рынка финансовых услуг внутренних требований саморегулируемых организаций и национального законодательства;
- принуждения, что предусматривает разработку санкций, мер воздействия и дисциплинарные меры в отношении членов саморегулируемых организаций и порядок их применения;
- арбитражная, которая реализуется через деятельность созданных при СРО третейских судов и защита профессиональных интересов своих членов в отношениях с органами государственной власти и клиентами;
- информационная, которая осуществляется через анализ информации о деятельности членов СРО и предоставление соответствующей информации им о деятельности самой СРО и рынка в целом;
- организационная, которая воплощается в организации профессионального обучения, аттестации и перееаттестации специалистов [14].

Именно такое функциональное назначение СРО позволяет отнести их как институты ко второй группе классификации институциональных секторов экономики Украины к сектору «Финансовые корпорации», а именно к подсектору «Вспомогательные финансовые корпорации».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что функционирование современной национальной экономики основывается на целой системе институтов, которые формируют поведение экономических субъектов — институтов (организаций) и, которые взаимосвязаны между собой. В этом контексте следует определиться с конкретизацией сущности

института именно финансового рынка. Необходимо отметить, что формулировка понятия «институт финансового рынка» как в зарубежной, так и в отечественной экономической литературе крайне редко встречаются. Так, толкование данного понятия нами было найдено лишь в монографии В. Л. Смагина «Формирование и развитие финансового рынка в условиях трансформационной экономики», в которой автор отмечает, что «институты финансового рынка — это структуры, включающие рыночных субъектов со специфическими видами деятельности в их взаимосвязи и взаимодополняемости» [15, С. 43]. Однако, раскрывая сущность институтов финансового рынка, В. Л. Смагин синонимизирует их с финансовыми институтами, что, на наш взгляд, является ошибочным, ведь функционирование финансового рынка обеспечивается не только этим, хотя очень функционально важным, видом институтов. Такое же отождествление институтов финансового рынка, без трактования содержания данного понятия, с финансовыми институтами наблюдаем и у В. И. Кравца, который утверждает, что «организационно-институциональный аспект анализа структуры рынка должен концентрироваться на структурировании финансовых институтов в зависимости от их влияния на движение финансовых активов» [16, С. 49]. Видя в понятии «институты финансового рынка» более широкий, чем просто финансовые институты, спектр составляющих самих институтов, считаем целесообразным предложить авторское видение трактовки данного понятия: институты финансового рынка — это институциональные единицы финансового рынка, которые своей деятельностью создают организационно-регулятивные условия функционирования рынка и/или осуществляют куплю-продажу финансовых ресурсов.

Что же касается институциональной структуры финансового рынка, необходимо отметить, что ее представления учеными-экономистами или совсем игнорируется, или обобщенно (в некоторых случаях детализировано) рассматривается как совокупность финансовых институтов), или подается в вариантной интерпретации (как организационно-институциональная структура финансового рынка; как структура субъектов финансового рынка). Конечно, согласиться с тем, что институциональную структуру рынка формируют только финансовые институты невозможно. Ведь, покупателями и продавцами финансовых ресурсов на финансовом рынке могут быть не только

финансовые институты, но и предприятия, государство, домохозяйства и другие институциональные единицы. С. И. Юрий и А. А. Луцишин, хотя и выделяют организационно-институциональную структуру финансового рынка, и отмечают, что такая структура «является совокупностью финансово-кредитных институтов (банковские учреждения, небанковские финансово-кредитные учреждения, страховые компании, инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды и т. п.) и субъектов инфраструктуры финансового рынка (валютные и фондовые биржи, депозитарии и регистраторы, расчетно-клиринговые и информационно-консультационные центры и т. п.) ...» [17, С. 56], опять же игнорируют такие институциональные единицы этого рынка, как предприятия, государство, домохозяйства и другие.

Некоторые авторы рассматривают структуру рынка на основе выделения таких субъектов рынка, как: институты нефинансовой сферы, государство, население, профессиональные участники рынка — финансовые институты и институты инфраструктуры, а также иностранные участники рынка [18; 19]. Такое же мнение относительно институциональной структуры финансового рынка, только без выделения финансовых институтов и институтов инфраструктуры профессиональных участников рынка, поддерживает и С. М. Эш. Предложенный ею вариант структуры рынка, по нашему мнению, содержит такой дискуссионный элемент, как «иностранцы участники рынка», включающий международные организации, иностранные правительства, корпорации, финансовые институты, физические лица, которые являются субъектом рынка и участвуют в купле-продаже финансовых активов [20, С. 26]. Дискуссионность включения этого элемента заключается в том, что в структуре отечественного рынка как резиденты, так и нерезиденты должны быть отнесены к тем институтам, которые функционально соответствуют цели их участия в процессе купле-продажи финансовых ресурсов. Зато исследователями они выделены в отдельный структурный элемент финансового рынка, который, по нашему мнению, является только дополнением к уже выделенным ими элементам.

Такие ученые, как С. З. Мошенский и В. И. Кравец, представляют институциональную структуру финансового рынка путем выделения трех групп институтов. Так, по мнению З. Мошенский, к институционально-структурированных элементов финан-

сового рынка входят: институты-участники (инвесторы, эмитенты ценных бумаг); институты-посредники (биржи и внебиржевые организаторы торговли) институты инфраструктуры рынка (депозитарии, регистраторы, расчетно-клиринговые организации и другие) [21, С. 34]. В свою очередь В. И. Кравец различает три формы институтов финансового рынка: институты-регуляторы, функциональные институты (финансовые институты-посредники) и институты инфраструктуры финансового рынка [16, С. 50]. Как видим, В. И. Кравец в институциональной структуре финансового рынка тоже не выделяет ни продавцов (инвесторов), ни покупателей (эмитентов) финансовых ресурсов. Однако, заслуживающим внимания является выделение им такой составляющей структуры рынка, как институты-регуляторы, главной функцией имеют обеспечения выполнения официальных и неофициальных правил. Они способны самостоятельно создавать новые правила и одновременно совершенствовать существующие, направляя их на поддержку основных принципов функционирования рынка.

ВЫВОДЫ

Итак, обобщая выше рассмотренные наработки ученых по институциональной структуре финансового рынка, мы предлагаем не только выделить группы институтов, но и конкретизировать их функциональную подчиненность следующим образом:

- первый уровень — институты-продавцы и институты-покупатели финансовых ресурсов;
- второй уровень — институты регулирования и надзора деятельности на финансовом рынке;
- межуровневой сфера (зона) — институты инфраструктуры финансового рынка (институты финансового посредничества и институты учетно-технического, информационного, организационного обеспечения и страхования).

Отметим, что представленный нами разделение институтов финансового рынка иерархическими уровнями их системы является условным, ведь при одних обстоятельствах, один и тот же институт может находиться на первом уровне, оглядываясь как продавец финансовых ресурсов (например, банк), а в других условиях, этот институт уже будет в роли посредником по купле-продаже финансовых ресурсов, то есть находится в межуровневой сфере (зоне) иерархии. А конкретный состав институтов финансового рынка зависит в целом от структуризации (сегментации) данного рынка.

Список литературы:

1. Гонта О. И. Институциональный подход к функционально-целевого согласования интересов субъектов транснационализации экономики регионов Украины [Электронный ресурс]/О. И. Гонта//Вестник Черниговского гос. технолог. ун-та. – Чернигов: ЧГТУ, 2009. – № 38. – С. 76–90. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Vcndtu/2009_38/9.htm
2. Вирченко В. Исследование сущности финансовых институтов в контексте новой институциональной экономической теории/В. Вирченко//Вестник Киевского национального университета им. Т. Шевченко. Сер. Экономика. – 2005. – № 75–76.
3. Институциональные основы формирования экономической системы Украины: теория и практика/Под ред. С. Ватаманюка. – Львов: Новый Свет-2000, 2005. – 648 с.
4. Commons J. R. Institutional Economics/J. R. Commons//American Economic Review. – 1931. – Vol. 21. – P. 648–657.
5. Новицкий А. М. Правовое регулирование институционализации информационного общества в Украине: монография/А. М. Новицкий. – Ирпень: НУ ГНС Украины, 2011. – 444 с.
6. О реестре статистических единиц и формирования основ выборки совокупностей единиц статистических наблюдений за деятельностью предприятий: положение: офиц. текст: утвержденное приказом Госслужбы статистики Украины № 481 от 16.12.2009 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrstat.org/uk/edrpoу/prso.htm>.
7. Классификация институциональных секторов экономики Украины.: Принята приказом Госслужбы статистики Украины № 378 от 03.12.2014 г.: Офиц. текст: по состоянию 30.01.2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: buhgalter911.com/Res/Other/KICE_378.rtf.
8. О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг: закон: по состоянию на 6 февраля 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2664-14>.
9. О Национальном банке Украины: закон: по состоянию на 1 января 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/679-14>.
10. Об институтах совместного инвестирования: закон: офиц. текст: по состоянию на 9 декабря 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5080-17>.
11. О страховании: закон: офиц. текст: по состоянию на 1 января 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/85/96>.
12. О негосударственном пенсионном обеспечении: закон: офиц. текст.: по состоянию на 20 июля 2014 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1057-15>.
13. Кизима Т. А. Финансы домохозяйств: современная парадигма и доминанты развития: монография /Т. А. Кизима. – К.: Знание, 2010. – 431 с.
14. Рекуненко И. И. Особенности деятельности саморегулируемых организаций на рынке финансовых услуг/И. И. Рекуненко, Е. П. Бондаренко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/pprbsu/2010_29/10_29_44.pdf
15. Смагин В. Л. Формирование и развитие финансового рынка в условиях трансформационной экономики: монография/В. Л. Смагин. – К.: КНЭУ, 2008. – 232 с.
16. Кравец И. Институциональная структура рынка: дис. ... Канд. экон. наук: 08.00.08/Кравец Вячеслав Иванович. – К., 2011. – 215 с.
17. Юрий С. М. Влияние финансового рынка на развитие национальной экономики [Электронный ресурс] /С. Н. Юрий, А. Н. Штефанович. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vchtei_2009_2_45
18. Финансовый рынок: учеб.-метод. пособие/Н. С. Недашковская, Л. В. Фоменкова, В. А. Шапов. – Минск: БГЭУ, 2010. – 95 с.
19. Шелудько В. М. Финансовый рынок: учебник/В. Н. Шелудько. – К.: Знание, 2008. – 535 с.
20. Эш С. М. Финансовый рынок: учеб. пособие [Электронный ресурс]/С. Н. Эш. – К.: ЦУЛ, 2009. – Режим доступа: <http://dspace.nuft.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/11025/1/ST2.pdf>.

21. Мошенський С. З. Ринок цінних бумаг: трансформаційні процеси [Текст]/С. З. Мошенський. – М.: Экономика, 2010. – 240 с.

Информация об авторе

Квасницкая Раиса Степановна, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, банковского дела и страхования, Хмельницкий национальный университет

Адрес: Украина, 29016, г. Хмельницкий, ул. Институтская, 11,

Хмельницкий национальный университет, кафедра финансов, банковского дела и страхования

тел.: +38067-99-113-20

E-mail: kvasnitska@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0443-9390>

J. Kovalchuk¹I. Stepnov²¹ Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia² Ryazan State Radio Engineering University, Ryazan, Russia

THE COORDINATING EFFECT FROM THE FORMATION OF THE PROJECTS MANAGEMENT OFFICES TO MODERNIZATION OF THE INDUSTRY

Abstract

Objective: Acceleration technology upgrades, increase competition for resources, globalization, development of information technologies and the wide availability of modern production technology makes it especially important issues of the modernization management of industrial enterprises as the main stream of their development.

Methods: Systemic, historical and comparative analysis of the modernization theories. Statistical economic analysis of technological environment of industrial enterprises and modernization directions within the framework of the innovative economy development.

Results: Justified on objective, statistical data confirmed the need for systemic modernization of the enterprises, including a comprehensive technical (technological, informational and human resources) update for solving tasks of ensuring the production of competitive products. Analysis and synthesis of existing domestic and foreign scholars definition of modernization has allowed to define two fundamentally different approaches: modernization as a local process of improvement and modernization as the process of introduction of new approaches or enhance existing approaches to updating in the industry, including in the framework of overcoming technological dependence. The proposed development project approach to the management of modernization of the industry through the establishment of the project office as a system administrator of the Association of industrial enterprises for their comprehensive modernization. For the project office defined the functional tasks in the field of industrial, technological and consulting engineering.

Scientific novelty: for the first time based on the results of the analysis of approaches to the implementation of modernization in the article justified the introduction of the coordination forms of projects realization for modernization of enterprises included in the Associations (clusters, networks of competencies, strategic alliances) – project office for modernization of the industry at the sectoral and regional levels.

Practical significance: The main provisions and conclusions of the article can be used in research activities in the study of the modernization processes and administrative activity for solving problems of technological and technical updates.

Keywords: modernization, industry, project, project office, competition, coordination, engineering, cluster.

INTRODUCTION

The modern stage of socio-economic development of Russia is carried out in the context of modernization, when the world is undergoing profound technological and institutional changes. These changes imply a qualitative change in the system of enterprise management in connection with their adaptation to the changing market conditions of the digital economy for more efficient use of resources and production of competitive products.

The modernization reflects the processes of changes and updates in the technological and socio-economic

development both at the level of country and industry and individual businesses and is accompanied by structural and technological and organizational changes in production, investment and innovation activities, institutional arrangements, the content of the ongoing state economic policy in relation to new modern requirements.

The main goal of modernization as a process of refinement and improvement in economy is the economic growth. Economic growth ensures economic development. In turn, for the economic development the in-

creasing role played by scientific and technical progress, which provides up to 80% of economic growth [1].

CONCEPT HEADINGS

In the economic sphere the modernization, according to the founder of the modernization theory S. Eisenstadt [2], is accompanied by technological growth, which is stimulated by the systematic application of scientific knowledge (the development of which becomes area of specialized research institutions), development of secondary (industrial, commercial) and tertiary (service) sectors of the economy by reducing the values of the primary (extractive industry). That is, the economic modernization is presented as the development of the industrial system based on high level technologies, but also on the increasing scale and complexity of the main markets (goods, labour, finance).

In General, the modernization theory should be allocated to the following groups:

- the theory of progressive development on the basis of: innovation (J. Shumpeter [3], G. Mensch [4], S. Glaz'ev [5]), national patterns of development (F. Riggs, N. Zinger, D. Levin, C. Girz [6]), cultural modernization (S. Huntington [7]), ecological modernization (A. Giddens [8], U. Beck [9]);

- the theory of catch-up development based on: investments (R. Solow [10]), sustainable and non-sustainable growth (Hirschman A. [11]), the stages of economic growth (Rostow Y. [12]), the "big push" (P. Rosenstein-Rodan [13]), the "poles of development" (F. Perroux [14]), "circular causation" (Myrdal G. [15]), "crow's wedge" (K. Akamatzu [16]);

- the theory of dependent development based on: the development of foreign trade (V. Rao [17]), the system "center-periphery" (Prebisch R. [18]), dependent-associated society (F. Cardoso, E. Faletto [19]).

Based on the current economic situation in industry there is an objective, statistical data confirmed the need for systemic modernization of the enterprises, including the complex and technical (technological, informational and human resources) update, without which it is impossible to solve the problem of providing the production of competitive products.

RESEARCH FINDINGS

Statistical and economic analysis of modernization in the industry

In Russia in the period from 2004 to 2010, the extent of renewal of fixed assets was small and accounted for in natural resource industries from 5.3 to 6.7%, and for the

processing and manufacturing industries - from 5.0 to 6.4% [20]. As at the end of 2015, the index of physical volume of investments in fixed capital aimed at reconstruction and modernization amounted to 91.5% (the minimum value for the last 6 years [21]).

Sectoral analysis of the Russian industry show that moderate (4-6%) increased production in the sectors tied to investment demand (metallurgy, production of construction materials), as well as in food production. It should be noted that the structure of industrial production is generally unsatisfactory from the viewpoint of its innovative orientation in the past 25 years almost 5-fold increase in the share of extractive industries, but more than 2.5 times decreased the share of machinery. The most worn are the main assets of enterprises in the industry of mining, processing industries (chemical industry, manufacture of machinery and equipment manufacture of transport equipment, manufacture of electrical equipment). Thus, in the fuel and energy complex, the average age of the loaded capacity is 16.7 years, and the index of the investment in machinery is 13 years, an average of 101% of the level of investment in Eastern Europe [22]. So upgrades and, accordingly, the incentive for development is not enough, and it was reflected in the falling growth in 2015 or early 2016. Of course, it is caused by existing distortions in the investment policy: the mining industry accounts for about 20% of all investments, while in processing industry, forming a new high-tech orders, sent about 3% of all investment in the economy, despite the fact that extractive industries provide 7-8% of GDP, and manufacturing to 25% of GDP.

Note to the fact that the greatest depreciation of fixed assets of domestic enterprises is observed exactly where, according to the world trends of economic development, maximally develop research and development. However, the policy of import substitution yielded the results – the volume of production in agriculture and the food industry are growing.

The priorities for modernization in the industry

The modernization of the industry is considered essentially as a technological modernization of the industry and is defined as the interconnected change of material and technological base of the complex of industries based on technological innovation and development of regional inter-industry innovation linkages in specific areas of specific industries on the basis of transfer in the production of the major achievements of science and technology. However, if we generalize the modernization

terminology, then it can be considered as activities aimed at improving the process efficiency; the introduction of new products or the improvement of existing ones; change the set of activities types; transition into another value chain [23].

The modernization of industrial enterprises must be distinguished from other forms of radical renewal: the construction of new enterprises; expansion of existing enterprises; reconstruction; reorganization (reforming); adaptation of the enterprise; reengineering business processes; technical upgrade.

In General, the modernization of the enterprise aimed at solving the following tasks:

- issue new products and/or products with improved characteristics;
- improving the efficiency of the manufacturing equipment;
- reducing the labor intensity of production processes and, as a consequence, optimization of the number of operating staff;
- shortened the manufacturing production cycle;
- reduction of losses (productive and unproductive);
- reduction the product costs (through the use of progressive technologies, materials saving energy and labor resources);
- economic incentives for development of environmentally technologies (the so-called ecological modernization).

Analysis and synthesis of existing domestic and foreign scholars definitions of modernization [24] allows to set two fundamentally different approaches to its understanding:

- as a local process of improvement of something (an enhancement or improvement of the machine design);
- as a broad process of introducing new approaches or improving existing ones, improving economic and socio-political life (actually, the modernization theory).

Based on the foregoing, we can conclude that the modernization of industrial enterprises is seen not so much as the development of modern production facilities, how to overcome technological dependence. Basically, the emphasis is not on the creation of modern enterprises and the formation of the ability to generate innovative scientific and technical ideas, to export the results of R & D, and quickly switch to the use of information technologies and production of competitive products.

Modern industrial production is largely represented by the Value Chain. On the basis of this thesis (introduced by M. Porter [25] and confirmed in practice over the last two decades) modernization of individual enterprises does not always lead to the realization of the expectations placed on them. To get system effect of modernization must be implemented throughout the value chain, which requires strengthening the role of coordination and the search for a special element - such as project office.

The functionality of the project office for the modernization of the industry

In network associations of enterprises (cluster, network of competences, strategic alliance or Association), usually implemented more than one project, so the terminology “project management” is justified for use in the management of such associations. In the classic version of project management relates to project management within the company. We offer in terms of functioning of networks of enterprises to give priority to securing interactions between members of the Association.

Therefore, relevant project offices, allowing not only to manage projects but also manage communications between the members of the Association. The monitoring indicators of the project office include: the timing of the project; attract resources (material, technical, logistical, human, financial, etc.); planned results of the project (including risk), etc.

However, in modern conditions, the project office may also enable the modernization of industrial enterprises on a qualitatively new level. So, for the synergistic effect and implementation of individual technological processes with maximum efficiency and minimal costs we propose to establish a project office in the region (as a subdivision of a particular company or a separate company), acting as a system administrator of Association in the field of complex modernization of all actual and potential participants.

Therefore, the project office, in addition to conventional functions can perform the following functions:

- industrial engineering – focuses on the selection and supply of equipment and machinery, installation of building structures for purposes of production activities in associations;
- process engineering – includes the provision to the participant of the complex technologies necessary to implement the purposes of activities (including innovative ones), including training

through the transfer of industrial know-how and knowledge;

- consulting engineering – technical documentation, research results, initial data for the industrial production management, economic calculations, estimates, recommendations, etc.

Thus, the presence the special integrating company in Association focused on providing engineering services to fully realize the modernization of the valid members or potential participants of the Association in part of technical re-equipment and comprehensive redesign of production processes of the regional or sectoral groups of companies with the priority orientation towards innovation activities.

For solving modernization tasks in the project office should be created the work group to technical and technological competencies. Experts of this group will focus on the collection and analysis of information about equipment, technologies and orders for the enterprises in Association, and also will lead in active negotiations on purchase of the equipment and, if necessary, arrange for training either through the equipment manufacturer or on the basis of a particular educational institution.

These project offices can be created within the industry supporting the processes of modernization or at the regional level to enhance the development of the industry. Then the efficiency of the project office provided not only professional activities, but also the fact that as a subject Association, it has the support of investment institutions and opportunities of coordination provided by the regional authorities.

Systematization of the effects for the industrial development

The development of existing structural elements of the regional economy as a system is carried out through associations of enterprises in industry (primarily in the form of clusters) with the following results:

- the accelerated development of enterprises in close collaboration in associations and ensure a high level of trust between partners;
- providing to the relevant legal, financial, technological, and other required information by each member of the Association;
- reduction of sources of state financing and the transition from subsidy to domestic lending;
- creation of necessary infrastructural facilities, providing high quality of services provided to participants;

- creating and strengthening within the organization vertically and horizontally integrated structures in scientific-technical and industrial-technological spheres;
- the development of the education in accordance with modern production requirements of high-tech products;
- the introduction of more loyal tax system for the participants and tariff regulation;
- transparency of interaction with federal and regional authorities and actualization of the requirements of local laws to the modern level of development of industry, science and education;
- creating opportunities for technological and equipment updates, as well as comprehensive modernization of industrial enterprises (members of Association) due to the presence in the Association is a manufacturer of high-performance equipment and infrastructure.

Ensuring more effective use of resource potential of industrial enterprises through the development of high-tech industries, the accumulation of competence and increase the competitive advantage is ensured through the following tasks:

- creating the transfer system from the results of scientific research and development work to production, bringing the results of research and development to a commercialization stage;
- support research and development that could lead to the deployment of competitive industries with high knowledge intensity and added value, and involvement in these projects of private funds (including venture capital) investors;
- creation and implementation of joint commercial funding that significantly improve the competitiveness of the manufacturers of high technology industrial products;
- the creation of infrastructure subjects to support of activities in the Association (centers for technology transfer, engineering, venture business, information and telecommunication and consulting companies, business incubators, technology parks, financial institutions, etc.).

The functioning of Association involves the continuous exchange of information not only between participants and facilitators, but also with respect to the external environment allowing further work on the selection

of projects for further development and adjustment of the project to achieve the best results.

CONCLUSIONS

Created in the framework of the value chains the project management office to modernization allows to implement upgrade scripts of industrial enterprises (members of Associations), through enhancing their resource potential and formation of appropriate competencies and competitive advantages. Thus, the project office operating in the business combination, has the ability to implement flexible changes in the capacity of the enterprises in accordance with the requirements of

the external competitive environment, taking into account the impact of changes in technologies and equipment, including the world level, with the aim of achieving a synergistic effect. The projects management offices to modernization of the industry focused on the implementation of a process-oriented approach, ensuring the effectiveness of future decisions based on coordination rather than on targeting individual companies.

Acknowledgments

The research was performed by a grant of Russian Science Foundation (project No. 16-18-10149) in the Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences.

References:

1. Nelson, R.R., Winter S.G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Moscow, Delo, 2002 (in Russ.).
2. Eisenstadt, S.N. Revolution and the Transformation Societies. A Comparative Study of Civilizations. Moscow, Aspekt Press, 1999 (in Russ.).
3. Shumpeter, J. The theory of economic development: a study of business profits, capital, credit, interest and cycle conditions. Moscow, Progress, 1982 (in Russ.).
4. Mensch, G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. Cambridge, 1979.
5. Glaz'ev, S. Strategy for growth in the context of the global economic crisis. Hanover: European Academy of natural sciences press, 2015 (in Russ.).
6. Ermahanova, S.A. The phenomenon and its reflection in consciousness subaltern groups: Sociocultural aspect. Novosibirsk, IEOPP SO RAS, 2009.
7. Huntington, S. The Clash of Civilizations. Moscow, AST, 2003 (in Russ.).
8. Giddens, A. The consequences of modernity's / New postindustrial wave in the West. The anthology. Moscow, Academia, 1999 (in Russ.).
9. Beck, U. The risk society. On the way to another modernity. Moscow, Progress-Tradicia, 2000 (in Russ.).
10. Solow, R. A contribution to the theory of economic growth. Quart. J. Econ, 1956, Vol. 70, Febr.
11. Hirschman, A.O. The Strategy of Economic Development. New Haven, 1958.
12. Rostow, Y. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960.
13. Rosenstein-Rodan, P.N. The Theory of the «Big Push» // Meier G.M. Leading Issues in Economic Development, Studies in International Poverty, Oxford. 1957, p. 393-398.
14. Perroux, F. Les Poles de developpement et l'economie international / The Challenge of Development. A Symposium. Jerusalem, 1957.
15. Myrdal, G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. London, 1957
16. Inozemtsev, V. The limits of "catching up" development. Moscow, Ekonomika, 2005 (in Russ.).
17. Rao, V.K. Investment, Income and the Multiplier in an Underdeveloped Country / The Economics of Underdevelopment / Eds. A.N. Agarwala, S.P. Singh, London, 1971, p. 205-218.
18. Prebisch, R. Capitalismo periferico. Crisis y transformacion? Moscow, ILA, 1992 (in Russ.).
19. Cardoso F.H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkeley etc., 1978.
20. Russia in figures. 2010: Short statistical collection. Moscow, Federal State Statistics Service of Russian Federation, 2010 (in Russ.).
21. Technological development of sectors of the economy. Federal State Statistics Service of Russian Federation. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/# (in Russ.).
22. Salnikov, V. Investments in fixed capital key trends, factors and structural characteristics. Available at: http://veb.ru/common/upload/files/veb/advpan/events/20160629/pr0629_1.pdf (in Russ.).

23. Avdasheva, S., Budanov, I., Golikova, V. Modernization of Russian enterprises in value chains. Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2004 (in Russ.).
24. Kovalchuk J., Stepnov I. Development of industrial system of high-tech companies on the basis of modernization, Theoretical and Practical Aspects of Management, 2013, No. 4, pp. 8-17 (in Russ.).
25. Porter M. On Competition. Boston: Harvard Business School, 1998.

Information about the authors

Julia A. Kovalchuk, Doctor of Economics, professor, Research associate, Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences

Address: 47, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, tel.: +7 (499) 129-10-00

E-mail: fm-science@inbox.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9959-3090>

Igor M. Stepnov, Doctor of Economics, professor, Head of Department “Economics and Financial Management”, Ryazan State Radio Engineering University

Address: 59/1, Gagarina Str., Ryazan, Russia, tel.: + 7 (4912) 46-03-58

E-mail: stepnoff@inbox.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4107-6397>

A.V. Kozlov¹J. Käkälä¹¹ Peter the Great St. Petersburg polytechnic university, St. Petersburg, Russia

INVESTIGATION OF RECRUITMENT AND SELECTION PHASE TESTING: CASE OF TECHNICAL UNIVERSITY GRADUATES

Abstract

Objectives: The goal of the paper is to investigate of methods used by Human Resource Management Departments of Russian companies at the phase of personnel recruitment, testing and selection.

Research methods: To have an overall picture how the graduates of universities find their jobs and how they are tested, a survey was developed and 82 representatives of the target group, graduates of the Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University were interviewed. Respondents of the survey were also asked to evaluate the current state of Human Resource Management in Russia.

Research outcomes: The new information about Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University graduates in terms of in which field they are employed, how they found their current employer and how they were tested when they applied their current position.

Originality: The results obtained are absolutely original since all data was received in the course of interviewing based on original survey.

Practical relevance: Findings will provide useful information for the universities, graduates and recruiters.

Keywords: Human Resource Management; recruitment; personnel testing; university graduates.

INTRODUCTION

It's been more than 25 years since the Soviet Union became Russian Federation, which is a relatively short time for any nation to make a complete reform of the economy. Since 1991, there has been a great development in business and trade. Today, the different regions of Russia: Saint Petersburg and Moscow and others including Far North are full of multinational and local firms, which have generated enormous amount welfare for the citizens by trading goods and employing a vast amount of people. The transform of the economy also required tremendous changes in the field of Human Resource Management (HRM); central planning did not simply fit modern business model, where flexibility is one of the key factors to staying competitive.

The most visible change is probably in the mentality of the people; changing the job is rather common in Russia, and it is seen as a normal event of life path. In the Soviet Union changing a job was rather unusual and people used to work in the same position for years. These changes have, in general, a positive influence on the economy, but there are some issues which these rapid changes have developed. Companies in Russia often re-

port, that it is rather demanding to find employees with long-term career orientation, which means that the constant flow of employees keeps Human Resources Management departments busy. In 90's, Russia had to make a complete shift also in HR policies. Especially foreign businesses had difficulties to find skilled personnel and management to their subsidiaries in Russia. Therefore, there was a great demand for consultation which focused on educating Russian personnel but also HRM departments in Russian companies. Contemporary HRM in Russia bases on the principles Western model of HRM, which was introduced by the foreign consultants but many experts say that it is still not fully applicable [1].

Recruitment and selection are both essential procedures in any HRM department but they focus on different aspects [2; 3]. Therefore, they are both explained in this work regarding how they differ from each other. Candidate testing is usually a part of selection process, which means that according to the aim of the research, the methodology of testing and test validation will be explained in this paper.

Recruitment and selection are among the key processes in any modern company where skills and com-

petencies are highly valued [4; 5]. The question is, in which scale companies in Russia test the candidates before hiring them. It has been only 26 years since the economic reform. Therefore, the assumption is that candidate testing is used, but only occasionally. Candidate testing is very typical for Western model of HRM but some experts say that Western model of HRM is still not fully applicable in Russia [6].

Thus the goal of the investigation is identifying the ways the university graduates find their jobs and how they are tested, what the recruitment channels are, how candidates were tested, how much time testing took and what the number of supervisors testing involved was. The findings will help the university and the recruiters to develop their processes, but also students and graduates to find more efficient ways to find a job in Russia.

EXISTING LITERATURE

Recruitment and selection are the key processes in any human resource department. They are without a doubt, one of the top challenges in every organisation [7]. Recruitment as phenomena focuses on attracting people, who could be suitable to fulfil a specific role or job in the organisation. Recruitment often initiates from the leave of the existing employee. Commonly happens, that organisation attempts to find a replica of the previous employee to solve the problem of knowledge and skills transfer [8]. The more systematic approach includes, first of all, reviewing the post and second, to reallocate some of the duties for existing staff if possible. Organisations are often hiring, even though the number of personnel has remained the same, especially when organisations are growing and more labour force is required to fulfil the needs of the organisation. For the organisation, a better solution is to act proactively in recruitment, than just to react to a single employee's departure. However, the recruitment decision should be made only after a deep overview of the situation and to be sure that there are no better alternatives (e.g. automation), meaning that the first phase of the recruitment process is to have a systematic overlook of the situation to determine the actual requirements of the organisation [9].

In the past, most of the people were hired simply to carry out manual labour, where little skill, experience and intelligence were needed to accomplish the task. Training was inexpensive and done in a very short period. Finding a new employee was relatively simple, and there were no barriers to fire a person in the case of underperforming in the assigned task or displeasing

the management in other ways. Such policies remain in some industries and some parts of the world, but in modern industrialised countries, it has become comparatively rare. Also, some form of specific skills is often required or at least attributes, which other candidates do not share to the same extent. In recent years, demand for higher skilled labour has been growing and the need for employees, who are capable of fulfilling professional and managerial positions, has increased notably in the last 20 years. According to the experts, still will be a trend of the future as well [10].

As mentioned earlier, recruitment as a process is one of the key functions of Human Resource Management. Recruitment means activity, where new candidates are attracted to fulfil a position in the organisation when labour is needed. Recruitment as a phenomenon has a long history, but HRM as a branch of study it is still relatively novel. Recruitment bases on a need of labour, defined by the organisation. In the modern world, recruitment takes place mostly in human resource departments, which monitor labour flow and seeks for new candidates if needed [11].

There are some theories, how recruitment should be, but factors such as what kind of applicant's organisation is seeking for depends on the needs of each organisation. First of all, a firm could reduce the friction in the jobseekers' application, which may lower the cost of recruitment, but also, a firm could attract same applicant pool with lower compensation expectations. Second, if an organisation is seeking for more knowledgeable, better-informed applicants, job advertisement should be more informative and more specific. Another option is to use recruitment channels, which associate with more knowledgeable job-seekers [7].

Another widely used technique is called the repertory grid which has many different versions. In the most common form of it, employees are asked to focus on five or six job incumbents, with who they have worked with an anonymous basis. In the following step, these five or six people are named by letters, for example, A to E. Respondents are asked to choose three from these letters and to describe how two are similar, and one is different from the third, in terms of how they work. For example A and B rather work during the lunch break to accomplish an important task; while C rather enjoys his lunch could be a typical answer. These answers are used to form a core construct. Later on, respondents evaluate the overall working effectiveness of the persons from A

to E. In case that A and B are more effective performers than C, there is a need for some deductions, especially if other respondents provide similar answers. In this case, a key competence has been revealed by defining which distinguishes poor performers from good ones. The key competence in this example is clearly the work commitment. There are many other structured questionnaires which have been created to collect data about specific jobs, but in this work, we will not go deeper to that [12].

Talking about terminology, we have to state that different descriptions of recruitment are presented:

Yoder defines recruitment as a process to “discover the sources of manpower to meet the requirement of staffing schedule and to employee effective measures to attracting that manpower in adequate number to facilitate effective selection of an effective workforce” [13].

The following paragraph displays the basic setup of the process chain starting from attracting the prospering candidates and selecting the best ones from the pool of candidates [14].

When there is an existing pool of applicants, the process leads to the selection phase. In the selection process, human resource department should decide, which candidate they perceive the most suitable for the job. In this phase, the best candidates are usually well examined and recruiters should decide which of the candidate fulfils the best their requirements [12]. Results of the examination should be carefully checked to be sure that the gathered information is reliable and valid, because later on, this information will be used in the final decision making. Different researchers offer different nominations for reliability. Dessler describes reliability as “the consistency of scores obtained by the same person when retested with the identical or equivalent test” or either simply “reliability refers to the stability of the measure” [15]. Reliability can be measured for instance organising the test twice in with an individual responded, to see if there is a significant difference in results between different days. For organisations, it is relevant to distinguish, if candidates possess wanted competences. According to our personal experience, for instance, American Airlines run candidates throughout different phases of examination, including practical ones, before any decisions take place. Even though researchers have widely examined selecting techniques over the years, still many of the firms rely on basic, almost unquestioned principles of selecting the right people. Mostly they focus on finding a perfect match in candidate skills and the job require-

ments. For them, a perfect candidate matches the job requirements in all areas. The ideology behind is that only a perfect matching candidate guarantees the best employee performance. Therefore, the final selection decision must be based on a perfect match between ‘whole person’ and ‘the whole job’, which requires a complete examination of the person, but also the job and only then a smart decision can be made. According to several studies, most of the recruiters, base their decision-making on finding a best fitting employee [16].

Lying is not uncommon issue in the labour market. That’s why applicant’s background should be carefully checked before decision making, but for some reasons, still many of the companies do not check their applicants past carefully enough. Later on, leaving background check undone may cause major issues, in case that dishonest employee gets hired by accident. Background checks can include data gathering about applicant’s past and present. If the applicant is a foreigner, legal matters such as legibility to work should be reviewed to avoid future concerns with migratory authorities. A credit check is recommendable if the job description includes money handling. Earlier employers can provide some useful information, but many of the managers do not see it very useful because former employees do not necessarily provide correct information about the employee. They can either protect the former employee’s reputation, or they just give false information just to get rid of the employee, in case, that applicant is still working in his current job. There are also possible legal matters which may prevent current or former employee giving rightful information about the applicant. There are two main aims why background should be properly checked: To verify the applicant’s personal information and to prevent harmful ones from entering to the organisation [9]. Hiring an unfitting person is also costly for the company. For example in U.S, hiring an unsuitable candidate can cost as much as approximately 1.5 times employee’s annual salary including benefits [17].

Validity measures how well-collected data fits the actual target investigation or to the aim of the data gathering. What comes to validity, there are also differences in perception between different scholars about it. For example Robert Orton defines validity slightly differently: Validity refers to the confidence one has in the meaning attached to the score.” Dessler offers two ways to validate tests: Criterion validity and content validity. Criterion validity bases on the assumption that those

candidates, who perform well in the test, will show better performance also in their jobs and vice versa. By implementing content validity method, employer adds a sample from the actual task from the job to the test to ensure that there is a link between test results and actual job description [9].

METHODOLOGY

There are two most commonly used research methods. Quantitative research is a method for testing objective theories by examining the relationship between variables. These variables can be measured on instruments so that analysis of these variables is possible to do by using statistical procedures. The final report should base on several parts including introduction, literature and theory, methods, results and final discussion [18]. Quantitative and qualitative research they both share the same basis. Both take into consideration reliability and study designs. Therefore, approaches are relatively similar. The reliability and validity base on the research question, whether or not the item or subject proposes the information wanted. Research methods are valid if they successfully propose true responses which are relevant to the desired information [19]. Among scholars, qualitative research is defined as a broad umbrella term that covers many techniques and philosophies. Because of that, it's rather challenging to find just one exact definition for it. Comprehend way to explain it, is that qualitative research is an approach that allows studying people's experiences in detail by implementing a specific set of research methods, such as focus groups, in-depth interviews, observation, visual methods, content analysis and life histories or biographies [20].

FINDING AND RESULTS

The research results are based on the answers of 82 graduated individuals from Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. The most of the respondents were between 25–34 years old by forming 46,3% of the responses. The second largest group of respondents were individuals between 21–24 years old by 34,1%. The most of the respondents by the gender were women by 65,9%. 34,1% of the sample were men, which may indicate that women are employed sooner than men in Russia after their graduation. According to Euromonitor, Russia has the highest share of female employees in Europe [21].

In the survey, industries were divided by the Standard Industrial Classification of Economic Activities (SIC). The largest sector, in which graduates of the re-

search were working, was the sector information and communication by 15,9%. Another 15,9% of the respondents worked in other service activities.

- The third largest group of respondents worked in the field of manufacturing with 13,4%.
- A fourth largest group of graduates with 12,2% was working in the construction sector.
- Education employed 8,5% of the respondents while the field of electricity, gas, steam and air conditioning supply employed 9,8% of the graduates.
- 6,1% of the respondents worked in the field of professional, scientific and technical activities.
- In finance and insurance activities worked 4,9% of the respondents Administrative and support service activities employed 2,4% of the graduates. In the field arts, entertainment and recreation worked 3,7% of the respondents. The same percentage was with the sector of wholesale and retail trade, repair or motorcycles and motor vehicles.
- In public administration and defense or compulsory social security worked only 1,2% of the respondent meaning only one person from all the respondents. As well, only one responded was working in accommodation and food services. Same was with transportation and storage.

The research revealed that the most of the respondents (17,1%) found their current jobs from the University events and lectures. This finding suggests that university has established tight connections with the companies from different areas of economic activities.

Research also shows other detail, which has a correlation with the hypothesis that relationships seem to have very important role in Russia: 15,9% of the respondents replied that they found their current position by having a lead from a family member. 13,4% had a lead or a reference from an existing company employee. Therefore, 29,8% of the respondents found their jobs by using their relations. Other significant sources of employment were online portals of commercial recruitment agencies by 13,4%. 12,1% of the graduates got hired after being directly in contact with the management.

According to Hofstede theory of cultures, Russia scores high 93 in power distance. This part of the theory deals with the fact that not all the individuals of the society are equal. This means that power holders, in this case, managers are far more distant from e.g. assembly

line workers [22]. What is unclear, in which scale candidates were familiar with the management, this is also related to the earlier finding, which suggests that majority of the survey participants found their job based on the information provided by their family members and personal acquaintances.

As was expected, private recruitment agencies like Indeed, Superjob and Head Hunter performed much better than the public recruitment services. 9,8% of the applicants were hired after visiting the office of a private recruitment agency and only 2,4% by visiting in a public recruitment agency. 3,7% found their current job from the web page of a public employment agency and 11,8% from the web page of a private recruitment firm. Therefore in total, 6,5% of the applicants were employed after using public recruitment services and 21% by using private employment services. Conferring to these findings, the question is if public employment services are really needed, as we see from the results that private recruitment firms tend to be much more efficient than the public ones.

3,9% of the respondents found their current job by discovering an open position at the company web page and other 3,9% from the newspaper advertisement. What comes to social media, only one person found a current job by using Linked In and three persons (3,9%) by using Vkontakte. None of the respondents found a job by utilising Facebook as a source of the lead. According to TNS Web-Index Russia, Vkontakte is the most popular social media in Russia with 55,7 million monthly users, which covers 52,7% of the whole population. Facebook has only 24,8 million monthly users in Russia, which means that only 23,5% of the whole population is using it monthly. According to these statistics, it is clear that Facebook has still a long way to go in Russia. Notable is that even though Facebook and Vkontakte are rather similar, Russians seem to use Vkontakte much more diversely, where Facebook seem to stand for keeping in touch with foreign friends. In addition, LinkedIn has only five million users in Russia, but in this research, at least one person was hired after contacting a recruiter in LinkedIn. Our own estimation is that LinkedIn has already a stable foundation among Russian graduates and managers but, it is still relatively unknown among blue collar workers, which usually present the majority of people in any nation named.

Intellectual skills were the most tested feature in the companies, where respondents were currently employed. As much as 69,5% of the respondents replied

that their intellectual skills were tested before they could start in their current job. The second most commonly used test was personality test, which was done for 54,9% of the respondents. A background check was done for 25,6% of the respondents. 18,3% replied that they were not tested at all. 12,3% announced that their physical capability was tested. Overall health test was done for 15,9% of the respondents. The motorial test was prepared for 6,1%. The drug test was also done for 6,1% of the respondents.

In most of the cases, testing took only 30 minutes according to 38,2 percent of the respondents. 26% of the respondents reported, that testing took one hour. 25 percent replied that testing took 2–3 hours. In the case of two respondents counting 2,8 percent of the answers, testing took as much as 3–5 hours. 6 respondents were tested six hours or more forming 8,2% of the answers.

As research in this research, half of the respondents replied that in contemporary Russia, human resource management is more or less systematic. The reason for why respondents evaluated the situation as described may be the difference between what they have studied about human resource management in the university and what the reality is when they apply for jobs. There are many ways to improve HRM in Russian companies, but first of all, companies should change their approach from traditional job analysis to competency model, which focuses instead of past, to the future which will enhance the overall performance level. Another thing is that companies should do their best to maintain a good employer brand which will eventually reduce the cost of employing by attracting more talented and motivated candidates [5]. A High labour turnover may frustrate employers in Russia. Even though there a clear cons which are visible in a form of increased cost, there are also positive features which could benefit the company, in case they maintain good relations with departing employees. Many employers may not recognise that by being in good terms with former employees may later on bring them extra value, because some of the leaving workers may turn out to be their future clients. By being good and fair for the leaving employees is also important in terms of attracting new, potential candidates. By having a good relationship with the departing employees is definitely a part of employer brand and this is something that companies should understand. There are only few companies who have taken this policy as far as Ernst&Young. Even though they work in the field which is known of its high

completion in terms of finding competitive consultants, they have announced that in any case, they keep up good relations with former employees no matter if they choose to work for a competitor after a while. Instead of ending relationship after the contract, they prefer to maintain a good relationship with these “Boomerang workers” [23].

Companies in Russia should:

- Focus on recruiting and selecting young, educated and motivated employees with sufficient language skills
- Collaborate actively with the universities.
- Encourage and motivate employees for long-term career planning.
- Reward and keep good relations with the current and former employees.
- Put more value on employee satisfaction.
- Offer career opportunities and better compensations for well performing workers.

Conclusions

Aim of this study was to find out some new information about Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University graduates in terms of in which field they are employed, how they found their current employer and how they were tested when they applied their current position. Nevertheless, there are some limitations in this study, which should be considered in the future research of the same field, but in general, this study succeeded to disclose some interesting details of the job applying experiences of Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University graduates. One of the limitations of the study is that in different fields, job applying process can differ a lot; therefore to have an overlook of the situation in a particular sector, there is a recall for more research. One interesting area of future research would be to define how often Russians are employed in the field of their major and how mobile Russian labour really is in terms of changing the location. As was the hypothesis, personal relations seem to have an important role in Russian society. Assumption was that many of the respondents had found their occupation by utilizing personal networks including family members during job seeking. In fact, quite many of the survey respondents eventually found their occupation by having some assistance from their acquaintances. Personal relations work as a trust factor, as we know the fact that opportunism was rather common in 90s during the economic reform. Even though research gives an indication that Russian human resource management is not as systematic as it could be, but there are also signs that

there is a rapid undergoing development in the area of HRM in Russia. We should also remember that 25 years is relatively short period for a complete economic transform and therefore more time is needed to bring into use all the reforms without forgetting the required adjustments for the local business environment and traditions. Earlier studies revealed that Russian labour has been very flexible since the nation adopted market based economy. There has not been any major strikes since 90s even though that the economic environment has faced several downs, for example the crisis in 1998 which influenced somehow the majority of the country’s labour force in terms of reductions in compensation and redundancies. The flexibility of the labour allows companies to do the needed adjustments to survive during the economic downs. One of the challenges in Russia is that the labour force differs a lot in terms of skills and knowledge but also the mentality can vary a lot between the regions. Therefore just one model of HRM sounds rather impossible to implement nationwide due to considerable labour diversity. In Saint Petersburg and Moscow regions Western model of HRM seems to be rather well adapted according to the survey responses, which revealed that the majority of the respondents were actually tested somehow when they applied for their current position. This conclusion is supported by the fact that the candidate testing is very typical in Western model of human resource management. Other well known fact is that the majority of the multinationals are located in these two major cities. In most of the cases, multinationals have their own corporate culture and HRM practices, which are adapted by the local employees and maybe later on applied in their own businesses. As was described in theory section, in 90’s Western consultation companies played a major role in educating local companies and employees for international business practices. Most of them were also located in Saint Petersburg and Moscow regions, which may be another reason why candidate testing seems to be rather common in companies, where the Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University graduates of the survey worked. The vast majority of the people who participated in this survey were working in the local companies, which means that candidate testing is used not only in foreign companies. Even though candidate testing seems to be well applied, there is still place for development in the field of HRM due to the novelty of modern business in Russia. The assumption is that development of HRM in Russia will accelerate rapidly in the next 5–10 years, when vast quantities of

young, business educated Russians are start to take over managerial positions.

Findings will help the university and the recruiters to develop their processes, but also students and graduates to find more efficient ways to find a job in Russia. The research will also provide useful information about the

current state of HRM in Russia after 26 years from the economic transform.

Acknowledgements

The paper is elaborated in framework of scientific project № 16–32–00040 supported by Russian Foundation for Humanities.

References:

1. Hall, D. Current HR trends in Russia. HR Grapevine 12 (3), 2012. Retrieved April 12, 2016: URL: <http://www.hrgrapevine.com/markets/hr/article/2012-03-12-current-hr-trends-in-russia/>.
2. Bulkina K. I., Dobrjak S. Ju Poisk i otbor pesonala organizacii v sovremennyh uslovijah. (Recruitment and selection of Personnel in modern conditions) V sbornike: Innovacionnye proekty v oblasti predprinimatel'stva, obrazovanija, jekologii, sporta i turizma Sbornik po materialam dokladov XV mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh. Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena, Institut jekonomiki i upravlenija. 2015. S. 29–31. (in Russ).
3. Filkina L. Ju. Tehnologii najma i otbora personala kak zalog kvalificirovannogo personala. (Recruitment and selection of Personnel as a condition of well qualified Personnel) Molodezh' i nauka. 2016. № 1. S. 23. (in Russ).
4. Latypova M. M. Poisk i otbor personala v organizaciju na sovremennom jetape (Recruitment and selection of Personnel of Organisation at the modern stage) // Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal). –2010. -№ 11. -S. 125–128. (in Russ).
5. Torrington, D. Hall, L. Taylor, S. Atkinson C. Human Resource Management. 9th Edition. Pearson Education Ltd, 2014, 5, 114 p.
6. Horie, N. A Note on Human Resource Management in Russia: Path Dependency in Job Design. The journal of comparative economics, 14 (9), 135–141 p, 2014. Retrieved April 1, 2016: http://www.ces.kier.kyoto-u.ac.jp/jces/09_jces_2014/09_Horie.pdf].
7. Alonso J. Recruitment and Selection in Organisations 14 (5), 28 p, University of Southern California, 2014. Retrieved January 10, 2016 from: URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=867ED1CCA98C7795FA7D8BAFAD89790D?doi=10.1.1.474.6505&rep=rep1&type=pdf>.
8. Kotaeva V. B., Kozlov A. V. Upravlenie vnutrennim transferom znanij sotrudnikov v innovacionnom processe promyshlennyh predpriyatij. Otechestvennyj i mezhdunarodnyj opyt. (Management of Knowledge transfer in the innovative process of industrial enterprises: domestic and international experience) / Monografija. SPb.: Izd-vo Politehn. Un-ta, 2007. 140 s. (in Russ).
9. Dessler. G. Human Resource Management. 13th Edition. Pearson Education, 2013, 187–205 p.
10. Gluhov V. V., Kobyshev A. N., Kozlov A. V. Situacionnyj analiz. (Situative analysis). Sankt-Peterburg, Izd -vo Politehn.un -ta, 2011. (in Russ).
11. Sinha. V. Priya. T. 2013. A Review on Changing Trend of Recruitment Practice to Enhance the Quality of Hiring in Global Organisations, 18 (2), 2013, 2 p. Retrieved October 1, 2015: <https://www.efst.hr/management/Vol18No2-2013/9-Sinha.pdf>.
12. Bach M. Managing Human Resources. Wiley-Blackwell, 2009, 117–121 p.
13. Pravin. D. 2010. Human Resource Management. Pearson Education, 2010, 44–48, 131 p.
14. Naveen S and Raju D. M. N. 2014. Study On Recruitment & Selection Process With Reference To Three Industries, Cement Industry, Electronics Industry, Sugar Industry In Krishna Dt Ap, India. IOSR journals. 15 (5), 2014. Retrieved November 14, 2015: URL: <http://iosrjournals.org/iosr-jbm/papers/Vol15-issue5/H01556067.pdf>.
15. Ghauri, Pervez & Gronhaug, Kjell. Research Methods in Business Studies: A Practical Guide. Fourth Edition, Pearson Education. 80–85 p, 2010.
16. Behling. O. Employee Selection: Will Intelligence and Conscientiousness Do the Job? Academy of Management Executive, 1998, 12 (5), 77p. Retrieved January 15, 2016 from: http://www.jstor.org/stable/4165443?seq=1#page_scan_tab_contents.

17. Stabile, S. 2002. The Use of Personality Tests as a Hiring Tool: Is The Benefit Worth of The Cost? 4 (2), 5 p, 2002. Retrieved April 2, 2016.
18. Creswell. J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Method Approaches. Sage Publications Inc, 2014, 4 p. 32.
19. Taylor. G. R. Integrating Quantitative and Qualitative Methods in Research. University Press of America Inc, 2005, 5 p.
20. Hennink. M. Hutter. I. Bailey. A. Qualitative Research Methods. Sage Publishing, 2011, 16 p.].
21. Euromonitor International. The Changing Face of The Global Job Market: Working and Unworking Patterns, 2009. Retrieved April 19, 2016: <http://www.euromonitor.com/the-changing-face-of-the-global-job-market-working-and-unworking-patterns/report>.
22. The Hofstede Centre, 6-D Model. 2016: Retrieved May 6, 2016: URL: <https://www.geert-hofstede.com/russia.html>.
23. Steen, S.L, Noe, R. A. Hollenbeck, J. R. Gerhart, B. Wright, B. Human Resource Management. Second Canadian Edition. McGraw-Hill Ryerson, 2009, 151 p.

Information about the authors

Aleksandr V. Kozlov, Doctor of Economics, professor, Professor of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade of Peter the Great Polytechnic University.

Address: 195251, Polytechnicheskaya, 29, 4th Building 4, room 317, St, Petersburg, Russian Federation

tel: 8(812) 775-05-30

E-mail: avk55-spb@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9375-0262>

Juuso Käkälä, Master program student of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade of Peter the Great Polytechnic University.

Address: 195251, Polytechnicheskaya, 29, 4th Building 4, room 317, St, Petersburg, Russian Federation

tel: 8(812) 775-05-30

E-mail: avk55.spb@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-8148-0856>

D. Yu. Kretov¹¹ *Odessa National Economic University, Odessa, Ukraine*

THE CYCLICALITY OF THE CREDIT MOVEMENT IN THE TRADITIONAL AND ISLAMIC MODEL OF THE BANKING SYSTEM

Abstract

Objective: to define the features of the cyclicity of the credit movement and the traditional model of the Islamic banking system, to carry out a comparative analysis of the results and to prove the necessity of developing effective methods of regulating the credit movement for banks in Ukraine.

Methods: analysis and logic synthesis, analysis, synthesis, comparison and system analysis, grouping data, methods of theoretical knowledge.

Results: Under the influence of the rapid development of financial globalization processes banks of almost all countries of the world admitted shortcomings in the organization of the credit activity: significantly reduced the requirements for determining the creditworthiness of borrowers, allowed uncontrolled credit expansion that led to the credit bubble and caused a devastating impact on the world's overall development in 2008–2009. Enhancing the amplitude of the credit cycle has resulted in corresponding fluctuations in the economic cycle. Thus, the countries with the traditional model of the banking system underwent a greater financial loss than countries with an Islamic model. The research proved that in contrast to the traditional model of banking, fluctuations of the credit and economic cycles in Islamic countries are more proportionate and balanced. The proposed development provides an effective system of countercyclical regulation of the banking sector, by means of which rational management of the credit movement and processes of credit granting loans based on achieving an appropriate balance between the development of the real and financial sector that would minimize fluctuations in the credit cycle and contributed to the overall economic growth, would take place.

Scientific novelty: based on comparative analysis the necessity of using the experience of Islamic banks in bank credit operations in Ukraine is proved and substantiated.

Practical significance: the conducted research proves the necessity of developing and implementing new approaches of management of credit operations and credit risks in practical activities of banks in Ukraine, taking into account the cyclical economic development.

Keywords: credit, credit cycle, cyclicity, credit resources, traditional banking model, Islamic bank, credit expansion, financial globalization.

INTRODUCTION

The recent crisis phenomena and trends of the global financial and economic space allowed to obtain a conclusion concerning the absence of effective regulation of credit institutions by the state. Under the influence of globalization national banking systems become highly dependent on external factors and lose their ability to respond to changes in the global financial environment quickly and efficiently as well. However, most vulnerable link is the credit activity of banks, which significantly affects the economic development of countries. The uncontrolled credit movement under the influence of financial globalization caused a devastating impact on

the world overall economic development in 2008-2009. Enhancement of the amplitude of the credit cycle led to corresponding fluctuations in the economy and ultimately to the overall financial and economic crisis. Thus, the countries with the traditional model of the banking system underwent a greater financial loss than the countries with the Islamic model. Our country, whose banking sector has not caught up with the rates of the pre-crisis growth up to the present time, is not an exception in this case.

Therefore it is necessary to define clearly the most effective instruments of controlling the credit movement on the basis of the traditional and Islamic models of

functioning of banking systems. It actualizes the analysis of the main indicators of the bank credit activity and based on this identification of the main advantages and disadvantages of these models.

Scientific works were dedicated to the research on the cyclicity of the credit movement and its management in the traditional and Islamic models of the banking system by such foreign scientists as A. Erche, G. Horton, G. Kaminski, Ch. Kindelberher, N. Kiyotaki and J. Moore, L. Laeven, T. Makkalom, D. Burakov, K. Reinhart, L. Fernandes, etc.

Among the causes of the global financial crisis, which lie within the traditional banking operations, scientists A. Erche, L. Fernandes [1] K. Reinhart [2], distinguish excessive lending for a long time. L. Laeven [3] and M. Chapra [4] define the crisis as a part of the economic cycle identifying a number of specific factors that can contribute to its deployment, namely the excessive use of speculative assets and derivatives, securitization, unsatisfactory performance of the creditor's role and supervisory functions by domestic banks and international organizations.

We agree with D. Burakov's idea that determines the cyclicity of the credit movement as a continuous process of accumulation and resolving conflicts that arise during the movement of the credit as a system of the relationship between the creditor and the borrower on the reverse movement of borrowed value. In his opinion, using the experience of the traditional and alternative Islamic model will identify areas for further improvement of the credit sector to ensure the financial stability of national economies and protect from wide-scale crisis shocks [5, P. 47].

Among domestic scientists, whose works are dedicated to the problems of the cyclicity of the credit movement, M. Gasanov, V. Korneyeva, A. Navanova, V. Pavlova, O. Chuhayeva, A. Cherednichenko, T. Chernychko, etc. should be noticed. V. Korneyev considers that positive aspects of the functioning of the Islamic financial model in terms of transparency of credit transactions and reliability of bank investments are worthy of distribution in the domestic banking sector [6, P. 314].

O. Chuhayev and A. Cherednichenko prove in their studies that in the short term Islamic financial institutions will reach the significant spread in the world and Ukraine, for which the basis and relevant necessity have already existed, and the experience of Islamic banks is worthy of attention of domestic bank management.

Paying tribute to the scientific achievements of foreign and domestic scientists, it should be noted that today the number of studies of the phenomenon of the cyclicity of the credit movement increases. This definition of features and comparison of credit cycles in the traditional and Islamic models of the banking system are nearly absent. Therefore, the proposed article is dedicated to the issues of definition of the features of the credit movement in these models and the definition of its main patterns and factors influencing it.

The main aim of the study is a comparative analysis of the cyclicity of the credit movement in the traditional and Islamic models of the banking system and determination of the most effective instruments of controlling the credit movement on their basis.

RESEARCH RESULTS

The results of the global financial crisis in 2008-2009 indicate the vulnerability of national banking systems to the global crisis phenomena. Disability of the instruments of macroprudential regulation to effectively counteract the processes of financial globalization, which has led to the acceleration of the capital movement, information asymmetry, significant dominance of the financial sector over the real one as well as the emergence of many types of speculative trading, has led to major losses for the entire development period of the global financial space. However, the main driving factor of the global crisis was unsecured and inefficient use of bank credit resources that affected the fluctuating amplitude of the credit cycle. This led in its turn to an increase in cyclical economic environment and intensified the crisis even more.

The conducted comparative analysis of the traditional and Islamic model of functioning of banking systems based on performance of banks in the European Union, the United States and the Arab world shows that banking systems that operated on the traditional model underwent more loss, than those that operate on the Islamic one.

In the traditional model the market mechanism should ensure regulation on the credit market through incentives and restraining factors that create the conditions for making profit or loss. The main source of income in the traditional model for banks is the interest they receive through the mechanism of lending. Also losses occur when a borrower is unable to repay the loan and interest. Thus, to avoid unprofitable lending banks have to analyze the creditworthiness and solvency of borrowers. However, this protective mechanism that prevents excessive credit growth can be created only

provided fair profit and loss spread (PLS), which in the traditional model of banking systems does not exist.

Instead of forcing banks and investors to share the risks of business, the traditional banking model almost exempts them from the latter. Thus, the market becomes unable to control its members, leading to an uncontrolled increase in bank loans, excessive leverage and providing loans to insolvent borrowers [7, P. 286]. Due to these processes, the strengthening of cyclical fluctuations of the credit movement and its acceleration take place.

During the period of the economic growth the absence of equitable sharing risks and profits worsens the state of the credit market and creates problems in the financial system. This trend allows market participants to borrow exorbitant sums, and move the capital quickly at the slightest change in the economic environment. That is why interest rates and asset prices are very volatile, that creates uncertainty on the investment market and prevents the formation of capital and rational use of credit resources. Thus, the short-term lending market becomes more attractive to creditors and borrowers than the long-term lending market [8, P. 288]. The result is a sharp increase in short-term borrowings for the investment purpose that contributes to strengthening economic and financial instability.

So, as a result of the analysis, it was found that the characteristic of the traditional model of banking is the close direct link between the economic growth rate on the step-up phases of the cycle and the growth of prices on the markets of goods, services and assets. The presence of such interrelation is the evidence of a dependence of the economic growth on price rising on different markets. At that the economic growth of developed and developing countries is largely characterized by the formation of bubbles on different markets, which not only enhance the economic growth in the short term, but also reinforce the price pressure on several markets. In 2008 the indicator of the credit depth of the European Union was up to 1.17 pp. indicating the excess of amounts of the financial sector over the real one by 17 %. As for the United States, the figure was 1.98 pp., which is twice as much as the GDP, and shows unsecured functioning of the economy [9]. The same thing occurs to the relationship between the credit expansion and price levels. Active expansion of bank credit operations led to a significant rise in prices of estate, cost of services, consumer boom, and as a consequence - higher prices. As a result, it can be concluded that prices largely depend on the credit expansion of

current banks simultaneously supporting the economic growth rate.

The rapid growth rate of economic globalization of the countries with the traditional model of the banking system in the pre-crisis period can also be considered as one of its main features. Indeed, globalization is first seen solely as a positive phenomenon, which led to the liberalization of national protective barriers and growth of economy dependence on external financing.

Another important feature is a direct link between the economic growth and the credit market both at the recovery phases and at the phases of recession. So the growth rate of economics and lending the countries of the European Union in 2008-2009 amounted to a negative value of 10.66 pp. and 4.4 pp. respectively [9]. The same trend is taking place in the USA. This, in turn, shows the relationship between economic and credit processes. At that the relationship can be traced between the amplitude of the economic downturn and the credit market and the increase of the proportion of the past-due debt. So a significant slowdown of increase in lending and economics is accompanied by a significant growth of bad loans.

The Islamic model of operation is more resistant to the crisis, because the regime agreement is used in it. Wherein money is not a commodity and has no internal value, even if it is spent. The only advantage of money is to convert its monetary function into the economic function either by trade or by investment. Thus, the Islamic bank, as a follower of the Sharia principle can not invest in any product that it needs.

The Islamic bank doesn't sell the debt and it does not invest in distressed assets and mortgage-backed securities. As a result of comparative studies, it was found that during the crisis of 2007 and 2008 the profitability of both Islamic and conventional banks decreased. However, the profitability of Islamic banks decreased by less than 10% and the profitability of traditional banks underwent a decrease of more than 30% [9].

Smaller investment portfolios, lower measure of leverage and commitment to the principles of Sharia, which did not allow Islamic banks to engage in financing or investing in the kinds of instruments that adversely affected their traditional competitors — everything contributed to the achievement of better results compared to traditional banks. In most banks internationally a sharp reduction in credit followed by rapid growth in lending as soon as the crisis began, in contrast to Islamic banks, which lending retained positive dynamics. Thus,

lending in Arab countries has increased by 17.4 % since 2008-2009 [9]. Also assets of Islamic banks have grown up fast. It was found that on average, this growth was twice as fast as the growth of traditional bank assets in 2007-2009.

Also, unlike traditional models, fluctuations in the credit and economic cycles in Islamic countries are more proportionate and balanced. In the traditional model, we can see a relatively low rate of the economic growth with a deep fall in the GDP growth during the crisis, indicating the presence of imbalance between the economic and financial spheres. The interrelation between economic expansion and inflation is positive. Unlike the traditional model, the Islamic financial model does not make a significant impact on the formation of bubbles on markets of goods, services and assets, because there is no speculation.

The indicator of economic globalization in its turn slows down a bit, but continues its growth during 2007-2009 that indicates effective policy of macroprudential regulation of the banking sector regarding outside influence.

There is a proper balance between the economic growth and the growth in lending as well as the balance between the growth of lending on the phases of recovery and the growth rate on the phases of recession, indicating a lower amplitude of credit and economic cycles. As a result of the analysis an inverse relationship between the economic growth and credit sectors during the recession and the growth of the past-due debt was found. This indicates the existence of proportionality between the amplitude of recession and credit sector, and an increase in the past-due debt, indicating the weighted ratio of creditors to the risk.

CONCLUSION

The traditional practice of banking mediation provides extensive use of credit and transfer of risks,

while Islamic banks offer financial services that are based on joint investment activity and risk sharing, which in turn prevents a significant increase in the cyclicity of the credit movement. Respecting religious principles of Sharia Islamic banks made it impossible to invest financial resources in speculative instruments, which were the main factors of increase of the amplitude of the credit cycle of current global economic crisis in banking systems with the traditional model. Thus, in the period of 2005-2007 the average profitability of Islamic banks was lower than traditional banks, that is explained by a much lower level of risk of Islamic banking operations that are based on respecting religious Sharia norms.

However, during the crisis period in 2007-2009 the rate of loan growth and the increase in assets of Islamic banks were on average 70-80% higher than traditional banks. Modern paces of lending of Islamic banks have significantly exceeded their pre-crisis level, while most of the banks of the European Union and the United States have not reached the pre-crisis indicators.

The same happens to Ukrainian banks. The effects of the global economic crisis in 2008-2009 and the political crisis in 2014 affected the development of the national banking sector negatively. Taking into account the faults in macroprudential regulation of previous years and basing on the main benefits of the Islamic and traditional banking models, Ukraine needs to develop an effective system of countercyclical regulation of the banking sector, by means of which rational management of the credit movement and processes of granting loans would occur. With this system an appropriate balance between the development of the real and financial sector credit has to be achieved, credit cycle fluctuations have to be minimized and the overall economic growth of the country has to occur.

References:

1. Balteanu, I. Bank Crises and Sovereign Defaults: Exploring the Links, Mode of access: <http://www.econ.unavarra.es/seminarios//120119%20Erce.pdf>.
2. Reinhart, C. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance-of-Payments Problems, 2009, Mode of access: http://www.economics.harvard.edu/faculty/rogoff/files/Is_US_Different_RR_3.pdf.
3. Laeven, L. What Drives Bank Competition? Some International Evidence, *Journal of Money, Credit and Banking*, 2012, 36(3), Mode of access: <http://ideas.repec.org/p/wbk/wbrwps/3113.html>.
4. Chapra, M. The Global Financial Crisis: Can Islamic Finance help?, Mode of access: http://www.isdbforum.org/presentationPapers/S-M_Umer_Chapra.pdf.
5. Burakov, D.V. Upravleniye tsiklichnost'yu dvizheniya kredita (The management of the cyclicity of the credit movement) / Moscow: Rusayns, 2015, 288 p.

6. Korniyev, V.V. Islams'ka finansova model': osoblyvosti rozvytku / Visnyk sotsial'no-ekonomichnykh doslidzhen' (The Islamic financial model, features of development), Socio-Economic Research Bulletin, 2012, № 1(44).
7. Kuznyetsova, L.V. Andreyeva, YA.S. Zherdets'ka, L.V. Diyal'nist' bankiv na kredytnomu rynku v umovakh asymetriyi informatsiyi (The activities of banks on the credit market in terms of asymmetric information), Odessa: ONEU, 2015, 289 p.
8. Kuznyetsova, L.V. Kredytnyy menedzhment (Credit Management), Odessa: ORIPA NAPA, 2007, 332 p.
9. International Bank for Reconstruction and Development, Mode of access: <http://www.worldbank.org/>

Information about the authors

Dmitriy Y. Kretov,

graduate student, teacher of the Department of Banking, Odessa National Economic University

Address: 2\2 Dmitriy Donskoy Str., 65016, Odessa, Ukraine, tel.: +38063073-79-57

E-mail: dmitriy.kretov@gmail.com

ORCID: orcid.org/0000-0001-7129-4040

T. A. Vasilieva¹I. O. Makarenko¹¹ Sumy State University, Sumy, Ukraine

CONVERGENCE OF EUROPEAN AND UKRAINIAN ACCOUNTING SYSTEM: CHALLENGES AND PROSPECTS

Abstract

Objective: to identify the challenges and prospects during the convergence of accounting system in Ukraine and the EU.

Methods: comparative analysis, content analysis of regulatory documents, synthesis and generalization.

Results: Key challenges and promising areas of national accounting system convergence to European due to adoption Association Agreement should be referred to introduction of non-financial reporting for Ukrainian large companies and PIEs; preparing management report, the corporate governance statement and report on payments to the government (country — by — country reporting), significant change in the public audit supervision, auditing services quality control and statutory audit of PIEs, issues of audit opinion on the non-financial and diversified information and division of the audit and non-audit services.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, the article studies the main challenges and prospects in EU — Ukraine accounting convergence.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in development of national accounting system regulation.

Keywords: Accounting system, Convergence, Statutory audit, Non-financial reporting, Public interest entities.

INTRODUCTION

Convergent processes in the accounting systems of Ukraine and the EU is an objective trend. Its importance is grounded on the need to perform regulatory requirements under the EU-Ukraine Association Agreement, providing additional non-financial information disclosures with access to the European markets, convergence with the Strategy «Europe 2020», Sustainability Strategy «Ukraine –2020», which reflects the UN Sustainable Development Goals (Goal 12.6) and decision of 21 session of the UN conference on climate change — SOP21 2015. There are two main accounting and audit regulation in this regard: Directive 2014/95/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2014 amending Directive 2013/34/EU as regards disclosure of non-financial and diversity information by certain large undertakings and groups and Directive 2014/56/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 amending Directive 2006/43/EC on statutory audits of annual accounts and consolidated financial statements and Regulation (EU) no. 537/2014 of the European Parliament and of

the Council of 16 April 2014 concerning specific requirements relating to statutory audits of public interest entities (PIEs). These Directives aim to restore confidence to business and the financial markets due to increasing the quality and competitiveness of audit services and providing additional disclosure on social and environmental aspects of sustainability.

With EU-Ukraine Association Agreement with the of 27 June 2014. Ukraine took a responsibility to implement European law into national practice. In particular, this applies to changes in the accounting, reporting and auditing. Besides implementation of corporate governance principles of the OECD and paragraph «b» of Article 387 of Chapter 13 Company Law, Corporate Governance, Accounting and Audit Article, direct impact on the transition to the non-financial reporting in Ukraine has Article 293 Trade favouring sustainable development of the Agreement.

Directive 2014/95/EU have to be transposed into national legislation of member countries on 1 January 2017 or during 2017 Thus, the first reports, published as required by Directive 2014/95/EU is expected in

2018 for 2017–2018 fiscal year. Despite the fact that Directive 2014/95/EU had already adopted after the signing of the Association Agreement, but given that Article, it has a particular importance for Ukrainian companies non-financial reporting. Implementation of Directive 2014/56/EU and Regulation (EU) no. 537/2014 in the national accounting system have also be taken into account as for their transposition member countries was given 2 years. So, key challenges and promising areas of national accounting system convergence to European can be described as follows:

First — introduction of non-financial reporting for large companies and PIEs; preparing management report, the corporate governance statement and report on payments to the government (country — by — country reporting).

The second — significant change in the public audit supervision, auditing services quality control and statutory audit of PIEs could lead to a narrowing of competition in Ukraine, the audit opinion on the non-financial and diversified information and division of the audit and non-audit services.

Thus article aims to study the challenges and prospects during the convergence of accounting Ukraine and the EU on the use of comparative analysis, content analysis of regulatory documents, synthesis and generalization.

LITERATURE REVIEW

Current issues of implementation of the accounting Directives 2014/95/EU and 2013/34/EU at the EU level highlighted in the works Szabó and Sørensen (2015) [22], Szabó and Sørensen (2016) [23].

At the level of individual member countries question its implementation are revealed in the works Filipova-Slancheva (2015) — Bulgaria, Skouloudis, Evangelinos, Kourmousis (2010) — Greece, Delbard (2008) — France, Vuontisjärvi (2006). — Finland, Fifka and Drabble (2012) — UK and Finland, Idowu, Towler, (2004) — Great Britain, Hąbek and Wolniak (2013) — Denmark, Sweden, UK, France, the Netherlands.

Rulemaking initiatives to strengthen EU requirements for statutory audit of PIEs accompanied by their in-depth study in academic circles. Directive 2014/56/EU and Regulation (EU) no. 537/2014 is the subject of numerous research papers. General implementation issues in the context of the audit activity and comparing regulatory requirements for audit PIEs were investigated in the works Humphrey et. al (2011) [13], Fulop, Pintea (2014) [11], Kiss, Fulop, Cordos (2015) [15], Kleinman, Lin, Palmon (2014) [16].

Some practical aspects of the implementation of Directive 2014/56/EU and Regulation (EU) no. 537/2014 concerning assurance quality of PIEs audit reports, the role of audit committees and the prohibition of non-audit services by the example of EU companies also has found reflection in the works Botez D. (2014) [1], Botez D. (2015) [2], Van der Elst (2014) [26], Causholli, Chambers, and Payne (2014) [4], Causholli, Chambers, and Payne (2015) [5], Ratzinger-Sakel and Schoenberger (2015), Campa, Donnelly (2016) [3].

Consequently, the European scientific community study of implementation of legislation in the field of accounting and auditing has a wide coverage. Some aspects of the convergence process at the EU-Ukraine Association Agreement and implementation Directive 2013/34/EU and Directive 2006/43/EC revealed in the works of Ukrainian scientists, in particular Golov (2014) [12], Zubilevich (2014) [27], Parkhomenko (2014) [17], Petryk (2014) [18]. However, these authors achievements are not actualized with the adoption of Directive 2014/95/EU.

EU regulatory documents in audit service market are the subject of research in the study of Dorosh N. (2015) [9], Red'ko O. (2015) [21], Shalimova (2016) [24] and Shulga (2015) [25]. But a new draft Law «On the audit of financial statements and audit activity» from 02.03.2017 [19] rise a new issue to be analyzed concerning compliance of national legislation in the field of auditing with EU practice.

RESEARCH FINDING

EU accounting system is multilevel and includes a Directive with different modes for transposition by member countries, Regulations and Decisions with no exemptions in the implementation of accounting, reporting and auditing. The road to convergence of national accounting system and accounting system of the EU is characterized by long and gradual harmonization of regulatory requirements. Now, some regulations need further review and convergence (Table 1), such as the rules of Law «On accounting and financial reporting» in the presentation of non-financial information.

Among these areas of regulation, the most problematic in our view are still the issues of full implementation of non-financial reporting, Country-By-Country Reporting, that at EU level regulated by Directive 2014/95/EU, Directive 2013/34/EU and audit regulation, including a statutory audit of PIEs (Directive 2014/56/EU, Regulation (EU) no. 537/2014).

Table 1. – Key documents in the area of accounting, reporting and auditing Ukraine and the EU

Field of regulation	EU	Ukraine
IFRS financial statement	Regulation (EC) No 1606/2002 of the European Parliament and of the Council of 19 July 2002 on the application of international accounting standards (Regulation 1606/2002/EC)	Law «On Accounting and Financial Reporting of 16.07.1999 № 996-XIV Cabinet of Ministers Resolution «On approval of the financial statement presentation order» of 28.02.2000 № 419
	Directive 2004/109/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 2004 on the harmonisation of transparency requirements in relation to information about issuers whose securities are admitted to trading on a regulated market and amending Directive 2001/34/EC (Directive 2004/109/EC)	National Commission on Securities and Markets Decision «On approval of the disclosure of information by securities emittents» of 03.12.2013 № 2826
	Commission Regulation (EC) No 1126/2008 of 3 November 2008 adopting certain international accounting standards in accordance with Regulation (EC) No 1606/2002 of the European Parliament and of the Council (Regulation 1126/2008/EC)	National Accounting Regulations (Standard) 1 «General Requirements for Financial Reporting» of 02.07.2013 № 73 National Accounting Regulations (Standard) «Consolidated financial statements» of 27.06.2013 № 628 Other 33 Accounting Regulations (Standards)
Non-IFRS financial statement	Directive 2013/34/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on the annual financial statements, consolidated financial statements and related reports of certain types of undertakings, amending Directive 2006/43/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directives 78/660/EEC and 83/349/EEC (Text with EEA relevance) (Directive 2013/34/EU)	Law «On Accounting and Financial Reporting of 16.07.1999 № 996-XIV National Accounting Regulations (Standard) 1 «General Requirements for Financial Reporting» of 02.07.2013 № 73 National Accounting Regulations (Standard) «Consolidated financial statements of 27.06.2013 № 628 Accounting Regulations (Standard) 25 «Financial report of small entities» від 25.02.2000 № 39
Non-financial reporting	Directive 2014/95/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2014 amending Directive 2013/34/EU as regards disclosure of non-financial and diversity information by certain large undertakings and groups (Directive 2014/95/EU)	There is no relevant documents
Public Country-By-Country Reporting/Corporate tax transparency	Commission Implementing Decision (EU) 2016/1910 of 28 October 2016 on the equivalence of the reporting requirements of certain third countries on payments to governments to the requirements of Chapter 10 of Directive 2013/34/EU of the European Parliament and of the Council (Decision 2016/1910/EU)	There is no relevant documents
Reporting by undertakings with listed securities	Directive 2004/109/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 2004 on the harmonisation of transparency requirements in relation to information about issuers whose securities are admitted to trading on a regulated market and amending Directive 2001/34/EC (Directive 2004/104/EC) — consolidated version including subsequent amendments	Law «On State Regulation of Securities of 30.10.1996 № 448/96-BP Law «On securities and stock market» of 23.02.2006 № 3480-IV National Commission on Securities and Markets Decision «On approval of the disclosure of information by securities emittents» of 03.12.2013 № 2826

Auditing	<p>Directive 2014/56/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 amending Directive 2006/43/EC on statutory audits of annual accounts and consolidated financial statements and Regulation (EU) no. 537/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 concerning specific requirements relating to statutory audits of public interest entities</p>	<p>Law «On auditing» of 22.04.1993 № 3125-XII (in to the force)</p> <p>Law «On auditing the financial statements and auditing activities» of 17.08.2015 (Draft of the Ministry of Finance Ukraine)</p> <p>Law «On Auditing» of 10.06.2015. (Draft Audit Chamber and the Union of Auditors of Ukraine)</p> <p>Law «On audit of financial statements and audit activity» of 02.03.2017 (Draft of Cabinet of Ministers of Ukraine)</p>
----------	---	---

In the first case, the detailed requirements in national legislation are not developed in the second — there is a huge variety of legislative initiatives that should be analyzed.

Requirements of Directive 2014/95/EU primarily have to be performed by large companies and groups and PIEs. Specifically Ukrainian holding company with offices in the EU are the subject to these requirements.

However, the promotion of sustainable development and non-financial information in Ukraine is not common. Thus, according to a report on the implementation of the Association Agenda and Association Agreement between Ukraine and the European Union in 2015 and 2016 respectively the Government Office for European Integration of the Cabinet of Ministers of Ukraine to address this issue already in which only planned to form an advisory group on sustainable development to develop recommendations for the implementation of the chapter 293 of Agreement and to carry out the formation of the list of representatives of Ukraine, participating in the Group of experts in trade and sustainable development. National strategy on corporate social responsibility at this time is not accepted, despite the numerous attempts of 2009 of the Council on the establishment of the strategy concept at the Presidential Administration, the draft Conception of the various stakeholders (2010–2013), the restoration work of Council in February 2016.

According to the framework and database of the Global Reporting Initiative only 28 largest Ukrainian companies and MNE with a presence in Ukraine for 2000–2016 years had issued only 47 non-financial reports. While as their 3747 European partners in this base had released 8238 reports.

Large companies and PIEs Directive 2014/95/EU impose to include in the management report a non-financial statement containing information to the extent necessary for an understanding of the undertaking's development, performance, position and impact of its activity, relating

to, as a minimum, environmental, social and employee matters, respect for human rights, anti-corruption and bribery matters, including: a brief description of the undertaking's business model, a description of the policies pursued by the undertaking in relation to those matters, including due diligence processes implemented, the outcome of those policies, the principal risks related to those matters and non-financial key performance indicators relevant to the particular business.

Directive 2014/95/EU advises to provide the non-financial reporting preparation with non-financial reporting standards and sustainability practices, in particular United Nations Global Compact, United Nations Guiding Principles on Business and Human Rights, ISO 26000 Guidance Standard on Social Responsibility, International Labour Organization Tripartite Declaration of Principles concerning Multinational Enterprises on Social Policy, OECD Guidelines for Multinational Enterprises and requires from companies to publish the management report, corporate governance report and report on payments to governments.

Formats and volume information in these reports are given in Table. 2.

In Ukraine, a report on corporate governance have to be prepared by companies that have to publish their financial statements according to Decision of National Commission on Securities and Stock Market, but in fact, it is a formality, and other reports in the system account legislation generally are not represented.

As for the audit, it should be noted that the aim of the EU Directive 2014/56/EU and Regulation (EU) no. 537/2014 is increasing the competitiveness of the European market for audit services, their quality and restore confidence in the financial markets primarily by stimulating the development of second-tier audit firms, small and medium-sized audit firms. In Ukraine, the goal interpreted in a distorted manner and will reduce the segment of small and medium-sized audit networks.

Table 2. – Main issues on Management report, Corporate governance statement and Report on payments to government

Titile	Management report	Corporate governance statement	Report on payments to government
Category of companies	Medium and large companies and PIEs Small companies have and exemption when they disclose information on the purchase of shares of its own emission	PIEs	Large companies, PIEs working in the extractive industry or logging in dealing with indigenous forests
Essence of the report	The report gives an accurate overview of the development, operation and condition of the company and a description of the main risks and uncertainties it faces. Includes both financial and, where appropriate, non-financial key performance indicators relating to a particular type of activity, including information of environmental and social issues. Report on corporate governance should be included in the management report		The report must contain data on the types of payments comparable with payments disclosed enterprises participating in the Extractive Industries Transparency Initiative (EITI). and the Action Plan of the European Union «Enforcement, governance and trade in forest sector» (EU FLEGT) and Regulation (EU) No 995/2010. Report should be disclose for payments above 100 000 euro
Disclosure	Probable development prospects of the company; Activities in the field of research and development; Information on purchase of own shares according to the article; The presence of branches of the company; Data on the use of financial instruments and policy of the company to manage its financial risk	Link to the Corporate Governance Code, which is guided by a company or its rejection requirements for each item; Description of the main features of the control and risk management in connection with the process of preparation of the financial statements; Information about acquisitions; Description of functioning of shareholders' meetings and their main powers, and a description of shareholders' rights and how to implement them; The composition and functioning of the administrative, management and supervisory bodies and their committees	The total amount of payments to each government; The total amount for each payment The total amount for each payment made for each such project, and the total amount of payments for each such project

We believe that the market clearing of small audit companies who often do not have their own website, show low standards of performance and violation of professional ethics is a necessary step in the reform of auditing in the direction to the high standards of audit quality in the EU Directive. However, its full implementation estimated to lead to market consolidation of audit services and narrowing their supply-side from of the 100 largest companies.

Despite that draft Law «On auditing the financial statements and audit activity» from 08.17.2015 by

Ministry of Finance of Ukraine, the draft Law «On audit activity» from 10.06.2015 by Audit Chamber and the Union of Auditors of Ukraine and the government's new draft Law «On financial reporting and auditing auditing» of 02.03.2017 taking into account all the basic requirements of EU 2014/56/EU and Regulation (EU) no. 537/2014 on the the statutory audit appointment and change of partner with the task, forming the system of public oversight, rotation of audit firms conducting joint audits, installation of additional qualification re-

quirements for auditors and audit reports, it should be noted about certain distortion that may encourage competition in the market of audit services.

In particular, these drafts are highly criticized by the auditor of the community, the basic law on auditing is not accepted, while a separate Decision by Cabinet of Minister of Ukraine has today contained partial audit requirements for PIEs.

For example, Decision of Cabinet of Ministers of Ukraine of 04.06.2015 № 390 «On some issues of the financial statements audit of public sector economy» approved the criteria by which involved auditing firm to audit the financial statements or consolidated financial statements of some large public sector companies.

Approval of this decision was intended to improve the quality and transparency of financial flows and assets of state-owned companies, which for the purposes of the audit is divided into 2 groups:

1) the company's assets which according to the financial statements for the last financial year exceeds 2 bln. UAH or the amount of net income for the last financial year exceeds 1.5 billion. UAH (group 1 companies);

2) the company's assets which according to the financial statements for the last financial year exceeds 250 mln. UAH (Group 2 companies).

Depending on one of these groups, audit companies that are involved in the audit must meet certain criteria (inclusion in the register of audit firms and auditors' experience in providing audit services in the relevant industry, number of employees who are directly involved in providing audit services and having qualification certificate of fitness to practice auditing activities and other professional certificates of liability insurance of auditors). Majority of Ukrainian audit firms doesn't meet these criterions, as opposed to a major international networks which receiving preferential treatment for audits of the largest companies in indirect ways.

Another important aspect concerning convergence of audit in Ukraine and the EU is compatible separation of audit and non-audit services. Overall, the Draft Law «On the audit of financial statements and audit activity» from 03.02.2017 contains an exhaustive list of services that meet the regulatory requirements of the EU. However, significant attention of regulators in the context of joint implementation of the 56th and 95th Directives and subsequent separation of audit and non-audit services need to assure non-financial reporting.

Despite the fact that Art. 75 Law of Ukraine «On Joint Stock Companies» prohibited combine independent audit activities with the provision of consulting services, a detailed list of services according to European standards was only in the latest draft of Law on auditing.

This current version of the Law «On Auditing» and draft amendments focus mainly on issues of audit of financial statements. Only the Draft of 02.03.2017 contains separate provisions on the audit of management report. At the same time this Draft avoids the problems of assurance for non-financial reporting on sustainable development in accordance with ISAE 3000 «Assurance engagements that are not audit or review of historical financial information».

In the light of non-audit services practice development and implementation of regulations Directive 2014/95/EU of non-financial information assurance the key principles and methodological approaches to audit final corporate information, covering environmental and social aspects of the company, the issue of employment, human capital development, provision implementation of human rights, preservation of natural capital, the fight against corruption, implementation of risk management strategies and interaction with the business environment, the information needs of key stakeholder groups should be develop in Ukraine. A significant addition in this list should be making for the relevant non-audit services in the Decision of Auditor Chamber of Ukraine of 22.12.2011, No. 244/14 and design methodology for their provision.

CONCLUSIONS

Summarizing the abovementioned, it should be noted that in terms of the spread of the ideology of sustainable development and Sustainable Development Goals (including 12.6), taking strategies «Europe 2020» and Strategy for Sustainable Development «Ukraine –2020», Association Agreement with the EU, many sustainability initiatives, Directives and Regulations EU process of accounting system convergence in Ukraine and the EU require significant efforts to harmonize domestic legislation. The biggest challenges in the convergence are the implementation methodology of compilation and presentation of non-financial reporting and audit quality assurance, including statutory audit for PIEs.

Implementing regulations Directive 2014/95/EU requires amendments to the Law «On accounting and financial reporting» in terms of consolidation requirements for presentation and disclosure by companies of

different types of non-financial reporting (management report, corporate governance statement, country-by-country reporting), the formation of an appropriate methodology of registration, evaluation, disclosure reporting indicators for the dimensions of sustainable development. Another challenge for companies question the development of the National Strategy for Corporate Social Responsibility and its provision of an internal strategies, policies, systems, non-financial reporting and sustainable development.

It should also emphasize the need to complete the reform of auditing to ensure the appropriate requirements

of the European Directive 2014/56/EU and Regulation (EU) no. 537/2014 for audit services quality, provided by Ukrainian companies. We believe that the promotion of high standards of audit services quality requires not only a competitive environment in the market, ensuring rotation of audit firms, but also the rise a potential of national accounting firms, limiting the presence of large networks, ensuring the diversification and differentiation of audit and non-audit services with increased attention to such type of assurance engagements as assurance of non-financial reporting.

References:

1. Botez D. (2014) New requirements for statutory auditors in European Union NEW Studies and Scientific Researches. Economics Edition, No 20, pp. 37–43
2. Botez D. (2015) Aspects Regarding the Quality of Statutory Audit Reports?, *Audit Financiar*, Vol. 13 Issue 123, pp. 82–89.
3. Campa, D. and Donnelly, R. Non-Audit Services Provided to Audit Clients, Independence of Mind and Independence in Appearance: Latest Evidence from Large UK Listed Companies (May 5, 2015). *Accounting and Business Research*, Forthcoming, Vol 46, Issue 4, pp. 422–449.
4. Causholli, M., D. et al. (2014). Future non-audit service fees and audit quality. *Contemporary Accounting Research* 31 (Fall): 681–712.10.1111/1911-3846.12042
5. Causholli, M., D. et al. (2015) Does Selling Non-Audit Services Impair Auditor Independence? *New Research Says*, «Yes». *Current Issues in Auditing: Fall 2015*, Vol. 9, No. 2, pp. P1-P6.
6. Directive 2013/34/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on the annual financial statements, consolidated financial statements and related reports of certain types of undertakings, amending Directive 2006/43/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directives 78/660/EEC and 83/349/EEC, Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32013L0034>
7. Directive 2014/56/EU «On statutory audits of annual accounts and consolidated accounts», Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0056>.
8. Directive 2014/95/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2014 amending Directive 2013/34/EU as regards disclosure of non financial and diversity information by certain large undertakings and groups, *Official Journal of the European Union L 330/1*, Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0095>.
9. Dorosh N. Rozvytok audytors'koyi diyal'nosti v Ukrayini v umovakh yevrointehratsiynykh protsesiv, *Visnyk Kyivsk'oho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka*, 2015, No. 10, pp. 17–23 (in Ukrainian)
10. EU-Ukraine Association Agreement 27.06.2014, Available at: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/ukraine/eu_ukraine/association_agreement/index_en.htm
11. Fulop, M. and Pintea M. (2014) Effects Of The New Regulation And Corporate Governance Of The Audit Profession SEA – Practical Application of Science, *Fundația Română pentru Inteligența Afacerii*, Editorial Department, issue 4, pp. 545–554.
12. Holov S. Rehulyuvannya bukhhalters'koho obliku i audytu v YeS ta vyklyky dlya Ukrayiny, *Bukhhalters'kyy oblik i audyt*, 2014, No. 10, pp. 3–13. (in Ukrainian).
13. Humphrey, C. et al. (2011) Regulating Audit beyond the Crisis: A Critical Discussion of the EU Green Paper, *European Accounting Review*, No 20 (3), pp.431–457.
14. Hura N. Implementatsiya dyrektyvy 2013/34/EU v Ukrayini z urakhuvannyam mizhnarodnoho dosvidu *Visnyk Kyivsk'oho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka*, 2015, Vyp. 10, pp. 6–10. (in Ukrainian).

15. Kiss, C. et al. (2015) Relevant Aspects Regarding the Changes of the Statutory Audit Report in the Light of International Regulations, e: *Audit Financiar*. 2015, Vol. 13 Issue 126, pp. 63–73.
16. Kleinman, G. et al. (2014) Audit Quality A Cross-National Comparison of Audit Regulatory Regimes, *Journal of Accounting, Auditing and Finance*, Vol. 29 (1), pp. 61–87.
17. Parkhomenko V. Yevrokonverhentsiya bukhhalters'koho obliku, *Bukhhalters'kyy oblik i audyt*, 2014, No 8, pp. 3–4 (in Ukrainian).
18. Petryk, O. A. (2011). Problemy adaptatsii zakonodavstva u sferi audyta do polozhen 43 Dyrektyvy YeS ta Zelenoi knyhy «Polityka audytu: uroky kryzy. Visnyk Lvivskoi komertsiiinoi akademii, pp. 265–268 (in Ukrainian).
19. Proekt Zakonu pro audyt finansovoyi zvitnosti ta audytors'ku diyal'nist' № 6016 вiд 03.02.2017, Available at: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=61045
20. Ratzinger-Sakel, Nicole V. S. and Schoenberger, Martin W., Restricting Non-Audit Services in Europe – The Potential (Lack of) Impact of a Blacklist and a Fee Cap On Auditor Independence and Audit Quality (March 25, 2015). *Accounting in Europe, a Journal of the European Accounting Association*, Vol 21, pp. 61–86.
21. Red'ko O. Yu. Pytannya akomodatsiyi ukrayins'koho audytu do vymoh YeS (Tacito consensu), *Statystyka Ukrainy*, 2015, No. 1, pp. 28–30. (in Ukrainian).
22. Szabó, D. G. and Sørensen, K. E. New EU Directive on the Disclosure of Non-Financial Information (CSR), *European Company and Financial Law Review*, 2015, Vol. 12, Issue 3, pp. 307–340.
23. Szabó, D. G. and Sørensen, K. E. Non-Financial Reporting, CSR Frameworks and Groups of Undertakings – Application and Consequences (September 19, 2016). *Nordic & European Company Law Working Paper No. 16–01*.
24. Shalimova N. S. Rehulyuvannya obov'yazkovoho audytu v krayinakh EU ta Ukraini, *Stratehiya rozvytku Ukrainy*, 2016, No. 1, pp. 51–56. (in Ukrainian).
25. Shul'ha S. Zminyuyuchy pravyla hry – pershi otsinky vplyvu dyrektyvy EU z audytu na yevropeys'ki ta svitovi rynky, *Bukhhalters'kyy oblik i audyt*, 2015, No. 10, pp. 30–34. (in Ukrainian).
26. Van der Elst, Christoph, *Audit Committees of Public Interest Entities in Europe* (December 2, 2014). *European Corporate Governance Institute (ECGI) – Law Working Paper No. 276/2014*, Available at: <https://ssrn.com/abstract=2533341>.
27. Zubilevych S. Oblikova Dyrektyva YeS, yiyi vplyv na sklad i zmist zvitiv yevropeys'kykh kompaniy ta perspektyvy dlya Ukrainy, *Bukhhalters'kyy oblik i audyt*, 2014, No. 7, pp. 3–15. (in Ukrainian).

Information about the authors

Tatiana A. Vasylieva, Doctor of Economics, Professor, Director of Educational and Research institute of Finance, Economy and Management named Oleg Balatskiy Sumy State University
Address: M. Lushpy prospect 52/23, Sumy 40034 tel.: +38066 318 99 16
E-mail: tavasilyeva@ukr.net
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7889-3521>

Inna O. Makarenko, Candidate of Economics, Associate Professor Chair of accounting and tax, Educational and Research Institute of Business Technology «UABD» Sumy State University
Address: M. Lushpy prospect 52/23, Sumy 40034 tel.: +38066 9356016
E-mail: i.o.makarenko.rmv@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7326-5374>

V. A. Podhalyuzina¹

¹ *Moscow automobile and road construction state technical university (MADI), Moscow, Russia*

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN TRANSPORT

Abstract

Objective: to determine the prospects of development of transport complex of Russia.

Methods: comparison, generalization, observation, systematic analysis of group data.

Results: based on the analysis of the current state of transport of Russia and existing state programs discussed the prospects of development of transport complex of the country.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, we study future the state of the Russian transport complex.

Practical relevance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and teaching activities when considering the issues of Russian transport.

Keywords: transport, passenger transport, freight transport, passenger turnover, freight turnover.

References:

1. Alekseeva, I. M. Statistika avtomobil'nogo transporta/I. M. Alekseeva, O. I. Ganchenko, E. V. Petrova. – M.: Jekzamen, 2005. – 352 c.
2. Golubchik, A. M. Transportno-jekspeditorskij biznes. Sozdanie, stanovlenie, upravlenie/A. M. Golubchik. – M.: TransLit, 2012. – 328 c.
3. Demihov, V. Ju. Upravlenie sbytovoj dejatel'nost'ju v korporativnyh sistemah transportnogo kompleksa/V. Ju. Demihov. – M.: VINITI RAN, 2008. – 180 c.
4. Kak organizovat' cepochku postavok. – M.: Junajted Press, 2008. – 208 c.
5. Kokin, A. S. Transportno-jekspeditorskie uslugi pri mezhdunarodnoj perevozke gruzov/A. S. Kokin, G. A. Levikov. – M.: Infotropik Media, 2011. – 576 c.
6. Kuz'min, A. S. Mezhdunarodnye perevozki/A. S. Kuz'min. – M.: TetraSystems, 2008. – 128 c.
7. Levikov, G. A. Logistika, transport i jekspedirovanie. Kratkij slovar'-spravochnik/G. A. Levikov. – M.: TransLit, 2008. – 224 c.
8. Levikov, G. A. Upravlenie transportno-logisticheskim biznesom/G. A. Levikov. – M.: TransLit, 2007. – 224 c.
9. Logistika. Obshhestvennyj passazhirskij transport/L. B. Mirotin i dr. – M.: Jekzamen, 2003. – 224 c.
10. Nikiforov, V. V. Logistika. Transport i sklad v cepi postavok/V. V. Nikiforov. – M.: GrossMedia, ROSBUH, 2008. – 192 c.
11. Panova O. N. Metodologicheskie osnovy optimizacii parametrov sistemy osvoenija dal'nih passazhiropotokov/O. N. Panova. – M.: LKI, 2011. – 160 c.
12. Parshina, R. N. Logistika transsibirskih kontejnernih perevozok/R. N. Parshina. – M.: VINITI RAN, 2008. – 420 c.
13. Pluzhnikov, K. I. Transportnye dokumenty. Spravochnik/K. I. Pluzhnikov, Ju. A. Chuntomova. – M.: TransLit, 2010. – 176 c.
14. Pravila avtotransportnyh perevozok. Sbornik normativnyh dokumentov. – M.: Feniks, 2010. – 384 c.
15. Pravila po oborudovaniju morskikh sudov. Pravila po gruzopod'emnym ustrojstvam morskikh sudov. Pravila o gruzovoj marke morskikh sudov. – M.: Rossijskij Morskoj Registr Sudohodstva, 2011. – 448 c.
16. Savin, V. I. Perevozki gruzov avtomobil'nym transportom: monogr/V. I. Savin. – M.: Delo i servis, 2002. – 544 c.
17. Simonov, A. K. Obshhij kurs transporta/A. K. Simonov. – Moskva: Mashinostroenie, 2004. – 148 c.
18. Sosnauskene, O. I. Uchet avtotransporta i zatrat na ego sodержanie na predpriyatii/O. I. Sosnauskene. – M.: Dashkov i Ko, 2012. – 256 c.
19. Transportnoe obespechenie kommercheskoj dejatel'nosti: monogr. – M.: Finansy i statistika, 2006. – 128 c.

20. Troickaja, N. A. Edinaja transportnaja sistema/N. A. Troickaja, A. B. Chubukov. – M.: Akademija, 2013. – 240 c.
21. Truhanovich, L. V. Morskoj i rechnoj transport/L. V. Truhanovich, D. L. Shhur. – M.: Finpress, 2009. – 160 c.
22. Upravlenie gruzovymi potokami v transportno-logicheskikh sistemah. – M.: Gorjachaja linija – Telekom, 2010. – 704 c.
23. Feoktistov, I. A. Uproshhennaja sistema nalogooblozhenija v obshhestvennom pitanii i torgovle/I. A. Feoktistov. – M.: ROSBUH, GrossMedia Ferlag, 2009. – 160 c.

Information about the author

Podhalyuzina Valentina Alexandrovna,

candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department “Economics of road transport”, Moscow automobile and road construction state technical university (MADI), Moscow, Russia

Address: 64, Leningradsky prosp., Moscow, 125319, tel.: 8 (967) 232-44-88

E-mail: valya74@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2049-6045>

В. А. Подхалюзина¹

¹ *Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет. г. Москва. Россия.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация

Цель: определение перспектив развития транспортного комплекса России.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных.

Результаты: на основе анализа современного состояния транспорта России и существующих государственных программ рассмотрены перспективы развития транспортного комплекса страны.

Научная новизна: в статье впервые на основе представленных методов исследованы будущие состояния российского транспортного комплекса.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов российского транспорта.

Ключевые слова: транспорт, пассажирский транспорт, грузовой транспорт, пассажирооборот, грузооборот.

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация расположена на крупнейшем материке земного шара — Евразии. Территория РФ составляет 17 125 407 км². В состав Российской Федерации входят 85 субъектов, из них — 22 Республики, 46 областей, 9 краев, 1 автономная область, 4 автономных округа и 3 города Федерального значения — Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Обратимся к транспортной системе в РФ.

Транспортная система Российской Федерации представляет собой совокупность транспортных средств и инфраструктуры действующей на территории страны. Транспортная сеть России — одна из наиболее обширных в мире, она включает в себя: железнодорожное сообщение, морской и речной транспорт,

путепроводы и ЛЭП, городской электротранспорт, метрополитен, авиа- и автомобильный транспорт.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ТРАНСПОРТА

Для представления деятельности транспортного комплекса РФ обратимся к данным за 2015 год (см. табл. 1).

Исходя из данных (табл. 1), можно сделать следующие выводы:

- максимальное количество грузов в 2015 году было перевезено автомобильным транспортом, минимальное — воздушным транспортом;
- максимальный показатель грузооборота в 2015 году у трубопроводного транспорта, минимальный — у воздушного.

Таблицы 1. – Объем перевозок по видам транспорта в 2015 г.

Вид транспорта	Перевезено грузов, млн. тонн	Грузооборот, млрд. т-км
Транспорт в целом		
в том числе:	7465,1	5089,6
Железнодорожный	1217,9	2305,5
Автомобильный	5038,7	232,1
Морской	18,3	39,8
Внутренний водный	118,1	62,6
Воздушный	1,1	5,4
Трубопроводный	1071,0	2444,2

Источник: Составлено автором по данным Росстат¹.

Таблица 2. – Пассажиروоборот по видам транспорта в 2015 г.

Вид транспорта	Перевезено пассажиров, млн. чел.	Пассажируоборот, млрд. пасс-км
Транспорт в целом		
в том числе:	13885,5	404,6
Трамвайный	1088,5	3,54
Троллейбусный	1198,6	4,53
Метрополитен	2436,6	32,55
Автомобильный	8301,7	87,63
Внутренний водный	11,758	0,476
Воздушный	73,59	181,4
Железнодорожный	774,8	94,5

Источник: Составлено автором по данным Минтранса².

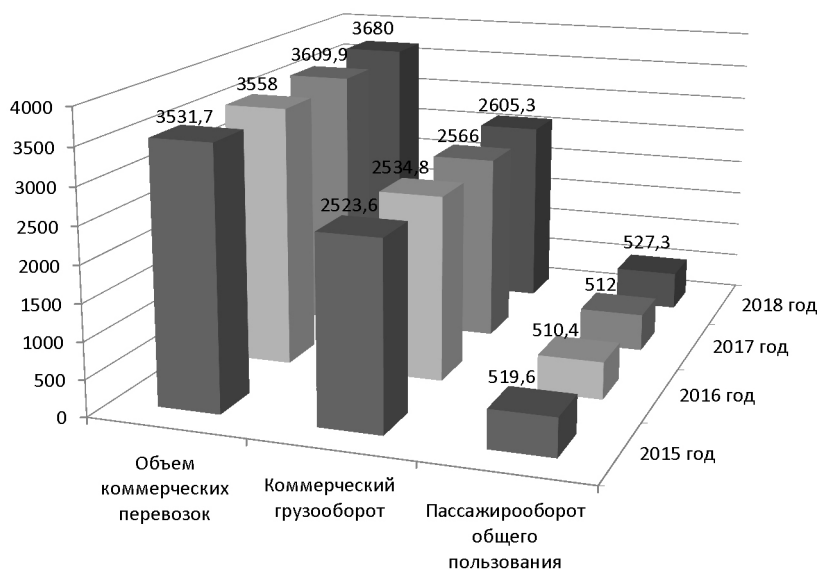

Рисунок 1. Основные прогнозные показатели развития транспортного комплекса России (2015–2018 гг.)

Источник: Минэкономразвития РФ³.

¹ «Социально-экономическое положение России 2015 г.» // Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/social/osn-12-2015.pdf

² «Информационно-статистический бюллетень «Транспорт России» за январь-сентябрь 2015 г.» // Министерство транспорта РФ URL: http://www.mintrans.ru/upload/iblock/d9d/isb_tr_1_9_2015.doc

³ Прогноз социально-экономического развития России на 2016–2018 годы» // Министерство экономического развития РФ URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e/1.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e>

Исходя из данных (табл. 2), можно сделать следующие выводы:

- максимальное количество перевозок пассажиров в 2015 году было выполнено на автомобильном транспорте, минимальное — на внутреннем водном транспорте;
- максимальный показатель пассажирооборота в 2015 году у автомобильного транспорта, минимальный — у внутреннего водного транспорта.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ТРАНСПОРТА

По прогнозу до 2018 г., объем коммерческих перевозок составит 3,7 млрд. (100,5% по отношению к 2014 г.). Коммерческий грузооборот возрастет до 2605 млрд. т-км. (102,6%), а пассажирооборот — 527 млрд. пасс.-км (97%) (рис. 1).

Исходя из данных (рис. 1), можно заключить, что:

- наибольшее увеличение прогнозируется по объему коммерческих перевозок (148,3 млн. тонн);
- наименьшее увеличение прогнозируется по пассажирообороту (7,7 млрд. пасс.-км).

Долгосрочный прогноз транспортного комплекса до 2030 года представлен тремя вариантами:

1. Преодоление «узких мест» в развитии транспортной инфраструктуры с низким уровнем инвестиций. Среднегодовые темпы роста грузооборота отстают от роста ВВП.

2. Интенсивное развитие транспортной системы и преодоление «узких мест» к 2020 г. в сочетании с пуском новых транспортных проектов.

3. Опережающее развитие транспортной инфраструктуры к 2020 г.

Рассмотрим прогноз по грузовым и пассажирским перевозкам в перспективе до 2030 г. (см. табл. 3).

Таблица 3. – Основные показатели по видам транспорта до 2030 г.

Виды транспорта	2015	2020 г. (прогноз)		2030 г. (прогноз)		2020/2015, %		2030/2015, %	
		1 вар.	2 вар.	1 вар.	2 вар.	1 вар.	2 вар.	1 вар.	2 вар.
Грузоперевозки, млн. т.:	2618,5	4755	5125	6009	7016	181,6	195,7	229,5	267,9
Ж/д транспорт	1410	2338	2500	2790	3179	165,8	177,3	197,9	225,5
Автотранспорт	1099,7	2221	2429	2980	3580	202,0	220,9	271,0	325,5
Внутренний водный транспорт	95,72	148	152	176	183	154,6	158,8	183,9	191,2
Морской транспорт	12,326	43	47	60	72	348,9	381,3	486,8	584,1
Воздушный транспорт	0,777	1	1	2	2	128,7	128,7	257,4	257,4
Грузооборот, млрд.т-км:	1882	3036	3243	3784	4326	161,3	172,3	201,1	229,9
Ж/д транспорт	1713,45	2699	2886	3328	3790	157,5	168,4	194,2	221,2
Автотранспорт	86,43	165	181	246	296	190,9	209,4	284,6	342,5
Внутренний водный транспорт	50,361	91	92	123	137	180,7	182,7	244,2	272,0
Морской транспорт	27,76	72	79	74	89	259,4	284,6	266,6	320,6
Воздушный транспорт	4,004	7	8	11	13	174,8	199,8	274,7	324,7
Пассажирооборот, млрд. пасс.-км:	404,6	627	664	820	965	155,0	164,1	202,7	238,5
Ж/д транспорт	120,6	152	160	163	203	126,0	132,7	135,2	168,3
Автотранспорт	118	147	157	181	206	124,6	133,1	153,4	174,6
Электротранспорт	57	62	64	66	74	108,8	112,3	115,8	129,8
Внутренний водный транспорт	1	1	1	1	1	100,0	100,0	100,0	100,0
Воздушный транспорт	226,9	266	283	409	481	117,2	124,7	180,3	212,0

Источник: Составлено автором по данным Минэкономразвития РФ.¹

¹ Прогноз социально-экономического развития России до 2030 года // Министерство экономического развития РФ URL: <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>

Анализ данных (табл. 3) позволяет сделать следующие выводы:

- объем коммерческих перевозок грузов должен увеличиться к 2020 году по всем видам транспорта общего пользования на 2136,5 млн. тонн, по ж/д транспорту — на 928 млн. тонн, по автомобильному транспорту — на 1121,3 млн. тонн, по внутреннему водному транспорту — 52,28 млн. тонн, по морскому транспорту — на 30,674 млн. тонн, по воздушному транспорту- на 0,223 млн. тонн;
- объем коммерческих перевозок грузов должен увеличиться к 2030 году по всем видам транспорта общего пользования на 3390,5 млн. тонн, по ж/д транспорту — на 1380 млн. тонн, по автомобильному транспорту — на 1880,3 млн. тонн, по внутреннему водному транспорту — 80,28 млн. тонн, по морскому транспорту — на 47,674 млн. тонн, по воздушному транспорту- на 1,223 млн. тонн;
- объем коммерческого грузооборота должен увеличиться к 2020 году по всем видам транспорта общего пользования на 1154 млрд. т-км, по ж/д транспорту — на 985,55 млрд. т-км, по автомобильному транспорту — на 78,57 млрд. т-км, по внутреннему водному транспорту — 40,639 млрд. т-км, по морскому транспорту — на 44,24 млрд. т-км, по воздушному транспорту- на 2,996 млрд. т-км;
- объем коммерческого грузооборота должен увеличиться к 2030 году по всем видам транспорта общего пользования на 1902 млрд. т-км, по ж/д транспорту — на 1614,55 млрд. т-км, по автомобильному транспорту — на 159,57 млрд. т-км, по внутреннему водному транспорту — 72,639 млрд. т-км, по морскому транспорту — на 46,24 млрд. т-км, по воздушному транспорту — на 6,996 млрд. т-км;
- объем пассажирооборота должен увеличиться к 2020 году по всем видам транспорта общего пользования на 222,4 млрд. пасс.-км, по ж/д транспорту — на 31,4 млрд. пасс.-км, по автомобильному транспорту — на 29 млрд. пасс.-км, по электрическому транспорту — на 5 млрд. пасс.-км, по воздушному транспорту — на 39,1 млрд. пасс.-км;
- объем пассажирооборота должен увеличиться к 2030 году по всем видам транспорта обще-

- го пользования на 415,4 млрд. пасс.-км, по ж/д транспорту — на 42,4 млрд. пасс.-км, по автомобильному транспорту — на 63 млрд. пасс.-км, по электрическому транспорту — на 9 млрд. пасс.-км, по воздушному транспорту — на 182,1 млрд. пасс.-км;
- объем коммерческих перевозок грузов должен увеличиться к 2020 году по всем видам транспорта общего пользования на 2506,5 млн. тонн, по ж/д транспорту — на 1090 млн. тонн, по автомобильному транспорту — на 1329,3 млн. тонн, по внутреннему водному транспорту — 56,28 млн. тонн, по морскому транспорту — на 34,674 млн. тонн, по воздушному транспорту- на 0,223 млн. тонн;
- объем коммерческих перевозок грузов должен увеличиться к 2030 году по всем видам транспорта общего пользования на 4397,5 млн. тонн, по ж/д транспорту — на 1769 млн. тонн, по автомобильному транспорту — на 2480,3 млн. тонн, по внутреннему водному транспорту — 807,28 млн. тонн, по морскому транспорту — на 59,674 млн. тонн, по воздушному транспорту — на 1,223 млн. тонн;
- объем коммерческого грузооборота должен увеличиться к 2020 году по всем видам транспорта общего пользования на 1361 млрд. т-км, по ж/д транспорту — на 1172,55 млрд. т-км, по автомобильному транспорту — на 94,57 млрд. т-км, по внутреннему водному транспорту — 41,639 млрд. т-км, по морскому транспорту — на 51,24 млрд. т-км, по воздушному транспорту — на 3,996 млрд. т-км;
- объем коммерческого грузооборота должен увеличиться к 2030 году по всем видам транспорта общего пользования на 2444 млрд. т-км, по ж/д транспорту — на 2076,55 млрд. т-км, по автомобильному транспорту — на 209,57 млрд. т-км, по внутреннему водному транспорту — 86,639 млрд. т-км, по морскому транспорту — на 61,24 млрд. т-км, по воздушному транспорту — на 8996 млрд. т-км;
- объем пассажирооборота должен увеличиться к 2020 году по всем видам транспорта общего пользования на 259,4 млрд. пасс.-км, по ж/д транспорту — на 39,4 млрд. пасс.-км, по автомобильному транспорту — на 39 млрд. пасс.-км, по электрическому транспорту —

- на 7 млрд. пасс.-км, по воздушному транспорту — на 56,1 млрд. пасс.-км;
- объем пассажирооборота должен увеличиться к 2030 году по всем видам транспорта общего пользования на 560,4 млрд. пасс.-км, по ж/д транспорту — на 82,4 млрд. пасс.-км, по ав-

томобильному транспорту — на 88 млрд. пасс.-км, по электрическому транспорту — на 17 млрд. пасс.-км, по воздушному транспорту — на 254,1 млрд. пасс.-км.

На основе данных (табл. 3) рассчитаем показатели темпов роста и прироста (табл. 4).

Таблица 4. – Темпы роста и прироста основных показателей деятельности транспортного комплекса, %

Виды транспорта	Темп роста		Темп прироста	
	1 вар.	2 вар.	1 вар.	2 вар.
Грузоперевозки, млн. т.:	126,4	136,9	26,4	36,9
Ж/д транспорт	119,3	127,2	19,3	27,2
Автотранспорт	134,2	147,4	34,2	47,4
Внутренний водный транспорт	119,0	120,4	19,0	20,4
Морской транспорт	139,5	153,2	39,5	53,2
Воздушный транспорт	200	200	100	100
Грузооборот, млрд. т-км:	124,6	133,4	24,6	33,4
Ж/д транспорт	123,3	131,3	23,3	31,3
Автотранспорт	149,1	163,5	49,1	63,5
Внутренний водный транспорт	135,2	148,9	35,2	48,9
Морской транспорт	102,8	112,7	2,8	12,7
Воздушный транспорт	157,1	162,5	57,1	62,5
Пассажирооборот, млрд. пасс.-км:	130,8	149,8	30,8	49,8
Ж/д транспорт	107,2	126,9	7,2	26,9
Автотранспорт	123,1	131,2	23,1	31,2
Электротранспорт	106,5	115,6	6,5	15,6
Внутренний водный транспорт	100	100	0,0	0,0
Воздушный транспорт	153,8	170,0	53,8	70,0

Источник: Рассчитано автором по данным таблицы 3.

В результате анализа данных (табл. 4) заключаем, что:

- по первому варианту: перевозки грузов по всем видам транспорта к 2030 году, по сравнению с 2020 годом, должны увеличиться на 26,4%, из них по ж/д транспорту — на 19,3%, по автомобильному транспорту — на 34,2%, по внутреннему водному транспорту — на 19%, по морскому транспорту — на 39,5%, по воздушному транспорту — на 100%; грузооборот по всем видам транспорта должен увеличиться на 24,6%, из них по ж/д транспорту — на 23,3%, по автомобильному транспорту — на 49,1%, по внутреннему водному транспорту — на 35,2%, по морскому транспорту — на 2,8%, по воздушному транспорту — на 57,1%; пассажирооборот по всем видам транспорта должен увеличиться на 30,8%, из них по ж/д

транспорту — на 7,2%, по автомобильному транспорту — на 23,1%, по электрическому транспорту — на 6,5%, по воздушному транспорту — на 53,8%;

- по второму варианту: перевозки грузов по всем видам транспорта к 2030 году, по сравнению с 2020 годом, должны увеличиться на 36,9%, из них по ж/д транспорту — на 27,2%, по автомобильному транспорту — на 47,4%, по внутреннему водному транспорту — на 20,4%, по морскому транспорту — на 53,2%, по воздушному транспорту — на 100%; грузооборот по всем видам транспорта должен увеличиться на 33,4%, из них по ж/д транспорту — на 31,3%, по автомобильному транспорту — на 63,5%, по внутреннему водному транспорту — на 48,9%, по морскому транспорту — на 12,7%, по воздушному транспорту — на 62,5%; пассажирооборот

по всем видам транспорта должен увеличиться на 49,8%, из них по ж/д транспорту — на 26,9%, по автомобильному транспорту — на 31,2%, по электрическому транспорту — на 15,6%, по воздушному транспорту — на 70%.

ПЛАНОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВИДАМ ТРАНСПОРТА

Автомобильные перевозки:

1) обновление парка городского пассажирского транспорта с целью роста качества транспортного обслуживания пассажиров и ограничению автомобилизации;

2) мероприятия по проведению Чемпионата мира по футболу в России в 2018 г. с целью прироста объемов пассажирских перевозок городским электро- и автотранспортом до 7% и 4%, соответственно;

3) дополнительное финансирование автодорог с целью их удвоения к 2020 г. Всего к 2030 г. построят и реконструируют примерно 221 тыс. км автодорог общего пользования.

Железнодорожный транспорт:

1) развитие и обновление БАМа в направлении Ванино-Совгаванского транспортного узла с целью увеличения скорости доставки транзитных контейнеров по Транссибирской магистрали путем перераспределения грузовых потоков;

2) создание конкурентоспособных транспортных коридоров на основе технически, а также технологически интегрированной транспортно-логистической инфраструктуры и систем координации бизнес-процессов на базе интеллектуальных транспортных систем;

3) повышение пропускной способности, скоростных параметров транспортной инфраструктуры за счет развития высокоскоростных магистралей, создания полигонов с пассажирским и грузовым движением;

4) строительство новых железнодорожных линий общей протяженностью 20 тыс. км. с целью организации скоростного, высокоскоростного пассажирского движения;

5) создание высокоскоростной железнодорожной магистрали на направлениях Москва–Санкт-Петербург и Москва–Нижний Новгород–Чебоксары–Казань–Екатеринбург.

Воздушные перевозки:

1) дальнейшее развитие Московского авиаузла с целью реализации транзитного потенциала России и создания благоприятных условия для успешной конкуренции аэропортов России с аэропортами других европейских стран.

2) рост количества аэропортов (500 к 2030 г.), реконструкция 170 взлетно-посадочных полос.

3) развитие инфраструктуры аэропортов в рамках подготовки России к Чемпионату мира по футболу в 2018 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОТРАНСПОРТА РОССИИ

В период 2016–2018 гг. Министерство экономического развития РФ планирует реализацию следующих проектов¹:

- реконструкция участков автомобильной дороги Московское большое кольцо;
- реконструкция автомобильной дороги М-7;
- строительство и реконструкция автомобильной дороги М-23;
- реконструкция участков автомобильной дороги А-141;
- строительство и реконструкция в 2016–2018 гг. 2,2 тыс. км автодорог федерального значения;
- подготовка объектов транспортной инфраструктуры, необходимых для проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г.;
- реализация крупных инвестпроектов с целью развития инфраструктуры в крупных транспортных узлах;
- строительство скоростных автодорог;
- развитие транспортного комплекса в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города федерального значения Севастополя до 2020 года», включая строительство мостового перехода через Керченский пролив.

Рассмотрим прогноз перевозок автотранспортом в России к 2030 г. (табл. 5).

¹ Прогноз социально-экономического развития России на 2016–2018 годы» // Министерство экономического развития РФ URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/fb93efc7d9ad4f638d51f0958ae58d3e/1.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e> (дата обращения: 2016 г.).

Таблица 5. – Прогноз автомобильных перевозок до 2020 г.

	2015	2020 г. (прогноз)		Темп роста 2020/2015	
		1 вар.	2 вар.	1 вар.	2 вар.
Грузоперевозки, млн. т.:	1099,7	2221	2429	202,0	220,9
Грузооборот, млрд. т-км:	86,43	165	181	190,9	209,4
Пассажирооборот, млрд. пасс-км:	118	147	157	124,6	133,1

Источник: Составлено автором по данным Минэкономразвития РФ¹.

По представленным данным (табл. 5) заключаем:

- по первому варианту развития 2020 год превышает показатели: грузовые перевозки на 1121,3 млн. т, относительно 2015 года; грузооборот на 78,57 млрд. т-км, относительно 2015 года; пассажирооборот на 29 млрд. пасс-км, относительно 2015 года;
- по второму варианту развития 2020 год превышает показатели: грузовые перевозки на 1329,3 млн. т, относительно 2015 года; грузооборот на 94,57 млрд. т-км, относительно 2015 года; пассажирооборот на 39 млрд. пасс-км, относительно 2015 года;

- по первому варианту развития прогноз данных грузовых перевозок на 2020 год превышает 2015 год на 102%; грузооборот на 2020 год на 90,9% превышает 2015 год; пассажирооборот на 2020 год превышает показатель 2015 года на 24,6%;
- по второму варианту развития прогноз данных грузовых перевозок на 20320 год превышает 2015 год на 120,9%; грузооборот на 2020 год на 109,4% превышает 2015 год; пассажирооборот на 2020 год превышает показатель 2015 года на 33,1%.

Прогноз автомобильных перевозок представлен далее (табл. 6).

Таблица 6. – Прогноз автоперевозок до 2030 г.

	2015	2030 г. (прогноз)		Темп роста 2030/2015	
		1 вар.	2 вар.	1 вар.	2 вар.
Грузоперевозки, млн. т.:	1099,7	2980	3580	271,0	325,5
Грузооборот, млрд. т-км:	86,43	246	296	284,6	342,5
Пассажирооборот, млрд. пасс-км:	118	181	206	153,4	174,6

Источник: Составлено автором по данным Минэкономразвития РФ¹.

Анализ данных (табл. 6) позволяет заключить:

- по первому варианту развития 2030 год превышает показатели: грузовые перевозки на 1880,3 млн. т, относительно 2015 года; грузооборот на 159,57 млрд. т-км, относительно 2015 года; пассажирооборот на 63 млрд. пасс-км, относительно 2015 года;
- по второму варианту развития 2030 год превышает показатели: грузовые перевозки на 2480,3 млн. т, относительно 2015 года; грузооборот на 209,57 млрд. т-км, относительно 2015 года; пассажирооборот на 88 млрд. пасс-км, относительно 2015 года;
- по первому варианту развития прогноз данных грузовых перевозок на 2030 год превышает 2015 год на 171%; грузооборот на 2030 г.

на 184,6% превышает 2015 год; пассажирооборот на 2030 г. превышает показатель 2015 года на 53,4%;

- по второму варианту развития прогноз данных грузовых перевозок на 2030 год превышает 2015 год на 225,5%; грузооборот на 2030 год на 242,5% превышает 2015 год; пассажирооборот на 2030 год превышает показатель 2015 года на 74,6%.

Рассчитаем по данным (табл. 6) показатели роста автоперевозок (см. табл. 7).

По данным (табл. 7) делаем выводы:

- по первому варианту развития объем коммерческих перевозок грузов должен увеличиться в 2030 году на 34,2%, по сравнению с 2020 годом; коммерческий грузооборот — на 49,1%;

¹ Прогноз социально-экономического развития России до 2030 года // Министерство экономического развития РФ URL: <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>

- пассажирооборот — на 21,1%;
- по второму варианту развития объем коммерческих перевозок грузов должен увеличиться

в 2030 году на 47,4%, по сравнению с 2020 годом; коммерческий грузооборот — на 63,5%; пассажирыоборот — на 31,2%.

Таблица 7. – Темп роста и прироста перевозок автомобильным транспортом, %

	Темп роста		Темп прироста	
	1 вар.	2 вар.	1 вар.	2 вар.
Коммерческие перевозки грузов, млн. т.:	134,2	147,4	34,2	47,4
Коммерческий грузооборот, млрд. т-км:	149,1	163,5	49,1	63,5
Пассажирыоборот, млрд. пасс-км:	121,1	131,2	21,1	31,2

Источник: Рассчитано автором по данным таблиц 5, 6.

Также не обходимо отметить, что по данным Минэкономразвития в ближайшей перспективе завершат проекты:

- строительство скоростной автодороги Москва — Санкт-Петербург;
- строительство Центральной кольцевой автодороги Московской области;
- строительство автодороги М-4 в Воронежской области;
- реконструкция федеральной автодороги М-3 от Москвы до границ с Украиной;
- открытие моста через Керченский пролив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенных исследований приходим к следующим выводам:

- максимальное количество грузов и пассажиров в 2015 году было перевезено автотранспортом, минимальное количество грузов перевезено воздушным транспортом, пассажиров — внутренним водным;
- в 2015 году было перевезено грузов на 375,7 млн. тонн меньше, чем в 2014 году, грузооборот автомобильного транспорта в 2015 году снизился на 14,6 млрд. т-км по сравнению с 2014 годом; перевозки пассажиров в 2015 году сократились на 97,6 млн. человек; пассажирыоборот в 2015 году увеличился на 0,6 млрд. пасс.-км;
- государственными программами запланиро-

ван целый ряд важнейших мероприятий с целью развития российского транспортного комплекса и его интеграции;

- в рамках утвержденных программ разработано несколько вариантов развития российского транспорта. По первому варианту развития 2030 год превышает показатели: грузовые перевозки на 1880,3 млн. т, относительно 2015 года; грузооборот на 159,57 млрд. т-км, относительно 2015 года; пассажирыоборот на 63 млрд. пасс-км, относительно 2015 года; по первому варианту развития прогноз данных грузовых перевозок на 2030 год превышает 2015 год на 171%; грузооборот на 2030 год на 184,6% превышает 2015 год; пассажирыоборот на 2030 год превышает показатель 2015 года на 53,4%;
- по второму варианту развития 2030 год превышает показатели: грузовые перевозки на 2480,3 млн. т, относительно 2015 года; грузооборот на 209,57 млрд. т-км, относительно 2015 года; пассажирыоборот на 88 млрд. пасс.-км, относительно 2015 года; по второму варианту развития прогноз данных грузовых перевозок на 2030 год превышает 2015 год на 225,5%; грузооборот на 2030 год на 242,5% превышает 2015 год; пассажирыоборот на 2030 год превышает показатель 2015 года на 74,6%.

Список литературы:

1. Алексеева, И. М. Статистика автомобильного транспорта/И. М. Алексеева, О. И. Ганченко, Е. В. Петрова. – М.: Экзамен, 2005. – 352 с.
2. Голубчик, А. М. Транспортно-экспедиторский бизнес. Создание, становление, управление/А. М. Голубчик. – М.: ТрансЛит, 2012. – 328 с.

3. Демихов, В.Ю. Управление сбытовой деятельностью в корпоративных системах транспортного комплекса/В.Ю. Демихов. – М.: ВИНТИ РАН, 2008. – 180 с.
4. Как организовать цепочку поставок. – М.: Юнайтед Пресс, 2008. – 208 с.
5. Кокин, А. С. Транспортно-экспедиторские услуги при международной перевозке грузов/А. С. Кокин, Г.А. Левиков. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 576 с.
6. Кузьмин, А. С. Международные перевозки/А. С. Кузьмин. – М.: ТетраСистемс, 2008. – 128 с.
7. Левиков, Г.А. Логистика, транспорт и экспедирование. Краткий словарь-справочник/Г.А. Левиков. – М.: ТрансЛит, 2008. – 224 с.
8. Левиков, Г.А. Управление транспортно-логистическим бизнесом/Г.А. Левиков. – М.: ТрансЛит, 2007. – 224 с.
9. Логистика. Общественный пассажирский транспорт/Л. Б. Миротин и др. – М.: Экзамен, 2003. – 224 с.
10. Никифоров, В. В. Логистика. Транспорт и склад в цепи поставок/В. В. Никифоров. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. – 192 с.
11. Панова, О. Н. Методологические основы оптимизации параметров системы освоения дальних пассажиропотоков/О. Н. Панова. – М.: АКЦИ, 2011. – 160 с.
12. Паршина, Р. Н. Логистика транссибирских контейнерных перевозок/Р. Н. Паршина. – М.: ВИНТИ РАН, 2008. – 420 с.
13. Плужников, К. И. Транспортные документы. Справочник/К. И. Плужников, Ю. А. Чунтомова. – М.: ТрансЛит, 2010. – 176 с.
14. Правила автотранспортных перевозок. Сборник нормативных документов. – М.: Феникс, 2010. – 384 с.
15. Правила по оборудованию морских судов. Правила по грузоподъемным устройствам морских судов. Правила о грузовой марке морских судов. – М.: Российский Морской Регистр Судоходства, 2011. – 448 с.
16. Савин, В. И. Перевозки грузов автомобильным транспортом: моногр./В. И. Савин. – М.: Дело и сервис, 2002. – 544 с.
17. Симонов, А. К. Общий курс транспорта/А. К. Симонов. – Москва: Машиностроение, 2004. – 148 с.
18. Соснаускене, О. И. Учет автотранспорта и затрат на его содержание на предприятии/О. И. Соснаускене. – М.: Дашков и Ко, 2012. – 256 с.
19. Транспортное обеспечение коммерческой деятельности: моногр. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 128 с.
20. Троицкая, Н. А. Единая транспортная система/Н. А. Троицкая, А. Б. Чубуков. – М.: Академия, 2013. – 240 с.
21. Труханович, Л. В. Морской и речной транспорт/Л. В. Труханович, Д. Л. Щур. – М.: Финпресс, 2009. – 160 с.
22. Управление грузовыми потоками в транспортно-логических системах. – М.: Горячая линия – Телеком, 2010. – 704 с.
23. Феоктистов, И. А. Упрощенная система налогообложения в общественном питании и торговле/И. А. Феоктистов. – М.: РОСБУХ, ГроссМедиа Ферлаг, 2009. – 160 с.

Информация об авторе

Подхалюзина Валентина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика автомобильного транспорта»,

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Адрес: 125319, Москва, Ленинградский проспект, 64. тел.: 8 (967) 232-44-88

E-mail: valya74@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2049-6045>

Z. V. Smutchak¹**O. Y. Sytnyk**¹¹ *Kirovograd Flight Academy of National Aviation University, Kropivnitskiy, Ukraine*

THE INFLUENCE OF MIGRATORY PROCESSES ON DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF UKRAINE

Abstract

Objective: to determine the impact of migration on demographic development of Ukraine.

Methods: comparison, logical generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition, induction and deduction.

Results: on the base of scientific and economic literature the causes and features of migration processes of destabilization in Ukraine are identified; the detailed analysis of intra-regional, inter-regional and interstate migration in the years of the state independence of Ukraine has been undertaken; illegal migration, which can be interpreted as a factor preventing the demographic development of the country is characterized; the necessity of settlement of migration flows is substantiated; the ways to stabilize them at all levels are suggested.

Scientific novelty: for the first time in an article based on a detailed analysis of intra-regional, inter-regional and interstate migration in the years of independence Ukraine has proposed the path of stabilization of migration processes in the meta-, macro-, meso- and micro levels, as a factor of demographic development of Ukraine.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific activities at the consideration of the demographic development of Ukraine.

Keywords: migrations, inter-regional migrations, the forced mass internal migratory resettlements, interstate migrations, migratory threats to national security, migratory challenges, state migratory policy.

References:

1. On the concept of state migration policy. The decree of the President of Ukraine № 622/2011. Retrieved from: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/622/2011> (in Ukrainian).
2. Datsko O. Influence of international migration and strengthening of threat to economic security of the country. Problems of external migration of Ukraine and other post-Soviet states: materials of round table – Lviv, Spolom, 2014, p. 25–29 (in Ukrainian).
3. Malinovska O. Some conceptual approaches to labor migration. //Labour migration Ukraine and the state program of regulation: Materials Int. Conference Kyiv, February 18, 2005/Regional Representative Office of them. Friedrich Ebert Foundation in Ukraine – K.: Testament, 2005. – C. 6 –16. (in Ukrainian).
4. Malinovska O. Management of migration: some conclusions from the European experience. Science issues UAPA, issue 2, 2002, p. 446–453. (in Ukrainian).
5. Malinovska O. Labour migration: social consequences and ways of reaction – Kyiv, NISS, 2011, 40 p. (in Ukrainian).
6. Kovalyk I. Principles and consequences of international labor force migration for Ukraine, Strategy of development of Ukraine, issue 2, 2011, p. 278 (in Ukrainian).
7. Prybytkova I. Security of documents and migration policy: conclusions and recommendations of the international working groups for Ukraine – Kyiv, Europe without barriers, 2011, p. 9–30. Prybytkova, I. Security of documents and migration policy: conclusions and recommendations of the international working groups for Ukraine – Kyiv, Europe without barriers, 2011, p. 9–30. (in Ukrainian).
8. Romanjuk M. Migration of the population of Ukraine: national priorities and regional differentiation regulation of the mechanism of regulation. Economy of Ukraine, issue 9, 1999, p. 38–44. (in Ukrainian).

9. Romanjuk M. Migration determinants of national security of Ukraine: theoretical and methodological, and practical aspects. Demography and social economy, issue 1 (11), 2009, p. 50–60. (in Ukrainian).
10. Vidyakina M., Stakanov G. Labour migration from Ukraine to the EU macroeconomic dimension – Kyiv, SSC, 2011, 196 p. (in Ukrainian).
11. Organisation of Migration. Retrieved from: <http://iom.org.ua/ua>
12. State Statistics Service of Ukraine. Retrieved from: www.ukrstat.gov.ua
13. Visa-free dialogue between Ukraine and the EU. Action plan on liberalization of visa regime. Retrieved from: [http://www.kmu.gov.ua/document/244813925/ ... 20 для%20Укра_ни.pdf](http://www.kmu.gov.ua/document/244813925/..._20_для%20Укра_ни.pdf).
14. Smutchak Z. Migratory Threats to National Security of Ukraine: Current Challenges and Ways of Regulation/Z. Smutchak, D. Romanjuk//Baltic Journal of Economic Studies – Riga, 2016 – Vol.2, No.3 – С. 107–112.
15. Kumskov G. Ways to enhance the impact of market mechanisms to stabilize the internal migration of the population of Kyrgyzstan/Bulletin KRSU, 2002. – № 3. Retrieved from: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v3/a16.html> (in Russian).
16. Haidutsky A. The scale of labour migration abroad//Ukrainian economy and state. – 2007. – № 8. – S.82–86 (in Ukrainian).

Information about the authors

Zinaida Vasilivna Smutchak, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of management, economics and law department,
Kirovograd Flight Academy of National aviation University
Address: 25006, Ukraine, Kropivnitskiy (Kirovograd), 29/33 Mihailovskaya Str, Apt. 5, тел.: +38 (067) 520-07-20
E-mail: zinulechka@ukr.net
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6079-9227>

Oksana Yuriivna Sytnyk, Candidate of Economic Sciences, Senior lecturer of management, economics and law department,
Kirovograd Flight Academy of National aviation University
Address: 25005, Ukraine, Kropivnitskiy (Kirovograd), 48 Korolenko Str, Apt. 6,
тел.: +38 (066) 7913055
E-mail: oysytnyk@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5234-7792>

З. В. Смутчак¹

О. Ю. Сьтнік¹

¹ Кіровоградська летня академія Національного авіаційного університету, г. Кропивницький, Україна

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ

Аннотация

Цель: исследование влияния миграционных процессов на демографическое развитие Украины.

Методы: сравнения, логического обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных, теоретического познания, индукции и дедукции.

Результаты: на основе анализа научной экономической литературы выявлены причины и особенности дестабилизации миграционных процессов в Украине; проведен детальный анализ внутрирегиональной, межрегиональной и межгосударственной миграции в годы государственной независимости Украины;

охарактеризована нелегальная миграция, которую можно трактовать как фактор, препятствующий демографическому развитию страны; обоснована необходимость урегулирования миграционных потоков; предложены пути их стабилизации на всех уровнях хозяйствования.

Научная новизна: в статье впервые на основе детального анализа внутрирегиональной, межрегиональной и межгосударственной миграции в годы государственной независимости Украины предложены пути стабилизации миграционных процессов на мета-, макро-, мезо- и микроуровнях, как фактор демографического развития Украины.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной деятельности при рассмотрении вопросов демографического развития Украины.

Ключевые слова: миграции; межрегиональные миграции; вынужденные массовые внутренние переселения; межгосударственные миграции; миграционные угрозы национальной безопасности; миграционные вызовы; государственная миграционная политика.

ВВЕДЕНИЕ

Миграционные процессы в Украине сегодня по-разному оказывают свое влияние на демографическое развитие страны, участие в международном разделении труда, при выходе на европейский и мировые рынки, социальную и национальную безопасность. Это обстоятельство сейчас приобретает особую актуальность, поскольку Украина в июне 2014 года подписала Соглашение об ассоциации с ЕС.

Следует отметить, что основная стратегическая задача состоит в сохранении государственного суверенитета, территориальной целостности Украины и интеграции в европейское экономическое и миграционное пространства, обеспечении приближенных к мировым стандартам качества и продолжительности жизни, реализации прав и свобод граждан. Анализ и учет современных миграционных тенденций в нашем государстве, в контексте участия Украины в европейском и мировом миграционном пространстве, рассматривается как один из важных факторов формирования собственной национальной политики. Эта проблема и непосредственно, и опосредованно находится в плоскости национальной безопасности Украины.

Сегодня особенно остро стоит проблема возникновения в регионах Украины значительного количества вынужденных переселенцев в связи с аннексией Российской Федерацией Крыма, внешней военной агрессии России на Донбассе и военными конфликтами, которые продолжаются в Донецкой и Луганской областях. Следует особо отметить, что по этой причине актуальной для Украины задачей, которую необходимо решить, является стремительный рост внутренней (переселенческой) миграции, а также эмиграции [14].

С апреля 2014 года — с начала боевых действий на Донбассе из Донецкой и Луганской областей вы-

ехало по данным ООН более 2 миллионов человек, из которых 1,75 млн. человек переселилось в другие регионы Украины, а более 300 тыс. человек эмигрировало в Российскую Федерацию. С аннексированного Крыма переселенцами на материковую Украину стали почти 25 тыс. человек. Эти данные являются приближенными к реальным, поскольку невозможен точный подсчет в условиях военных действий и проведения антитеррористической операции. Основной причиной, которая стимулировала высокую интенсивность миграционного движения населения в Украине стали аннексия Крыма, военные действия на Донбассе, терроризм и посягательство на территориальную целостность, и суверенитет страны [14].

Исходя из своего географического положения и особенностей социально-экономического развития, а также развития рынка труда и уровня заработной платы в стране, Украина является активным участником международных экономических процессов и одной из крупнейших стран — доноров рабочей силы в Европе. В условиях социально-экономического кризиса роль трудовых миграций как источника снижения напряжения на местных рынках труда существенно возрастает.

Стремительная активизация международной мобильности населения Украины, происходит в условиях глобализации и нарастания интенсивности мировых миграций, выдвигает актуальную проблему — регулирование миграционных процессов, предоставления им организованного, безопасного и неконфликтного характера.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция государственной миграционной политики Украины направлена на обеспечение эффективного государственного управления миграционными процессами, создание условий для устойчивого

демографического и социально-экономического развития государства, повышение уровня национальной безопасности путем предотвращения возникновения неконтролируемых миграционных процессов и ликвидации их последствий, согласования национального законодательства в сфере миграции с международными стандартами, усиление социальной и правовой защиты граждан Украины, которые находятся или работают за рубежом, соблюдения принципов защиты интересов Украины, а также то, что составляет угрозу национальной безопасности страны: нелегальная миграция; обострение демографического кризиса; отъезд за пределы Украины ученых, специалистов, квалифицированной рабочей силы [1].

Принятие важных законов и нововведений государственной миграционной политики дает основания утверждать, что основной побудительный мотив таких действий был обусловлен внешним фактором и, в частности, реформирование миграционной сферы заметно активизировалось после того, как на саммите Украина-ЕС в ноябре 2010 Украине был предоставлен План действий по либерализации визового режима [13].

За годы государственной независимости в период реформирования экономики и трансформации всей социально-экономической системы, а также в связи с демократизацией общественной жизни, экономическим кризисом и падением жизненного уровня подавляющего большинства населения страны характер, объемы, состав и направленность внутренних и внешних миграционных потоков потерпели существенные изменения и приобрели новое значение [14].

Эти изменения заключаются в том, что сократились до минимума объемы ежедневных потоков трудовой маятниковой миграции, практически прекратился массовый отток сельских жителей в города, а взамен имеет место частичная переориентация миграционных потоков населения из городских поселений в сельскую местность. В десятки раз выросли объемы сезонной трудовой миграции и внешних трудовых поездок за границу.

Сложными и очень часто взаимосвязанными являются проблемы внешних миграций населения Украины в целом и ее регионов в частности. За годы государственной независимости можно выделить три основных периода межгосударственных миграционных перемещений населения: 1991–1993 годы; 1994–2004 годы; 2005–2014 годы.

Накануне, в годы распада СССР (1989–1991 гг.), а также в первые годы независимости Украины (1991–1993 гг.) в Украину из России, Казахстана, Узбекистана и других стран СНГ прибыло 2,4 млн. человек. Среди прибывших были как люди, приехавшие по причине изменения места работы, так и представители и потомки депортированных народов, а также лица, которые были репрессированными, раскулаченными и политическими заключенными.

Глубокие и постоянные изменения в обществе на территории бывшего Советского Союза сопровождались расширением процессов перемещения населения через международные границы часто вынужденно, в результате насилия и угроз. Эти миграционные перемещения охватили более 9 млн. человек и по объемам в Европе были самыми крупными миграционными процессами со времен Второй мировой войны. В то же время более 2 млн. вынужденных переселенцев из Донбасса в 2014–2015 гг. являются крупнейшим миграционным переселением в Европе в начале XXI века.

Как известно к основным причинам внешних миграций населения относят:

- вооруженные конфликты;
- преследования по этническому признаку;
- нарушение прав человека;
- экономические трудности;
- экологические катастрофы;
- несостоятельность правительств обеспечить достойный уровень жизни.

Только официально по состоянию на начало 2013 года в странах — реципиентах, где больше всего находилось украинских трудовых мигрантов (более 1 млн. украинцев) и, в частности, в Италии 208,8 тыс., Германии — 159,3 тыс.; России — 126, 4 тыс.; Чехии — 116, 4 тыс.; Израиле — 97,6 тыс., Испании — 77,2 тыс., США — 59,9 тыс., Греции — 50,1 тыс., Португалии — 48,0 тыс., Канаде — 43,0 тыс. граждан Украины, проживающих на территории этих стран официально [13].

По данным Международной организации труда в 2012 году количество украинских трудовых мигрантов составила почти 6 млн. человек, из них около 50% — молодежь в возрасте до 35 лет.

В Украине нет многолетней стратегии развития сельских территорий, соответственно, как следствие, наблюдаются проблемы миграции внутри страны. Поскольку многие села приходят в упадок,

а то и просто исчезают, количество рабочих мест уменьшается, а заработная плата остается чрезвычайно низкой, люди не видят возможности и перспективы для жизни в селе. Такая негативная перспектива заставляет сельское население мигрировать в города или за границу в поисках работы. Следует отметить, что в течение 1995–2010 гг. в областях Карпатского региона (Львовской, Ивано-Франковской, Закарпатской и Черновицкой) ежегодно продолжительностью от шести месяцев до года работали за границей 300–500 тыс. чел., большая часть из которых была из сельской местности.

По состоянию на конец 2013 года в сельских поселениях Украины жила треть населения Украины, то есть 31,4% от общей численности населения. С 1993 года численность сельского населения ежегодно сокращалась на 132 тыс. человек и уменьшение этого показателя происходит прогрессирующими темпами, в том числе и из-за эмиграции. В течение 2010–2012 гг. численность сельского населения уменьшилась почти на 100 тыс. человек. Ежегодно за рубеж выезжает около 50 тыс. сельских жителей, 80,5% которых составляют молодежь и женщины.

В 2012 году украинцы были пятой, после Турции, Марокко, Албании и Китая, по численности группой граждан стран третьего мира, которые проживали на территории ЕС. Рейтинг Украины по количеству эмигрантов был первым в Польше и Чешской Республике, второе место — у Российской Федерации, Словакии и Венгрии, третье место — у Эстонии, четвертое место — у Греции и Италии.

Актуальность проблем, связанных с массовыми межгосударственными миграционными процессами, еще больше усиливается на фоне общего демографического кризиса, который охватил Украину, начиная с 1991 год. Что в значительной степени вызвало и кризис миграции, который сегодня проявляется в уменьшении интенсивности миграций в середине областей, значительном их увеличении при военном конфликте на Донбассе на межрегиональном уровне и интенсивными потоками иностранных трудовых мигрантов [14].

Детальный анализ внутрирегиональных, межрегиональных и межгосударственных миграций населения Украины в годы государственной независимости (1991–2014 гг.) показан на рис. 1, 2.

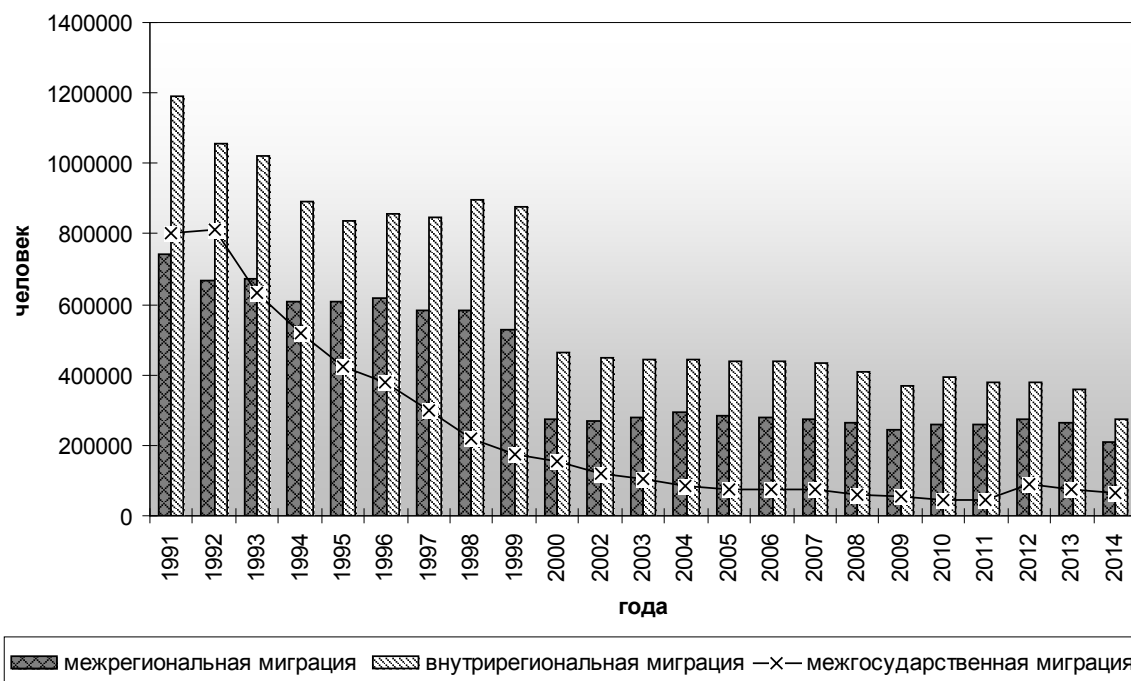

Рис. 1. Миграции населения Украины (1991–2014 гг.), человек составлено с использованием источника [1]

На внутрирегиональном и межрегиональном уровнях снижается миграционная активность. Так, если в 1991 г. в пределах областей страны сменили место жительства 594,2 тыс. человек, то в 2000 г. —

461,9 тыс., в 2007 г. — 435,8 тыс. чел., в 2014 — всего лишь 273,7 тыс. человек (на 59% меньше). Также снизилась интенсивность обмена населения между регионами страны: на постоянное место жительства

в другие регионы в 1991 году выбыло 354,8 тыс. человек, а прибыло 385,8 тыс. человек, в 2000 г. эти показатели составляли 274,9 тыс. человек по при-

бывших и выбывших, в 2007 г. — 276,0 тыс. человек, а в 2014—211,1 тыс. человек (на 38% меньше).

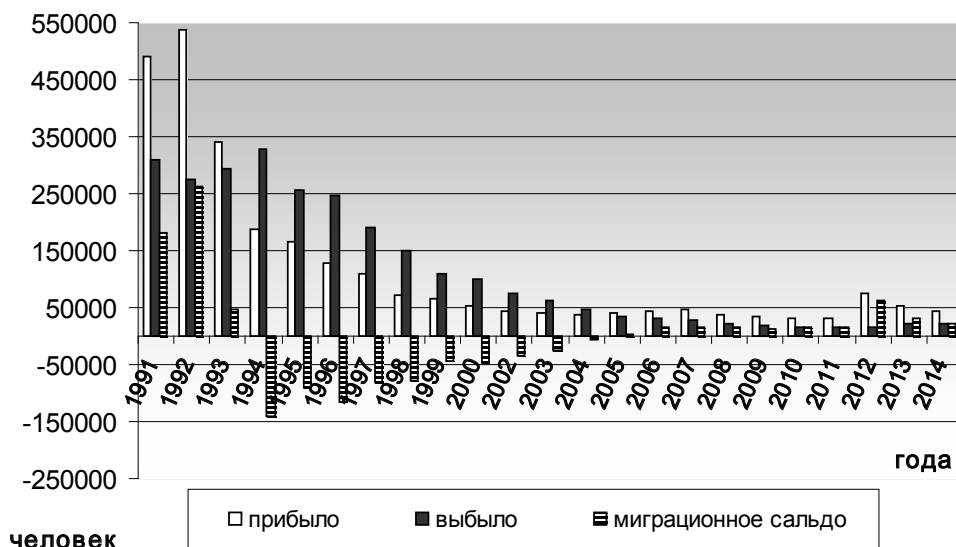

Рис. 2. Межгосударственная миграция населения Украины (1991–2014 гг.), человек составлено с использованием источника [1]

В период с 1994 по 2004 годы в Украине имело место отрицательное сальдо внешней миграции, которое ежегодно составляло почти 100 тыс. человек, а начиная с 2005 года во внешних миграциях населения Украины — имеет место положительное миграционное сальдо, которое за период 2005–2014 годы составляет 212,8 тыс. человек. Вместе с тем Украина за годы государственной независимости из-за процесса депопуляции потеряла 6,5 млн. человек, а во внешних миграционных перемещениях населения потери составили более 1 млн. человек.

Среди 2,7 млн. человек выбывших из Украины в период 1992–2012 гг. на постоянное жительство в другие страны лица с высшим образованием составили 23,5%. Согласно исследованиям Международной организации по миграции, возрастная структура украинских эмигрантов по пяти возрастным группам выглядит следующим образом: мигранты в возрасте 15–19 лет — 3%, 20–24 года — 15%, 25–34 года — 34%, 35–44 года — 31%, 45 лет и старше — 17%.

Наибольшее количество мигрантов в Украине составляют лица с полным средним и средним специальным образованием (48%), то есть выпускники средних общеобразовательных школ, гимназии, лицеев, училищ, техникумов и колледжей, люди с базовым высшим образованием (24%) — выпускники высших учебных заведений с образовательным уровнем «бакалавр», а также лица с полным высшим обра-

зованием (18%), то есть выпускники высших учебных заведений с образовательным-квалификационным уровнем «специалист» и «магистр» [2, С. 27].

Следует отметить, что ситуация с нелегальной внешней трудовой миграцией в Украине намного сложнее. Зарубежным работодателям выгодно иметь дело с нелегальными трудовыми мигрантами, потому лица, которые прибыли в страну с целью заработка на незаконных основаниях, не имеют юридического и социальной защиты. Более того, они вынуждены соглашаться на любую работу — сезонную, тяжелую и опасную, тарифные ставки, устанавливаемые им значительно ниже, чем гражданам своей страны. Внешние трудовые мигранты из Украины во многих странах вынуждены работать продленный рабочий день при вредных условиях труда, имеют ограниченный доступ к медицинской помощи и социальной защите (или совсем не имеют), незащищены от низкой оплаты труда, профессиональных травм, болезней.

Нелегальная трудовая миграция чаще всего совершается под видом туристических поездок. До 85% всех трудовых мигрантов выезжают за границу именно по туристическим визам (преимущественно краткосрочным). При этом, как правило, необходимые для этого документы не оформляются, а гарантии трудоустройства являются достаточно сомнительными. Но даже такая перспектива не пугает наших граждан ради заработка.

Исследования причин нелегальной трудовой миграции украинцев свидетельствуют о наличии ряда бюрократических преград как в Украине, так и в принимающей стране. Такой проблемой «туристической» миграции является ее пропагандирование со стороны специализированных организаций, для которых это основной вид бизнеса и значительный доход. Данные Интерпола информируют, что структуры, которые занимаются подобной деятельностью, во всем мире зарабатывают более 30 млрд. долларов ежегодно. Ведь стоимость доставки одного нелегала колеблется от 3 до 30 тыс. долларов [16, с. 82].

Эта проблема требует неотложного решения. Украина (как предусмотрено частью третьей статьи 25 Конституции Украины) гарантирует заботу и защиту своим гражданам, находящимся за ее пределами. Такая же норма содержится в статье 8 Закона Украины «О гражданстве Украины». Она направлена на законодательное обеспечение реализации указанного конституционного положения.

А потому, регулирование миграционных процессов на макроэкономическом уровне должно стать важной составляющей социально-экономической политики государства. Такая же проблема требует регулирования на отраслевом, региональном уровнях, а также на уровне отдельных субъектов хозяйствования. Задача по управлению миграцией, особенно ее внешними формами, заключается не в том, чтобы возводить барьеры через систему административно-ограничительных мероприятий, которые не дают возможности мигрантам проникать в развитые страны, а в том, как на основе соблюдения прав человека и гуманных принципов управлять миграционными потоками населения, в частности, постоянных переселенцев и трудовых мигрантов с учетом интересов государства, принимающих стран и регионов (табл. 1)

Государственная миграционная политика состоит в том, чтобы добиться упорядочения миграционного пространства страны и взять под действенный контроль те миграционные процессы, которые в нем протекают [14].

Таблица 1. – Пути стабилизации миграционных потоков Украины

НАПРАВЛЕНИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ УКРАИНЫ	
Метауровень	реализация мероприятий по принятию проектов соглашений, регламентирующих движение рабочей силы со странами ЕС
	поддержка украинских школ, созданные в ряде стран пребывания мигрантов
	связь с новыми диаспорами, которые сформировались за рубежом в результате нынешней трудовой миграции украинцев с целью поддержки их национально-культурной жизни за рубежом
	сотрудничество со странами назначения по урегулированию правового статуса, социальной защиты работников-мигрантов из Украины
	достижение договоренностей по введению различных схем циркулярной миграции; предоставление помощи в реинтеграции мигрантов, которые возвращаются.
	налаживание постоянного информационного обмена со странами-реципиентами украинских работников-мигрантов.
Макроуровень	способствование ускорению внесения изменений в соглашения о сотрудничестве в сфере трудовой миграции и социальной защите трудовых мигрантов
	активизация переговорного процесса по заключению соглашений о взаимном трудоустройстве граждан и их социальной защите со странами, в которых количество трудовых мигрантов — граждан Украины — является наибольшим
	подготовка комплексной государственной программы регулирования миграционных процессов с четким распределением полномочий и обязанностей центральных органов исполнительной власти и местного самоуправления
	принятие мер для уменьшения масштабов нелегальной трудовой миграции населения за пределы страны
	работа по внедрению аналитической отчетности с целью осуществления контроля за возвращением в Украину граждан, которым предоставлялись туристические услуги
	изучить систему налогообложения трудовых мигрантов других стран и нормировать режим налогообложения доходов трудовых мигрантов — граждан Украины

Макроуровень	создание действенных механизмов легализации доходов граждан, работающих за границей: разработать механизм создания благоприятных условий для перевода в Украину денежных переводов трудовых мигрантов — граждан Украины
	стимулирование инвестиционной активности предпринимателей путем совершенствования законодательной и нормативной базы, выделения приоритетных направлений развития отдельных отраслей и регионов, вложения в которые должны поощряться государством
	уменьшение пошлины на ввоз мигрантами инструментов и оборудования с целью создания собственного бизнеса
	предоставление дешевых кредитов на основе накопительных счетов мигрантов для получения образования, решение жилищного вопроса, открытие малого бизнеса
Мезоуровень	расселение и трудоустройство вынужденных переселенцев из областей Донбасса и Крыма
	разработка программ противодействия негативным миграционным тенденциям творческих, и, особенно, лиц, которые могут иметь деструктивное влияние на социально-экономическое развитие отдельных регионов и государства в целом
	повышение предпринимательской активности населения
	соответствия между профессиями и специальностями, по которым ведется подготовка и переподготовка незанятого населения, и потребностью в них конкретного региона
	совершенствование миграционной статистики, углубление научных исследований
Микроуровень	привлечение иностранных инвестиций в сектор малого и среднего бизнеса
	совершенствование миграционной статистики
	разработка программ относительно непрерывного развития персонала
	изучение возможностей подготовки специалистов определенного профиля, учебными заведениями Украины при финансовой поддержке стран, заинтересованных в их трудоустройстве

Составлено авторами с использованием источников [4; 8; 9; 14; 15].

ВЫВОДЫ

Сегодня особой актуальностью отличаются проблемы по осуществлению мероприятий по обустройству и трудоустройству вынужденных переселенцев из аннексированного Крыма, Донецкой и Луганской областей, охваченных гибридной войной, поддержки украинском, проживающих в странах СНГ, Балтии и дальнего зарубежья, урегулирование статуса крымско-татарского народа, сотрудничества с международными организациями в противодействии и борьбе с нелегальной миграцией, обустройстве границ, приведении украинского миграционного законодательства в соответствие с требованиями международных норм и принципов миграции, урегулирования интенсивных потоков внешней трудовой миграции, социальной и правовой защите украинских граждан,

работающих за рубежом и предупреждению оттока интеллектуального потенциала.

Решающая роль в регулировании трудовых миграционных процессов как в целом в Украине, так и в ее регионах принадлежит управлению социально-экономическими факторами, то есть такими условиями жизни и трудовой деятельности людей, которые могут меняться в результате перераспределения средств госбюджета, фонда заработной платы, общественных форм потребления. В нынешних условиях миграционная политика государства должна очень тщательно отслеживать миграционные процессы, их современные тенденции и явления, оперативно реагировать на изменения и контролировать их с целью подчинения общенациональным и региональным интересам, личным потребностям мигрантов и в целом способствовать обеспечению демографического развития Украины.

Список литературы:

1. Про Концепцію Державної міграційної політики. Указ Президента України № 622/2011 від 30.05.2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/622/2011>
2. Дацко О.І. Вплив міжнародної міграції на посилення загроз економічній безпеці держави. // Проблеми зовнішньої міграції України та інших пострадянських держав: матеріали засідання круглого столу/Члени редколегії: М. І. Флейчук, У.В. Щурко, Н. І. Черкас, О. Б. Василиця. – Львів: Сполом, 2014. – С. 25–29 с.

3. Малиновська О. Деякі концептуальні підходи до регулювання трудової міграції. // Трудова міграція населення України та державна програма її регулювання: Матеріали міжн. конференції, Київ, 18 лютого 2005 р./Регіональне представництво Фонду ім. Фрідріха Еберта в Україні, – К.: Заповіт, 2005. – С. 6–16.
4. Малиновська О. А. Трудова міграція: соціальні наслідки та шляхи реагування/О. А. Малиновская.- К.: НІСД, 2011.- 40 с.
5. Малиновська О. А. Управління міграціями: деякі висновки з європейського досвіду/О. А. Малиновська//36. наук. пр. УАДУ/За заг. ред. В. І. Лугового, В. М. Князева. – К.: Вид-во УАДУ, 2002. – № 2. – С. 446–453.
6. Причини та наслідки міжнародної міграції робочої сили для України [Текст]/І.І Ковалик//Стратегія розвитку України.- 2011. –278 с./Т. 2
7. Прибиткова І.М. Сучасні міграційні процеси в Україні/І.М. Прибиткова//Безпека документів та міграційна політика: висновки та рекомендації міжнародних робочих груп для України. – К.: Європа без бар'єрів, 2011. – С. 9–30.
8. Романюк М. Д. Міграції населення України: національні пріоритети та регіональна диференціація механізму регулювання/М. Д. Романюк//Економіка України. – 1999. – № 9. – С. 38–44.
9. Романюк М. Д. Міграційні детермінанти національної безпеки України: теоретико-методологічні та практичні аспекти/М. Д. Романюк//Демографія та соціальна економіка.-ІДСД НАН України – 2009.– Вип. 1 (11).– С. 50–60.
10. Трудова міграція з України до ЄС: макроекономічний вимір [Текст]: монографія/М. М. Відякіна, Р. Д. Стаканов; Ін-т міжнар. відносин, Київ. нац. ун-т ім. Т. Г. Шевченка. – К.: ДКС, 2011. – 196 с.
11. Міжнародна організація з міграції. [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL: <http://iom.org.ua/ua/>
12. Державна служба статистики України. [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL: www.ukrstat.gov.ua
13. Безвізовий діалог між Україною та ЄС. План дій з лібералізації візового режиму. [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL: http://www.kmu.gov.ua/document/244813925/20_для%20Укра_ни.pdf
14. Smutchak Z. Migratory Threats to National Security of Ukraine: Current Challenges and Ways of Regulation/Z. Smutchak, D. Romanjuk//Baltic Journal of Economic Studies – Riga, 2016 – Vol. 2, No. 3 – С. 107–112.
15. Г. В. Кумсков. Пути усиления воздействия рыночных механизмов в стабилизации процессов внутренней миграции населения Кыргызстана/Г. В. Кумсков//Вестник КРСУ, 2002.- № 3. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v3/a16.html>
16. Гайдуцький А. П. Масштаби трудової міграції українців за кордон/А. П. Гайдуцький//Економіка та держава. – 2007. – № 8. – С. 82–86

Информация об авторах

Зинаида Васильевна Смутчак, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, экономики и права,

Кировоградская летняя академия Национального авиационного университета

Адрес: 25006, Украина, г. Кропивницкий (Кировоград), ул. Михайловская, 29/33, кв. 5, тел.: +38 (067) 520-07-20

E-mail: zinulechka@ukr.net

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6079-9227>

Оксана Юрьевна Сытник, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента, экономики и права,

Кировоградская летняя академия Национального авиационного университета

Адрес: 25005, Украина, г. Кропивницкий (Кировоград), ул. Короленко 48, кв. 6, тел.: +38 (066) 7913055

E-mail: oysytnyk@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5234-7792>

O. O. Solodka¹¹ *Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine*

THE FUNCTIONAL MECHANISM OF FUTURES IN UKRAINE

Abstract

Objective: systematization of structure of the functional mechanism of futures contracts in Ukraine through determination and the characteristic of its components.

Methods: dialectical and abductive methods, methods of causal and functional-structural analogy, a systematic method, system-structural approach.

Results: in article the structure of the functional mechanism of futures in Ukraine, through determination and the characteristic of its components is systematized. Parameters of futures which are traded on organizers of the biddings in Ukraine are determined. Features of technology of the organization and tendering are researched by futures, types of requests of bidders are determined by futures. The system of ensuring accomplishment of liabilities according to futures through such parameters is characterized: cash limit; settlement cash limit; initial margin. Features of centralized clearing and payment under futures in Ukraine, conditions of closing and liquidation of an open line item on futures are determined. Options of actions of the organizer of the biddings in cases of emergence of situations of price instability in the market of futures are considered.

Scientific novelty: it is proved, that market development of futures of Ukraine needs determination of an accurate vector, which provides systematization of structure of the functional mechanism of futures, minimization of speculative transactions and shift of emphases on implementation of mechanisms of hedging of economic and financial risks of subjects of managing through optimization of a range of underlying assets of futures.

Practical significance: the basic provisions and conclusions of article can be used for enhancement of technology of the organization of the biddings by futures contracts.

Keywords: derivatives; futures; hedging; clearing; cash limit; initial margin; variation margin.

References

1. Beaumont P. H. Financial Engineering Principles. A Unifield Theory for Financial Product Analysis and Valuations/P. H. Beaumont. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2009. – 318 p.
2. Black F. The Pricing of Options and Corporate Liabilities/F. Black, M. Scholes//Journal of Political Economy. – 1973. – № 81. – P. 637–659.
3. Chong Y. Y. Investment Risk Management/Y. Y. Chong. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2004. – 223 p.
4. Duffy D. J. Finite Difference Methods in Financial Engineering. A Partial Differential Equation Approach/D. J. Duffy. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2006. – 442 p.
5. Fabozzi F. J. Financial Management and Analysis/F. J. Fabozzi, P. P. Peterson. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2003. – 1022 p.
6. Fabozzi F. J. Quantitative Equity Investing. Techniques and Strategies/F. J. Fabozzi, S. M. Focardi, P. N. Kolm. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2010. – 533 p.
7. Fabozzi F. J. Shot Selling. Strategies, Risk, and Rewards/F. J. Fabozzi. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2004. – 435 p.
8. Horcher K. A. Essentials of Financial Risk Management/K. A. Horcher. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2005. – 272 p.
9. Hull J. C. Options, Futures, and Other Derivatives. Global Edition/J. C. Hull, University of Toronto. – London: Pearson Education Limited, 2014. – 892 p.

10. Hull J. C. Solutions Manual. Options, Futures, and Other Derivatives. Global Edition/J. C. Hull. – London: Pearson Education Limited, 2012. – 257 p.
11. Mun J. Modeling Risk: Applying Monte Carlo Risk Simulation, Strategic Real Options, Stochastic Forecasting, and Portfolio Optimization/J. Mun. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2010. – 1026 p.
12. Mun J. Real Options Analysis Course. Business Cases and Software Applications/J. Mun. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2003. – 318 p.
13. Reilly F. Investment Analysis. Portfolio Management/F. Reilly, K. Brown. – New York: Fort Worth, TX: The Dryden Press, 2012. – 1191 p.
14. Tapiero C. Risk and Financial Management. Mathematical and Computational Methods/C. Tapiero. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2004. – 344 p.
15. The official website of the National commission on securities and stock market//<http://www.nssmc.gov.ua>.
16. The official website of the PJSC «Perspektiva Stock Exchange»//<http://fbp.com.ua>
17. The official website of the PJSC «Ukrainian Exchange»//<http://www.ux.ua>
18. The official website of the PJSC «Ukrainian Interbank Currency Exchange»//<https://www.uicegroup.com>.
19. Thomsett M. C. The Little Book Project Management/M. C. Thomsett. – New York: AMACOM Amerikan Management Association, 2010. – 272 p.
20. Thomsett M. C. Winning with Futures: The Smart Way to Recognize Opportunities, Calculate Risk, and Maximize Profits/M. C. Thomsett. – New York: AMACOM Amerikan Management Association, 2009. – 253 p.
21. Thomsett M. C. Winning with Stocks: The Smart Way to Pick Investments, Manage Your Portfolio, and Maximize Profits/M. C. Thomsett. – New York: AMACOM Amerikan Management Association, 2008. – 253 p.

Information about the authors

Olga O. Solodka, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Finance department, Faculty of Economics, Taras Shevchenko National University of Kyiv.

Address: Finance department, r. 410, 90 A, Vasilkovskaya Str., Kyiv, Ukraine, 03022;

tel.: +380445213285; tel.: +380505048553

E-mail: oosolodkaya@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0974-3068>

О. О. Солодка¹

¹ Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФЬЮЧЕРСНЫХ КОНТРАКТОВ В УКРАИНЕ

Аннотация

Цель: систематизация структуры функционального механизма фьючерсных контрактов в Украине через определение и характеристику его составляющих.

Методы: диалектический и абдуктивный методы, методы каузальной и функционально-структурной аналогии, системный метод, системно-структурный подход.

Результаты: в статье систематизирована структура функционального механизма фьючерсных контрактов в Украине через определение и характеристику его составляющих. Определены параметры фьючерсных контрактов, которые торгуются на организаторах торгов в Украине. Исследованы особенности технологии организации и проведение торгов фьючерсными контрактами, определены виды заявок участников торгов фьючерсными контрактами. Охарактеризована система обеспечения выполнения обязательств по фьючерсным контрактам через такие параметры: денежный лимит; расчетный денежный лимит; начальная маржа. Опре-

делены особенности централизованного клиринга и расчетов по фьючерсным контрактам в Украине, условия закрытия и ликвидации открытой позиции по фьючерсным контрактам. Рассмотрены варианты действий организатора торгов в случаях возникновения ситуаций ценовой нестабильности на рынке фьючерсных контрактов.

Научная новизна: обосновано, что развитие рынка фьючерсных контрактов Украины нуждается в определении четкого вектора, который предусматривает систематизацию структуры функционального механизма фьючерсных контрактов, минимизацию спекулятивных операций и смещение акцентов на внедрение механизмов хеджирования экономических и финансовых рисков субъектов хозяйствования через оптимизацию спектра базовых активов фьючерсных контрактов.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы для совершенствования технологии организации торгов фьючерсными контрактами.

Ключевые слова: производные финансовые инструменты; фьючерсный контракт; хеджирование; клиринг; денежный лимит; начальная маржа; вариационная маржа.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие рынка производных финансовых инструментов Украины является чрезвычайно противоречивым. Динамика объемов торгов деривативами на рынке ценных бумаг Украины представлена на рис. 1. Доля объема торгов деривативами на рынке ценных бумаг в 2001–2015 годах колеблется в диапазоне от 0,01% до 1,10%, максимальная амплитуда колебаний составляет 110 раз; доля биржевого срочного рынка на биржевом рынке ценных бумаг колеблется в диапазоне от 0,13% до 17,31%, максимальная амплитуда колебаний составляет 133,15 раз. Таким образом, изменения объемов торгов деривативами являются шоковыми, что актуализирует необходимость исследования функциональных механизмов производных финансовых инструментов, одним из которых является функциональный механизм фьючерсных контрактов, на предмет их оптимизации.

Теоретические и прикладные аспекты функционального механизма фьючерсных контрактов, а именно: механизм функционирования фьючерсных рынков, стратегии торговли акциями с использованием фьючерсных контрактов, стратегии хеджирования фьючерсными контрактами при различных конъюнктурных состояниях рынков базовых активов, параметры ценообразования фьючерсных контрактов, — рассмотрены в научных работах Блэка Ф. [2], Шоулза М. [2], Фабоцци Ф. [5; 6; 7], Фокарди С. [6], Колма Г. [6], Пэтерсона П. [5]. Результаты научных исследований Бьюмона П. [1], Дюффи Д. [4], Тапiero Ч. [14], Томсета М. [19; 20; 21], Чонга С. [3], Халла Дж. [9; 10], Муна Дж. [11; 12], Хорчера К. [8], Рейли Ф. [13], Брауна К. [8] охватывают круг предметов научной полемики, связанных с организацией и функционированием рынков фьючерсных контрак-

тов; определением параметров системы обеспечения выполнения обязательств по фьючерсным контрактам; со способами расчетов вариационной маржи; с механизмом увеличения объема начальной маржи; условиями инициации принудительной ликвидации позиций участников торгов фьючерсными контрактами; системой предупредительных мер относительно манипулирования ценами и недобросовестной конкуренции на рынке фьючерсных контрактов.

Несмотря на значительное количество результатов научных исследований, проблема эффективного функционирования механизма фьючерсных контрактов в Украине, то есть его способность обеспечить возможность хеджирования экономических и финансовых рисков субъектов хозяйствования, на сегодня не решена, что обуславливает постановку цели данной статьи.

Целью статьи является систематизация структуры функционального механизма фьючерсных контрактов в Украине через определение и характеристику его составляющих.

Методология исследования. В работе использованы такие общенаучные и специальные методы научных исследований: диалектический и абдуктивный методы — при определении составляющих функционального механизма фьючерсных контрактов в Украине; методы каузальной и функционально-структурной аналогии — в ходе исследования особенностей организации и проведения торгов фьючерсными контрактами, а также централизованного клиринга и расчетов по фьючерсным контрактам; системный метод — для обоснования необходимости мониторинга текущего состояния рынка фьючерсных контрактов и определения действий организаторов торгов в ситуациях ценовой нестабильности. В целом,

систематизация структуры функционального механизма фьючерсных контрактов в Украине через определение и характеристику его составляющих основывается на системно-структурном подходе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По состоянию на 01.01.2017 года, в обращении на рынке производных финансовых инструментов Украины находятся: валютные и процентные фьючерсные контракты; фьючерсные контракты, базовыми активами которых является цена золота, сере-

бра, платины и палладия. В течение 2001–2017 годов организаторами торговли на рынке фьючерсных контрактов Украины выступают ОАО «Украинская биржа», ОАО «Фондовая биржа «Перспектива»», ЗАО «Украинская межбанковская валютная биржа». Заметим, что по состоянию на 01.01.2017 года в Украине функционирует 9 фондовых бирж, однако лишь 3 указанные имеют производные финансовые инструменты в биржевых списках.

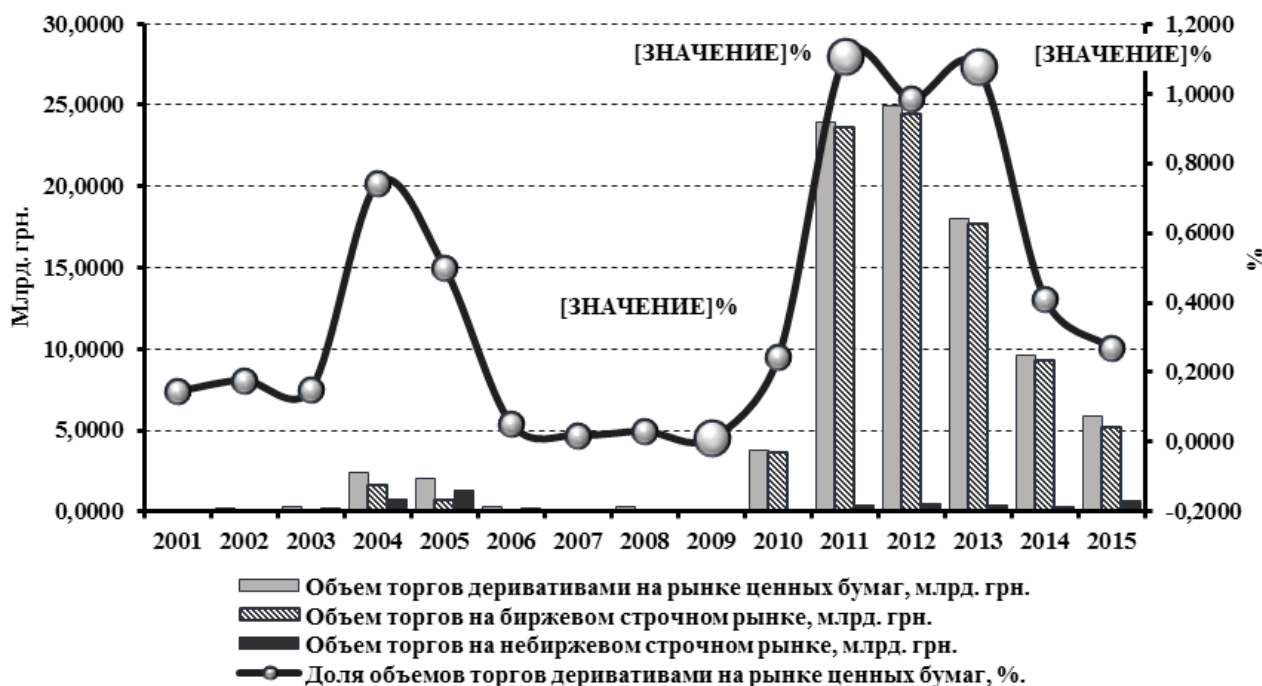

Рисунок 1. Динамика объемов торгов деривативами на рынке ценных бумаг Украины

Источник: составлено и рассчитано автором на основе [15].

Доля производных финансовых инструментов на рынке ценных бумаг Украины является незначительной (рис. 1), что подтверждает нереализованный потенциал финансовых деривативов относительно эффективного привлечения и размещения свободных средств эмитентов и инвесторов. Считаем, что реализация потенциала финансовых деривативов нуждается в создании четко структурированной и адаптированной к условиям экономики Украины теоретико-методологической базы производных финансовых инструментов, элементом которой является систематизация структуры функциональных механизмов производных финансовых инструментов Украины. В пределах данной научной проблематики определена цель данной статьи.

На современном этапе развития рынка производных финансовых инструментов Украины осо-

бенности реализации функционального механизма фьючерсных контрактов определяются правилами торговли бирж в секции срочного рынка, утверждаются решением биржевого совета, согласовываются с Национальным банком Украины и регистрируются решением Национальной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку в виде вариантов спецификаций фьючерсных контрактов, после чего вступают в силу.

ТЕХНОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ТОРГОВ ФЬЮЧЕРСНЫМИ КОНТРАКТАМИ

Фьючерсные контракты заключаются между участником торгов и биржей исключительно во время торгов в порядке, установленном правилами торговли биржи в секции срочного рынка. Технология организации и проведения торгов фьючерсными контракта-

ми предусматривает предоставление и регистрацию заявок участников торгов. Функциональным механизмом фьючерсных контрактов в Украине предусмотрены такие виды заявок:

- рыночная заявка — распоряжение заключить определенное количество фьючерсных контрактов по наилучшей цене, на текущий момент времени, на биржевых торгах;
- лимитная заявка — распоряжение заключить определенное количество фьючерсных контрактов по цене не выше (не ниже), чем указано в заявке [16; 17; 18].

Каждая заявка обязательно содержит такие параметры фьючерсного контракта: код фьючерсного контракта; количество фьючерсных контрактов; цену фьючерсного контракта (для лимитной заявки); действия участника (покупка или продажа); вид заявки; наименование и реквизиты участника биржевых торгов; электронная цифровая подпись (ЭЦП) участника биржевых торгов. Идентификационный номер заявки, дата и время регистрации автоматически присваивается электронной торговой системой (ЭТС) биржи. Заявки могут содержать параметр дополнительного обязательства по фьючерсному контракту, который увеличивает (уменьшает) цену выполнения.

Представленные на биржевые торги заявки выполняются, то есть фьючерсный контракт заключается, если во встречных заявках совпадают такие условия: код фьючерсного контракта; цена фьючерсного контракта. Биржевые торги фьючерсными контрактами не предусматривают возможности отказа участников торгов от выполнения обязательств по контракту [16].

Рассмотрим особенности определения расчетной цены фьючерсного контракта организаторами торгов в Украине. Ценой открытия торговой сессии в ходе биржевых торгов фьючерсными контрактами является цена закрытия предыдущей торговой сессии. При условии резких колебаний значений базового актива, границы которых определяются биржей, и/или по фьючерсным контрактам с низкой ликвидностью биржа имеет право устанавливать другую цену открытия. Для новых серий фьючерсных контрактов, в частности, в первый торговый день, цена открытия имеет название «стартовая цена», устанавливается решением директора биржи по согласованию с комитетом срочного рынка биржи. Заметим, что серией фьючерсных контрактов является совокупность

фьючерсных контрактов, которые отвечают одной спецификации, обозначаются одним кодом и имеют одинаковую дату экспирации.

В процессе биржевых торгов определяется расчетная цена как средневзвешенная цена всех заключенных фьючерсных контрактов соответствующей серии. Полученное значение расчетной цены должно быть кратным тикю. Ценой закрытия на конец торговой сессии по соответствующей серии фьючерсного контракта является расчетная цена по этой серии фьючерсного контракта.

В день выполнения фьючерсного контракта расчетная цена приводится к цене выполнения фьючерсного контракта с учетом фактического значения базового актива на дату экспирации. Таким образом, на дату экспирации фьючерсного контракта расчетная цена является ценой выполнения.

Система обеспечения выполнения обязательств по фьючерсным контрактам предусматривает определение таких параметров:

- денежного лимита;
- расчетного денежного лимита;
- начальной маржи.

Денежный лимит является остатком средств участника биржевых торгов на счете в платежной организации, за счет которых могут выполняться обязательства участника биржевых торгов по фьючерсным контрактам. Расчетный денежный лимит является определенным биржей объемом средств, в пределах которого участник биржевых торгов может заключать фьючерсные контракты. Размер начальной маржи для открытия и дальнейшего поддержания открытых позиций по фьючерсному контракту определяется платежной организацией по формуле:

$$НМ = СНМ \times КОП_{СФК},$$

где

НМ — начальная маржа;

СНМ — ставка начальной маржи;

КОП_{СФК} — количество открытых позиций по серии фьючерсного контракта [16; 17; 18].

Фьючерсный контракт заключается исключительно при условии, что размер расчетного денежного лимита участника биржевых торгов не меньше, чем размер начальной маржи. Расчетный денежный лимит сторон фьючерсного контракта должен превышать размер начальной маржи по всем открытым позициям на дату выполнения контракта включительно. На начало каждого торгового дня и на протяжении

биржевых торгов фьючерсными контрактами расчетный денежный лимит сторон должен быть не меньше, чем:

- размер одной ставки начальной маржи на каждую открытую позицию участника биржевых торгов;
- сумма, начисленная к уплате по результатам торгов предыдущего торгового дня согласно тарифам биржи, опубликованным на ее официальном сайте.

Технология централизованного клиринга и расчетов по фьючерсным контрактам

Централизованный клиринг и расчеты по фьючерсным контрактам производит платежная организация организатора торгов или внешней системы клиринга и расчетов. В течение каждой торговой сессии биржа в режиме on-line информирует платежную организацию о значении расчетной цены по каждой серии фьючерсного контракта, а платежная организация пересчитывает значение параметров обязательств участников биржевых торгов и в режиме on-line сообщает бирже результаты.

По каждому заключенному фьючерсному контракту платежная организация открывает позицию, проводит замену стороны фьючерсного контракта Центральным контрагентом (novation) в соответствии с правилами клиринга платежной организации. Таким образом, обязательства сторон по каждому фьючерсному контракту переходят к Центральному контрагенту. В дальнейшем обязательства каждого участника биржевых торгов учитываются платежной организацией как обязательства перед Центральным контрагентом. Кроме того, платежная организация: осуществляет корректирование позиций по фьючерсным контрактам; рассчитывает вариационную маржу; формирует расчетные документы; инициирует перевод средств со счета (на счет) участников биржевых торгов. При условии изменения расчетной цены фьючерсного контракта осуществляется корректирование позиций через приведение всех открытых позиций к новой расчетной цене [18].

Расчеты вариационной маржи осуществляются в течение всего периода биржевых торгов соответствующим фьючерсным контрактом. Стороны фьючерсного контракта обязаны платить друг другу вариационную маржу в сумме, размер которой зависит от изменения значений базового актива. Обязательство по оплате вариационной маржи является обя-

зательством по фьючерсному контракту. Если сумма вариационной маржи положительная, то продавец фьючерсного контракта обязан перечислить сумму вариационной маржи покупателю фьючерсного контракта. Если сумма вариационной маржи отрицательная, то покупатель фьючерсного контракта обязан перечислить сумму вариационной маржи продавцу фьючерсного контракта. Частичное выполнение обязательств по фьючерсным контрактам не предусматривается.

По решению платежной организации сумма начальной маржи может быть изменена. При этом осуществляется перерасчет обязательств участников торгов относительно обеспечения открытых позиций, и, при условии увеличения начальной маржи, формируется и инициируется маржинальное требование к участникам биржевых торгов относительно увеличения начальной маржи. До момента выполнения маржинального требования участники не допускаются до торгов соответствующей серией фьючерсных контрактов. Процедура увеличения суммы начальной маржи осуществляется платежной организацией следующим образом:

- согласно информации платежной организации биржа приостанавливает торги соответствующим фьючерсным контрактом;
- средствами ЭТС биржи участникам торгов предоставляется маржинальное требование;
- для соответствующего фьючерсного контракта сумма начальной маржи в ЭТС биржи меняется;
- биржа передает участникам торгов инициированное платежной организацией маржинальное требование на увеличение расчетного денежного лимита до величины, достаточной для обеспечения открытых позиций;
- участники биржевых торгов пополняют собственные счета, открытые в платежной организации, а последняя осуществляет перерасчет денежного лимита участников торгов и информирует об этом биржу;
- при условии увеличения расчетного денежного лимита за счет дополнительного обеспечения в ценных бумагах, расчетный депозитарий, по распоряжению соответствующего депозитарного учреждения (депонента), блокирует ценные бумаги, которые составляют дополнительное обеспечение, и информирует об этом платежную организацию;

- платежная организация пересчитывает объемы расчетных денежных лимитов участников биржевых торгов, после чего торги по соответствующим сериям фьючерсных контрактов возобновляются [17; 18].

Биржа имеет право осуществлять принудительную ликвидацию позиций участников торгов в таких случаях: в случае прекращения торгов определенной серией фьючерсного контракта в соответствии с условиями, определенными ее спецификацией; в случае приостановления участником торгов членства на бирже. Платежная организация также может инициировать принудительную ликвидацию позиций участников торгов в таких случаях: в случае невыполнения участником торгов маржинального требования относительно увеличения расчетного денежного лимита в установленный срок; в случае прекращения действия договоров относительно клиринга и расчетов участника торгов с платежной организацией согласно правилам клиринга и расчетов.

Инструменты регулирования рынка фьючерсных контрактов

Составляющей функционального механизма фьючерсных контрактов в Украине является система предупредительных мер относительно манипулирования ценами и недобросовестной конкуренции на рынке фьючерсных контрактов, согласно которым организатор торгов имеет право определять следующие параметры торгов и инструменты регулирования рынка:

- цену открытия торговой сессии;
- лимиты изменения цены, лимит общего количества позиций для предупреждения монополизации рынка, лимиты на открытие короткой и/или длинной позиций;
- приостанавливать участие отдельных участников в биржевых торгах в случае нарушения ими правил торгов в секции срочного рынка биржи;
- приостанавливать или прекращать биржевые торги по всем или отдельным сериям фьючерсных контрактов.

Лимит изменения цены устанавливается биржей через определение предельных значений цены для каждой серии фьючерсных контрактов. Цены заявок и фьючерсных контрактов в течение одной торговой сессии не должны превышать предельные значения цены. При этом, ЭТС биржи отклоняет все заявки, которые не соответствуют установленным ограниче-

ниям, в частности, предоставленные по цене, которая находится вне границ установленных предельных значений цен по соответствующей серии фьючерсных контрактов. Биржа может устанавливать лимит общего количества открытых позиций (лимит на долю рынка) для ограничения доли открытых позиций участника биржевых торгов по каждой серии фьючерсных контрактов. Лимиты на открытие короткой и длинной позиций являются максимальным количеством коротких и длинных позиций соответственно, которые участник биржевых торгов может открыть [16; 17; 18].

Организаторы торгов фьючерсными контрактами в Украине, правилами торговли в секции срочного рынка и условиями соответствующих спецификаций определяют ситуацию ценовой нестабильности на рынке фьючерсных контрактов как отклонение цен заключенных фьючерсных контрактов свыше предельных значений, как намерение участников торгов осуществить манипулирование ценами или действия, которые квалифицируются как недобросовестная конкуренция. В случае возникновения ситуации ценовой нестабильности на рынке фьючерсных контрактов, биржа, на основании решения комитета срочного рынка, может осуществлять:

- приостановление (прекращение) биржевых торгов по всем или отдельным сериям фьючерсных контрактов, выяснение причин ценовой нестабильности, выявление признаков манипулирования ценами на рынке фьючерсных контрактов;
- изменение параметров системы обеспечения выполнения обязательств на рынке фьючерсных контрактов и параметров торгов (цен открытия, лимитов изменения цен, лимитов общего количества позиций, лимитов на открытие коротких и/или длинных позиций);
- применение мер дисциплинарного влияния к участникам торгов, которыми совершены нарушения, а именно: предупреждение; лишение сроком до 30 дней права на участие в торгах; временное, сроком до 6–12 месяцев, лишение права на участие в торгах; прекращение доступа к торгам и исключение из реестров членов биржи и участников биржевых торгов; наложение штрафных санкций, размер которых устанавливается отдельным решением биржевого совета.

Мониторинг текущей ситуации на рынке фьючерсных контрактов, с целью противодействия манипулированию и оперативного реагирования на ситуацию ценовой нестабильности, осуществляет комитет срочного рынка биржи. Национальный банк Украины и члены комитета срочного рынка биржи, с целью повышения эффективности и оперативности выполнения функций комитета, могут обратиться к бирже с требованием обеспечить доступ к торгам на срочном рынке биржи в режиме просмотра. В таком случае биржа обязана предоставить необходимые программные средства.

ВЫВОДЫ

Таким образом, технически и технологически, функциональный механизм фьючерсных контрактов Украины соответствует мировому уровню технологий организации торгов на срочных рынках, однако фьючерсные контракты остаются непопулярными финансовыми инструментами, оторванными от развития реального сектора экономики.

Учитывая результаты исследования, предлагаем систематизировать структуру функционального механизма фьючерсных контрактов в Украине через определение его составляющих следующим образом:

- технология организации и проведения торгов фьючерсными контрактами;
- система обеспечения выполнения обязательств по фьючерсным контрактам;
- технология централизованного клиринга и расчетов по фьючерсным контрактам;
- механизм закрытия позиций и выполнения фьючерсных контрактов;
- система предупредительных мер относительно манипулирования ценами и недобросовестной конкуренции на рынке фьючерсных контрактов;
- мониторинг текущего состояния рынка фьючерсных контрактов и действия биржи в ситуации ценовой нестабильности.

Согласно нашей научной позиции, развитие рынка фьючерсных контрактов Украины нуждается в определении четкого содержательного вектора, который, с нашей точки зрения, состоит в систематизации структуры функционального механизма фьючерсных контрактов, минимизации спекулятивных операций и в смещении акцентов в сторону внедрения механизмов хеджирования экономических и финансовых рисков субъектов хозяйствования через оптимизацию спектра базовых активов фьючерсных контрактов.

Список литературы

1. Beaumont P. H. Financial Engineering Principles. A Unifield Theory for Financial Product Analysis and Valuations/P. H. Beaumont. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2009. – 318 p.
2. Black F. The Pricing of Options and Corporate Liabilities/F. Black, M. Scholes//Journal of Political Economy. – 1973. – № 81. – P. 637–659.
3. Chong Y. Y. Investment Risk Management/Y. Y. Chong. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2004. – 223 p.
4. Duffy D. J. FiniteDifferenceMethods in Financial Engineering. A Partial Differential Equation Approach/D. J. Duffy. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2006. – 442 p.
5. Fabozzi F. J. Financial Management and Analysis/F. J. Fabozzi, P. P. Peterson. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2003. – 1022 p.
6. Fabozzi F. J. Quantitative Equity Investing. Techniques and Strageies/F. J. Fabozzi, S. M. Focardi, P. N. Kolm. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2010. – 533 p.
7. Fabozzi F. J. Shot Selling. Strategies, Risk, and Rewards/F. J. Fabozzi. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2004. – 435 p.
8. Horcher K. A. Essentials of Financial Risk Management/K. A. Horcher. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2005. – 272 p.
9. Hull J. C. Options, Futures, and Other Derivatives. Global Edition/J. C. Hull, University of Toronto. – London: Pearson Education Limited, 2014. – 892 p.
10. Hull J. C. Solutions Manual. Options, Futures, and Other Derivatives. Global Edition/J. C. Hull. – London: Pearson Education Limited, 2012. – 257 p.

11. Mun J. Modeling Risk: Applying Monte Carlo Risk Simulation, Strategic Real Options, Stochastic Forecasting, and Portfolio Optimization/J. Mun. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2010. – 1026 p.
12. Mun J. Real Options Analysis Course. Business Cases and Software Applications/J. Mun. – New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2003. – 318 p.
13. Reilly F. Investment Analysis. Portfolio Management/F. Reilly, K. Brown. – New York: Fort Worth, TX: The Dryden Press, 2012. – 1191 p.
14. Tapiero C. Risk and Financial Management. Mathematical and Computational Methods/C. Tapiero. – Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2004. – 344 p.
15. The official website of the National commission on securities and stock market//<http://www.nssmc.gov.ua>.
16. The official website of the PJSC «Perspektiva Stock Exchange»//<http://fbp.com.ua>
17. The official website of the PJSC «Ukrainian Exchange»//<http://www.ux.ua>
18. The official website of the PJSC «Ukrainian Interbank Currency Exchange»//<https://www.uicgroup.com>.
19. Thomsett M. C. The Little Book Project Management/M. C. Thomsett. – New York: AMACOM Amerikan Management Association, 2010. – 272 p.
20. Thomsett M. C. Winning with Futures: The Smart Way to Recognize Opportunities, Calculate Risk, and Maximize Profits/M. C. Thomsett. – New York: AMACOM Amerikan Management Association, 2009. – 253 p.
21. Thomsett M. C. Winning with Stocks: The Smart Way to Pick Investments, Manage Your Portfolio, and Maximize Profits/M. C. Thomsett. – New York: AMACOM Amerikan Management Association, 2008. – 253 p.

Информация об авторах

Солодка Ольга Олеговна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, экономический факультет, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Адрес: кафедра финансов, к. 410, 90 А, ул. Васильковская, г. Киев, Украина, 03022;

Тел.: +3(8044)521-32-85; +3(8050)504-85-53

E-mail: oosolodkaya@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0974-3068>

N. O. Starkova¹¹Kuban State University, Krasnodar, Russia

ASSESSMENT OF POTENTIAL OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN OIL-AND-GAS SECTOR

Abstract

Objective: to determine the main tendencies and prospects of the development of Russian oil and gas complex on base of the assessment of the factors determining its condition.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: on the base of analysis of scientific literature, analytical reviews and statistical data the basic reasons of an unstable current condition of the modern oil-and-gas sector developing on extensive type of economic growth are established. On the base of the research of influence of factors of development of sector on its current condition and the prospects of growth revealed that in modern period the Russian oil and gas industry has rich resource potential, however because of particularly complex climatic conditions their production is highly costly and low effective. Increase in efficiency requires considerable concentration of efforts in the direction of research and implementation of the innovations oriented to enhancement of methods of production and ensuring development and large-scale implementation of chemicals (catalysts) providing deeper crude oil refining and natural gas. It can be performed on the base of upgrade of theoretic and methodical knowledges of modern structure of Russian oil and gas industry and the oil and gas market, forms and methods of its regulation and development and also initiation of processes of deep monitoring and the analysis of the factors influencing a status of the oil and gas industry and market with use of modern applied tools of the analysis and forecasting of condition of an industry and its influence on economic growth in the country.

Scientific novelty: in article are clarified the factors influencing a status and development of the oil and gas market and an oil and gas industry. In conclusion of author's research are specified the main directions of development and enhancement of system of functioning of an oil-and-gas sector of the Russian Federation oriented to an innovative way of development under the influence of modern conditions and tendencies.

Practical importance: basic provisions and conclusions of article can be used in scientific and pedagogical activities for consideration of questions of the device of industrial structure of economy of the Russian Federation, a condition of an oil and gas industry, and also for further enhancement of a research of processes of functioning and development of Russian oil and gas industry.

Keywords: oil and gas complex, oil, gas, shale oil, development of an industry, innovation, perfection.

References:

1. Aganbegyan A. G. Investments — a basis of the accelerated social and economic development of Russia//Den'gi i kredit. 2012. No 5. P. 10–16. (in Russian)
2. Aganbegyan A. G. Economy of Russia: from stagnation to recession//Den'gi i kredit. 2016. No 5. P. 10–20. (in Russian)
3. Baldov D. V., Suslov S. A. The state reserve — a basis of stable development of economy//Vestnik NGIEI. 2015. No 9 (52). P. 5–11. (in Russian)
4. Bobylev Yu. Development of oil sector in Russia//Voprosy ekonomiki. 2015. No 6. P. 45–62. (in Russian)
5. Gukasyan A. V. The stimulating tools of innovative and industrial policy: achievements and problems//Journal of Economic Regulation. 2013. Ch. 4. No 1. P. 107–114. (in Russian)

6. Dzhukha V. M., Mishchenko K. N. Formation of a profile of competitiveness of the Russian regions//European Social Science Journal. 2016. No 3. P. 41–46. (in Russian).
7. Druker P, F. Management tasks in the 21st century.: Trans. from engl. M.: Izdatel'skii dom «Vil'yams», 2004. 272 p. (in Russian).
8. Kireeva Yu. V. Methodical approaches to determination of technical and economic potential of renewable energy resources of the region//Ekonomika: teoriya i praktika. 2015. No 4 (40). P. 110–113. (in Russian).
9. Kozyr' N. S., Zlydenko N. I. Currency wars or competitive devaluation: scenario prospects//Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2015. No 30 (315). P. 48–60. (in Russian).
10. Listopad M. E. Evolution of ideas of competitiveness of national economy//Ekonomika: teoriya i praktika. 2012. No 3 (27). P. 41–47. (in Russian).
11. Litvinskii K. O. Matrix development planning of the entities of fuel and energy complex//Ekonomika ustoychivogo razvitiya. 2015. No 2 (22). P. 162–170. (in Russian).
12. Mal'kov D. G. Technique of an efficiency evaluation of the state market as the tool of innovative policy//Nauchnoe obozrenie. 2016. No 9. P. 156–159. (in Russian).
13. Marks K. Capital: Theory of the surplus value/Pod red. F. Engel'sa. Ch.4. — M.: Politizdat, 1978. — 648 s. (in Russian).
14. Nevskaya N. A. The territories of the advancing development as subject to the state economic planning//Nauchnoe obozrenie. 2015. No 11. P. 211–214. (in Russian).
15. Neshchadimova O. V., Shevchenko I. V. Sozdanie konkurentnoi rynochnoi sredy rossiiskikh neftyanykh kompanii za schet investitsii v modernizatsiyu proizvodstva//Ekonomika ustoychivogo razvitiya. 2016. No 4 (28). P. 191–198. (in Russian).
16. Nikulina O. V., Kizim A. A., Rudakova A. E. Conceptual bases of forming of mechanism of the controlling of competitiveness of the international companies of an oil and gas industry//Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2016. No 3–1 (68–1). P. 1160–1167. (in Russian).
17. Khasbulatov R. I. Conceptual bases of forming of mechanism of the controlling of competitiveness of the international companies of an oil and gas industry//Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. 2015. No 1 (79). P. 14–27. (in Russian).
18. Shumpeter I. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. M.: Progress, 1982. (in Russian).
19. Drucker P. Post Capitalist Society. Butterworth&Heinemann. 1993.
20. Hausteiner H. D. Innovation and Industrial Strategy//IIASA, Laxenburg, (Austria) 1981. June.
21. Khasbulatov R. I. Paradoxes of economic theories and politics//Economica regiona. 2015. No 2 (42). P. 23–39.
22. McDonald R. P. Factor Analysis and Related Methods. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1985.
23. Marilyn Radler. Worldwide reserves grow: oil production climbs as reserves post modest rise//Oil and Gas Journal, December 20, 2004.
24. Porter M. E. Competitive strategy. Techniques for analyzing industries and competitors, NY: Free Press. 1980.
25. Schimidt-Tiedemann K. J. A. New Model of Innovation Process//Research Management. 1982. March. P.18–21.
26. Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth//Quarterly Journal of Economics. 1956. P 3–4.
27. Williams Bob. Debate grows over us gas supply crisis as harbinger of global gas production peak//Oil and Gas Journal. July 21. 2003.

Information about the authors

Nadezhda O. Starkova, Candidate of Economic Sciences, associate professor, associate professor of the Chair of World Economy and Management, Kuban State University
 Address: 149 Stavropolskaya Str., 350040, Krasnodar, Russia, tel.: +7 (861) 219-95-01
 E-mail: n.starkova@mail.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8012-3371>

Н. О. Старкова¹¹ *Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия*

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

Аннотация

Цель: определение основных тенденций и перспектив развития российского нефтегазового комплекса исходя из оценки факторов, определяющих его состояние.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных, теоретического познания, а также метод аналогии и исторический метод.

Результаты: на основе анализа научной литературы, аналитических обзоров и статистических данных выявлены основные причины нестабильного текущего положения современного нефтегазового сектора, развивающегося по экстенсивному типу экономического роста. На основе исследования влияния факторов развития сектора на его текущее положение и перспективы роста выявлено, что в настоящих условиях российская нефтегазовая отрасль имеет богатый ресурсный потенциал, однако с учетом особо сложных природно-климатических условий их добыча является высоко затратной и низко эффективной. Повышение эффективности требует значительного сосредоточения усилий в направлении осуществления и внедрения инновационных разработок, ориентированных на усовершенствование способов добычи и обеспечение разработки и широкомасштабного внедрения химических веществ (катализаторов), обеспечивающих более глубокую переработку нефти и природного газа. Это может быть осуществлено на основе модернизации теоретико-методических представлений о современной структуре отечественной нефтегазовой отрасли и нефтегазового рынка, форм и методов его регулирования и развития, а также инициации процессов глубокого мониторинга и анализа факторов, влияющих на состояние нефтегазовой промышленности и рынка с использованием современного прикладного инструментария анализа и прогнозирования состояния отрасли и ее влияния на экономический рост в стране.

Научная новизна: в статье уточнены факторы, влияющие на состояние и развитие нефтегазового рынка и нефтегазовой отрасли, сформулированы основные направления развития и совершенствования системы функционирования нефтегазового сектора РФ, ориентированные на инновационный путь развития под воздействием современных условий и тенденций.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов отраслевого устройства экономики РФ, состояния нефтегазовой отрасли, а также для дальнейшего совершенствования исследования процессов функционирования и развития российской нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс, нефть, газ, сланцевая нефть, развитие отрасли, инновации, совершенствование.

ВВЕДЕНИЕ

В экономике России нефтегазовому комплексу по праву отводится центральное место и ведущая роль. Однако отмечено, что несмотря на это, специалисты и исследователи данной сферы обращают внимание на низкую эффективность субъектов отрасли [4; 8; 16] и необходимость их скорейшей модернизации, особенно в части совершенствования переработки нефти. Но проблема низкой эффективности касается в том числе добычи, что не может не беспокоить

специалистов и исследователей отрасли. На этом основании возникает необходимость изучения особенностей и факторов развития нефтегазового сектора России в современных условиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ввиду открытости системы российского нефтегазового комплекса и наличия в нем налаженных внешне хозяйственных связей возможность реализации перспективных направлений его развития невозможно рассматривать без учета тенденций мировой

нефтегазовой индустрии. Поэтому актуальными условиями существования нефтегазового комплекса РФ можно считать низкий уровень мировых цен на нефть и санкционное давление со стороны других стран участников рынка [17; 18].

На первый взгляд может показаться, что текущее состояние нефтегазовой индустрии в условиях низких мировых цен на нефть достаточно стабильно. Так, в 2015 году в нефтяной отрасли даже наблюдался прирост добычи нефти на 1,4% и стремительный рост ее экспорта на 9,5% [11]. Но на самом деле данная «стабильность» сектора носит временный характер.

Такое положение обеспечивает, прежде всего, действующая в отношении нефтегазового комплекса налоговая политика, которая старается предоставлять различные льготы по налогу на добычу полезных ископаемых и имеющимся таможенным пошлинам. Еще одной причиной временной стабилизации комплекса можно назвать девальвацию рубля [2], так как нефтегазовые компании получают доходы в долларах (по причине экспорта), а расходы производят в рублях, то в первое время падения мировых цен, компании стараются сглаживать отрицательное влияние данного явления. Данные факторы являются временными и не могут обеспечить устойчивое развитие комплекса в долгосрочном периоде [22].

В долгосрочном плане перспективы экономического развития нефтегазового комплекса России, во многом определяются следующими факторами: геологическими, геополитическими, экономическими и климатическими условия, которые складываются в отраслевые факторы роста производительности сектора, а также факторы конкурентоспособности его продукции [27].

Важное место среди этих факторов занимает ресурсно-энергетический потенциал страны, то есть собственно наличие или отсутствие необходимых ресурсов, обеспечивающих дальнейшее функционирование нефтегазового комплекса [19]. Россия, располагая многочисленными запасами природного газа и углеводоро-

дов, является крупнейшим мировым энергетическим государством, что, безусловно, можно считать преимуществом развития отрасли. Но, на данный момент, крупнейшие освоенные месторождения, обеспечивающие нефте- и газодобычу в стране уже практически выработаны. Кроме того, наблюдается стремительное падение темпов возобновления минерально-сырьевой базы. Несмотря на развернутую деятельность государства и предприятий комплекса, актуальными остаются проблемы геологоразведки, истощения природных недр [7; 18]. Все это свидетельствуют о необходимости активного введения в использование новых нефтегазовых ресурсов.

На территориях Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, на территориях Дальнего востока и Восточной Сибири расположены стратегические резервы запасов сырой нефти и природного газа. Часть месторождений уже разведана и практически готова к дальнейшей разработке. Другая часть все еще находится на этапе геологоразведки, и для реализации данных проектов еще потребуется время [14].

По данным Министерства энергетики Российской Федерации основными с точки зрения ближайшей перспективы регионами добычи сырой нефти, а также углеводородов и природного газа являются месторождения на территориях Дальнего Востока и Восточной Сибири (табл. 1).

Помимо этих регионов также перспективной для добычи энергоресурсов является территория российского континентального шельфа, где расположена почти одна четвертая всех прогнозируемых запасов сырой нефти и половина запасов природного газа. Распределение разведанных запасов сырой нефти и природного газа на территории континентального шельфа выглядит в настоящее время следующим образом: запасы Баренцево моря составляют 49%, Карского моря — 35%, Охотского моря — 15%, Балтийского моря — 1%. Еще одним приоритетным направлением разработки месторождений можно считать Арктическую зону РФ.

Таблица 1. – Прогноз добычи сырой нефти

Регион	2020 г	2025 г	2030 г
Всего, млн. тонн	112	123	125
Восточная Сибирь, млн. тонн	96	107	108
Дальний Восток, млн. тонн	16	16	17

Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации — URL: <http://minenergo.gov.ru/>

На сегодняшний день, Арктическая зона является мощным сырьевым резервом страны, однако точно оценить запасы нефти на этой территории без проведения дополнительных геологических исследований еще сложно. Ученые предполагают, что в данном регионе может быть расположено около 30% мировых запасов природного газа и около 13% запасов сырой нефти. При этом на долю России приходится около 40% всей арктической нефти и 70% всего арктического газа. Весь этот объем запасов содержится в 43 российских месторождениях. Некоторые из них представлены ниже в таблице 2. Стоимость же арктических запасов углеводородов

и природного газа составляет примерно 20 трлн. долл. По мнению специалистов, имеющиеся арктические запасы могут стать заменителями углеводородных запасов Сибири [15]. Все это, несомненно, говорит о больших перспективах развития данного региона.

Но существуют и сдерживающие факторы развития арктического региона, в принципе обуславливающие низкую эффективность добычи российских природных энергетических ресурсов. Так, стоимость бурения одной скважины в Арктической зоне составит примерно около 8 млрд. руб., что почти в 114 раз дороже, чем освоение месторождений в Западной Сибири.

Таблица 2. – Основные месторождения России в зоне арктического шельфа

Название месторождения	Размер месторождения	Глубина моря, м	Удаленность от берега, м	Условия разведки и разработки
Поморское	Среднее	20–30	10	Тяжелые
Северо-Гуляевское	Крупное	10–30	65	Тяжелые
Приразломное	Крупное	17–19	60	Тяжелые
Медынское-море	Крупное	12–22	30	Тяжелые
Долгинское	Крупное	15–62	90	Ледовые торосы
Мурманское	Крупное	68–123	250	Вероятность льда
Северо-Кильдинское	Среднее	230–280	280	Вероятность льда
Штокмановское	Уникальное	279–380	550	Вероятность айсбергов
Лудловское	Крупное	200–240	670	Вероятность айсбергов и ледовых торосов
Ледовое	Крупное	200–280	620	Вероятность айсбергов и ледовых торосов
Русановское	Уникальное	50–100	340	Вероятность айсбергов и ледовых торосов
Ленинградское	Уникальное	80–160	320	Вероятность айсбергов и ледовых торосов
Северо-Каменномысское	Крупное	11–14	10	Тяжелые

Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики — URL: <http://www/gks.ru/>

Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации — URL: <http://minenergo.gov.ru/>

Кроме того, осложняет работу в данной зоне тяжелые природно-климатические условия и отсутствие развитой инфраструктуры. Недостаточная изученность арктического шельфа, высокая капиталоемкость разрабатываемых проектов, длительная их реализация, а также транспортно-технологические риски в значительной степени влияют на конкурентоспособность шельфовых арктических проектов.

Поэтому государство активно поддерживает освоение новых месторождений данной зоны, путем установления нулевой ставки на налог на добычу полезных ископаемых и льготной экспортной по-

шлины [12]. Положительно для нефтегазовых компаний сказался и проведенный налоговый маневр, экспортная пошлина для данного региона уменьшилась в девять раз.

Но, несмотря на, всю сложность производимых в зоне Арктики работ, разработка арктических месторождений помимо достижения основной цели способствует развитию данных территорий. За счет освоения арктических месторождений растет занятость населения, повышается уровень и качество жизни, улучшается демографическая ситуация, создаются новые инфраструктурные объекты, повышается приток

высококвалифицированных кадров, что прямо сказывается на росте уровня социально-экономического развития Мурманской, Архангельской областей, республики Карелия и др [6]. Также это оказывает воздействие на развитие смежных отраслей и увеличение налоговых поступлений в бюджет страны [3].

Также ресурсным потенциалом страны можно считать и нетрадиционные источники добычи природного газа и нефти из сланцев. Современные специалисты насчитывают около 650 триллионов тонн горючих сланцев в мире, из которых можно извлечь порядка 26 триллионов тонн сланцевой нефти. Запасы нетрадиционной нефти превышают запасы традиционной примерно в тринадцать раз. При сегодняшних объемах потребления, их должно хватить примерно еще на 300 лет. Немалыми запасами данного природного ресурса обладают такие страны как Аргентина, Эстония, Алжир и Мексика. В Канаде и США уже ведутся активные мероприятия по его добыче [23].

По данным Управления министерства энергетики Соединенных Штатов Россия занимает лидирующую позицию в мире по запасам сланцевой нефти, на ее долю приходится более чем 22% всех мировых сланцевых месторождений [10]. Основным источником нетрадиционной сланцевой нефти России можно считать так называемую баженовскую свиту, потенциал которой до сих пор до конца не известен.

Но, несмотря на, огромные перспективы данного ресурса в России он пока мало востребован. Так, в баженовской свите в течение года добывается около 500 тысяч тонн сланцевой нефти, что составляет примерно 0,2% от общего объема производства данной нефти за тот же период в США. Такая непопулярность объясняется высокими издержками производства и транспортировки российской нефти. Так при сравнении способов добычи нефти в мире становится очевидно, что традиционная нефть, добываемая на севере России обходится нашей стране в более чем в два раза дороже, чем добыча нефти в Саудовской Аравии [16]. А совокупные издержки производства сланцевой нефти в США, которые складываются из затрат на добычу, транспортировку, уплату налогов и пошлин, практически равны совокупным издержкам производства нефти, добываемой традиционным способом в Западной Сибири.

Поэтому аналитики рынка подчеркивают, что, если цены на углеводороды в будущих периодах снизятся, то в этом случае прибыльной останется нефть

из Саудовской Аравии. Рассматривая же сланцевую американскую нефть, следует отметить, что при падении мировых цен на нефть ниже уровня 45 долл США за баррель, она все же сможет быть реализована на внутреннем рынке, так как американскому потребителю невыгодно будет покупать углеводороды, которые территориально реализуются далеко, но при этом реализация данной нефти на внешнем рынке все же будет нерентабельна [23].

К преимуществам американской сланцевой нефти можно отнести незначительные затраты на ее транспортировку, что происходит по причине приближенности места добычи данной нефти и места ее реализации, а также невысокую налоговую нагрузку.

Если говорить о российской сланцевой нефти, то следует отметить, что при разработке данных месторождений российские нефтяники не могут воспользоваться зарубежными технологиями и при освоении сланцев им необходимо осуществлять «индивидуальные» научные разработки. Объясняется это, прежде всего, кардинальными различиями между иностранными и отечественными сланцами. Именно поэтому иностранные технологии невозможно внедрить в наше производство. Кроме того, совершенно «случайно» под санкции попали именно технологии по разработке месторождений сланцевой нефти, и теперь, чтобы наладить отечественное производство данного сырья понадобится много времени и сил, а также наличие высококвалифицированных специалистов в этой области и механизма эффективной организации данных работ. А еще стоит учесть высокую стоимость добычи российской сланцевой нефти и высокую налоговую нагрузку, что в значительной мере удорожает себестоимость данного ресурса.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что разработка российской сланцевой нефти в настоящее и ближайшее время будет малорентабельной. Естественным путем ее повышения может стать снижение ранее упомянутых издержек.

Также в России в настоящее время внедряются разработки по добыче тяжелой высоковязкой (битумной) нефти. Сегодня тяжелая нефть пользуется все большим спросом у компаний производителей и связано это с текущим состоянием минерально-сырьевой базы России. Высоковязкая (тяжелая) нефть применяется в строительстве дорог, зданий и сооружений, а после вторичной переработки из нее можно произ-

водить различные клеи и пластики, а также энергоносители, альтернативные мазуту и природному газу.

Если учитывать среднегодовой рост спроса на битумы в размере 10%, то в текущем 2017 году потребность в них составит около 10 млн. тонн [23].

Следует отметить уникальную особенность российской тяжелой нефти: около 60% ее запасов располагаются в пятнадцати месторождениях, что в значительной степени упрощает их разработку. По некоторым данным, около 45% всех анализируемых запасов расположено в Западной Сибири, еще 25% — в Поволжье.

Таким образом, Россия имеет огромный еще не реализованный ресурсный потенциал. Но реализовать его можно лишь используя еще один обязательный фактор производительности нефтегазового комплекса — применение современных технологий и модернизированной техники [23].

Применение новейших технологий будет способствовать более рациональной разработке недр, повысит эффективность нефтедобычи и ее извлекаемость, в том числе речь идет и о трудноизвлекаемых углеводородах. Без внедрения инноваций и оборудования невозможно освоение зоны Арктики. И как уже было упомянуто, без прогрессивных технологий не обойдется и добыча сланцевой нефти.

Не стоит забывать, что внедрение новейших технологий необходимо не только на стадии геологоразведки, нефте- и газодобычи, но и на стадии переработки сырья. Причем, если внедрение данных технологий на стадии разработки месторождений является вынужденной мерой, ввиду истощаемости запасов и изменения структуры минерально-сырьевой базы, то внедрение инноваций на стадии переработки сырья имеет большой экономический смысл, ведь именно в процессе переработки и создается дополнительная стоимость [13].

Следует отметить, что объемы переработки нефти и природного газа в России с каждым годом возрастают. Так, за период с 2000 по 2014 года нефтегазовый комплекс смог увеличить переработку сырья на 114 млн. тонн со 175 млн. тонн до 289 млн. тонн. При этом практически зеркально изменилась структура поставок отечественных нефтепродуктов: в 2000 году 62% всей переработанной нефти поставлялась на внутренний рынок, а 38% — на внешний, а в 2014 году уже 61% нефтепродуктов экспортировался, а 39% потреблялся на внутри страны [11].

Но, к сожалению, данный рост был обеспечен за счет увеличения доли первичной переработки. Вторичная же переработка в отечественном нефтегазовом комплексе развита слабо, о чем свидетельствует недостаточно высокая глубина переработки сырья по сравнению с зарубежными показателями.

ВЫВОДЫ

На сегодняшний день Правительством приняты и уже реализуются попытки осуществления и внедрения инновационных проектов в нефтегазовый комплекс, которые в перспективе должны внести коренные изменения не только динамику развития, но и изменить сам тип экономического роста отечественной нефтегазовой отрасли, а именно перейти от экстенсивного развития к интенсивному [26]. И основными из них являются проекты по разработке новейших технологий в сфере переработки углеводородов. В целом, современные российские инновационные проекты, реализуемые сегодня двумя компаниями ПАО «Татнефть» и ПАО «Газпром нефть», направлены на обеспечение разработки и широкомасштабного внедрения химических веществ (катализаторов), обеспечивающих более глубокую переработку нефти и природного газа. В результате чего становится возможным производство топлива пятого экологического класса. Внедрение инновационных технологий позволит получать на выходе новые продукты с большим уровнем добавочной стоимости, что повысит конкурентоспособность получаемых товаров [19; 20; 24].

Увеличение доли светлых нефтепродуктов должно стать одним из основных направлений развития комплекса в целом. Кроме внедрения новейших технологий, способствовать такому развитию должно эффективно организованное производство [7], то есть производство с отлаженными бизнес-процессами, при наличии достаточного количества квалифицированного персонала [25].

Также в связи с тем, что в настоящее время РФ планирует развивать освоение нетрадиционных углеводородных ресурсов в новых месторождениях и на шельфе, высокую актуальность приобретают нововведения, направленные на совершенствование технологий разведки и добычи полезных ископаемых.

Однако инновационная деятельность требует больших инвестиций [1]. И именно в этой части у современного российского нефтегазового комплекса в настоящее время есть ряд проблем, вызванных

не только политическими факторами, но и внешними политическими вызовами [21]. В связи с падением мировых цен на нефть и многочисленными негативными санкционными барьерами, ограничивающими отечественным компаниям доступ к рынку заемных средств и ряду новейших технологических разработок, в российском нефтегазовом комплексе произошло нарушение функционирования инвестиционного механизма [5]. Таким образом российский нефтегазовый комплекс, да и вся экономика в целом попали в так называемый замкнутый круг. Из-за санкционных введений Россия может рассчитывать только на средства внутренних инвесторов, кото-

рые также испытывают сложное экономическое положение, в том числе в связи с падением мировых цен на нефть [9]. В то же время такие цены во много раз уменьшают возможность финансирования государственных нефтегазовых проектов [3]. Поэтому, несмотря на осознание необходимости инновационного интенсивного развития нефтегазового комплекса в РФ и начатую работу по формированию данного механизма, сокращение инвестиционных потоков в отрасль, является важнейшим сдерживающим фактором, значительно замедляющим реализацию многих запланированных проектов развития всего комплекса.

Список литературы:

1. Аганбегян А. Г. Инвестиции — основа ускоренного социально-экономического развития России // Деньги и кредит. 2012. № 5. С. 10–16.
2. Аганбегян А. Г. Экономика России: от стагнации к рецессии // Деньги и кредит. 2016. № 5. С. 10–20.
3. Балдов Д. В., Сулов С. А. Государственный резерв — основа стабильного развития экономики // Вестник НГИЭИ. 2015. № 9 (52). С. 5–11.
4. Бобылев Ю. Развитие нефтяного сектора в России // Вопросы экономики. 2015. № 6. С. 45–62.
5. Гукасян А. В. Стимулирующие инструменты инновационно-промышленной политики: достижения и проблемы // Journal of Economic Regulation. 2013. Т. 4. № 1. С. 107–114.
6. Джуха В. М., Мищенко К. Н. Формирование профиля конкурентоспособности российских регионов // European Social Science Journal. 2016. № 3. С. 41–46.
7. Друкер П., Ф. Задачи менеджмента в XXI веке.: Пер. с англ.: М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. 272 с.
8. Киреева Ю. В. Методические подходы к определению технико-экономического потенциала возобновляемых источников энергии региона // Экономика: теория и практика. 2015. № 4 (40). С. 110–113.
9. Козырь Н. С., Злыденко Н. И. Валютные войны или конкурентная девальвация: сценарные перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 30 (315). С. 48–60.
10. Листопад М. Е. Эволюция представлений о конкурентоспособности национальной экономики // Экономика: теория и практика. 2012. № 3 (27). С. 41–47.
11. Литвинский К. О. Матричное планирование развития предприятий топливно-энергетического комплекса // Экономика устойчивого развития. 2015. № 2 (22). С. 162–170.
12. Мальков Д. Г. Методика оценки эффективности государственного рынка в качестве инструмента инновационной политики // Научное обозрение. 2016. № 9. С. 156–159.
13. Маркс К. Капитал: Теория прибавочной стоимости / Под ред. Ф. Энгельса. Т. 4. — М.: Политиздат, 1978. — 648 с.
14. Невская Н. А. Территории опережающего развития как объект государственного экономического планирования // Научное обозрение. 2015. № 11. С. 211–214.
15. Нещадимова О. В., Шевченко И. В. Создание конкурентной рыночной среды российских нефтяных компаний за счет инвестиций в модернизацию производства // Экономика устойчивого развития. 2016. № 4 (28). С. 191–198.
16. Никулина О. В., Кизим А. А., Рудакова А. Е. Концептуальные основы формирования механизма управления конкурентоспособностью международных компаний нефтегазовой отрасли // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3–1 (68–1). С. 1160–1167.
17. Хасбулатов Р. И. Мировая экономика после великой рецессии: слабая динамика, влияние дуновений холодной войны // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2015. № 1 (79). С. 14–27.

18. Шумпетер И. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
19. Drucker P. Post Capitalist Society. Butterworth&Heinemann. 1993.
20. Hausteин H. D. Innovation and Industrial Strategy//IIASA, Laxenburg, (Austria) 1981. June.
21. Khasbulatov R. I. Paradoxes of economic theories and politics//Экономика региона. 2015. № 2 (42). С. 23–39.
22. McDonald R. P. Factor Analysis and Related Methods. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1985.
23. Marilyn Radler. Worldwide reserves grow: oil production climbs as reserves post modest rise//Oil and Gas Journal, December 20, 2004.
24. Porter M. E. Competitive strategy. Techniques for analyzing industries and competitors, NY: Free Press. 1980
25. Schmidt-Tiedemann K. J. A. New Model of Innovation Process//Research Management. 1982. March. P.18–21.
26. Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth//Quarterly Journal of Economics. 1956. P 3–4.
27. Williams Bob. Debate grows over us gas supply crisis as harbinger of global gas production peak//Oil and Gas Journal. July 21. 2003.

Информация об авторе

Старкова Надежда Олеговна, кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры мировой экономики и менеджмента,

Кубанский государственный университет

Адрес: Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, тел.: +7 (861) 219-95-01

E-mail: n.starkova@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8012-3371>

N. N. Khakhonova ¹¹ Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

CONCEPTUAL BASES OF REFORMING OF ACCOUNTING AND ANALYTICAL SUPPORT IN THE MANAGEMENT OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA

Abstract

Objective: The dynamism of information economy, integration processes related to the appearance of the world market of capital, harmonization and convergence of accounting systems inevitably conduce to the establishment of a new accounting paradigm. The problems, appearing in the process of globalization of economies of different countries, raise the requirements to information, which reflects the financial situation and financial results of the economic activity of a corporation. Accounting information turns into a production factor rationalizing the capital usage. The necessity to consider the issues of formation of accounting analytical support of business entities management within the system approach and analysis determined the relevance of the chosen subject

Methods: generalization, observation, theoretical cognition, historical method.

Results: The ways of solving the problems have been identified. The original classification of the principles of the accounting and analytical support buildup for the organization management has been compiled. We have analyzed the existing approaches and individual points of view to determine the content of this concept, and put forward our individual interpretation.

Scientific novelty: The main advantage of the authors' interpretation of accounting and analytical support is in the improvement of general methodology as well as creating the ground for developing techniques of record keeping, analysis and control on the basis of international experience, which ensures the continuity of the process of tactical and strategic decision making, well-timed adjustments of the development strategy of the organization in the long term, contributing to the efficiency of administrative decisions taken by the management.

Practical significance: The results of the research described in the article can be used in the training for bachelors, specialists and masters in the University, in the system of credits and advanced training for professional accountants, auditors, internal auditors.

Keywords: Accounting, accounting and analytical system, accounting subsystem; accounting systems, accounting information, analytical information, harmonization of the global economy.

INTRODUCTION

Currently the domestic accounting is going through a difficult and important period, i. e. reformation of the system of accounting and reporting. The issues of improving business entities activity management, including its accounting analytical support, transfer from the stage of long-term discussions to the stage of practical implementation.

For efficient development of business activities in Russia, it is necessary to have an accounting information system adequate to market relations which makes it possible to form relevant information, to analyze it and to take reasonable management decisions. However, the drawbacks characteristic of modern accounting sys-

tems caused the emergence of new types of accounting of such directions as strategic management accounting; their development takes place within the framework of regular convergence of accounting and economic approaches. The necessity to consider the issues of formation of accounting analytical support of business entities management within the system approach and analysis determined the relevance of the chosen subject.

Theoretical and methodological basis of the research consists of the works of local and foreign researches and leading experts on the methodology of organizing the accounting and analytical systems and the AAMS as well as techniques of accounting, analysis and audit: Bernstein L. A., Bertonesh M., Cheng F. Lee, Drury C.,

Gorman Tom, Helfert E., Hendriksen E. S., Hicks J. R., Holt Robert N., Horngren Ch. T. [1–10]. On the basis of systematic approach, the article has developed and justified the scientific and methodological provisions aimed at improving the theory and practice of formation and use of the AAMS within business entities in order to increase efficiency of decision making.

RESEARCH FINDINGS

As a rule, an accounting system is understood as a complex task-oriented science with its wide and narrow scientific methods reflecting the multilevel economic system, which possesses the following essential elements: accounted, formed and perceived information; accounting procedures (basic and subsidiary accounting processes, methods of information search, collection, storage, processing, supplying and dissemination and means of implementation of such processes and methods); regulatory legal and organizational support; accounting personnel; necessary infrastructure.

For accounting in the management system to fulfill its multipurpose function in the company management it is necessary for it to be implemented on the basis of scientifically grounded methods. The application of these or those methods depends on a level of management development in a company, scope of production, functional profile of accounting events, application of organizational and technical means in an accounting process, requirements of the integrated automated information system to the accounting information.

In order to obtain the information required for the production and economic activity management, a company creates a bookkeeping accounting information system (BAIS) on the basis of modern information technologies.

In the bookkeeping accounting information system the data about economic activities of a company are collected and registered in primary documents, the data are processed and accumulated, financial and economic indicators of reports are formed, and information is transmitted to users for analysis and decision-making.

The main task of BAIS functioning in a company is to provide the company management with financial information for well-grounded decision-making when choosing alternative variants of limited resources use.

An integration of different types of accounting (operating, bookkeeping and statistic accounting) takes place in BAIS on the basis of unified source information. But there is no fusion of these types of accounting because each of them has its functions and solves its tasks.

Speaking of formation of the integrated information environment of a company in the interpretation which we have given above, i. e. the integrated information environment of accounting data about the company activity, it is logical to suppose that its formation starts with the determination of accounting policy of a company. Accounting policy of a company is understood not as an accounting document, which should be in any company according to the requirements of the current legislation, but as general strategic tendencies of how accounting is performed in a company: what, how, in what forms and with what type of recurrence is accounted. Besides, accounting is understood both as bookkeeping and management accounting.

As a matter of fact, when we talk about an accounting policy of a company, we mean the system of planning and control of its activity for the purpose of management.

In our view, the integrated information environment of an economic entity is a basis of the management system, this environment constantly changes, new information flows appear, which are conditioned by wide implementation of computer aids and widening of production and financial relations of a company. The functional purpose and type of the information system depend on that element the interests of which and on what level it serves.

Any information system within the existing integrated information environment of business entities of Russia is based on the relevant information support, which presents a complicated dynamic complex process meeting the information needs of management and performs the functions of rationalization of activities of its apparatus.

A system of information support is a total of implemented decisions concerning the scope, placement and forms of information organization. It includes six interconnected information subsystems: planning, organization, accounting, control, analysis and regulation. This system is to bridge information gaps in strategic, current and operational business management and to secure a unified contour of regulation of its activity [11; 12].

In our view, one of the components of information support is the accounting analytical support. The system of bookkeeping unites accounting and analytical operations in one process. At the same time we observe improvement of both general methodology and regulations of accounting and analysis for reasonable usage in the integrated accounting analytical system. Continuity of this process and application of its results in a company are necessary for management decision-making.

In the course of study, we found out that there is a big diversity of terms used in theory and practice and similar in their content to the term of accounting analytical support. In our study we systematized the terms and grounded the reasonability of usage of the term 'accounting analytical support — AAS'.

Let us consider in details the existent approaches and points of view on this issue.

O. A. Rybalko and T. G. Sheshukova are convinced that a total of accounting elements and connections between them, formed to achieve the objective of meeting information needs of users, makes the basis of the accounting system [13].

It is possible to single out in the system of accounting support the accounted, formed and perceived information; accounting procedures (main and subsidiary accounting processes, methods of information search, collection, storage, processing, supplying and distribution and means of implementing these processes and methods); analytical procedures (comparison with regulatory, planning documents and in dynamics, factor analysis of prime cost, balance method, expert method), regulatory legal and organizational support; accounting personnel; required infrastructure.

Thus, development of accounting support of management implies improvement of methodology of accounting, which is inseparably connected with an evolution process of accounting.

If accounting supplies information, then analysis gives a form to it suitable for decision-making. Analysis as a management function includes the assessment of internal and external factors of the situation, general tendencies of the development of economic processes, possible reserves of the production efficiency increase.

When organizing a continuous analysis, its operability and effectiveness increase because the analysis directly follows the accounting and is carried out in the course of economic financial accounting. Meanwhile, the subsystem of analytical support of the economic activity management turns into a constantly functioning factor of the production efficiency increase due to activation of the whole information fund of a company.

It is necessary to maintain the integrity of analysis on the assumption of decentralized processing of information, i. e. to unite the process of information processing with the process of decision-making. Such interpretation of the purpose of accounting and analysis is important and achievable. At that, not only end results will be as-

essed but also the course of economic activity, which at the stage of planning is considered as a total of technological, technical, organizational and management preparation and service of a production process in industrial enterprises [14].

All accounting processes as well as system elements defining the quality of functioning of an accounting analytical system (methodology, organization, technology) shall be harmoniously integrated in the unified economic information field, which is a system of a higher level for accounting.

The significance of a continuous accounting and analysis for economic processes is closely connected with a possibility of influencing them by means of making necessary management decisions in the operational mode.

The modern conception of AAS provides for accounting, analysis and control of not only internal economic operations in business processes but also the analysis of parameters of external macro environment. AAS should reflect both direct and feedback relations allowing to adapt information to the changing requirements of internal and external users of information.

Working continuously the accounting analytical support increases the quality and broadens the field of practical application of accounting information, in the end effect positively influencing the quality of the prepared and presented reporting and reporting indices themselves, i. e. the effectiveness of accounting information for third-party users.

The development of accounting analytical support of management shall be considered in the context of dialectical laws (law of unity and conflict of opposites, law of transformation of quantitative changes into qualitative changes, and law of negation).

Thus, the main objective of the accounting analytical support in any company, formed in the course of accounting organization, is the support of effectiveness of accounting and control system functioning in a company, provision of the highest rank management of a company with reliable data for effective and reasonable decision-making.

The reform of the accounting in Russia started with the determination of new objectives and tasks of accounting.

In the middle of the 90s of the last century Russia started to take an active part in the process of international economic integration and formation of the market infrastructure. It made it possible for Russian companies

and organizations to take part in: foreign economic activity of the country and, consequently, payments in foreign currencies; joint activities; operations of acquisition and disposal of property in trust management and operational management, etc.

A unique accounting system which totally corresponded to the requirements was established in Russia. Under the conditions of planned economy and centralized management the national system of accounting with the following distinguishing features was formed:

- governmental control over accounting in the country by means of adoption of regulatory documents obligatory for employment;
- full standardization and unification of accounting procedures and accounting documents;
- integrated system of accounting reporting.

The main objective of accounting was safekeeping and rational use of the state property.

During all years of the socialist economy in the country the accounting was constantly developing and improving in an 'evolutional' way: its new forms were elaborated and implemented, the cards of accounts were reviewed and corrected, the forms of accounting were changed, mechanization and automation of accounting were introduced.

Though, in spite of obvious advantages of this accounting system, under new economic conditions the old system was doomed. With the beginning of restructuring of the Russian economy it was needed already not to improve this system of accounting, but to update it on the new methodological basis — IFRS.

In 1998 the government of the Russian Federation took the decisions related to the reformation of accounting in accordance with the international financial reporting standards (decree No. 283 dated March 6, 1998, orders No. 382-p and No. 587-p dated March 21, 1998 and May 22, 1998). The most important constituent of the reform was improvement of accounting in business entities (decree of the government of the Russian Federation No. 1373 dated October 30, 1997).

The intensive and long-lasting work aimed at formation, discussion and adoption by the decree of the government of the Russian Federation No. 283 dated March 6, 1998 resulted in the adoption of the Program of accounting reformation according to IFRS. It was stated that the changes taking place in the course of economic reforms in the Russian Federation required the adequate transformation of accounting.

Therefore, in accordance with the Program, the objective of the accounting system reformation was to bring the national accounting system to conformity with the requirements of the market economy and IFRS, and the tasks of the reform were the following:

- to form the system of standards of accounting and reporting providing users (first of all, investors) with useful information;
- to secure reconciliation between the accounting reform in Russia and main tendencies of standards harmonization on the international level;
- to render the methodic assistance to organizations in comprehension and implementation of the reformed accounting model.

The question of importance was what to take as a basis when reorganizing accounting — accounting rules of some particular country or IFRS. After debating it was acknowledged that implementation of IFRS in the Russian accounting system was conditioned by:

- 1) transformation of the Russian economy into an integrated constituent of the world economic system (macroeconomic aim at attracting foreign investments, entry of Russian business entities into the world capital markets, joint business of Russian and foreign organizations);
- 2) opportunity to use the already accumulated world experience of standards elaboration, which are accepted by public authorities or professional organizations regulating national accounting rules in the majority of countries, in order to make an effectively functioning system, which meets the needs of the market economy, in the shortest time possible.

Many Russian companies already now prepare financial reporting on their own in accordance with the requirements of the Russian law as well as in accordance with the international standards.

Presently the overwhelming majority of large companies (with proceeds exceeding 15 billions rubles) prepares reporting in compliance with IFRS, which is in demand by both shareholders and banks. The majority of companies with middle- and small-capitalization also prepare their reporting according to IFRS, and their number is constantly growing and has reached 75% [15].

CONCLUSIONS

To summarize the above-stated, it should be acknowledged that the result of the work on convergence of accounting on the international level is a process of for-

mation of the International accounting system which is based on general accounting principles and generates integrated financial accounting and reporting standards for comparability of the activity of companies of all countries in the world.

The improvement of national accounting systems on the basis of convergence will make it possible to bring together the dynamic characteristics of the activity, taking less economically developed countries to the level of the more developed ones. The information obtained in the harmonized accounting systems and possessing equal qualitative characteristics will generate objective conditions for speeding-up positive processes and business development in the region in general.

The globalization of the economic life, manifesting itself in development, expansion, intensification of the world production, global market, growth of signifi-

cance of the information factor, increase of mobility of the spare capital, conditions the necessity to determine the place of national accounting systems in the global information complex. In the given context, it is important for particular countries, especially in the period of developing economy, to solve the problems of transfer to IFRS or maintenance of national accounting and reporting systems, determination of economic effectiveness and cover of expenditures on implementation of IFRS, provision of economic security of the country during the transfer to international accounting norms, etc., which have not been sufficiently studied in the accounting literature. Therefore, developments on the above-mentioned problems are considerably topical, and attempts to solve them will allow predicting the development of the integrated international system of accounting indices formation in the future.

References:

1. Bernstein L. A. Financial statement analysis: theory, application and interpretation/L. A. Bernstein; trans. from English; scientific editor I. I. Eliseeva; chief editor of the series Ya. V. Sokolov. – Moscow: Finances and statistics, 2002. – 624 p.: illustrated – (series on accounting and audit UNCTC).
2. Bertonesh M. The management of cash flows/M. Bertonesh, R. Knight. – St. Petersburg: Piter, 2004. – 240 p.
3. Cheng F. Lee Corporate finance: theory, method and applications/F. Lee Cheng, Joseph E. Finnerty; trans. from English. – Moscow: INFRA-M, 2000. – 686 p.
4. Drury C. Management accounting for business decisions: textbook/Colin Drury; trans. from English – Moscow: UNITY-DANA, 2003. – 655 p.
5. Gorman Tom. MBA. 'Step by step'/Tom Gorman; trans. from English. – Moscow: 'Izdatelstvo Astrel' LLC, 2003. – pp. 287–289.
6. Helfert E. Techniques of financial analysis/E. Helfert; trans. from English; edited by L. P. Belykh. – Moscow: Audit, UNITY, 1996. – 663 p.
7. Hendriksen E. S. Accounting theory/E. S. Hendriksen, M. F. Van Breda; trans. from English; edited by Ya. V. Sokolov. – Moscow: Finances and statistics, 1997. – 576 p.: illustrated – (Series on accounting and audit).
8. Hicks J. R. Value and capital/J. R. Hicks. – Oxford: Clarendon Press, 1946. – 172 p.
9. Holt Robert N. Fundamentals of financial management/Robert N. Holt; trans. from English. – Moscow: Delo Ltd, 1995. – 128 p.
10. Horngren Ch. T. Accounting: management aspect/Ch. T. Horngren, J. Forster; trans. from English; edited by Ya. V. Sokolov. – Moscow: Finances and statistics, 1995. – 416 p.
11. Concept of formation of accounting analytical support of the business entity management: Monograph/edited by N. N. Khakhonova. – Rostov-onDon: AzovPechat, 2012.
12. Khakhonova N. N. Methodological aspects of the accounting-analytical provision of cash management/N. N. Khakhonova, S. V. Ukolova. – Rostov-n/D: RSUE (RINH): AzovPechat', 2013. – 220p.
13. Sheshukova T. G. Simulation of an accounting system oriented to IFRS requirements by foreign trade operations/T. G. Sheshukova, O. A. Rybalko. // International accounting. – 2011. – No. 20. – pp. 27–33.
14. Popova T. D. Accounting and internal control in wholesale companies. Monograph./T. D. Popova, O. V. Medvedeva. – Shakhty, Publishing house YURGUES, 2006. – 107 p.
15. Mamina M. T. International unification of accounting as a factor of development of business environment /M. T. Mamina // International accounting. – 2011. – No. 15. – pp. 37–41.

Information about the authors

Natalya N. Khakhonova. Doctor of Economics, professor, Professor of the Department of Accounting Rostov State University of Economics (RINH).

Address: 24 «B» Radialne Str., 344004, Rostov-on-Don,, Russia, tel.: +7 (928) 179-17-03

E-mail: n_khakhonova@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3327-4561>

Science of law

Юриспруденция

UDC 342.951

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-17-1.2-225-230>I. A. Horodetska¹¹ Nizhyn Gogol State University, Nizhyn, Ukraine

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL EXPORT FROM UKRAINE AND IMPORT ON ITS TERRITORY OF OBJECTS OF ANIMAL WORLD

Abstract

Objective: the elucidation of various aspects of administrative responsibility for illegal export from Ukraine or import into its territory of objects of the animal world.

Methods: comparison, generalization, observation, system analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: the largest threats to biodiversity were identified, particularly pollution and destruction of natural habitats of animals and plants, management of hunting economy by predominantly extensive methods, poaching, scientifically unfounded introduction of individual fish species in the reservoirs, increasing the number of invasive species; basing on the analysis of studies of existing in the theory of administrative law views on the nature of administrative responsibility were ascertained scientific approaches to understanding the latter; the various aspects of administrative responsibility for illegal export from Ukraine or import into its territory of animals were reviewed, the object, objective side, subject and subjective side of the offense were described; were formulated concrete proposals for improvement of legal regulation of administrative responsibility in the area of protection, use and reproduction of the animal world, ecological control at border checkpoints.

Scientific novelty: in this article basing on the analysis of the current legislation of Ukraine and practice of its implementation, theoretical analysis of scientific works on administrative law, were for the first time formulated a number of proposals aimed to improve legal regulation of administrative responsibility in the field of protection, use and reproduction of the animal world, normative-legal regulation in the sphere of ecological safety and environmental protection, ecological control at checkpoints across the state border.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in the research field for further development of questions of administrative responsibility, law-making in the drafting of corresponding normative-legal acts in the practice of regulatory bodies in the field of protection, use and reproduction of the animal world.

Keywords: administrative responsibility; misconduct; legal regulation; the objects of animal world; area of protection, use and reproduction of animal world.

INTRODUCTION

The deepening of ecological problems in Ukraine and the world actualizes the issues of finding ways to preserve the natural environment. XXI century is characterized by intensive development of industry, transport, energet-

ics, industrialization of agriculture which all led to the fact that the anthropogenic impact on the environment has become a global concern [1, P. 82]. Under such conditions, protection and rational use of natural resources, including animal world is one of the important tasks of any state.

According to article 3 of the Law of Ukraine «On animal world» from 13.12.2001 № 2894-III the objects of animal world are: wild animals, in a state of natural liberty, contained in semi-free conditions or in captivity; parts of wild animals; waste products of wild animals. Wild animals that are in a state of natural freedom within the territory of Ukraine, its continental shelf and exclusive (marine) economic zone, other objects of wildlife, which are subjects to this Act and are in ownership of the state also, the objects of wildlife which in accordance with legislation were acquired in communal or private ownership and are recognized as objects of national importance, belong to natural resources of national importance¹.

It should be noted that there is a negative growth in the number of violations of the current legislation in the area of protection, use and reproduction of the animal world in Ukraine. The biggest threats to biodiversity is pollution and destruction of natural habitats of animals and plants, management of hunting economy by predominantly extensive methods, poaching, scientifically unfounded introduction of individual fish species in the reservoirs, increasing the number of invasive species. Thus, improving the effectiveness of administrative-legal regulation of functioning of institution of administrative responsibility in the area of protection, use and reproduction of animal world is one of the priority tasks of our state.

The study of various aspects of legal regulation of the protection, rational use and reproduction of animal world was researched by such scientists as: G. Baluk, L. Bielykh, N. Vedenin, M. Volyk, A. Hetman, R. Gizatoullin, I. Golovko, T. Grigorieva, V. Knysh, O. Kolbasov, S. Konstantinidi, V. Kostytsky, T. Malaya, V. Muntean, L. Nechiporuk, V. Ovdienko, O. Onischuk, O. Pogrebnoy, P. Tykhyi, Yu. Turlova, V. Shakhov, Yu. Shemshuchenko, V. Shekhovtsov, M. Shulga, A. Shchekolodkin, K. Yashchuk and others [2–12]. Problems of administrative responsibility was considered by Ukrainian scientists such as V. Averyanov, O. Andriyko, P. Andrushko, O. Bandurka, A. Berlach, I. Bezklubyi, J. Bytyak, V. Halunko, V. Garashchuk, D. Golosnichenko, Yury Gridasov, V. Kolpakov, A. Komziuk, V. Kurylo, D. Lukyanets, S. Stetsenko, I. Shopina and others.

It should be noted that one of the negative consequences of illegal export from Ukraine and import on its

¹ Zakon pro tvarynnyi svit 2001 [The law on the animal world] (Verkhovna Rada Ukrainy). Ofitsiyniy sait Verkhovnoi Rady Ukrainy [The official website of the Verkhovna Rada of Ukraine]. <<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2894-14>>

territory of objects of animal world is the increase of invasiveness of introduced species. The invasive (alien) species are non-native species that are introduced deliberately or unintentionally outside their natural habitats, multiply and spread in ways that harm the environment in which they were relocated. Invasive species pose the greatest threat to global biodiversity.

The purpose of this paper is to study various aspects of administrative responsibility for illegal export from Ukraine and import on its territory of objects of the animal world.

ANALYSIS

The responsibility of a person for committing a specific violation of legislation on animal world should occur in accordance with requirements of administrative, civil, criminal and other legislation [3, p. 488]. In article 63 of the Law of Ukraine «On animal world» it is stated that the violation of the legislation in the field of protection, use and reproduction of fauna entails administrative, civil or criminal responsibility². The most common type of legal responsibility in the sphere of protection and use of animal world is an administrative responsibility, because within it occurs the response to violation of the state law, regulations, rules and norms of behavior of subjects of legal relations in Ukraine [3, P. 495].

In the theory of administrative law there are different approaches to the formulation of the definition of «administrative responsibility». In particular, V. Kolpakov defines administrative responsibility as enforced, in compliance with the established procedure, application by the eligible entity of measures provided by the legislation for an administrative offence, which is made by the offender [13, P. 76]. P. Makushev under the administrative responsibility means the use of administrative penalties for persons committing administrative violations, which result for these individuals in burdensome consequences of material, moral, personal or otherwise, and are imposed by authorized bodies or officials on the grounds and in the procedure established by norms of administrative law [14, P. 96]. D. Lukyanets believes that the institution of administrative responsibility is a set of norms that define the structure, principles and rules of functioning of the mechanism of realization by an administrative sanctions procedure of legal norms which have the form of penalties [15, P. 28]. In recent studies of national scientists it is noted that administrative

² Ibid.

responsibility is normative regulated, is state-required compulsory and is implemented in the specific procedural forms [16, P. 74]. The analysis of the works of specialists in the field of administrative law reveals the existence of different points of view to understanding the category of «administrative responsibility» which is caused by the diversity of this phenomenon and different approaches to understanding of law.

Features of administrative responsibility for violation of legislation of animal world are following: the basis of this responsibility is an administrative offence in the field of protection, use and recreation of the animal world; the presence of special means of influence, i. e. administrative sanctions, the most common form of which in this area is fine; it is used by the authorized state bodies and officials; it is manifested in the form of a more rapid response to the offense; the existence of a special procedure for its application; can be used in conjunction with the civil responsibility [2, P. 270].

According to article 88 of the Code of Ukraine on administrative offences, the illegal export from Ukraine or the import into its territory of objects of animal world, including Zoological collections, entails imposition of penalty to citizens from three to five non-taxable minimum incomes of citizens with confiscation of these objects or without such and for the officials — from five to seven non-taxable minimum incomes of citizens with confiscation of these objects or without such.

The same actions made to the types of animals listed in the Red book of Ukraine or to those, protection and use of which is governed by international treaties of Ukraine, shall entail imposing a fine on citizens from five to ten non-taxable minimum income of citizens with confiscation of these objects or without such and on officials — from seven to twelve non-taxable minimum incomes of citizens with confiscation of these objects or without such.

The object of the offence is public relations concerning the established order of import and export of objects of animal world through the customs authorities of Ukraine.

The main normative legal acts regulating such relationship are: international agreements, in particular, the European Convention for the protection of animals during international transport (1968), the Convention on international trade in endangered species of wild flora and fauna under threat of extinction (1973), Convention on the conservation of wild flora and fauna and natural habitats in Europe (1979), Convention on the conserva-

tion of biological diversity (1992); the laws of Ukraine «On animal world» from 13.12.2001 № 2894-III, «On the Red book of Ukraine» of 07.02.2002 № 3055-III «On protection of animals from brutal treatment» of 21.02.2006 № 3447-IV «On environmental protection» from 25.06.1991 № 1264-XII «On veterinary medicine» of 25.06.1992 № 2498-XII; resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine dated 25.07.2007 № 953 «On approval of the Procedure for issuing permits for import and export of specimens of species of wild fauna and flora, certificates on traveling exhibitions, re-export and introduction of the specimens from the sea, which are objects of regulation of Convention on international trade in endangered species of wild flora and fauna under threat of extinction, concerning sturgeon fish and products made from it», dated 05.10.2011 № 1030 «Some issues of preliminary documentary control in check points through state control» and others.

Article 53 of the Law of Ukraine «On animal world» establishes the special competence of the Ministry of ecology and natural resources of Ukraine on approval of the rules of transboundary movements of objects of animal world. It should be noted that the legal regulation of social relations concerning the export from Ukraine or the import into its territory of objects of animal world has a number of problems. In particular, the order of the Ministry of Justice of Ukraine from 08.10.2015 № 1915/5 had canceled the decision on state registration of the order of the Ministry of environmental protection and nuclear safety of Ukraine dated 08.09.1999 № 204 «On approval of Provisions on ecological control at border checkpoints and in the area of regional customs and customs». In order to strengthen environmental control at border checkpoints, improve legal regulation in the sphere of ecological safety and environmental protection new Provisions on environmental control at border checkpoints and in the area of regional customs and customs must be approved.

The objective side of the offense consists of the following: illegal export from Ukraine of objects of animal world, including Zoological collections; illegal import to the territory of Ukraine of objects of animal world, including Zoological collections; performing of mentioned actions against animals listed in the Red book of Ukraine or animals the protection and use of which is governed by international treaties of Ukraine.

The objective side is an important indicator of the degree of public danger of an administrative offense,

determines the nature of the damage caused to the object of administrative-legal protection. However, the main value of the objective side is that it allows distinguishing the specific administrative offence from other offences [17, P. 236; 18, P. 220–221; 19, P. 23].

According to article 53 of the Law of Ukraine «On animal world» import to Ukraine and export abroad of objects of animal world is carried out according to the rules established by the Central Executive body, which provides forming of state policy in the sphere of environmental protection, except for genetically modified organisms. Illegal is the import and export of fauna objects which violates the rules for such actions.

Special national legal and international regulation determines the order of import into Ukraine and export abroad of objects of animal world under threat of extinction [2, P. 214–215]. Rare and under threat of extinction species of animal world listed in the Red book of Ukraine are subject to state registration in the Procedure of state accounting of rare and threatened species of flora and fauna listed in the Red book of Ukraine (order of the Ministry of ecology and natural resources of Ukraine dated 09.10.2012 № 486).

The subjects of the offense are the citizens and officials. The subjective part is characterized by guilt in the form of intent or negligence.

Ways of improvement of administrative responsibility for violations of legislation on animal world lie in the area of ensuring the inevitability of punishment of offenders, ensuring consistency between the degree of harm caused by the violation and the penalty for their violation that needs to make such violations economically disadvantageous [3, P. 497]. We should agree that current system of penalties does not fulfill its environmentally positive regulatory functions, and does not have sufficient educational and punitive functions because financial sanctions to offenders do not correspond to

the actual harm caused to the animal world [20, p. 148]. This fully applies to penalties for the illegal exportation from Ukraine and import into its territory of objects of the animal world.

CONCLUSIONS

The negative effects of illegal export from Ukraine and import on its territory of objects of the animal world pose a serious threat to biological diversity not only in Ukraine but throughout the world.

In order to improve the legal regulation of administrative responsibility in the field of protection, use and reproduction of animal world it is necessary to amend the Code of Ukraine on administrative offences regarding strengthening of administrative responsibility for illegal export from Ukraine and import on its territory of objects of the animal world.

To ensure effective environmental control at checkpoints across the state border, improvement of normative-legal regulation in the sphere of ecological safety and environmental protection it is essential to:

- approve Provisions on environmental control at border checkpoints and in the area of regional customs and customs;
- develop scientific methods and the appropriate regulatory framework regarding the prevention and control of spread of alien and invasive species in accordance with the Convention on the conservation of biological diversity;
- prepare and issue, in accordance with the Convention on international trade in endangered species of wild flora and fauna under the threat of destruction, the determinants of CITES specimens of selected taxonomic groups (mammals, birds, reptiles, arthropods, amphibians) for employees of State environmental inspection of Ukraine at border checkpoints.

References:

1. Babakova V.M. Ratsionalne vykorystannia ta poperedzhennia zabrudnennia prisnovodnykh vodoim z metoiu polipshennia sotsialnoho zhyttievoho rivnia naselennia (Rational use and prevention of pollution of freshwater bodies with the objective of improving social living standards), Ukraine — EU. Modern Technology, Business and Law: collection of international scientific papers: in 2 parts. Part 2. Chernihiv: CNUT, 2016, pp. 82–85 (in Ukrainian).
2. Baliuk, H. I. ed. Tvarynni svit Ukrainy: pravova okhorona, vykorystannia ta vidtvorennia (Animal world of Ukraine: legal protection, use and reproduction of), Kiev: Yurinkom Inter, 2010, 384 p. (in Ukrainian).
3. Hetman, A. P. ed. Pravova okhorona dovkillia: suchasnyi stan ta perspektyvy rozvytku (Legal protection of the environment: current status and prospects of development), Kharkov: Pravo, 2014, 784 p. (in Ukrainian).

4. Knysh, V.I. Vyznachennia subiektiv upravlinnia u sferi okhorony tvarynnoho svitu (The definition of subjects of management in the sphere of protection of animal world), Aktualni problemy derzhavnoho upravlinnia, Kharkov, 2006, No. 3, pp. 384–392 (in Ukrainian).
5. Knysh, V.I. Deiaki problemy administratyvno-pravovoi okhorony tvarynnoho svitu (Some problems of administrative-legal protection of the animal world), Naukovyi visnyk Dnipropetrovskoho derzhavnoho universytetu vnutrishnikh sprav, 2006, No. 3, pp. 179–185 (in Ukrainian).
6. Konstantynydy, S. S. Ohrana zhyvotnogo mira (pravovyie voprosyi (Animal world protection (legal)), Alma-Ata: Kainar, 1975, 120 p. (in Kazakhstan).
7. Kostytskyi, V.V. Ekolohiia perekhidnogo periodu: pravo, derzhava, ekonomika (ekonomiko-pravovyi mekhanizm okhorony navkolyshnogo pryrodnoho seredovyshcha v Ukraini) (Ecology of the transitional period: law, state, economy (economic and legal mechanism of environmental protection in Ukraine)), Kiev: Eusmeu, 2003, 772 p. (in Ukrainian).
8. Nechyporuk, L. D. Mizhnarodno-pravove rehuliuвання okhorony ta vykorystannia obiektiv tvarynnoho svitu (International legal regulation of protection and use of objects of animal world), Naukovyi visnyk Uzhhorodskoho natsionalnoho universytetu, 2007, No. 8, pp. 239–241 (in Ukrainian).
9. Nechyporuk, L. D. Pravo vlasnosti na obiekty tvarynnoho svitu (The right of ownership to objects of animal world), Naukovyi visnyk Uzhhorodskoho natsionalnoho universytetu. Serii Pravo, 2008, No. 8, pp. 236–239 (in Ukrainian).
10. Shekhovtsov, V. V. Yurydychna vidpovidalnist za porushennia prava pryvatnoi vlasnosti na obiekty tvarynnoho svitu (Legal liability for violation of the right of private ownership of animal world), Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu imeni V. N. Karazina, Serii Pravo, 2011, No. 288, pp. 280–287 (in Ukrainian).
11. Tykhyi, P. V. Pravova pryroda spetsialnoho vykorystannia dykoi fauny (The legal nature of the special use of wild fauna), Visnyk akademii pravovykh nauk Ukrainy, 1999, No. 1 (16), pp. 217–224 (in Ukrainian).
12. Tykhyi, P. V. Dyka fauna yak ob`iekt ekolohichnykh pravovidnosyn (Wildlife as object of environmental legal relations), Pravo Ukrainy, 1999, No. 2, pp. 65–69 (in Ukrainian).
13. Kolpakov, V. K. Administratyvna vidpovidalnist (administratyvno-deliktne pravo) (Administrative responsibility (administrative-tort)), Kiev: Yurinkom Inter, 2008, pp. 78 (in Ukrainian).
14. Makushev, P. V. Administratyvna vidpovidalnist yak pravovyi instytut (Administrative responsibility as a legal institution), Naukovyi visnyk Dnipropetrovskoho derzhavnoho universytetu vnutrishnikh sprav, 2014, No. 4, pp. 89–97 (in Ukrainian).
15. Lukianets, D. M. Administratyvno-deliktne vidnosyny v Ukraini: teoriia ta praktyka pravovoho rehuliuвання (Administrative and tort relations in Ukraine: theory and practice of legal regulation), Sumy: Universytetska knyha, 2006, pp. 367 (in Ukrainian).
16. Shchukin, O. M. Do pytannia kontseptualizatsii poniattia administratyvnoi vidpovidalnosti (To the question of conceptualization of the concept of administrative responsibility), Yurydychnyi visnyk, 2014, No. 3 (32), pp. 73–78 (in Ukrainian).
17. Bezklubyi, I. ed. Vidpovidalnist u publichnomu pravi (Liability in public law), Kiev: Hramota, 2014, 496 p. (in Ukrainian).
18. Kyrylenko, Ye. V. Poniattia ta sklad administratyvnykh pravoporushen: zaproshennia do dyskusii (The concept and composition of administrative offences: invitation to discussion), Porivnialno-analitychne pravo, 2013, No. 3–1, pp. 219–221 (in Ukrainian).
19. Bielikova, O. V. Yurydychnyi sklad administratyvnoho pravoporushennia (Legal administrative offense), Derzhava ta rehiony, 2013, No. 3 (41), pp. 23–24 (in Ukrainian).
20. Voloshyn, H. H. Osoblyvosti realizatsii yurydychnoi vidpovidalnosti v haluzi okhorony tvarynnoho svitu (Features of realization of legal responsibility in the sphere of protection of animal world), Visnyk Zaporizkoho derzhavnoho universytetu, 2004, No. 1, pp. 148 (in Ukrainian).

Information about the authors

Irina Albinovna Horodetska, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Science and Law, Nizhyn Gogol State University

Address: 2, Hrafska Str., Nizhyn, 16600, Chernihiv region, Ukraine, tel.: +380 (4631)71967

E-mail: horodetska.ia@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5096-8632>

M. A. Kaluzhina¹¹ *Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia; Kuban State University, Krasnodar, Russia*

INFORMATION SUPPORT OF PENAL SYSTEM OPERATIVELY — SEARCH ACTIVITIES

Abstract

Objective: to determine the essence, the impact and the main features of informational support of penal system operatively-search activities of the Russian Federation.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: basing on the comparative law analysis of scientific law literature and statistical characteristics, the historical background is revealed the presence of the informational classification system based on the division into separate groups of elements of identification signs and symptoms of a crime. The classification criteria are the objects of registration as well as the means and methods of obtaining information, describing the objects of registration significantly changed.

The information support operatively-search activities is defined as a monitoring process with the aim of gathering and analyzing relevant information, the disclosure of the reasons for the penal crime, the formation of the priorities of crime prevention in prisons.

The essence of information provision is expressed in a specific law and organizational forms implemented in order to protect the personal safety and security of inmates and are the specific function of the control action of the executive power in the face of operational prison staff.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, the article studies the essence of the information support on the operatively-search activities in penal system.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and teaching activities in addressing issues of penal security.

Keywords: Investigation of crime; Penal institutions; Operatively-search activities.

INTRODUCTION

Penal system is one of the most important social and legal institutions of the Russian state.

There were some aspects of operatively-search activities in special literature. In particular they were identification of persons and facts that represent an operational interest; operative development (testing). This position was characterized by such scientists as the D. V. Grebel'skiy, A. G. Lekar, and V. G. Samoilov [1, 65]. Researches mark many aspects in activities of bodies and institutions of the penal system [2, 112], but the majority earmark acts pursuant courts sentences [3, 24]. Prisoner's correction and prevention the commission of new crimes are priority objectives of the penal legislation. It is considered as a measure of security as well. This is predetermined by the specificity of activity of the institutions and bodies of the correctional system.

Radical changes in all areas of public life affected all institutions of the Russian state, including penal sys-

tem. In accordance with the Concept of development of the Russian penal efforts aimed at creating a system of counteraction to criminal behavior convicted on the basis of application of modern technology and approaches to the organization's security penal facilities.

A. V. Kudryavcev considered supervision as a measure of security of inmates and the staff [4, 34]. Assistance to law enforcement agencies in the investigation of crime is one of the main tasks of the institutions and bodies of the correctional system, provided by the penal laws of the Russian Federation. Sometimes the penal system employees of Russia are not sufficiently trained to carry out a preliminary investigation of crimes. Legally established goals and objectives of the operatively-search activities allow us to consider it as part of the criminal justice system, to solve their problems in close and continuous cooperation with the investigating authorities, justice, and security, penal and other institutions. At the same time functionally operatively-search activity

has its own character, different from the administrative law, criminal, procedural and criminal-executive functions of the criminal justice system. Such specificity is determined by the legal goals, specificity investigative action, and its own laws of development. A. V. Bykov and T. V. Kikot-Gluhoedova noted that by penal institutions law enforcement supervision implementation in the studied foreign countries have legislative regulation, determines the rules of proper use of those or other coercive measures, depending on the mode and type of such institution [5, 5].

A distinctive feature of operatively-search activity is its reconnaissance and exploratory in nature. Its content is obtaining information on the identification evidence of signs of the preparation and commission of crimes, their subjects, wanted fugitive offenders. The above features determine features of information support of such activities.

E. P. Ichenko marked that the dynamics of the information support system, as one of the main components of technical and criminalistics maintenance of disclosing and investigation of crimes demonstrates the perceived need to obtain information with respect to each object registration, the establishment of direct and indirect links through the use of scientific and technological achievements by capturing and analyzing information [6; 7].

RESULTS OF RESEARCH

Operatively-search activities play an important role in ensuring the realization of the goals of the correctional policy and penal legislation. Operatively-search activities is carried out in order to protect life, health, rights and freedoms of man and citizen, property, society and the state to ensure security from criminal encroachments.

The right to carry out these activities, among others, the legislator has provided and operational units of the Federal Penitentiary Service, by which is meant the specialized structural units of the central and territorial authorities, prisons and detention centers of the correctional system.

It is the responsibility of operational devices is to detect, prevent and combat crime, admitted prisoners, including violations of the established order of punishment that staff of other services to identify which is difficult and sometimes impossible.

The effectiveness of the implementation of penal policy advocates an integral part of protective functions of the state, includes a set of measures to combat prison crime [7, 30]. The effectiveness of opposition depends

on focus of decisions on the goals and objectives in this area. Such solutions are only possible with a high level of awareness, timely information about the criminology processes occurring in the environment convicted. Information security plays a crucial role in the implementation of the operatively-search activities problems in prisons, it is a means of ensuring the rule of law (legal security) by solving problems related to the execution of criminal penalties [8, 70].

Considering the institution of criminal registration in Russia as a natural historical process, based on the position of the objective connection of phenomena of nature and society, we can conclude that at the initial stage was enough visual method of fixing information for regulation of social relations in the sphere of combating crime.

With the development of the state and society has evolved and became more complex criminal activities. To counteract it required additional scientific knowledge, provided the impetus for the development of tools and methods for identifying, recording information about the crime and the criminal. It is the first one of the first areas of criminology, over time criminal registration has proved its effectiveness as a tool detective and operative-search activity. This is evidenced by the historical process of collating information about criminals: forming first elementary and then the more complex card files, based on certain criteria systematization of signs that could identify the perpetrators of the crime. Depending on the political situation in the country and its exchange rate, taking into account objectives were changed, shaped the latched information: identifying characteristics of objects registration [9, 15].

Various types of file cabinets forensic orientation, intended to accommodate the identified criminals, proven relevance and kept up to date appeared in eighties of the XIX century. These features should include the structure, principles of organization, information content, designed to solve specific problems of crime detection and investigation of persons who have committed them. This is evidenced by the presence of the classification system based on the division into separate groups of elements of identification signs and symptoms of a crime [10, 54].

The first group may include information reflecting the individual identification characteristics of offender. It was the subject to be counted. In this case, the following registration methods: descriptive (verbal portrait, anthropometry, physical features, tattoos, nicknames),

fingerprint (getting fingerprints patterns fingers criminals), forensic photography (fixing features of the object using the means and methods of forensic photography).

The second group functioned on the basis of the object and the subject of the crime) contain information relating not to individual objects, and to the mass of similar overall, similar objects, so it had the generic features. It contains alphabetical surveys of victims, registration of unidentified corpses with signs of violent death records of stolen things, the collection of fake registration documents and counterfeit money. Card indexes of counterfeit money, securities, currencies, foreign countries, forged metal coins, and fake registration documents established the common origin of the object registration method and production technology, as well as to identify those involved in their manufacture.

The third group *modus operandi* information can be turned on from the signs that reveal the way to criminal actions about the ways of committing unsolved crimes. It should be noted that the last two groups have with respect to the first auxiliary character, because they contain information that identifies the object making contact (the person- the thing, the thing — the subject of the offense — the offense). At the present time to be registered and other objects of criminal trespass, means and methods of committing crimes, and so on.

Creation of the first half of XX century structural operational units in penal system has allowed a whole new level to carry out actions to improve the situation in penal institutions, which was quite complex. A. V. Agarkov noted the structure created operational units which operate independently subdivisions implementing information support of operational units. Their specificity was determined by the objectives and tasks of these units, as well as the use of special tools and techniques [11, 54].

Over the years, the views on the nature and substance of the information to ensure operational and investigative activities in penal system have undergone major changes. The means and methods of obtaining information, describing the objects of registration significantly changed. That was the main reason the system more accurate targeting [12, 99].

Operational and relevant information in penal system focuses and organizes in operational accounting in the form of databases. At present, such surveys there are several dozen [13, 6]. The effectiveness of the fight against crime, prison, penitentiary, preventing crime can be achieved when the protection, control and supervi-

sion based on timely, complete, reliable information obtained in the course of inspections, searches and other security measures [14, 9].

New realities allow capture, process, transmit at a distance and store large amounts of information. According to this principle are forensically important information database. They define the principles of information retrieval systems and information centers to realize the function of information support forensic activities [15, 220]. Such information database call accounting, and produce scientifically developed system of registration and storage of data on persons, objects and other objects that have forensic value — forensic registration.

The further development of forensic registration demonstrates the necessity of integration disparate identity systems into a single information retrieval system of integrated and automated data banks accumulation, storage and delivery of forensic information. In terms of integration of information retrieval systems, the use for this purpose a global network Internet there are new aspects of the registration and forensic activities [16, 36].

The Russian databases registration of criminal suspects accused of committing a crime or convicted of a crime, based on binding principles, so does not depend on the will of its members. From the standpoint of the criminal law doctrine of the concept of the constitutional rights of convicts cannot be equated with the constitutional rights of free citizens [17, 106]. The implementation of the constitutional rights of the convicts has its own characteristics, which are regulated in the law, and especially the penitentiary.

The legal basis of the forensic registration are: The Constitution of the Russian Federation; Russian Federation's international agreements on cooperation between the law enforcement agencies in the fight against crime; Federal legislation regulating the activities of the police and other law enforcement agencies; Criminal and criminal-procedural legislation of the Russian Federation; Legislation in the field of operatively-search and state forensic activities; Normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and inter-agency legal acts [18, 18].

It is known that the information support of activity of enforcement authorities is necessary for good governance, informed decision-making based on complete, timely and reliable information [19, 23]. The level of information support of activity of the institutions of the penitentiary system has a significant influence on all the

processes of socio-economic development of society, it is one of the strategic directions of increase of efficiency of law enforcement at all levels [20, 3].

Ready reference, forensic and investigative surveys the bodies of internal affairs of the Russian Federation are used by federal executive bodies in the implementation of the inquiry, investigation and operational-search activity. Use of information by penal employees in Russia can be focused on the solution of problems of criminal proceedings. The information contained in data banks contributes to the establishment of circumstances, subject to proof in a criminal case [20, 23]. With proper design of such information may take the form of "other document" — the evidence provide by paragraph 6 of Part 2 of Article 74 the Code of Criminal Procedure. Data bases registration provides the conditions for the identification of objects by means of accounting materials. The quality and amount of information depends on the efficiency of the organization of work on the identification, prevention, and preparing disclosure committed crimes in prisons; establish the whereabouts of criminals implement tracing of persons and objects, whose whereabouts are unknown. The information contained in criminal records information is orienting the

character and is needed when making procedural and tactical decisions.

The successful implementation of modern Russia penal policy is determined by a complex of measures specifically preventive nature, part of which is the presence of prison staff access to information and enforcement agencies. Information plays a key role in the detection and investigation of non-obvious crimes, establishing control over certain categories of persons convicted of criminal activity groups, serves as a link with all the activities of the state in combating crime and ensuring security.

CONCLUSIONS

Thus, information support operatively-search activities should be defined as a continuous monitoring process with the aim of gathering and analyzing operational and relevant information, the disclosure of the reasons for the penal crime, the formation of the priorities of crime prevention in prisons.

The essence of information provision is expressed in a specific legal and organizational forms implemented in order to protect the personal safety and security of inmates and are the specific function of the control action of the executive power in the face of operational prison staff.

References:

1. Grebelskiy D. V. Organized and theoretical framework and law problems of operational-investigative activities of internal affairs bodies. Monograph. M., 1977. 237 p. (in Russ.).
2. Alexseev A. I., Ovchinskiy V. S., Pobegaylo A. F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. M.: Norma, 2006. 143 p. (in Russ.).
3. Krymov A. A. Criminal procedure activity of bodies and establishments of penal system of Russia. M.: Prospect, 2017. 464 p. (in Russ.).
4. Kudryavcev A. V. Operativno-regimnoye obespechenie otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: problem teorii i praktiki. Monograph. Otv. red. K. K. Goryainov. Vladimir, 2009. pp. 7–45. (in Russ.).
5. Bykov A. V., Kikot-Gluhoedova T. V. The police system of modern demographic state. Monograph. M.: UNITY-DANA: Law and Right, 2010. 304 p. (in Russ.).
6. Ichenko E. P. Criminalistics and new technologies. Vestnik kriminalistiki. 2009 (3 (31)). pp. 6–15. (in Russ.).
7. Starkov O. V., Milukov S. F. Punishment: criminally-legal and crime-penology analysis. Monograph. Sankt-Petersburg, 2001. 461 p. (in Russ.).
8. Kochedykov S. S., Churakov V. G. Prospects of application of information systems in the operational-search activities at ensuring security in the penal system. Vestnik of Voroneg institute FSIN Russia. 2013 (2). pp. 64–70. (in Russ.).
9. Jakovets E. N. Professional research bodies and other subjects of informational security of Russian imperia. Monograph. M.: Uritinform, 2012. 600 p. (in Russ.).
10. Jakovets E. N. The foundations of information and analytical support for operatively-search activity. M., 2009. 464 p. (in Russ.).
11. Agarkov A. V. Historical and organizational law aspects operatively-search activity development in places of detention. Monograph. Vladimir, 2010. 167 p. (in Russ.).

12. Ovchinskiy S. S. Operatively-search information. Monograph. M., 2000. 367 p. (in Russ.).
13. Hohrin S. A. Informational support in prevention of crimes in correctional facilities. Vestnik of Perm institute FSIN Russia. 2013 (2 (9)). pp. 5–7. (in Russ.).
14. Volynskiy A. F. Organization of the investigation of crimes: problems and solutions. Rossiyskiy sledovatel. 2016 (1). pp. 7–11. (in Russ.).
15. Belkin R. C. Selected works. M., 2008. 768 p. (in Russ.).
16. Ovchinskiy A. S. Operatively-search analytics. Monograph. M., 2015. 108 p. (in Russ.).
17. Mikhlin A. S. Criminal executive law. M.: Yurayt-Isdat. 2009. 422 p. (in Russ.).
18. Kaluzhina M. A. The law regulation of information and analytical support operational and investigative activities in the penal system. Vestnik of Kuban State University. 2016 (1 (26)). pp. 18–20. (in Russ.).
19. Ovchinskiy A. S., Chtbotaryova C. O. Crime matrix. M.: Norma, 2017. 112 p. (in Russ.).
20. Ovchinskiy A. S. Law infotechnology. M.: Norma, 2009. 144 p. (in Russ.).

Information about the author

Marina A. Kaluzhina, Candidate of Law, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation; docent, Kuban State University.

Address: 140 1 Linija Str., 350047, Krasnodar, Russia, tel.: +7 (967) 655-97-77

E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

E. A. Kirillova¹*1 Southwest State University, Kursk, Russia*

THE USE OF PERSONAL DATA FOR THE PURPOSE OF COMMITTING CRIMES

Abstract

Objective: is to determine specific features of modern cybercrime, to develop conceptual framework, to specify new forms of cybercrime and to define the main directions in combating cybercrime.

Methods: was based on dialectical, comparative legal, sociological, system-structural and statistical methods, as well as on social experiment.

Results: The study highlighted two new types of cybercrime — cyber-terrorism and identity theft with the view of committing crimes, which could be included into the Convention on Cybercrime.

Scientific novelty: The study gave the possibility to disclose specific features of cybercrime, provided a universal definition of cybercrime, which can be used in the international conventions as well as in the international criminal investigation.

Practical significance: Developed a universal conceptual framework that can be used in international legal instruments and international cooperation in combatting cybercrime and formed a unified approach to address some legal issues related to cybercrime in the global information and communication networks.

Keywords: cybercrime, Internet resources, methods used to combat cybercrime, social networks; information technology.

INTRODUCTION

The problem of cybercrime has two components [8, P. 87–116]. First, there are new crimes such as violation of the integrity, availability and confidentiality of online data being the subject of new legally protected interests arising from the development of information technology [13, P. 433–443]. Second, global information networks are used to commit acts already criminalized in the legislation of many countries. These include theft of property, distribution of child pornography and violation of privacy [18, P. 590–595].

According to Symantec Security, 12 people in the world are exposed to cyber attacks every second, and about 556 million cybercrimes are committed annually in the world, causing damage over US\$ 100 billion. (http://www.gemalto.com/brochuresite/download-site/Documents/entBreach_Level_Index_Annual_Report_2016.pdf). Cybercrime is intertwined not only with other types of crime, but also with a number of negative social phenomena (drug addiction, “grey” economy, prostitution, etc.) [5, P. 39–46]. International organizations recognize the danger of cybercrime, and its cross-border nature, limited one-sided approach to the

problem and the need to promote international cooperation in taking the required technical measures and in the development of international law. OECD, Council of Europe, European Union, United Nations and Interpol — all these organizations play an important role in the coordination of international efforts and in the development of international cooperation in combatting crimes related to high-tech industry [20, P. 70–78]. Police services in the United States and around the world establish special units to combat cybercrime, since cybercrime accounts for a sizable proportion of offenses investigated by these departments. National Cybercrime Training Partnership (NCTP) includes local, state, and federal law enforcement agencies of the United States [2, P. 28–44]. International Association of Chiefs of Police (IACP) serves as host to the annual conference on law enforcement information management, dealing with IT-security and cybercrime [11, P. 207–220]. The Forum on Cybercrime was created within the European Union. Many countries signed the Council of Europe Convention on Cybercrime, which is trying to standardize the European laws on crimes committed via the Internet and other computer networks.

In recent years, use of the Internet has given rise to increasingly sophisticated illegal practices [10, P. 540–545]. Against the background of rapid criminalization of social relations, one can notice further transformation of cybercrime (its rise, organizational developments, expansion of criminal interests, and complication of criminal schemes) as a natural worldwide process, directly related to the significant development of information and communication technologies in the information society. Criminological situation in the Internet today is defined by organized crime, which infringes on the economic, political, legal, and moral spheres of any society [12, P. 618–621].

Development of information technology always outstrips the development of any legal system that does not have time to adapt to new technological realities [16, p. 92]. This is particularly evident by the example of the Internet, which significantly changes our lives, constantly providing users with new opportunities. The benefits of an open Internet are undisputed. But it must remain open: Open for commerce, innovation, and speech; open for consumers and for the innovation created by applications developers and content companies; and open for expansion and investment by providers (Protecting and Promoting the Open Internet. A Rule by the Federal Communications Commission on 04/13/2015. <https://www.federalregister.gov/articles/2015/04/13/2015-07841/protecting-and-promoting-the-open-internet#h-7>). Unfortunately, the law and judicial practice do not always react promptly to these changes, which leads to gaps in law and entails breach of the legitimate rights and interests of citizens; the legislation should adapt to new realities [6].

This is especially true for countries with bi-juridical jurisdiction [3, P. 108–127]. Pronounced priority of the written law compared to the judicial practice makes the national legal system act somewhat slowly and leads to the fact that the laws do not have enough time to adapt to technological types of illegal activities. In particular, this determines the fact that cybercrime takes the lead in terms of latency, and certain types of crime in the Internet (such as pornography) are virtually unpunished.

Europol experts say that currently only about 30% of all cybercrimes are detected and predict future increase in the number of related criminal acts, linking the growth of cybercrime with increasing importance of the Internet in everyday life [15, P. 590–595]. In addition, these experts note that increase in the value of

mobile devices as the primary means of access to Internet resources can lead to a wider use of these devices by various criminals (The EU Serious and Organized Crime Threat Assessment (SOCTA), 2015. https://www.europol.europa.eu/latest_publications/31).

Definition of “cybercrime” is a question of research debate among different scholars since this phenomenon includes both “traditional” criminal acts committed by using new technologies, and actions aimed at new objects of the offence [19, P. 540–545]. The term “cybercrime” is now often used along with the term “computer crime”, these concepts are often used interchangeably. These terms are very close to each other by meaning, but they are not synonymous. The concept of “cybercrime” is wider than the concept of “computer crime” and more accurately reflects the nature of such phenomena as crime in the information space. For example, the Oxford Dictionary defines the prefix “cyber- as a component of a compound word. It means “relating to or characteristic of the culture of computers, information technology, and virtual reality”. Almost the same definition is provided by the Cambridge Dictionary. Thus, “cybercrime” is a crime, both associated with the use of computers and the use of information technology and global networks. At the same time, the term “computer crime” generally refers to crimes committed against computers or computer data.

The term “cybercrime” refers to crimes related both to the use of computers and information technology and global networks. At the same time, the term “computer crime” applies only to crimes committed against computers or computer data [21, P. 67–68]. The international law distinguishes the terms “cybercrime” and “computer crime”, and the term “cybercrime” is actually used. The Council of Europe adopted the Convention on Cybercrime on 23 November 2001. In that document, the term “cybercrime”, in contrast to “computer crime” was used. Currently, the common, legally enshrined definition of cybercrime is missing. Some researchers suggested defining cybercrime as a crime committed in cyberspace [1, P. 433–443], however, this definition does not fully disclose such a broad and multidimensional concept as cybercrime.

In 2013, the United Nations Office on Drugs and Crime, in its report “Comprehensive study of the problem of cybercrime and responses to it by Member States, the international community and the private sector” notes that definitions of cybercrime mostly depend upon

the purpose of using the term [4, P. 28–44]. At the same time, as noted in the same document, the term “cyber-crime” includes any computer-related act for personal or financial gain or harm, including forms of identity-related crime, and computer content-related acts in cyberspace [14, P. 39–46].

Cybercrime includes a set of crimes stipulated by the criminal law aggressing information infrastructure, information contained therein, as well as crimes committed in relation to other objects in cyberspace or by using its capabilities. Communication from the European Commission “Towards a general policy on the fight against cyber crime” adopted on 22 May 2007 envisaged three categories of this type of criminal activity:

1) Traditional forms of crime such as fraud, forgery, though in a cyber crime context this relates specifically to crimes committed over electronic communication networks and information systems;

2) Publication of illegal content over electronic media (i. a. child sexual abuse material or incitement to racial hatred);

3) Attacks against information systems, denial of service and hacking [9, pp. 119–132].

One should note a need for a universal definition of cybercrime, which could be used in international conventions as well as in terms of international cooperation in the field of cybercrime investigation. Cyber-crime can be defined as the totality of crimes committed in cyberspace by using computer systems, computer networks and other means of access to cyberspace within the computer systems or networks and against computer systems, computer networks and computer data.

It is necessary to focus on another group of crimes that should be included into the Convention on Cyber-crime as a separate category — the use of personal data for the purpose of committing crimes.

Some countries consider these crimes as a separate category, while others believe that these actions fall under several articles of criminal law [7, P.149–164].

Therefore, some researchers noted difficulties associated with removal (deletion) of previously posted, publicly available personal data [17, P. 375–399]. This requirement may relate both to a particular resource, which repeatedly used available personal data of a particular persona and to other information resources (information portals, search engines). Especially sharply This problem is especially relevant for children and young people, who recklessly placed their personal information in vari-

ous networks and for whom deletion of their profile data may become the only way to stop various forms of persecution not only within a certain network. According to p. 93 of the EU Court ruling, “individuals have the right — under certain conditions — to ask search engines to remove links with personal information about them. This applies where the information is inaccurate, inadequate, irrelevant or excessive for the purposes of the data processing” (Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos, 2014). In fact, this problem is graver than the notorious “right to oblivion” related to personal data by the search engines, which was legalized by the European Court of Justice (this problem once caused proceedings based on 180 grievances of the EU citizens forwarded to Google).

Meanwhile, not all users regard availability of their personal data on the Internet as a drawback. “Many are finding that sharing a certain amount of information online has clear benefits:

- Internet users are now twice as likely to be found by friends from the past- 40% of internet users say they have been contacted by someone from their past who found them online, up from 20% who reported the same in 2006.
- Half of online adults (48%) agree that getting to know new people now is easier and more meaningful because you can learn things online about the people you meet “ (Mary Madden and Aaron Smith Reputation Management and Social Media, 2010).

The EU legislation establishes the right for Internet users to restrict third-party access to their personal data. Significant attention to the fight against cybercrime is paid by the Stockholm Programme, which enshrines the EU priorities in the field of the rule of law, freedom and security for the period 2010–2016. Section 2.5 of this document “Protecting citizen’s rights in the information society” emphasizes the importance of respect for citizens’ rights of privacy and protection of personal data in terms of increasing data exchange through electronic communications. However, in late 2011, the Anonymous group hacked the site of private US-based think tank — Strategic Forecasting (Stratfor). As a result, they published e-mail addresses and passwords of thousands of American and British military, intelligence, police, NATO counselors and politicians, along with personal data of the former US Secretary of State Henry Kissinger and the former US Vice President Dan

Quayle, who worked under President George W. Bush. Approximately at the same time, the group Team Poison hacked one of the UN servers and stole passwords to the accounts of 1,000 employees. Cyber attacks hit not only senior officials but also ordinary citizens. Thus, in January 2012, criminals hacked and published data of several thousand owners of credit cards in Israel. In these circumstances, it is difficult to ensure protection of personal data.

According to the requirements of Directive on privacy and electronic communications (2002/58/EC) users should be provided with clear and comprehensive information regarding the use of cookies in relation to their terminal equipment, including information about the purpose of data processing. Users should also be given the opportunity to refuse using cookies or other similar means on their terminal equipment. At that, the information about the possibility to refuse using cookies should be forwarded as user-friendly as possible. Data transfer for the purpose of law enforcement is a special kind of personal data transfer. In the European Union, for example, personal data processing on the Internet is governed by a special act — Directive 2002/58/EC concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector.

In the US, no single legislative act in the field of personal data protection exists: there are only acts that regulate certain aspects of personal data processing in the various spheres of social relations, such as the California Online Privacy Protection Act of 2003 (OPPA). According to this Act, an operator of a commercial Web site or online service that collects personally identifiable information through the Web site or online service from individual consumers who use or visit the commercial Web site or online service and who reside in California are required to provide a clear and conspicuous hyperlink in the operator's privacy policy to an online location containing a description, including the effects, of any program or protocol the operator follows that offers the consumer that choice. In May 2008, there was a question, associated with compliance of Google Corporation policies with OPPA requirements. As stated by a number of sources, link to Google's privacy policy has been placed in the section About Google, not in the Home page section. The issue was resolved through peaceful negotiation, without court procedures. As a result, the corporation posted a direct link to the privacy policy on the home page (<http://allthingsd.com/20080707/google->

values-users-privacy). Whereas the OPPA application only requires proof that California residents have access to a particular site, the act has broad application far beyond the state borders. However, when using the Internet users should bear in mind that the information posted by them can be transferred to the state under certain conditions. It should be noted that the US adopted the Electronic Communications Privacy Act (ECPA), which stipulated that law enforcement authorities could gain access to electronic communications of citizens stored on the server for more than six months without obtaining a court order. In 1986, when the Act was adopted, emails were stored on the servers of the recipient for a very short period of time, namely, until the recipient downloaded relevant message through a special program on his computer. This rule is still valid and applies to information stored on the cloud and other servers. The bill related to the abolition of this rule is currently under consideration by the US Congress.

It should be noted that, despite its reputation of the country of unlimited freedom, the US introduced the legislative requirement that restricted the use of online resources by children under the age of 13, which, in turn, restricted the possibility of putting their personal information on the Internet; personal data of underage users should be collected and processed only with the consent of their parents (Proceedings of the Eleventh United Nations Congress on crime Prevention and Criminal Justice, 2005).

CONCLUSION

It should be noted that legal regulation of the fight against cybercrime in the EU is carried out through the issuance of regulations, decisions and framework decisions. In addition, regular reports of the European Commission to the European Parliament also contain information about the problematic situation in the European Union related to cybercrime as well as legal comments and recommendations for its improvement, which allows maintaining effective cooperation in the fight against crimes related to high technologies. At the same time, the European Union still has not adopted a universal instrument on cybercrime, which creates certain enforcement problems. In addition, there is a tendency for regionalization of cooperation in the fight against computer crime within the European Union. However, taking into account transnational nature of cybercrime, more active cooperation with all states seems to become a promising trend.

You need that two types of crimes (as a separate category) be added to the Convention on Cybercrime:

1) Identity theft and use of personal data for the purpose of committing crimes.

2) Cyberterrorism or the use of cyberspace for terrorist purposes.

Some countries consider these crimes as a separate category, while others believe that these actions fall under several articles of criminal law.

References:

1. Al-garadi M. A., Varathan K. D., Ravana S. D. (2016) Cybercrime detection in online communications: The experimental case of cyberbullying detection in the Twitter network. Original Research Article. *Computers in Human Behavior*, Volume 63, October 2016, pp. 433–443.
2. Andreas Berger, Alessandro D'Alconzo, Wilfried N. Gansterer, Antonio Pescapé (2016) Mining agile DNS traffic using graph analysis for cybercrime detection Original Research Article. *Computer Networks*, Volume 100, 8 May 2016, pp. 28–44.
3. Ben Brewster, Benn Kemp, Sara Galehbakhtiari, Babak Akhgar (2015) Chapter 8 – Cybercrime: Attack Motivations and Implications for Big Data and National Security. *Application of Big Data for National Security*, 2015, pp. 108–127.
4. Berger A., D'Alconzo A., Gansterer W. N., Pescapé A. (2016) Mining agile DNS traffic using graph analysis for cybercrime detection. Original Research Article. *Computer Networks*, Volume 100, 8 May 2016, Pages 28–44.
5. Christian Konradt, Andreas Schilling, Brigitte Werners (2016) Phishing: An economic analysis of cybercrime perpetrators. Original Research Article. *Computers & Security*, Volume 58, May 2016, pp. 39–46.
6. Hughes J. (2003) The Internet and the Persistence of Law. 44 B. C. L. Rev.359 (2003). <http://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol44/iss2/4>
7. Jahankhani H., Al-Nemrat A., Hosseinian-Far A. (2014) Chapter 12 – Cybercrime classification and characteristics. *Cyber Crime and Cyber Terrorism Investigator's Handbook*, 2014, pp. 149–164.
8. John Sammons, Michael Cross (2017) Chapter 5 – Cybercrime. *The Basics of Cyber Safety*, 2017, pp. 87–116.
9. Kimberly A. DeTardo-Bora, Dhruva J. Bora (2016) Chapter 8 – Cybercrimes: an overview of contemporary challenges and impending threats. *Digital Forensics*, 2016, pp. 119–132.
10. Levin J., McDevitt J. (2015) Hate Crimes. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (Second Edition), 2015, pp. 540–545.
11. Marius-Christian Frunza (2016) Chapter 4D – Cybercrime Introduction to the Theories and Varieties of Modern Crime in Financial Markets, 2016, pp. 207–220.
12. Mihail Antonescu, Ramona Birău (2015) Financial and Non-financial Implications of Cybercrimes in Emerging Countries. Original Research Article. *Procedia Economics and Finance*, Volume 32, 2015, pp. 618–621.
13. Mohammed Ali Al-garadi, Kasturi Dewi Varathan, Sri Devi Ravana (2016) Cybercrime detection in online communications: The experimental case of cyberbullying detection in the Twitter network. Original Research Article. *Computers in Human Behavior*, Volume 63, October 2016, pp. 433–443.
14. Christian Konradt, Andreas Schilling, Brigitte Werners (2016) Phishing: An economic analysis of cybercrime perpetrators. Original Research Article. *Computers & Security*, Volume 58, May 2016, pp. 39–46.
15. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Volume 182, 13 May 2015, pp. 590–595.
16. Schjolberg S. and Ghernaoui-Helie S. A (2009) *Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime*. Oslo, 2009, 92 p.
17. Shipley T. G., Bowker A. (2014) Chapter 16 – Detection and Prevention of Internet Crimes. *Investigating Internet Crimes*, 2014, pp. 375–399.
18. Solak D., Topaloglu M. (2015) The Perception Analysis of Cyber Crimes in View of Computer Science Students. Original Research Article. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Volume 182, 13 May 2015, pp. 590–595.
19. Suleman Ibrahim (2016) Social and contextual taxonomy of cybercrime: Socioeconomic theory of Nigerian cybercriminals. Original Research Article *International Journal of Law, Crime and Justice*, In Press, Corrected Proof, Available online 11 August 2016.

20. Shatalov M. A., Ahmedov A. E., Smolyaninova I. V., Mychka S.Yu. The formation of adaptive strategies of development of the enterprises of agro-industrial complex in the conditions of realization of import substitution. *Modern Economy Success*. 2016. № 1. pp. 70–78.
21. Tropina T. (2010) *Cybercrime and Organized Crime*, *Freedom from Fear Magazine*. 2010. Issue 3.

Information about the author:

Kirillova Elena Anatolievna,

candidate of legal sciences, associate professor of department of civil law, of Southwest State University

Adres: 242611, Bryanskaya oblast', g. Fokino, ul. K. Marksa d. 52 kv. 9, Telefon: 8920–601 7042

E-mail: debryansk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7137-901X>

E. S. Koshcheeva¹¹ Vyatka state university, Kirov, Russia

SIMPLIFIED PROCEEDING IN CIVIL AND ARBITRATION PROCESSES

Abstract

Objective: to conduct the analysis of separate practical problems of the simplified proceeding as an order of consideration and dispatch of civil process in two basic aspects: from position of process of unitization of judicial legislation and in the context of changes of June, 01, 2016

Method: an author is use the method of analysis, comparison, generalization, and also method of analogy

Results: on the basis of direction of unitization of judicial legislation introduction of the simplified proceeding to civil process is certain as part of the indicated phenomenon; the basic features of in parallel present system of consideration of «small lawsuits» are certain in civil and arbitrage processes; the problems of practical character, related to making alteration in the order of the simplified proceeding of June, 01, 2016, are educed; mine-out suggestion on permission of litigions practical situations of application

Scientific novelty: in the article first on the basis of the presented methods the simplified production is investigational in his dynamic change at a comparative analysis civil and arbitrage processes

Practical significance: substantive provisions and conclusions of the article can be used in scientific and practical activity at consideration of questions of application of the simplified proceeding at consideration and dispatch of civil businesses in general courts and arbitration courts

Keywords: unification, simplified proceeding, civil process, arbitration process, unmotivated decision.

References:

1. Konstitucija RF (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993), Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.08.2014, No. 31, St. 4398. (in Russ.).
2. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 (The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002) No. 138-FZ, Sobranie zakonodatel'stva RF, 18.11.2002, No. 46, St. 4532. (in Russ.).
3. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 (Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002) No. 95-FZ, Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.07.2002, No. 30, St. 3012 (in Russ.).
4. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (Commentary on the Constitution of the Russian Federation), pod red. V.D. Zor'kina, L. V. Lazareva. Moskva, 2010. (in Russ.).
5. Gromoshina N. A. Uproshhenie civilisticheskogo processa kak projavlenie tendencii ego unifikacii (Simplifying the process of the civil law as a manifestation of the tendency of its unification), Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika, 2016, No. 9, pp. 3–6. (in Russ.).
6. Sahnova T. V. O sovremennoj paradigme grazhdanskogo processa (On the modern paradigm of civil procedure), Teise. Vilniaus Universitetas, 2013, No. 87 [tomashhttp://www.zurnalai.vu.lt/teise/article/view/1246](http://www.zurnalai.vu.lt/teise/article/view/1246) (in Russ.).
7. Borisova E. A. Optimizacija ustrojstva sudebnyh instancij v svete reorganizacii sudebnoj sistemy RF (Optimization devices courts in the light of the reorganization of the judicial system of the Russian Federation), Zakon, 2014, No.3, P.107. (in Russ.).
8. Musin V. Pri razrabotke edinogo Kodeksa grazhdanskogo sudoproizvodstva ja by za osnovu vzjal APK (In developing the Code of Civil Procedure a single I would take as a basis the APK), http://zakon.ru/Discussions/pri_razrabotke_edinogo_kodeksa_grazhdanskogo_sudoproizvodstva_za_by_za_osnovu_vz (in Russ.).

9. Nosenko L. I., Levina L. K. Nekotorye razmyshleniya ob unifikacii processual'nogo zakonodatel'stva (Some Thoughts on the harmonization of procedural law), Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, No. 3 (178), pp.126–129 (in Russ.).
10. Bonner A. T., Gromoshina N. A., Dokuchaeva T. V. Civilisticheskij process sovremennoj Rossii. Problemy i perspektivy. Monografija. (Civil process of modern Russia. Problems and prospects. Monograph), 2017, 208 p. (in Russ.).
11. Chekmareva A. V. Unifikacija grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva i ee predely v uslovijah globalizacii (Harmonization of civil procedural law and its limits in the context of globalization), Sovremennoe parvo, 2011, No.10, pp. 110–112 (in Russ.).
12. Federal'nyj zakon ot 25.06.2012 N 86-FZ (red. ot 02.03.2016) «O vnesenii izmenenij v Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v svjazi s sovershenstvovaniem uproshhennogo proizvodstva» (On Amendments to the Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation in connection with the improvement of the simplified production), Sobranie zakonodatel'stva RF, 25.06.2012, No. 26, St. 3439. (in Russ.).
13. Federal'nyj zakon ot 02.03.2016 No. 45-FZ «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» (On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation), Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.03.2016, No. 10, St. 1319. (in Russ.).
14. Gromoshina N. A. O processual'noj forme i principah uproshhenija grazhdanskogo sudoproizvodstva (On the procedural form and simplify the principles of civil procedure), LEX RUSSICA (RUSSKIJ ZAKON), 2010, No.4, pp. 767–780. (in Russ.).
15. Gromoshina N. A. Uproshhenie civilisticheskogo processa kak projavlenie tendencii ego unifikacii (Simplifying the process of the civil law as a manifestation of the tendency of its unification), Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 201, No. 9, pp. 3–6. (in Russ.).
16. Postovalova E. V. Unifikacija uproshhennyh form grazhdanskogo sudoproizvodstva (Unification of simplified forms of civil proceedings), Gumanitarnye i social'nye nauki, 2015, No. 6, pp. 207–212. (in Russ.).
17. Djachuk E. V. K voprosu ob unifikacii processual'nyh norm na primere uproshhennyh form arbitrazhnogo i grazhdanskogo sudoproizvodstva (On the question of unification of procedural rules on the example of the simplified forms of arbitration and civil proceedings), Arbitrazhnyj i grazhdanskij process, 2014, No. 3, pp. 27–32. (in Russ.).
18. Jarkov V.V. Razvitie civilisticheskogo processa v Rossii: ot del'nye voprosy (Development of the civil law process in Russia: selected issues), Vestnik grazhdanskogo processa, 2011, No. 1, pp. 17–35. (in Russ.).
19. Alehina S. A. O nemotivirovannom reshenii v grazhdanskom sudoproizvodstve (About unmotivated decision in civil proceedings), Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika, 2016, No. 4 (in Russ.).
20. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19 dekabrja 2003 g. No. 23 «O sudebnom reshenii» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2003 No. 23 “On the judgment»), <http://ppvs.rf/2003/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N23-ot-19.12.2003.html> (in Russ.).
21. Bochkarev A. V. Ocenka vlijanija perehoda k uproshhennomu sudoproizvodstvu na realizaciju processual'nyh principov prava (voprosy teorii) (Assessing the impact of the transition to summary judgment on the implementation of the principles of procedural law (questions of the theory)), Probely v rossijskoj zakonodatel'stve, 2012, No. 6, pp. 178–180. (in Russ.).

Information about the author

Koshcheeva Elena Sergeevna, Candidate of Juridical Sciences, associate Professor, associate Professor chair of civil law and process of the Vyatka state University,
 Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vyatka State University»,
 Institute of law, chair of civil law and process;
 Address: 610000, Russia, Kirov region, Kirov, Moskovskaya str., 36, tel.: 8 (8332) 64-79-13
 E-mail: koscheeva@yandex.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0272-7759>

Е. С. Кошчева¹¹ Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

УПРОЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

Цель: провести анализ отдельных практических проблем упрощенного производства как порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел в двух основных аспектах: с позиции процесса унификации процессуального законодательства и в контексте изменений 01 июня 2016 года.

Метод: автором использован метод анализа, сравнения, обобщения, а также метод аналогии.

Результаты: на основе направления унификации процессуального законодательства введение упрощенного производства в гражданский процесс определено как часть указанного явления; определены основные особенности параллельно существующих порядков рассмотрения «малых исков» в гражданском и арбитражном процессах; выявлены проблемы практического характера, связанные с внесением изменений в порядок упрощенного производства 01 июня 2016 года; выработаны предложения по разрешению спорных практических ситуаций правоприменения.

Научная новизна: в статье впервые на основе представленных методов исследовано упрощенное производство в динамическом его изменении при сравнительном анализе гражданского и арбитражного процессов.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и практической деятельности при рассмотрении вопросов применения упрощенного производства при рассмотрении и разрешении гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Ключевые слова: унификация, упрощенное производство, гражданский процесс, арбитражный процесс, немотивированное решение.

ВВЕДЕНИЕ

Статья 118 Конституции РФ [1] судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В настоящее время правовое регулирование гражданского судопроизводства находит свое отражение в двух процессуальных кодексах Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее по тексту — ГПК РФ) [2] и Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее по тексту АПК РФ) [3]. Не смотря на широкое обсуждение судебной реформы в свете унификации процессуального законодательства, тем не менее еще раз остановимся на вопросе единства гражданского судопроизводства в его отдельных проявлениях.

Такое положение, однако, требует особого внимания к соблюдению конституционных правил ст. 47 о рассмотрении каждого дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом, и ст. 19 о равенстве перед законом и судом. При установлении подсудности дел и процедур их рассмотрения зако-

нодатель должен соблюдать конституционный запрет дискриминации по любым основаниям и учитывать, что одинаковые материальные права должны обеспечиваться равными по своим процессуальным параметрам возможностями судебной защиты. По действующим ГПК и АПК, например, собственник, защищая свое право собственности на основе ст. 35 Конституции и ГК, пользуется разными процессуальными возможностями в судах общей и арбитражной юрисдикции [4].

Согласимся с мнением Н. А. Громошиной, что «цивилистический процесс един по своей сути, сколькими бы кодексами он ни был по воле законодателя представлен» [5]. По мнению Т. В. Сахновой парадигма процесса не требует унификации [6]. В теории процессуального права этот вопрос является обсуждаемым. По мнению Е. А. Борисовой, процессуальное законодательство должно быть единым и существовать в виде ГПК, содержащего среди прочего специальные правила рассмотрения экономических споров [7]. Действительно, как полагает В. А. Мусин

«иногда получается так, что одни и те же правовые нормы они (*арбитражные суды и суды общей юрисдикции — прим.автора*) толкуют по-разному. А поскольку нормы одни и те же, то важно, чтобы они интерпретировались одинаково» [8].

Помимо достижения законодателем основных целей унификации, некоторые процессуалисты предлагают смотреть на последствия и с позиции системы права. В результате проводимой в настоящее время законодательной реформы, вполне может появиться новая отрасль процессуального права — судебное право [9]. Или проводят анализ упрощения в контексте глобализации [10]. Однако безусловно при оценке любых изменений необходимо учитывать исторический опыт [11].

В рамках реформы процессуального законодательства, проводимой в настоящее время с целью унификации порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами, законодателем приняты нормативные акты о внедрении упрощенного производства в гражданский процесс и изменении норм, регулирующих аналогичное производство в арбитражном процессе с 01 июня 2016 года [12; 13].

Следует отметить, что в науке нет единства мнения в отношении идеи упрощения как направления реформирования законодательства именно с позиции его унификации. Профессором Н. А. Громошиной еще в 2010 году поддерживается идея, что «одним из направлений дифференциации цивилистического процесса является его упрощение, которое вполне оформилось как определенная тенденция и для современного российского судопроизводства» [14]. Однако уже в 2016 году рассматривает упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации [15].

В арбитражном процессе институт упрощенного производства был введен в связи с принятием Арбитражного процессуального кодекса РФ с 01 сентября 2002 года. Глава 29 «Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства» содержала нормы, направленные на оптимизацию судебной нагрузки, сокращение сроков рассмотрения отдельных категорий дел, а также, что немаловажно, на минимизацию судебных издержек лиц, участвующих в деле, в том числе за счет отсутствия необходимости лично присутствовать в судебных заседаниях и наличия возможности ознакомления с документами посредством удаленно-

го доступа. Необходимость такой формы правосудия возникла в основном по причине наличия значительной части исков (заявлений), по которым какие-либо возражения ответчиков (должников) отсутствовали.

В Гражданский процессуальный кодекс РФ институт упрощенного производства введен с 01 июня 2016 года Федеральным законом от 02.03.2016 № 45-ФЗ. Вместе с тем, не смотря на задачу унификации процесса, упрощенное производство, вводимое в гражданский процесс судов общей юрисдикции имеет свои особенности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Например, объективную обусловленность носят различия круга дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства. Категории дел установлены ст. 232.2 ГПК РФ и 227 АПК РФ. Общий подход законодателя в отнесении к упрощенному производству категорий дел о взыскании денежных средств при относительно невысокой цене иска. Вместе с тем, имеются отдельные особенности: отличаются максимальные суммы взыскания денежных средств в таком порядке; в АПК РФ отсутствует категория дел о признании права собственности.

Более того, перечень дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства в АПК РФ значительно шире, поскольку включает в себя категории дел, выведенные из порядка, устанавливаемого ГПК РФ для судов общей юрисдикции, в рамки Кодекса административного судопроизводства, либо регулируемые процессуальными нормами Кодекса об административных правонарушениях. Речь идет о таких категориях дел, рассматриваемых по правилам АПК РФ, как дела: об оспаривании ненормативных правовых актов, решений органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц о привлечении к административной ответственности, если за совершение административного правонарушения назначено административное наказание только в виде административного штрафа; о взыскании обязательных платежей и санкций. Порядок процессуальных действий в рамках стадий упрощенного производства в АПК РФ и ГПК РФ в целом унифицированы, отличаются лишь сроки рассмотрения дела (1 месяц — ГПК РФ, два месяца — АПК РФ).

Введение же указанного института порождает ряд определенных вопросов, которые до настоящего момента в судебной практике не возникали. В частности, основной проблемой упрощенного производства

судами общей юрисдикции является нежелание использовать этот порядок, поскольку ГПК РФ исключает возможность отмены судебного решения судом первой инстанции, в отличие от существования такого порядка в рамках заочного и приказного производств. Указанное обстоятельство влияет на качество работы судьи вне зависимости от основания отмены решения суда, вынесенного в порядке упрощенного производства, судом апелляционной инстанции.

В литературе также встречаются скептические высказывания относительно тенденции упрощения судопроизводства в целом [16]. Однако большинство позиций сводится к положительной оценке упрощения как тенденции унификации [17; 18].

Вместе с тем, обсуждение проблем применения нового института судами общей юрисдикции немного преждевременно, поскольку нормы, регулирующие рассматриваемый порядок введены в гражданский процесс лишь 01 июня 2016 года и являются новыми, тогда как для арбитражного процесса изменения, внесенные ФЗ № 45 от 02.03.2016 г. представляют возможность сформулировать ряд вопросов, а также высказать определенную правовую позицию в отношении возможных вариантов их разрешения.

В соответствии с ч. 1 ст. 229 АПК РФ решение арбитражного суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается немедленно после разбирательства дела путем подписания судьей резолютивной части решения и приобщается к делу. Возможность принятия решения без составления мотивировочной части подвергается критике ряда авторов [19].

По заявлению лица, участвующего в деле, по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, арбитражный суд составляет мотивированное решение.

Заявление о составлении мотивированного решения арбитражного суда может быть подано в течение пяти дней со дня размещения решения, принятого в порядке упрощенного производства, на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В этом случае арбитражным судом решение принимается по правилам, установленным главой 20 настоящего Кодекса, если иное не вытекает из особенностей, установленных настоящей главой.

Мотивированное решение арбитражного суда изготавливается в течение пяти дней со дня поступле-

ния от лица, участвующего в деле, соответствующего заявления (ч. 2 ст. 229 АПК РФ).

Срок для составления мотивированного решения, установленный новыми положениями, не является сокращенным по сравнению с общим сроком для составления мотивированного решения в порядке, определенном ч. 2 ст. 176 АПК РФ.

В судебном заседании, в котором закончено рассмотрение дела по существу, может быть объявлена только резолютивная часть принятого решения. В этом случае арбитражный суд объявляет, когда будет изготовлено решение в полном объеме, и разъясняет порядок доведения его до сведения лиц, участвующих в деле.

Изготовление решения в полном объеме может быть отложено на срок, не превышающий пяти дней.

Таким образом, установленный ч. 1 ст. 229 АПК РФ срок для изготовления мотивированного решения отвечает принципу разумности процессуальных сроков.

В соответствии с ч. 2 ст. 176 АПК РФ дата изготовления решения в полном объеме считается датой принятия решения. Положения ч. 3 ст. 229 определяют, что решение по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий десяти дней со дня его принятия. Таким образом, с момента изготовления решения в окончательной форме начинается исчисление 10-дневного срока на подачу апелляционной жалобы на решение, вынесенное по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства.

В данном случае, полагаем, целесообразно исходить из общих положений относительно судебного решения, выраженных в одноименном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 [20] и разрешить спорную ситуацию следующим образом: если арбитражным судом мотивированное решение по делу упрощенного производства вынесено с нарушением 5-дневного срока, в этом случае срок для подачи апелляционной жалобы должен исчисляться с даты изготовления решения в окончательной форме.

Также возможным представляется обсудить вопрос порядка изготовления мотивированного решения суда по делам упрощенного производства в случаях, если:

– заявление об изготовлении мотивированного решения подано по истечении 5-дневного срока, установленного в ч. 2 ст. 229 АПК РФ.

Установленный ч. 2 ст. 229 АПК РФ 5-дневный срок, для подачи заявления лицом, участвующим в деле заявления для составления мотивированного решения суда по делу упрощенного производства относится к числу процессуальных сроков, установленных законом.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 117 АПК РФ процессуальный срок подлежит восстановлению по ходатайству лица, участвующего в деле, если иное не предусмотрено АПК РФ. Арбитражный суд восстанавливает пропущенный процессуальный срок, если признает причины пропуска уважительными и если не истекли предусмотренные статьями 259, 276, 291.2, 308.1 и 312 АПК РФ предельные допустимые сроки для восстановления.

Таким образом, при подаче лицом, участвующим в деле, заявления об изготовлении мотивированного решения по делам упрощенного производства за пределами срока, установленного ч. 2 ст. 229 АПК РФ, к нему должно быть приложено заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока.

— подана апелляционная жалоба (в отсутствие такого заявления) в пределах срока на его апелляционное обжалование.

Основными задачами гражданского судопроизводства, сформулированными в ст. 2 АПК РФ, являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере; обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 АПК РФ принимаемые арбитражным судом решения, постановления, опре-

деления должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

На стадии апелляционного пересмотра судебных постановлений, являющейся составной частью гражданского судопроизводства, суд апелляционной инстанции, реализуя положения ст. 2 АПК РФ, выполняет указанные задачи посредством осуществления проверки законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений арбитражного суда первой инстанции.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (п. 2). Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3). Поскольку обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства, законы, которыми руководствовался суд, указываются именно в мотивировочной части судебного решения (ч. 4 ст. 170 АПК РФ), суд апелляционной инстанции имеет возможность в полной мере проверить законность и обоснованность решения суда первой инстанции и установить отсутствие предусмотренных процессуальным законом оснований для его отмены или изменения только при наличии мотивированного решения по делу. В противном случае цели и задачи апелляционной стадии гражданского судопроизводства не будут достигнуты, что повлечет за собой нарушение прав лиц, обратившихся с апелляционной жалобой, представлением, на судебную защиту.

В случае, если лица, участвующие в деле, не обращались в арбитражный суд в порядке, установленном ч. 2 ст. 229 АПК РФ, с заявлением о составлении мотивированного судебного решения, однако впоследствии

на это решение ими была подана апелляционная жалоба, судья в таком случае должен составить мотивированное решение по собственной инициативе в срок, предусмотренный ст. 229 АПК РФ.

— если подана апелляционная жалоба (в отсутствие такого заявления) за пределами срока на его апелляционное обжалование.

Положения ч. 4 ст. 229 АПК РФ устанавливают два способа исчисления срока на подачу апелляционной жалобы на решение арбитражного суда по делам упрощенного производства:

1) решение арбитражного суда первой инстанции по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня его принятия;

2) а в случае составления мотивированного решения арбитражного суда — со дня принятия решения в полном объеме.

Статья 259 АПК РФ определяет, что срок подачи апелляционной жалобы, пропущенный по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с такой жалобой, в том числе в связи с отсутствием у него сведений об обжалуемом судебном акте, по ходатайству указанного лица может быть восстановлен арбитражным судом апелляционной инстанции при условии, что

ходатайство подано не позднее чем через шесть месяцев со дня принятия решения или, если ходатайство подано лицом, указанным в ст. 42 АПК РФ, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов обжалуемым судебным актом.

Ходатайство о восстановлении срока подачи апелляционной жалобы рассматривается арбитражным судом апелляционной инстанции в порядке, предусмотренном ст. 117 АПК РФ.

Таким образом, если подана апелляционная жалоба (в отсутствие заявления о составлении мотивированного решения) за пределами срока на его апелляционное обжалование, к ней должно быть приложено заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока.

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить, что, несмотря на позитивные стороны упрощенного производства, его существующее законодательное закрепление имеет ряд пробелов и недоработок, которые на практике порождают ряд неясностей. Вместе с тем, следует отметить эффективность указанного порядка рассмотрения гражданских дел, а исследование правового регулирования приказного производства в рамках гражданского и арбитражного процесса представляется крайне актуальным в настоящее время.

Список литературы:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993)//Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]/под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. – Москва. 2010.
5. Громшина Н. А. Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации//Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 3–6.
6. Сахнова Т. В. О современной парадигме гражданского процесса//Teise. Vilniaus Universitetas. 2013. № 87.
7. [tomashhttp://www.zurnalai.vu.lt/teise/article/view/1246](http://www.zurnalai.vu.lt/teise/article/view/1246)
8. Борисова Е. А. Оптимизация устройства судебных инстанций в свете реорганизации судебной системы РФ//Закон. 2014 г. № 3. С. 107.
9. Мусин В. При разработке единого Кодекса гражданского судопроизводства я бы за основу взял АПК//http://zakon.ru/Discussions/pri_razrabotke_edinogo_kodeksa_grazhdanskogo_sudoproizvodstva_ya_by_za_osnovu_vz.
10. Носенко Л. И., Левина Л. К. Некоторые размышления об унификации процессуального законодательства //Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 126–129.

11. Боннер А. Т., Громошина Н. А., Докучаева Т. В. Цивилистический процесс современной России. Проблемы и перспективы. Монография. – М. 2017. 208 с.
12. Чекмарева А. В. Унификация гражданского процессуального законодательства и ее пределы в условиях глобализации // Современное право. 2011. № 10. С. 110–112.
13. Федеральный закон от 25.06.2012 N 86-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» // Собрание законодательства РФ. 25.06.2012. № 26. Ст. 3439.
14. Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 07.03.2016. № 10. Ст. 1319.
15. Громошина Н. А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2010. № 4. С. 767–780.
16. Громошина Н. А. Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 3–6.
17. Постовалова Е. В. Унификация упрощенных форм гражданского судопроизводства // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 207–212.
18. Дячук Е. В. К вопросу об унификации процессуальных норм на примере упрощенных форм арбитражного и гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3. С. 27–32.
19. Ярков В. В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 17–35.
20. Алехина С. А. О немотивированном решении в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4.
21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // <http://ппвс.пф/2003/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N23-ot-19.12.2003.html>
22. Бочкарев А. В. Оценка влияния перехода к упрощенному судопроизводству на реализацию процессуальных принципов права (вопросы теории) // Пробелы в российской законодательстве. 2012. № 6. С. 178–180.

Сведения об авторе

Кощеева Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», юридический институт, кафедра гражданского права и процесса;
Адрес: 610000, РФ, Кировская область, г. Киров, ул. Московская, д.36, тел.: 8 (8332) 64–79–13
E-mail: koscheeva@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0272-7759>

N. S. Migda¹**A. R. Petrova**¹

¹ *Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia*

LEGAL SUPPORT FOR IMPLEMENTATION OF THE MARITIME CARGO TRANSPORTATION

Abstract

Objective: to analyze implementation of cargo transportation via sea vessels, in particular to analyze security threats to cargo, vessel and crew during transportation.

Methods: in the study we used common methods, such as deduction, analysis and synthesis, as well as specific scientific legal methods, such as comparison and formal legal methods.

Results: after analyzing the existing international and national legislation in the field of cargo transportation via sea vessels, in particular laying emphasis on provision of security during implementation of cargo transportation, it was concluded, that the current legislation does not fully ensure stability and safety of the cargo, vessel, crew, as well as environment.

Scientific novelty: in this article we presented a comprehensive analysis of the issue concerning provision of security during implementation of cargo transportation, and revealed special features during transportation via sea vessels.

Practical relevance: main propositions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogic activities in the consideration of issues concerning provision of security during cargo transportation via sea vessels.

Keywords: cargo transportation, sea vessels, provision of security, charter, terms of transportation, special features of maritime transportation.

References:

1. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, N 2, aprel-iyun 2016 g., s. 171–185.
2. Grazhdansky kodeks Rossyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 07.02.2017) // "Sobraniye zakonodatelstva RF", 05.12.1994, N 32, st. 3301.
3. Postanovleniye Pravitelstva RF ot 17.10.2009 N 832 O realizatsii polozheny Mezhdunarodnoy konventsii po okhrane chelovecheskoy zhizni na more 1974 goda i Mezhdunarodnoy konventsii o podgotovke i diplomirovani moryakov i neseni vakhty 1978 goda // "Sobraniye zakonodatelstva RF", 26.10.2009, N 43, st. 5081.
4. Alekseyev S. S. Grazhdanskoye pravo: uchebnik // Moskva: Prospekt, 2015.
5. Kodeks torgovogo moreplavaniya Rossyskoy Federatsii ot 30.04.1999 N 81-FZ (red. ot 03.07.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2017) // "Rossyskaya gazeta", N 85–86, 01–05.05.1999.
6. Mezhdunarodnaya konventsiya po poisku i spasaniyu na more 1979 goda // [Elektronnyy resurs] URL: <http://docs.cntd.ru/document/901824783> (data obnovleniya: 30.11.2016).
7. Golubkina K. V. Problemy v sfere realizatsii transportnoy bezopasnosti // Vestnik mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsy. 2015. № 9 (13). S. 53–62.
8. Golovina A. A. Problemnye voprosy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya borby s aktami morskogo piratstva // Aspirant i soiskatel. 2015. № 3 (87). S. 49–51.
9. Erpyleva N. Yu. Aktualnye problemy teorii i praktiki mezhdunarodnogo transportnogo prava // Advokat. 2003. N 2. S. 33.
10. Ivanov G. G. Morskiye perevozchiki v ozhidanii novykh pravil, vozmozhno, Rotterdamskikh pravil // Transportnoye pravo. 2008. N 4. S. 5–9.

Information about the authors

Migda Natalya Sergeevna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Public Law Department
Federal State Budgetary General Educational Institution of Higher Education
“State Maritime University named after Admiral F. F. Ushakov”
353918, Novorossiysk City, Lenin avenue, 93, Tel. 8 (8617) 71-75-25
E-mail: Natashachebanova90@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6370-7415>

Petrova Anna Ruslanovna, student of the 2 Year in major “Jurisprudence”
Federal State Budgetary General Educational Institution of Higher Education
“State Maritime University named after Admiral F. F. Ushakov”
353918, Novorossiysk City, Lenin avenue, 93, Tel. 8 (8617) 71-75-25
E-mail: anyapetrova83@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1834-0287>

Н.С. Мигда¹

А.Р. Петрова¹

¹ Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное учреждение высшего образования
Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОРСКИХ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК

Аннотация

Цель: провести анализ осуществления грузоперевозок морским транспортом, в частности, анализ угроз безопасности грузу, судну и экипажу во время перевозки.

Методы: в работе использовались как общие методы, например, дедукции, анализа и синтеза, так и частнонаучные юридические методы, например, сравнения и формально-юридический методы.

Результаты: проведя анализ действующего международного и национального законодательства в области грузоперевозок морским транспортом, в частности, делая акцент на обеспечение безопасности при осуществлении грузовых перевозок, был сделан вывод, что современное законодательство не в полном объеме обеспечивает стабильность и безопасность перевозимого груза, судна, экипажа, а также окружающей среды.

Научная новизна: в статье приведен комплексный анализ вопроса обеспечения безопасности при осуществлении грузоперевозок, выявлены особенности при перевозке морским транспортом.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов обеспечения безопасности при грузоперевозке морским транспортом.

Ключевые слова: грузоперевозки, морской транспорт, обеспечение безопасности, чартер, условия перевозки, особенности морской перевозки.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день перевозка грузов по морю приобретает все большую востребованность. Действительно, ведь морской транспорт не имеет альтернатив, конкуренцию ему может составить только воздушное передвижение, если говорить о нацио-

нальной специфике Российской Федерации, то это железнодорожный транспорт, и набирающий популярность трубопроводный способ перевозки грузов. Одними из ключевых факторов, влияющими на рост спроса перевозки грузов морем являются следующие:

1. перевозить с помощью морской транспортировки можно любой груз, ведь существует огромное разнообразие видов морского транспорта: сухогрузы приспособлены для перевозки различных сухих грузов, например, зерно, лес, уголь; ролкеры осуществляют доставку груза на колесах — автомобили, вагоны, транспорт; контейнеровозы перевозят груз в специальных контейнерах, чаще всего таким образом доставляется единичный груз, например, косметика, телевизоры, одежда и т. д.; **рефрижераторы** — специализированные суда для перевозки скоропортящихся грузов — рыбных, мясных продуктов и фруктов; танкеры предназначены для перевозки наливных грузов, чаще всего нефти; химовозы наливные суда для перевозки жидких и расплавленных химических веществ, опасных для людей и окружающей среды;

2. морские суда могут перевозить огромное количество товаров за один рейс, то есть обладает огромной грузоместительностью;

3. низкая стоимость перевозки, так как морским судам нужно гораздо меньше топлива и энергии для движения по морю;

4. высокая безопасность груза при перевозке морским транспортом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя все перечисленные преимущества, особенное внимание хочется уделить последнему пункту. Как осуществляется безопасная перевозка груза, как контролируется, какими нормативно-правовыми актами регулируется, какие факторы могут помешать качественно перевести груз, все эти вопросы составляют основу для осуществления транспортировки груза по морю и неотъемлемым с юридической стороны, ведь в этом заинтересован не только грузополучатель, но и грузоотправитель.

На сегодняшний день доставка всех грузов осуществляется по всему миру, следовательно, регулируется не только российским законодательством, но и международным правом, основу которой составляет 4 конвенции [1].

Нормативно-правовые акты, регулирующие перевозку груза по морю следующие: в международном праве — это Гагские правила, Гамбургские правила, Роттердамские правила, а также различные международные конвенции; в национальном законодательстве — это Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс торгового мореплавания.

Все вышеперечисленные нормативно-правовые акты регулируют осуществление доставки, перевозки, безопасности судоходства и регулирования движения судов, а так же права, обязанности и требования к экипажу судна, осуществление портового контроля, порядок заключения, исполнения и расторжения договоров [2], порядок действия при аварии, защиту морского дна от загрязнения, защиту моря от выбросов бензина и нефти, защита морской среды в целом, сохранения живых ресурсов моря;

предотвращения нарушения рыболовных законов и правил прибрежного государства сохранения окружающей среды; морских научных исследований и гидрографических съемок;

предотвращения нарушения таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил прибрежного государства. За соблюдением требований, которые определены данным законодательством осуществляет контроль Министерство транспорта Российской Федерации [3].

Существует договора, без которых груз не сможет даже выйти из порта, это коносамент и чартер [4].

В коносамент должны быть включаются множество пунктов об осуществлении транспортировки груза, в том числе и безопасность, что касается её, то в первую очередь это наименование груза, необходимые для идентификации груза основные марки, указание в соответствующих случаях на опасный характер или особые свойства груза, число мест или предметов и масса груза или обозначенное иным образом его количество, при этом все данные указываются так, как они представлены отправителем, а также внешнее состояние груза и его упаковки [5]. Это обеспечивает не только безопасность экипажа, но и безопасность доставки сохранного груза получателю.

Так же существует внутренние положения и требования к самим работникам морского транспорта. Первым главным требованием является диплом моряка и квалификация. В командный состав судна допускаются лица, имеющие дипломы и квалификационные свидетельства, и прошедшие профессиональный отбор и профессиональную подготовку в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти. Вторым важным требованием к работникам морского транспорта является особое внимание к прохождению медицинской комиссии. Ни одно лицо не может быть принято на судно, если оно не имеет удостоверения, которое подтвержда-

ет его профессиональную пригодность, отсутствие опасных заболеваний и возможность работать в море.

Не квалифицированные действия любого члена экипажа, может привести к крупной аварии, которая может вызвать большие потери не только среди персонала, но и нанести ущерб грузу и самому судну. Так же большинство крупных аварий и катастроф на судах происходит под воздействием ураганов, штормов, туманов, льдов, из-за промахов и ошибок при проектировании и строительстве судов.

Устранением аварии и её последствий занимаются специальные службы, к которым относятся: аварийно-спасательные, поисково-спасательные, поисковые и спасательные службы, формирования, команды и подразделения, специально подготовленные и аттестованные в установленном порядке.

С целью устранения аварии, поиска и спасения людей, была создана Международная конвенция по поиску и спасанию 1979 года (Конвенция САР-79) [6]. Для этого весь мировой океан покрывается сетью поисково-спасательных районов, в которых государства берут ответственность за организацию надлежащего поиска и спасания терпящих бедствие на море людей независимо от их статуса и национальной принадлежности. Границы морских поисково-спасательных районов определяются путем заключения двухсторонних и многосторонних соглашений сопредельных государств.

Чтобы избежать чрезвычайных ситуаций и снизить вероятность их появления, необходимо выполнять все положения и правила поведения на борту судна, используя внутренние инструкции, имеющиеся на борту каждого судна.

Другая мера по обеспечению безопасности судна, груза, фрахта, а также платы за проезд пассажира, платы за пользование судном, ожидаемой от груза прибыли и другие обеспечиваемые судном, грузом и фрахтом требования, заработной платы и иных причитающихся капитану судна и другим членам экипажа судна суммы, в том числе расходы на репатриацию, ответственность судовладельца и принятый на себя страховщиком риск (перестрахование) является страхование.

Еще один важный вопрос, который надо затронуть в данной статье, связан с современным пират-

ством [7]. Как по теории защищать судно и экипаж от нападения должна страна, под флагом которой ходит борт. Но существует ряд юридических проблем, решение которых крайне затруднено [8].

Как уже было отмечено выше, суда, как правило, ходят под «удобными» флагами (Панамы, Либерии, Монголии, Камбоджи и т. д.), их команды почти всегда состоят из представителей нескольких стран. В итоге очень часто бывает неясно, кто именно должен защищать каждое конкретное судно. Страна, чьей судно формально принадлежит, в реальности не имеет к нему никакого отношения, кроме того, не располагает силами и средствами для освобождения судов. Поэтому захват судна пиратами становится, как правило, проблемой только и исключительно компании-судовладельца, которая нередко не имеет ни средств, ни желания спасти судно и моряков (причём моряки, как уже было сказано, могут не иметь никакого отношения ни к стране, флаг которой развеивается над судном, ни к стране, где «прописана» компания-судовладелец). Выплата выкупа оказывается очень часто единственным возможным вариантом. И единственным средством защиты, и обеспечением безопасности может являться принятие антипиратских мер, следовательно, судно должно быть защищено как внутренне, так и внешне, борта должны быть обмотаны колючей проволокой, члены экипажа должны быть снаряжены защитным оборудованием, должен быть проведен инструктаж, компания-владелец должна представить военное сопровождение.

ВЫВОДЫ:

Морские перевозки в настоящее время являются одним из основных способов передвижения и доставки всех типов груза, также является главным торговым помощником и основой развития экономических связей и отношений, благодаря ему осуществляется рост товарооборота, все это важно как для внутреннего благосостояния страны, так и для получения взаимовыгоды с зарубежными партнёрами. А следовательно, одним из главных пунктов для эксплуатации такого рода транспорта является необходимость в обеспечении полной безопасности как и в отношении работников, окружающей среды, так и для сохранности загрузки, перевозки, разгрузки и доставки.

Список литературы:

1. Журнал «Право. Журнал Высшей школы экономики», N 2, апрель-июнь 2016 г. С. 171–185.

2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Постановление Правительства РФ от 17.10.2009 N 832 «О реализации положений Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года и Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года» // «Собрание законодательства РФ», 26.10.2009, N 43, ст. 5081.
4. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник // Москва: Проспект, 2015.
5. «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // «Российская газета», N 85–86, 01–05.05.1999.
6. Международная конвенция по поиску и спасанию на море 1979 года // [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/901824783> (дата обновления: 30.11.2016).
7. Голубкина К. В. Проблемы в сфере реализации транспортной безопасности // Вестник международных научных конференций. 2015. № 9 (13). С. 53–62.
8. Головина А. А. Проблемные вопросы международно-правового регулирования борьбы с актами морского пиратства // Аспирант и соискатель. 2015. № 3 (87). С. 49–51.
9. Ерпылева Н. Ю. Актуальные проблемы теории и практики международного транспортного права // Адвокат. 2003. N 2. С. 33.
10. Иванов Г. Г. Морские перевозчики в ожидании новых правил, возможно, Роттердамских правил // Транспортное право. 2008. N 4. С. 5–9.

Информация об авторах

Мигда Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры Публичное право
Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное учреждение высшего образования
Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова
353918, г. Новороссийск, пр-т Ленина, 93, тел. 8 (8617) 71–75–25
E-mail: Natashachebanova90@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6370-7415>

Петрова Анна Руслановна, студент 2 курса направления подготовки «Юриспруденция»
Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное учреждение высшего образования
Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова
353918, г. Новороссийск, пр-т Ленина, 93, тел. 8 (8617) 71–75–25
E-mail: anypetrova83@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1834-0287>

Contents

History and archaeology	3
O.V. Makhmudov SOME REASONS ABOUT EMPLOYEES OF THE TRANSLATOR DOMINGO GUNDISALVO IN TOLEDO SCHOOL	3
Linguistics	8
M. Janku THE TEACHER, AS A CULTURAL MEDIATOR BETWEEN TWO LANGUAGES.....	8
A. B. Yunatska LATINA INTERCULTURAL IDENTITY TRANSITION: SOCIOLINGUISTIC AND GENDER PERSPECTIVES.....	14
Pedagogy	20
V. A. Babalich EXPERIENCE OF THE NETHERLANDS TOWARDS THE INFLUENCE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS ON THE SOCIAL COMPETENCE OF YOUNG PEOPLE.....	20
O. V. Varetska THE OPERATIONAL COMPONENT OF PRIMARY SCHOOL TEACHER'S SOCIAL COMPETENCE: CRITERIA, INDICATORS AND DEVELOPMENT LEVELS IN THE SYSTEM OF POSTGRADUATE PEDAGOGICAL EDUCATION.....	28
S. P. Zapolskykh TRAINING TRANSLATORS AND INTERPRETERS (BACHELOR AND MASTER DEGREE PROGRAMS): CONTENT AND TEACHING METHODS OPTIMIZATION.....	36
S. G. Pyatkova FORMATION OF PROJECT PROFESSIONAL COMPETENCE WITH BACHELORS OF TOURISM	43
N. A. Sayko SYSTEM OF PROFESSIONAL PREPARATION OF SOCIAL WORKERS IN THE USA.....	50
O. B. Tarnopolsky DEVELOPING A CONSTRUCTIVIST TEXTBOOK OF ENGLISH FOR UNIVERSITY STUDENTS MAJORING IN TOURISM.....	56
T. A. Yashkova THE TRANSFORMATION OF THE BRITISH MODEL AFTER AN EXIT FROM THE EUROPEAN UNION.....	63
Philology	69
O. I. Vorobyova ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	69
V. B. Petrov THE TECHNIQUES OF SATIRICAL POETRY IN THE PIECE. ERDMAN «MANDATE»	75
Philosophy	82
V. E. Chernikova THE PROBLEM OF INTERACTION OF RELIGION AND MORALITY IN THE TRANSFORMING WORLD	82

N. S. Chernyakova	
ABOUT CONTENT OF THE NOTIONS ‘SOCIETY’, ‘CULTURE’ AND ‘CIVILIZATION’	92
Economics	98
O. B. Aleksandrova O. A. Tojsheva	
ASSESSMENT OF THE MULTIPLIER EFFECT OF BUSINESS ACTIVITIES	98
O. N. Baburina	
WORLD ECONOMIC ORDER: ALTERNATIVE TRANSFORMATION MODELS.....	107
R. I. Balashova	
THE ECONOMIC IMPACT OF THE NEW INDUSTRIALIZATION ON THE FINANCIAL SECURITY OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE	116
A. G. Butrin Z. S. Gelmanova A. A. Smailova	
METHOD OF FORMATION OF OPTIMAL CHAIN COSTS OF METALLURGICAL ENTERPRISE IN THE CONCEPT OF ADDED VALUE	122
O. G. Goncharenko	
PUBLIC GOVERNMENT PRODUCTION: CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM BASES.....	130
P. H. Ilchuk	
BENEFITS, DISADVANTAGES AND COSTS OF ENTERPRISES INTERNATIONALIZATION	137
R. S. Kvasnitskaya	
TYPOLOGY OF INSTITUTIONS OF THE FINANCIAL MARKET	145
J. Kovalchuk I. Stepnov	
THE COORDINATING EFFECT FROM THE FORMATION OF THE PROJECTS MANAGEMENT OFFICES TO MODERNIZATION OF THE INDUSTRY	155
A.V. Kozlov J. Käkelä	
INVESTIGATION OF RECRUITMENT AND SELECTION PHASE TESTING: CASE OF TECHNICAL UNIVERSITY GRADUATES	161
D. Yu. Kretov	
THE CYCLICALITY OF THE CREDIT MOVEMENT IN THE TRADITIONAL AND ISLAMIC MODEL OF THE BANKING SYSTEM.....	169
T. A. Vasilieva I. O. Makarenko	
CONVERGENCE OF EUROPEAN AND UKRAINIAN ACCOUNTING SYSTEM: CHALLENGES AND PROSPECTS.....	174
V. A. Podhalyuzina	
PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN TRANSPORT.....	182
Z. V. Smutchak O. Y. Sytnyk	
THE INFLUENCE OF MIGRATORY PROCESSES ON DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF UKRAINE	192
O. O. Solodka	
THE FUNCTIONAL MECHANISM OF FUTURES IN UKRAINE	201
N. O. Starkova	
ASSESSMENT OF POTENTIAL OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN OIL-AND-GAS SECTOR	210
N. N. Khakhonova	
CONCEPTUAL BASES OF REFORMING OF ACCOUNTING AND ANALYTICAL SUPPORT IN THE MANAGEMENT OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA	219

Science of law225

I. A. Horodetska
 ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL EXPORT FROM UKRAINE
 AND IMPORT ON ITS TERRITORY OF OBJECTS OF ANIMAL WORLD225

M. A. Kaluzhina
 INFORMATION SUPPORT OF PENAL SYSTEM OPERATIVELY — SEARCH ACTIVITIES231

E. A. Kirillova
 THE USE OF PERSONAL DATA FOR THE PURPOSE OF COMMITTING CRIMES236

E. S. Koshcheeva
 SIMPLIFIED PROCEEDING IN CIVIL AND ARBITRATION PROCESSES242

N. S. Migda A. R. Petrova
 LEGAL SUPPORT FOR IMPLEMENTATION OF THE MARITIME CARGO
 TRANSPORTATION250

